

Андрей Домановский

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНИЙ РИМ
ЭПОХА ВЕЛИКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

Annotation

Древний Рим – могучее античное государство, одно из самых развитых в свое время. Легендарные римские легионы покорили огромные территории, выйдя далеко за пределы Средиземноморья. А сама римская цивилизация опередила свою эпоху на сотни лет, оставив богатейшее наследие. Победоносный Рим и его великие правители, несокрушимый Колизей и кровавые гладиаторские бои, интриги сената и тонкости древней политики, завоевания, изменившие ход истории, бегство и гибель Ганнибала, морские сражения карфагенян и римлян, битвы за Сицилию – захватывающая история величественного Древнего Рима.

-
- [Андрей Домановский](#)
 -
 - [Часть 1. Пролог. Истоки двух миров](#)
 - [Глава 1. «Скиталец вечный с жадной душой»\[1\]: как возник финикийский Карфаген](#)
 - [Глава 2. «Я частью стал всего, что мне встречалось»: Рим в начале пути к владычеству над миром](#)
 - [Глава 3. «Законы строгие среди этих дикарей»: войско и флот Карфагена](#)
 - [Глава 4. «Ржавая в ножнах не блеснет при деле!»: военное дело Рима накануне Пунических войн](#)
 - [Глава 5. «Встреча каждая – лишь арка, сквозь нее просвечивает незнакомый путь»:](#)

от первых контактов Рима и Карфагена к войне

- Часть 2. Завязка. Первая Пуническая война
 -
 - Глава 6. «Кому оставлю скипетр и остров»? Битвы за Сицилию (264-260 гг. до н. э.).
 - Глава 7. «...многоголосые глубины стонут»: рождение римского военного флота и первые морские сражения (260-256 гг. до н. э.).
 - Глава 8. «Почти три лета хоронить себя»: фиаско вторжений римлян в Африку (256-253 гг. до н. э.).
 - Глава 9. «...на берегу и в море»: сицилийские морские и сухопутные сражения (252-248 гг. до н. э.).
 - Глава 10. «Он... завершить стремится работу, эту»: вспышка войны Гамилькара и мир (247-241 гг. до н. э.).
- Часть 3. Интермедия
 - Глава 11. «Как скучно было бы остановиться»: продолженная война Карфагена в Ливии (241-238 гг. до н. э.).
 - Глава 12. «...на закат и далее»! Экспансия Карфагена в Иберии (237-219 гг. до н. э.).
- Часть 4. Кульминация и развязка. Вторая Пуническая война
 - Глава 13. «Перешагнув пределы нашей мысли»: сухопутный поход Ганнибала в Италию (весна - осень 218 г. до н. э.).
 - Глава 14. «Бороться и искать»: сражения при Тицине и Требии (конец 218 г. до н. э.).
 - Глава 15. «Ему - своя работа, мне - моя»: Ганнибал против Гая Фламиния и Квинта Фабия Максима в 217 г. до н. э.

- [Глава 16. «Я выпил радость битвы среди друзей»: напрасная победа при Каннах \(216 г. до н. э.\).](#)
 - [Глава 17. Hannibal ante portas: враг у ворот Вечного города \(216-210 гг. до н. э.\).](#)
 - [Глава 18. От Капуи до Замы: сражения, решившие исход войны \(210-202 г. до н. э.\).](#)
 - [Вместо эпилога](#)
 - [Приложение](#)
 - [Рекомендованная литература](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

**Андрей Домановский
Всемирная история. Древний
Рим. Эпоха великих
завоеваний**

* * *

Часть 1. Пролог. Истоки двух миров

...да не покажется странным, если и в дальнейшем изложении мы будем в рассказе о знаменитейших государствах возвращаться ко временам предшествовавшим. Мы сделаем это для установления таких исходных пунктов, отправляясь от коих можно бы ясно понять, с чего начинали отдельные народы, когда и какими путями достигли они занимаемого ныне положения.

Полибий. Всеобщая история, I, 12, 7-8

Глава 1. «Скиталец вечный с жадною душой»^[1]: как возник финикийский Карфаген

*Хитрый, в обманах искусный ко мне
финикиец явился,
Плут и барышник, многим немало зла
причинивший.*

Гомер. Одиссея, XIV, 288–289

*Финикийцы, совершавшие издревле
частые торговые плавания, основали
много поселений в Ливии и немало также
в Европе – в их западных землях.*

*Диодор Сицилийский.
Историческая библиотека, V, 20, 1*

*В эти приплыли места, где теперь ты
могучие видишь*

*Стены, где ныне встает Карфагена
новая крепость.*

*Здесь купили клочок земли, сколько
можно одною*

*Шкурой быка охватить (потому и
название Бирса).*

Вергилий. Энеида, I, 365–368

Западное Средиземноморье – особая географическая область бассейна Средиземного моря, разделенного на две части выступом североафриканского побережья в районе современного

Туниса с юга и вытянутым и узким Апеннинским полуостровом с севера. Вместе с расположенным между ними островом Сицилия они образуют восточный рубеж региона, западным пределом которого является Пиренейский полуостров. К середине I тысячелетия до н. э. крупнейшей военно-политической силой Западного Средиземноморья стала сеть финикийских колоний, расположенных вдоль западной части побережья Северной Африки, на юге Испании, на острове Сардиния и в западной части Сицилии. Во главе этого государственного объединения стоял город Карфаген, расположенный на северо-востоке современного Туниса, в плодородной долине неподалеку от устья реки Баград (современная Меджерда), впадающей в глубоко вдающийся в сушу и удобный для обустройства гавани залив, ныне носящий название Тунисского. Истоки Карфагена восходят к последней четверти IX в. до н. э. Он был основан группой колонистов из финикийского Тира, расположенного в Ливане, на восточном побережье Средиземного моря. Точная дата основания нового города (финикийское название Карт-Хадашт так и переводится – Новый город) неизвестна, источники и исследователи чаще всего называют 825, 823 и 814 гг. до н. э. Не знаем мы и реальных событий, приведших к основанию Карфагена. Их заменяет красочная легенда о тирской царевне Элиссе, якобы стоявшей во главе основавших Карфаген колонистов.

Согласно преданию, наиболее подробно изложенному Марком Юнианом Юстином в его «Эпитоме сочинения Помпея Трога *“Historiae Philippicae”*» (Книга XVIII, 4-5), правитель Тира по имени Муттон завещал свое царство детям – сыну Пигмалиону (в финикийском произношении его имя, скорее всего, звучало как Пумайатон) и отличавшейся необыкновенной красотой дочери Элиссе (Элишта или Эришта, в греко-римской традиции получившая имя

Дидона). Жители Тира, однако, не уважили волю покойного царя и отдали предпочтение лишь его сыну, отстранив дочь от власти. Свергнутая царица нашла защиту у своего дяди Ахерба (Сикарбаса или Ашербаса), выйдя за него замуж. Теперь положение Элиссы казалось незыблемым, ведь Сикарбас был могущественным жрецом главного тирского бога Мелькарта, отождествляемого с древнегреческим Гераклом. Однако алчный Пигмалион не довольствовался единовластным правлением, но пожелал также завладеть всеми несметными храмовыми сокровищами. Сикарбас был убит в расчете на то, что лишившаяся мужа и заступника Элисса вынуждена будет склониться перед братом и передать ему все богатства. И действительно, вскоре царица сообщила о своем намерении прибыть к Пигмалиону во дворец вместе со всем золотом храма Мелькарта. Обрадованный царь Тира даже выслал ей в помощь своих слуг, которые должны были сопровождать Элиссу и, главное, доставить сокровища. Сестра, впрочем, перехитрила брата, ведь ее послание было лишь уловкой в тщательно продуманном плане.

Когда посланники Пигмалиона прибыли к Элиссе, она приказала погрузить на корабль под видом золота наполненные песком мешки. Выйдя в море, царица совершила показательное жертвоприношение, повелев выбросить за борт все храмовое золото, которое принесло столько горя ее мужу. Слуги Пигмалиона, выполнявшие распоряжение и не знавшие, что в мешках лишь песок, были повергнуты в ужас перспективой сурового наказания, которое неизбежно ждало их по возвращении к их повелителю. Узнав, что Элисса собирается отплыть за море, они согласились сопровождать ее, лишь бы не возвращаться к царю со столь неприятными для него известиями. Вскоре к кораблю царицы присоединилась флотилия ее

сторонников из тирских знатных родов и, везя с собой настоящие сокровища храма Мелькарта, беглецы направились в сторону Кипра. Здесь им удалось привлечь на свою сторону местного жреца Юпитера (по другим данным – Юноны) вместе с семьей, пообещав ему и его потомкам «на все будущие времена жреческое достоинство». Также спутники Элиссы выкрали около восьмидесяти занимавшихся священной проституцией девушек, чтобы «молодежь имела жен, а будущий город – юное поколение». Пигмалион, собиравшийся было выслать за сестрой погоню, не решился на это, поддавшись увещаниям прорицателей, предупреждавших, что царь «не останется безнаказанным, если помешает возникновению города, которому суждено стать счастливейшим городом в мире (*urbis toto orbe auspicatissimae*)».

Счастливо избежав преследования и опасностей плавания, Элисса со спутниками достигла побережья Африки, где они высадились на берег одного из заливов. Местные жители радушно встретили чужеземцев, обрадованные возможностью налаживания взаимовыгодной торговли, однако не были в восторге от намерения пришельцев осесть на африканской земле, основав здесь город. Тогда Элисса попросила продать ей лишь небольшой клочок земли, который можно было бы покрыть одной бычьей шкурой, «где бы ее спутники, утомленные долгим плаванием, могли восстановить силы, прежде чем отправиться дальше». Африканцы с радостью согласились на столь выгодное предложение, полагая, что основать постоянное поселение на столь малом участке будет невозможно, однако замысел Элиссы был не так прост. Царевна приказала разрезать шкуру на тончайшие ремешки и растянуть их так, чтобы охватить как можно большее пространство. Это позволило финикийцам завладеть площадью, вполне

достаточной для основания небольшого поселения, получившего название Бирса, что в переводе с древнегреческого и означает «бычья шкура». Возможно, впрочем, что это слово было греческим толкованием финикийского термина для обозначения скалы или крепости, что и породило впоследствии как вымышленное толкование происхождения названия, так и сам миф об изрезанной на полоски бычьей шкуре. Действительно, Бирса была цитаделью Карфагена, и ее название по сей день относится к холму Сен-Луи, на котором она была расположена.

Исторические процессы, стоящие за приведенным мифом, берут свое начало еще на рубеже XIII–XII вв. до н. э., когда вследствие военного давления соседних еврейских и арамейских народов ханаанеяне-финикийцы были вынуждены сконцентрироваться в приморских центрах побережья Ливана. Перенаселенные города Финикии и в особенности выделившийся среди прочих Тир были вынуждены выплескивать избыточное население вовне, что в течение нескольких столетий и в два этапа – со второй половины XII до середины VII вв. до н. э. – привело к основанию десятков крупных финикийских колоний в бассейне Средиземного моря. Второй важнейшей задачей деятельности финикийцев в Средиземноморье было обустройство удобных гаваней на основных морских торговых путях и организация выгодного обмена с местным населением. Основными предметами торговли финикийцев были прежде всего драгоценные металлы – золото и серебро, а также медь, олово, а со временем и железо; восточные купцы, со своей стороны, предлагали окрашенные ткани, пурпурные раковины, масло, амулеты, керамику и разного рода дешевые безделушки типа стеклянных бус. Сфера их торговых интересов охватывала все Средиземноморье – от

Южной Аравии, Ассирии и Малой Азии на востоке до Испании на западе.

Путь мореходов из Финикии на запад был открыт вследствие гибели Микенской цивилизации, пришедшейся на рубеж XIII–XII вв. до н. э. и положившей конец господству микенцев в Восточном Средиземноморье. Впервые проложенный, очевидно, около середины XII в. до н. э., этот маршрут шел через остров Родос и далее к Сицилии, затем к выступу североафриканского побережья и вдоль берега Африки к Южной Испании. Он отмечен рядом возникших не позднее рубежа XII–XI вв. до н. э. промежуточных опорных пунктов на островах Фера и Мелос на юге Эгейского моря, на острове Кифера к югу от полуострова Пелопоннес и на восточном и южном побережьях Сицилии. Древнегреческий историк Фукидид отмечал, что поселения финикийцев были «повсюду на острове», для организации торговли с обитавшим здесь с XI в. до н. э. древнеиталийским племенем сикулов они «основали свои фактории на мысах и прибрежных островках у Сицилии» (Thuc. VI, 2, 5)^[2]. Такие семитские топонимы, как Пахин, Мазарес, Макара, Тамариций или Тапс, относящиеся к югу и востоку острова, также свидетельствуют о присутствии здесь финикийцев, причем задолго до появления в последней трети VIII в. до н. э. эллинов.

От Сицилии путь финикийцев пролегал к северному побережью Африки, где в пределах последних двух десятилетий XII в. до н. э. ими была основана Утика, располагавшаяся на западном берегу Тунисского залива. Как писал Юстин, «когда жители Тира были богаты и многочисленны, они отправили свою молодежь в Африку и основали Утику», что свидетельствует о демографическом давлении и стремлении избавиться от наиболее активной и беспокойной части населения –

молодежи – как одного из важных факторов основания новых колоний. До основания и возвышения Карфагена именно Утика была главным финикийским торговым центром в Западном Средиземноморье. Практически одновременно с Утикой или даже чуть ранее возникли и крайние западные поселения финикийцев, расположенные уже за столпами Мелькарта – так финикийские мореплаватели называли Гибралтарский пролив. Это были Ликс на атлантическом побережье Африки (территория современного Марокко вблизи устья реки Лукос) и Гадир на Пиренейском полуострове, впоследствии переименованный римлянами в Гадес (Кадис).

Так проходил первый этап финикийского проникновения в Западное Средиземноморье, пришедшийся на последние десятилетия XII – первую треть XI вв. до н. э. Многие исследователи считают, что этот период нельзя назвать собственно колониационным и следует вести речь лишь о первичном проникновении и подготовке почвы для основания будущих полноценных колоний. Относящиеся же к этому времени точки финикийского присутствия были в большинстве своем лишь якорными стоянками и факториями без постоянного населения. Впрочем, сложно предположить, что такими были все пункты финикийцев этого периода. Очевидно, что без постоянного населения не смог бы обходиться основанный во враждебном окружении Гадир, само название которого переводится как «укрепление», «укрепленное (огороженное) место». Столь же сомнительно, что незаселенной могла быть Утика, одной из целей основания которой, по свидетельству Юстина, было удаление из Тира лишней молодежи, поскольку тирские жители были слишком многочисленны (Just. XVIII, 4, 2). Как бы то ни было, к середине XI в. до н. э. финикийское проникновение в

Западное Средиземноморье замедлилось. Во-первых, были достигнуты изначальные цели – вывод за пределы Тира излишков населения и освоение торговых маршрутов, которые, регулярно функционируя с того времени, существенно обогатили метрополию. Во-вторых, изменилась военно-политическая ситуация в Восточном Средиземноморье, давление на Финикию со стороны ранее воинственных соседей, прежде всего Ассирии, исчезло, и ханаанеяне смогли расселяться в ближайших к своей родине регионах.

Очередные изменения в Финикии произошли два столетия спустя, когда обострившаяся внутривосточная борьба в Тире вновь погнала финикийцев за море. Вторая волна финикийского колонизационного движения в Западном Средиземноморье приходится на вторую четверть IX-VII вв. до н. э., и как раз в это время произошло основание и начало возвышения знаменитого Карфагена. Особая активность финикийцев именно в западной части бассейна Средиземного моря в этот период не случайна. Она обусловлена как богатством региона, так и политической ситуацией в Восточном Средиземноморье, где давление со стороны греков и фракийцев в Эгейском море лишило ханаанеян возможности основывать собственные колонии. Иной была ситуация на западе – здесь отсутствовали как сильные региональные государства, так и конкуренция со стороны других морских переселенцев. Финикийцы поспешили воспользоваться открывшимися перед ними возможностями.

В это время важнейшими промежуточными пунктами на пути финикийцев в Западное Средиземноморье становятся поселения на южном побережье Кипра, наиболее значимым из которых был Китий. Его можно попытаться отождествить с финикийским Картихадашти, упоминаемым в

обнаруженных на острове финикийских надписях. Впрочем, это мог быть и иной кипрский город финикийцев, расположенный на месте современного Лимассола либо неподалеку от него. В любом случае именно через Кипр, согласно свидетельству Юстина, пролегал путь на Запад основательницы Карфагена тирской беглянки Элиссы и ее спутников. Отсюда же финикийцы отправлялись для основания своих западных колоний в Испании (Малака и Секси), на острове Сардиния (Нора, Сульх, Бития, Таррос, Каларис), островах Мелита (Мальта) и Гавлос (Гоцо или Годзо), расположенных между Сицилией и Африкой. На самой Сицилии финикийцы под давлением греков покинули свои прежние поселения на восточном и южном побережьях и обосновались в западной части острова. «Когда стали чаще прибывать в Сицилию морем эллины, финикийцы покинули большую часть острова, – сообщает Фукидид. – Они объединились в союз и поселились неподалеку от элимов (на помощь которых они рассчитывали), в Мотие, Солоенте и Панорме, откуда могли кратчайшим путем достичь Карфагена» (Thuc. VI, 2, 5). Более интенсивным стало освоение и северного побережья Африки, где позже Утики, но ранее основания Карфагена были образованы такие значительные финикийские колонии, как Ауза, Гиппон (Гиппона Акра), Хадрумет, Лептис и другие.

В пределах последней четверти IX в. до н. э. произошло также основание Карфагена, в целом вписывающееся в рамки осуществлявшейся финикийцами колонизации, но в то же время имевшее важное отличие – начало этому городу положили не торговцы-колонизаторы, тесно связанные с метрополией, а политические беглецы. Приведшие к возникновению Карфагена события, если отбросить сугубо мифологическую составляющую рассказов античных авторов об Элиссе и ее бегстве, сводится к

истории внутривосточной борьбы в Тире, в результате которой проигравшая группировка знати была вынуждена покинуть родину и основать новый город на ливийском побережье. Это обстоятельство определило особое положение Карфагена по сравнению со всеми остальными финикийскими колониями Западного Средиземноморья, стало залогом его политической независимости от метрополии. Связи Карфагена с Тиром были исключительно религиозными, культурными и экономическими, но не отношениями политического господства и подчинения.

Не завися от метрополии в политическом отношении, североафриканский город тем не менее признавал символическое первенство Тира. Сохранился ряд свидетельств античных авторов о тесных духовных контактах двух родственных городов. Так, Квинт Курций Руф отмечал, что «Карфаген основали тирийцы, которые и почитались там всегда как предки» (Curt. Ruf. IV, 2, 10). Геродот же свидетельствовал, что азиатские финикийцы считали карфагенян своими детьми и отказывались воевать против них вопреки приказу персидского царя Камбиса начать войну против Карфагена: «...царь приказал своим кораблям плыть на Карфаген. Финикияне, однако, отказались подчиниться царскому приказу. Они объявили, что связаны страшными клятвами и выступить в поход на своих потомков для них великое нечестие. А без финикиян корабли остальных [подвластных царю городов] не могли тягаться с карфагенянами. Так-то карфагеняне избежали персидского ига» (Herod. III, 19). Диодор Сицилийский сообщает, что карфагеняне в знак почтения подносили десятину храму Мелькарта в Тире (Diod. Sic. XX, 14), а Курций Руф и вовсе утверждал, что «добычей из других захваченных ими городов они украшали Карфаген не более, чем Тир» (Curt. Ruf. IV, 3, 22).

Особое географическое и политическое положение Карфагена во многом определило его дальнейшую судьбу как самостоятельной военно-политической силы. Впрочем, возвышение города в качестве ведущего центра всего Западного Средиземноморья произошло далеко не сразу. В течение по меньшей мере полутора столетий с момента основания Карфаген оставался сравнительно небольшим городом, в экономическом плане ничем не отличавшимся от остальных финикийских поселений региона. Поначалу положение города и вовсе было крайне непрочным в свете напряженных отношений с местным населением, правителям которого карфагеняне должны были платить дань за землю, где расположилось их поселение. Ярким отголоском сложившейся вскоре после основания Карфагена ситуации является продолжение легенды об Элиссе, которая якобы вынуждена была пожертвовать собой ради сохранения политической независимости города. Как сообщает Юстин, вскоре после основания города ливийский царек народа максиев (по Геродоту) или макситан (согласно Юстину) Гиарб (Иарбант или Хиарбас), прельщенный богатством процветающего торгового центра, пожелал жениться на его правительнице и тем самым заполучить власть над Карфагеном. Отказ в такой ситуации был равнозначен войне, и Элисса предпочла добровольную смерть ради спасения независимости города. «Назначив себе трехмесячный срок для исполнения этого решения, – пишет Юстин, – она приказала воздвигнуть на окраине города костер, будто для того, чтобы умиловать тень (*virī manes*) своего мужа и перед новым браком принести жертвы в честь умершего. Затем она заклала много жертв, взошла на костер с мечом в руках и, обратив взоры свои к народу, сказала, что, согласно их совету, собирается идти к мужу, после чего закололась мечом» (Just. XVIII, 6).

После самоубийства Элиссы монархическое правление в Карфагене пресеклось и власть перешла к десяти старейшинам («принцепсам»), составившим ранее ближайшее окружение царицы. Возможно, именно с этим событием связано наличие двух дат основания города – около 825–823 гг. и 814 г. до н. э. Более ранняя из них является временем возникновения основанного Элиссой первоначального поселения, позднейшая же относится к моменту учреждения Карфагенской республики после смерти царицы. Хотя самопожертвование основательницы, которую со временем стали почитать в Карфагене как богиню, спасло город от подчинения туземным ливийским владыкам, однако в остальном его положение в контексте тирской колониальной системы в Западном Средиземноморье оставалось в течение VIII в. до н. э. маргинальным и периферийным. Так, будучи политически самостоятельным, Карфаген не мог рассчитывать на поддержку метрополии в борьбе с местными племенами, что привело к ограничению карфагенских владений пределами самого города, за землю которого карфагеняне к тому же вынуждены были регулярно платить дань. С другой стороны, отсутствие прочного положения на континенте и почтительное отношение к Тиру препятствовали собственной колониальной экспансии Карфагена в Западном Средиземноморье. Проведение активной самостоятельной внешней политики африканским городом в регионе могло войти в противоречие с позицией метрополии, что было одновременно как малоприемлемо в идеологическом плане, так и трудноосуществимо и даже опасно в практическом отношении.

Сложившееся положение начало меняться уже с конца VIII – начала VII вв. до н. э., когда положение Тира зашаталось вследствие экспансии ассирийских царей

Синаххериба (705–680 гг. до н. э.) и Асархаддона (680–669 гг. до н. э.). Видимо, уже в первой половине VII в. до н. э. из подчинения Тира вышли финикийские колонии Кипра, признавшие власть Асархаддона. Это по меньшей мере нарушило и затруднило, если не разорвало регулярную связь между финикийскими колониями Западного Средиземноморья и метрополией. Тирская колониальная система дала трещину, что развязывало руки Карфагену и открывало перед ним блестящие возможности. Независимое положение, которое ранее лишало его практической поддержки со стороны Тира, теперь, в условиях потери связи финикийских колоний региона с бывшей метрополией, превратилось в бонус. На фоне всех остальных финикийских поселений Западного Средиземноморья именно Карфаген, основанный представительницей царского рода Элиссой, оказывался в уникальном положении, позволявшем ему претендовать на то, чтобы занять место Тира в региональной колониальной системе и тем самым создать собственную колониальную державу. Кроме того, на запад, в том числе и в Карфаген, могли прибыть волны беженцев из Финикии и с Кипра, ищущих здесь укрытия вследствие ассирийского вторжения. Это привело к относительно, а возможно, даже и существенному росту населения в Карфагене. Учитывая отсутствие у города сельскохозяйственной округи, это создавало значительное демографическое напряжение, подталкивавшее карфагенян к внешней экспансии и колонизации. Пожалуй, именно с этого момента окончательного осознания карфагенянами своего уникального положения среди всех иных финикийских городов региона по отношению к ним оправдано будет применять римский термин пуны или пунийцы.

Показательно, что именно в это время, около 660 г. до н. э., Карфаген решается основать свою первую

собственную колонию Эбес (современная Ивиса, или Ибица) на острове Питиусса в составе Балеарского архипелага, у восточного побережья Испании. «Город этот был основан сто шестьдесят лет спустя после основания Карфагена», – сообщает Диодор Сицилийский (Diod. Sic. V, 16, 3), что дает период между 665 и 654 гг. до н. э. Судя по всему, это была первая проба, позволявшая, не выступая против Тира открыто, действовать как бы параллельно его колониальной системе. Активно противостоять инициативе младшего родственника старая метрополия не стала, да, очевидно, и не могла из-за своего зависимого положения под властью Ассирии. Это убедило карфагенян в правильности и своевременности предпринятого шага и предопределило их скорую дальнейшую открытую экспансию против входивших в колониальную систему Тира финикийских городов региона. Дальнейшему утверждению власти Карфагена в финикийских колониях Пиренейского полуострова помешала развернувшаяся в это же время фокейская колонизация Западного Средиземноморья. Греки из Фокеи основали ряд колоний на восточном побережье Пиренейского полуострова, на юге Галлии и островах региона. Наиболее важными стали эллинские колонии в Массалии (на месте современного Марселя) и острове Корсика. Фокейцы удерживали преобладающие позиции – так называемую фокейскую талассократию – вплоть до середины VI в. до н. э., существенно ограничив возможности для экспансии карфагенян. Карфагеняне сохранили за собой колонию Эбес, однако установившиеся было контакты Карфагена с Этрурией и Пиренейским полуостровом были прерваны греками.

Не сумев закрепиться на испанском и итальянском торговых маршрутах, карфагеняне сосредоточились на Африке и Сицилии. Их успехам в этом регионе в значительной степени способствовала окончательная

гибель Тирской колониальной державы, пришедшаяся на 570-е гг. после покорения Тира царем Нововавилонского царства Навуходоносором II (605–562 гг. до н. э.). Благодаря этому Карфаген полностью созрел для того, чтобы взять на себя роль нового центра власти по отношению ко всем финикийским городам Западного Средиземноморья. Менее двух десятилетий понадобилось карфагенянам, чтобы осознать свою новую роль и перейти к активным действиям. Уже к середине VI в. до н. э. они основали колонию Керкуан у мыса Бон, немного восточнее Карфагена. В это же время карфагеняне установили контроль и над располагавшимися далее на восток, на североафриканском побережье, городами Хадрумет и Лептис, полностью подчинив себе торговлю с внутренними областями Африки в этом богатейшем регионе, который эллины называли эмпорией – торговая область. Одновременно с этим карфагеняне распространяют свое влияние и к западу от своего города, постепенно утверждая свое торгово-экономическое и военно-политическое преобладание над всей западной частью средиземноморского побережья Африки.

Усиление Карфагена в южной части Западного Средиземноморья закономерно привело к попыткам города укрепить свое положение и в близлежащей округе. Это удалось в середине VI в. до н. э. карфагенскому полководцу по имени Малх, который на многие годы избавил город от необходимости выплачивать унижительную дань местному населению за собственные земли. Он же смог закрепить власть Карфагена над западной частью Сицилии, подчинив местные финикийские города. Менее успешной оказалась попытка покорить примерно в 545–535 гг. до н. э. бывшие тирские колонии на острове Сардиния. Юстин сообщает, что после того, как карфагеняне

«долго и удачно воевали в Сицилии и уже перенесли войну в Сардинию, они потеряли там большую часть войска и потерпели страшное поражение» (Just. XVIII, 7, 1). За поражение правительство Карфагена приговорило Малха «с уцелевшей частью войска» к изгнанию. Опальный военачальник попытался было ослушаться приказа и даже ненадолго захватил власть в городе, «но спустя немного времени он был обвинен в стремлении к царской власти» (Just. XVIII, 7, 18), то есть в узурпации, и казнен.

После смерти Малха высшую власть в Карфагене сосредоточил в своих руках Магон, «стараниями которого, – по словам Юстина, – возросли и богатства Карфагена, и пределы его владений, и военная слава» (Just. XVIII, 7, 19). Действительно, именно Магону и его потомкам, удерживавшим власть около столетия (с середины VI до середины V вв. до н. э.), удалось обеспечить Карфагену ряд крупных побед и территориальных приобретений, окончательно превратив его в одну из крупнейших военно-политических сил Западного Средиземноморья. Прежде всего, Магон смог установить прочные союзнические отношения с этрусским городом Цере, объединение с которым было предопределено наличием общего врага – обосновавшимися на Корсике фокейскими греками. Около 535 г. до н. э. объединенный карфагено-церетанский флот сошелся с греками в битве у фокейской колонии Алалия неподалеку от западного побережья Корсики. Эллы победили в морском сражении, однако понесли столь тяжелые потери (потоплены были 40 греческих кораблей из 60), что были вынуждены покинуть Корсику. Это позволило этрускам и карфагенянам разделить сферы влияния в Тирренском море – первым досталась Корсика, вторым Сардиния, на которую пунийцы повели решительное наступление, закрепившись на юге острова.

Создавшееся положение позволило карфагенянам осуществить наконец свое давнее стремление – закрепиться на Пиренейском полуострове. В последние десятилетия VI в. до н. э. они повели наступление на располагавшуюся здесь Тартессийскую державу, удачно воспользовавшись военным конфликтом тартессийцев и Гадеса. Под предлогом защиты родственного города пунийцы вторглись на полуостров и в итоге к началу V в. до н. э. не только уничтожили Тартесс, буквально стерев его с лица земли, но и установили свое господство над Гадесом и другими местными финикийскими городами. «В результате удачного похода карфагеняне... защитили гадитан от несправедливых нападков [испанцев], – сообщает Юстин, – но сами еще более несправедливо подчинили своей власти часть [этой] провинции» (Just. XLIV, 5, 3). Надежно закрепившись в Южной Испании, карфагеняне взяли под контроль Гибралтарский пролив, закрыв его для прохода всех иностранных судов. Ссылаясь на сообщение Эратосфена, греческий географ Страбон утверждает, что «карфагеняне... топили в море корабли всех чужеземцев, которые проплывали мимо их страны в Сардинию или к Геракловым столпам» (Strab. XVII, 1, 19).

Вторым регионом Западного Средиземноморья, над которым Карфаген уверенно утвердил свое господство, стало североафриканское побережье и к западу, и к востоку от города пунийцев. Вначале основными соперниками здесь были греки, пытавшиеся как теснить карфагенян на востоке со стороны Киренаики, так и основывать колонии к западу от Карфагена. Могущественная греческая колония Кирена располагалась на африканском берегу, приблизительно в 260 милях к востоку от Карфагена. Ее руины, охраняемые ЮНЕСКО как памятник Всемирного наследия, находятся на территории современной Ливии

у города Шаххат, расположенного к востоку от Бенгази. О затяжной войне пунийцев с Киреной сообщает в «Югуртинской войне» Гай Саллюстий Крисп: «В те времена, когда Карфаген владычествовал почти во всей Африке, Кирена тоже была могущественна и богата. Между обоими городами лежала однообразная песчаная равнина; не было ни реки, ни горы, которые могли бы служить границей между ними. Это обстоятельство привело к тяжелой и долгой войне» (Sallust. Bell. Jug. LXXIX, 2-3).

Значимым эпизодом кирено-карфагенского противостояния стала экспедиция спартанского царевича Дориея, который около 515 г. до н. э. предпринял попытку основать колонию в 26 км восточнее Лептиса, около реки Кинип (современное вади – сухое русло реки с временным водным потоком – Умирре). Это было прямым вторжением в пределы Карфагенского государства, и пунийцы поспешили дать решительный отпор захватчикам. Союзниками карфагенян выступили местные племена ливийцев и максиев. Геродот сообщает, что спустя два года после основания спартанской колонии союзная коалиция изгнала Дориея и его соратников, вследствие чего им пришлось вернуться в Пелопоннес (Herod. V, 42). Судя по всему, вскоре после этого, в самом конце VI или начале V вв. до н. э., между Киреной и Карфагеном был заключен мирный договор, установивший границу между государствами в районе так называемых Филеновых Алтарей, расположенных в местности Муктар на побережье Большого Сирта (современного залива Сидра в Ливии), в 80 милях от Кирены и 180 милях от Карфагена. Одновременно с этим пунийцами был ликвидирован город Кибос, основанный ионийскими греками к западу от Карфагена, в районе Гиппона Акры.

После нивелирования греческой угрозы на североафриканском побережье карфагеняне получили возможность перейти в первые десятилетия V в. до н. э. к активным военным действиям против местных африканских племен. Юстин сообщает, что поначалу пунийцев преследовали неудачи и они были вынуждены по-прежнему выплачивать дань. Сыновья Магона Гасдрубал и Гамилькар, пишет он, «сражались... с афрами, которые в течение долгих лет требовали дани за землю, на которой стоял город [Карфаген]. Но так как дело афров было более справедливым, то и счастье было на их стороне, и конец войне с ними был положен не оружием, а выплатой им денег» (Just. XIX, 1, 3-5). Однако позже, когда за дело взялись внуки Магона Гимилькон, Ганнон и Гисгон (сыновья Гамилькара) и Ганнибал, Гасдрубал и Сапфон (сыновья Гасдрубала), им удалось избавиться от выплаты дани. Произошло это, по всей видимости, после 480 г. до н. э. Карфагенские полководцы «напали на мавров, воевали против нумидийцев, а афры были принуждены освободить карфагенян от уплаты дани за землю, на которой был основан их город» (Just. XIX, 2, 3). Произошло это, по всей видимости, во второй четверти – середине V в. до н. э., в результате чего пунийцы не только избавились от платежей местному населению, но и захватили часть их земель, присоединив их к Карфагену, что привело к образованию у города собственных сельскохозяйственных владений – так называемой хоры. Видимо, приблизительно в это же время пунийцами была окончательно покорена финикийская Утика и все остальные города на запад от Карфагена, вплоть до Гибралтара.

Гораздо менее успешно шли дела карфагенян на Сицилии, где в результате катастрофического поражения в войне с сиракузскими греками при Гимере в 480 г. до н. э. пунийцы потеряли 50-тысячное войско

во главе с полководцем Гамилькаром, который и сам сложил голову в этой битве. Карфаген смог удержать лишь прежние владения на крайнем западе острова. Впрочем, здесь положение пунийцев было достаточно прочным, что приведет со временем к возобновлению их попыток установить господство над всей Сицилией.

Таким образом, к середине V в. до н. э. Карфагенская держава окончательно оформилась как одно из сильнейших государств в Западном Средиземноморье. В Африке ее сухопутные владения охватывали средиземноморский берег Африки к западу от греческой Киренаики до Большого Сирта, отдельные внутренние районы материка, примыкающие к побережью, а также небольшую часть атлантического побережья континента к югу от Гибралтарского пролива. В Европе пунийцам принадлежала юго-западная часть Пиренейского полуострова с Гадесом в качестве важнейшего торгового центра. Непосредственно в Средиземном море Карфаген владел большей частью Балеарских островов у восточного побережья Испании, значительной частью Сардинии, укрепленными пунктами на западе Сицилии, а также островами между Сицилией и Африкой. Опираясь на удобные порты, карфагеняне безраздельно господствовали в южной и крайней западной частях Средиземноморья, контролировали Гибралтарский пролив и представляли существенную силу в южной части Балеарского и Тирренского морей.

Уже к этому времени относятся первые контакты Карфагена с Римом, который с рубежа VI-V вв. до н. э. повел активную экспансию на Апеннинском полуострове и вошел в соприкосновение со сферой интересов карфагенян.

Глава 2. «Я частью стал всего, что мне встречалось»: Рим в начале пути к владычеству над миром

Мы считали необходимым рассказать, каким образом и когда римляне... начали преуспевать, а равно каким образом и когда, одолевши народы Италии, они отважились вмешаться в дела народов внеиталийских; рассказать это мы считали необходимым для тех, которые пожелают надлежаще постигнуть нынешнюю меру могущества римлян.

*Полибий. Всеобщая история, I, 12,
7*

В начале своего исторического пути Рим был всего лишь небольшим городком на реке Тибр в окружении десятков подобных ему поселений многоплеменной Италии. Ареной, на которой разворачивалась его ранняя история, стал Апеннинский полуостров – один из крупнейших полуостровов Европы, расположенный на юге континента и глубоко вдающийся в воды Средиземного моря. По очертаниям он напоминает сапог, вытянутый с севера на юг и разрезающий Средиземноморье на две части. Уже в древности за ним закрепилось название Италия, данное вначале южной оконечности полуострова древними греками, основавшими здесь множество колоний. Изобилующий удобными пастбищами регион использовался тамошними племенами для массового разведения крупного рогатого скота. Именно от употребляемого местными жителями слова «*vitilus*» (теленка) эллины

образовали название всей страны – Виталия, «Страна телят». Поскольку в древнегреческом языке не было буквы «в», слово приобрело современное звучание, постепенно, к III в. до н. э., распространившись на центральную и северную части Апеннинского полуострова. К I в. до н. э. его стали применять также и для обозначения материковой части страны, вплоть до подножия Альп, выгнутой полумесяцем дугой отделяющих Италию от остальной части материка.

С востока, юга и запада Италия омывается внутренними морями Средиземного моря – Адриатическим, Ионийским, Тирренским и Лигурийским, причем восточное побережье полуострова практически не имеет удобных бухт и заливов, круто обрываясь в море либо образуя непригодные для судоходства песчаные отмели. Нет здесь и островов, в отличие от изрезанного заливами западного берега, у которого расположены острова Ильва (Эльба) и Капрея (Капри), а далее в море – крупные острова Сардиния и Корсика. К югу у берегов Италии находятся Липарские (Эолийские) острова. Особенности береговой полосы Апеннинского полуострова обусловили активное развитие мореходства у его западных и южных берегов.

Вдоль всего полуострова с севера на юг тянется хребет Апеннинских гор, разветвляющийся на юге на несколько горных цепей с расположенными между ними плодородными долинами с богатыми выпасами, пригодными для разведения всех пород домашнего скота. Естественным продолжением Апеннинских гор являются Сицилийские и горы Атлас в Северной Африке. Горы Италии, подходящие на севере и юге полуострова к его западному побережью, а в центральной его части – к восточному, преимущественно невысоки, с пологими, поросшими лесом склонами и плоскими вершинами, лишь немногие из которых возвышаются более чем на 2,5 тысячи

метров над уровнем моря. Трудно проходимы Апеннинские горы лишь в северной части полуострова, южнее же они не препятствуют сообщению.

Расположение равнин, разделенных горными отрогами, при всем том, что они не образовывали полностью замкнутых и непреодолимо разобщенных между собой регионов, во многом определило расселение местных племен и образование историко-географических областей Апеннинского полуострова. Исходя из географических особенностей и сложившегося исторического районирования Италию принято делить на северную, центральную и южную части, каждая из которых, в свою очередь, включала по несколько этногеографических комплексов, сложившихся к середине I тыс. до н. э. и заселенных различным по племенному составу населением.

На севере это были Цизальпинская Галлия (*Gallia Cisalpina*), то есть Галлия по эту сторону Альп, располагавшаяся на горных склонах и выходившая к морю Лигурия (*Liguria*) к западу и Венеция (*Venetia*) на востоке. Цизальпинская Галлия, в свою очередь, разделялась по течению реки Пад (современная река По) на Циспаданскую (*Gallia Cispadana*) и Транспаданскую (*Gallia Transpadana*), находившиеся, соответственно, к югу и к северу от речного русла. В древности вся эта область частью Италии не считалась.

Разноплеменной была Средняя Италия, границами которой считаются реки Макра и Рубикон на севере и Силар и Фертур на юге. Состояла она из шести областей. Вдоль Тирренского моря с севера на юг располагались заселенная этрусками холмистая Этрурия (*Etruria*), совпадающая в своих основных чертах с современной Тосканой, далее – болотистый в юго-западной части Лаций (*Latium*) с племенами латинов и плодородная равнинная Кампания (*Campania*). Зеркально этим регионам на востоке, вдоль

адриатического побережья, находились гористая Умбрия (*Umbria*), Пицен (*Picenum*) и покрытый лесами Самний (*Samnium*), получившие названия, соответственно, от населявших их племен умбров, пиценов и самнитов.

На юге располагались подвергшиеся в VIII-VI вв. до н. э. греческой колонизации Лукания (*Lucania*) и Бруттий (*Bruttium*) в западной части полуострова и Апулия (*Apulia*) с Калабрией (*Calabria*) – в восточной.

Такой была историческая география Италии на тот момент, когда Рим вышел на арену истории и приступил к собиранию италийских земель. Традиционной датой его возникновения считаются 754-753 гг. до н. э. согласно современному летоисчислению, когда вскормленные, по легенде, волчицей и воспитанные царским пастухом Фаустулом братья-близнецы Ромул и Рем во главе выходцев из Альбы-Лонги основали новое поселение на левом берегу впадающего в Тирренское море Тибра, приблизительно в 23 км от устья реки. Поначалу Рим был лишь одним из небольших городов Лация, однако уже до середины I тыс. до н. э. римлянам пришлось немало повоевать со своими ближайшими италийскими соседями – этрусками, латинами, сабинами, вольсками, самнитами – и начать расширение подвластной им территории.

С конца VIII – начала VII вв. до н. э. римляне принялись подчинять себе города Лация. Третий легендарный римский царь Тулл Гостилий, правивший, согласно преданию, в 672-640 гг. до н. э., покорил Альбу-Лонгу, предварительно жестоко расправившись с ее вероломным правителем Меттием Фуфецием, разрушил город до основания и переселил его жителей в Рим, где им было предоставлено право римского гражданства. Разрушение Альбы-Лонги в середине VII в. до н. э. подтверждается археологическими данными. Население Рима, а вместе с ним и его военная сила

вследствие этого удвоились. Также уже в царское время римлянам удалось закрепиться в устье Тибра, ценном не только выходом к морю, но и богатыми соляными разработками. Основав порт Цирцеи и колонию Сигнию, потомки сыновей волчицы надежно обосновались в Южном Лации. При царе Анке Марции (640–616 гг. до н. э.) на Тибре был возведен Свайный мост, соединивший город с поселением на холме Яникул на правом берегу реки. Успешно воюя с ближайшими латинскими соседями, он захватил и разрушил городки Политорию, Теллен, Фикан и Медулии, переселив их жителей в Рим на Авентинский холм и в соседнюю долину Мурции. Переселенцы стали основой для образования нового общественного сословия плебеев, вследствие чего Авентин стал позднее их традиционным оплотом. Осуществленное Анком Марцием переселение подтверждается как археологически, так и лингвистически, поскольку в языке классических римлян лингвисты обнаружили слова из лексикона северного и южного Лация, которые могли закрепиться в Риме лишь при условии проживания здесь немалого количества употреблявших их людей.

Значительно возросло могущество Рима при трех последних царях – Тарквинии Древнем, Сервии Туллии и Тарквинии Гордом, когда город существенно расширил свои пределы и подвластную ему территорию, окончательно заняв ведущую позицию в Лации и по сути возглавив союз тридцати латинских городов этой области. Надменный и высокомерный Луций Тарквиний (534–510 гг. до н. э.), склонный к жестокости и самоуправству, заключил с латинами равноправный договор о создании союзного войска, обещая делить с ними все захваченные территории. Воюя в Южном Лации с вольсками, он силой взял Свессу Помецию и хитростью покорил Габии, обеспечив прочные позиции

для заключения выгодных мирных соглашений с соседними эквами и этрусками. К концу VI в. до н. э. казалось, что Риму обеспечены прочные позиции для укрепления господства в пределах Лация и дальнейшей территориальной экспансии, однако внутривластные перипетии привели к усугублению положения города. В 510 г. до н. э. был свергнут и изгнан последний римский царь Тарквиний Гордый, что спровоцировало внутреннюю нестабильность и ослабило положение Рима как в пределах Лация, так и в плане отношений с ближайшими иноплеменниками.

Сложившейся после свержения Тарквиния Гордого ситуацией воспользоваться царь этрусского города Клузия по имени Ларс Порсенна, то ли придя на помощь изгнанному римскому царю, который нашел у него убежище, то ли стремясь установить собственную власть над городом, занимавшим важное стратегическое положение на пути на юг, к этрусским колониям в богатой Кампании. Война с Порсенной породила в римской традиции ряд патриотических легенд, живописующих героизм защитников Рима. Одна из них повествует об отважном воине Марке Горации по прозвищу Коклес (Одноглазый), который нес сторожевую службу на мосту, ведущем на левый берег Тибра. Когда враги подступили к реке, римляне не успели еще разрушить мост, и Гораций вместе с двумя своими товарищами, Спурием Ларцием и Титом Герминием, сдерживал неприятелей, пока остальные разрушали мост. Отослав соратников и оставшись один на захваченном этрусками берегу, храбрец дождался обрушения моста, после чего в полном вооружении бросился в реку и «невредимый, под градом стрел, переплыл он к своим – таков был его подвиг, стяжавший в потомках больше славы, чем веры» (Liv. II, 10).

Вторая легенда повествует о бесстрашном римском юноше Гае Муции, который проник в лагерь осадившего

Рим Порсенны с целью убить этрусского царя. Убив по ошибке сидевшего рядом с царем писца, он был схвачен, и, равнодушный к угрозам страшных пыток, сам положил правую руку в разведенный на жертвеннике огонь. Заявив, что пришел убить вражеского правителя и что еще триста римских юношей поклялись и готовы это сделать, Гай Муций не издал ни единого стога, пока тлела его кисть. Он так порастил Порсенну своим мужеством, что этрусский царь отпустил его и, опасаясь, что вслед за ним придут еще три сотни воодушевленных любовью к родине героев, которые попытаются убить вражеского правителя, заключил с римлянами почетный мирный договор. Согласно этому соглашению Рим якобы должен был выдать заложников и уступить часть своих земель этрусскому городу Вейи. Муция, лишившегося правой руки, народная молва нарекла Левшой, по-латински Сцеволой (*Scaevola*, от слова *scaeva* - «левая рука»).

Реальность, впрочем, существенно отличалась от этих патриотических мифов - Порсенне удалось захватить Рим и навязать ему унижительные условия мира, согласно которым римлянам запрещалось изготавливать из железа что-либо, кроме сельскохозяйственных орудий. Подчинив Рим, Порсенна отправил своего сына Аррунта осадить латинский город Арицию. «Арицийцы поначалу пришли в замешательство от неожиданности, но затем, получив помощь от латинских племен из Кум, настолько воспрянули духом, что решились на сражение. Начался бой таким ударом этрусов, что арицийцы бросились врассыпную, но куманские когорты, употребив против силы искусство, несколько отошли в сторону, пропустивши врагов, пронесшихся мимо, а затем, поворотив знамена, напали на них с тыла. Так этруски, уже почти победители, были окружены и перебиты» (Liv. II, 14, 6-7). Римляне не только не участвовали в

сражении на стороне латинов, но даже, по свидетельству Тита Ливия, предоставили убежище разбитым этрускам, которые «потеряв полководца и не найдя никакого пристанища ближе, добрались до Рима», где «они были радушно приняты и распределены по домам» (Liv. II, 14, 8). Видимо, это может рассматриваться как свидетельство того, что на тот момент Рим находился под властью Порсенны, и лишь поражение при Ариции в 508 г. до н. э. заставило его покинуть город и уйти с территории Лация.

Поражение и изгнание этрусских агрессоров с территории Лация, с одной стороны, и ослабление позиций Рима – с другой позволили латинским городам создать новую федерацию, полностью независимую от Рима. В нее вошли восемь городов: Тускул, Ариция, Ардея, Ланувий, Лаврент, Кора, Помеция и Тибур. Возглавил объединение Тускул, хотя весомую роль играла также Ариция, где находилась роща Ферентины, бывшая, вместе со святилищем Дианы на Немийском озере, местом собраний для городов Латинского союза. Исходя из места собраний, объединение принято называть Арицийской федерацией. Стремление Рима вернуть утраченные позиции привело к возрастанию напряженности между ним и новым объединением латинских городов, которое в итоге вылилось в Первую Латинскую войну. Согласно традиции, победителями из нее вышли римляне, выиграв под предводительством диктатора Авла Постумия битву при Регилльском озере в 499-м или 496 г. до н. э. Победа, впрочем, если и не является полным вымыслом, отнюдь не привела к полному разгрому городов Латинского союза, с которым несколько лет спустя римлянам пришлось заключить равноправный договор (*foedus aequum*). Текст этого соглашения, получившего название Кассиева договора (*Foedus Cassianum*) по имени заключившего его римского консула Спурия Кассия, приводит Дионисий

Галикарнасский: «Между римлянами и всеми соседними латинскими городами пусть будет вечный мир, пока останутся несокрушимыми небо и земля. И пусть они не воюют между собой, и не накликают войны извне, и не дают свободного прохода врагам той или другой стороны. А если кто подвергнется нападению, пусть они помогают друг другу всеми силами, а за это пусть имеют право на равную часть всей движимой добычи. Частные споры пусть улаживаются в течение 10 дней в той общине, в которой они возникнут. К этому договору нельзя ничего прибавить, ни убавить в нем, иначе как только с общего согласия римлян и всех соединенных латинов» (Dion. hal. VI, 95). Вырезанный на бронзовой доске договор был выставлен на всеобщее обозрение в Риме на Площади комиций, где сохранялся еще во времена Цицерона, в первой половине I в. до н. э.

Как видим, формально Рим в это время ничем не выделялся из числа городов латинской лиги, на равных правах участвуя в объединенном войске и совместно отражая грозящую латинам опасность. Однако в реальности город на Тибре по своему значению приравнивался не к каждому латинскому городу в отдельности, а всем им вместе взятым. Уникальное географическое положение, экономическое значение и военное превосходство определило фактическое доминирование Рима над всем союзом, поэтому образование Арицийской федерации стало, по сути, первым этапом на пути объединения Италии под римской властью. Однако для дальнейшего распространения своего влияния римлянам нужно было, опираясь на поддержку союзных латинских городов, преодолеть грозившую со стороны внешних врагов опасность, ведь основной причиной, побудившей обе стороны пойти на заключение Кассиева договора, стала нараставшая опасность со стороны вольсков и эквов. Эти племена, начавшие переселение из Апеннинских

гор на равнины, угрожали Лацию с востока и юго-востока. Борьба против вольсков и эквов нашла отражение в нескольких популярных римских преданиях, наиболее знаменитым из которых является легенда о Гнее Марции Кориолане, получившем свое прозвище за удачный штурм города вольсков Кориолы.

Будучи заносчивым аристократом, Кориолан выступал против усиления власти плебеев, желая ликвидировать должности народных трибунов, представлявших интересы римского простонародья. Для этого он попытался воспользоваться ситуацией, сложившейся в Риме вследствие так называемой сецессии 494 г. до н. э. – добровольного удаления плебеев из города с целью лишить патрициев военных сил и вынудить знать пойти на уступки. Результатом стало учреждение должности народных трибунов, задачей которых была защита плебеев от произвола патрицианских магистратов. Однако сецессия имела еще одно последствие – поля вокруг Рима остались невозделанными, что привело в итоге к нехватке продовольствия и голоду. Продовольствие пришлось закупать у соседей, и аристократы попытались воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы заставить плебеев отказаться от завоеванных ими прав. Особенно рьяно ратовал за это Кориолан, обвинявший плебеев в сложившейся ситуации и предложивший снизить цены на хлеб лишь в том случае, если они согласятся ликвидировать должности народных трибунов. Это возмутило римское простонародье, потребовавшее у сената выдачи Гнея Марция для суда над ним.

Вынужденный бежать Кориолан укрылся у своих недавних врагов вольсков, встав во главе которых пошел войной на родной город. Одержав ряд побед и захватив несколько латинских городов, он подступил к Риму и принялся опустошать его окрестности. При этом

он следил за тем, чтобы нивы плебеев разорялись, а поля патрициев избежали разорения, рассчитывая усилить вражду между знатью и простым народом и расколоть их. Хотя этот план не удался, но и победить вольсков и прогнать их от города римляне также не смогли. Осажденные вынуждены были начать переговоры, однако Кориолан выдвинул неприемлемые условия: вернуть вольскам все отторгнутые у них земли, «если же римляне рассчитывают спокойно пользоваться плодами завоеванного, то он, Марций, не забудет ни обид от сограждан, ни добра от чужих и постарается показать, что изгнание ожесточило его, а не сломило» (Liv. II, 39, 11). Последним средством, к которому прибегли римляне, стало обращение к матери Кориолана Ветурии и его супруге Волумнии. Отправившись в лагерь вольсков, они смогли убедить сына и мужа отвести войско вольсков от Рима. В честь знатных матрон, спасших город, был возведен храм Женского счастья (*Fortuna muliebris*).

Еще одно предание повествует о Луции Квинкции Цинциннате, которого в 458 г. до н. э. избрали диктатором для отражения нашествия громадного полчища сабинов и эквов. Войско римлян было окружено неприятелями в лагере и могло рассчитывать лишь на помощь извне. Лишенный ранее за бесчинства своего сына Цезона всего имущества и ютившийся в убогой лачуге за Тибром, Цинциннат получил известие об избрании в тот момент, когда собственными руками обрабатывал свою ниву – то ли копал канаву, то ли вспахивал поле. Выслушав посланцев сената, он повелел жене принести из хижины тогу и, утерев пыль и пот со лба, отправился в Рим. Прибыв в город, диктатор действовал умело и решительно. Объявив тотальную мобилизацию всех способных носить оружие горожан, он повелел им явиться в войско, неся по двенадцать заостренных кольев. Выдвинувшись затем к

окруженному сабинами и эквами римскому лагерю, он приказал за ночь окружить врагов валом и частоколом из принесенных кольев, после чего обрушился на врагов. Навстречу ему ударили римские воины из осажденного лагеря. Сабинцы и эквы были разгромлены, их вождей заковали в цепи, а остальных воинов заставили пройти «под игмом» – символическим ярмом, сооруженным из трех копий в виде буквы П: два из них были воткнуты в землю, а третье располагалось над ними в качестве перекладины. Это означало признание побежденных рабами победителей. Сокрушив врагов Рима за две недели, на шестнадцатый день диктатуры Цинциннат сложил диктаторские полномочия и удалился в свое захолустье, где вернулся к прерванным сельскохозяйственным занятиям. Это популярное предание о диктаторе-землепашце, добровольно отказавшемся от власти, было призвано подчеркнуть суровую простоту нравов и добродетельные обычаи предков, которые стояли у истоков владычества Рима в Италии.

Войны с вольсками, эквами и самнитами, приукрашенные в легендарной традиции, на самом деле носили локальный пограничный характер и решали вопрос о римском господстве в пределах Лация. Иным было длительное противостояние с богатым и мощным этрусским городом-государством Вейи, находившимся в 30 км к северу от Рима. Целью этой борьбы было не только установление контроля над обоими берегами Тибра и соляными разработками в районе его устья, но и открытие Риму пути на север, в Этрурию. Войны с Вейями определяли основное содержание и важнейшее направление римской внешней политики в течение всего долгого V в. до н. э. С событиями Первой Вейской войны, пришедшейся на 479–474 гг. до н. э., связана легенда о патрицианском роде Фабиев, представители которого многие годы

занимали в Риме консульские должности. Согласно преданию, Фабии во главе с принадлежавшим к этому роду консулом Цезоном выказали желание встать на защиту отечества и взять на себя все бремя ведения войны с Вейями. В поход выступили почти все члены рода в количестве 306 воинов, за исключением одного оставшегося дома юноши. Патрициев сопровождали многочисленные клиенты^[3] и друзья-содалы. Разбив на небольшой речушке Кремере, правом притоке Тибра, лагерь, Фабии принялись опустошать сельскохозяйственную округу города Вейи, одновременно защищая римские владения. Однако военная фортуна вскоре изменила отважным римским патрициям – попав в 478 г. до н. э. в хорошо подготовленную этрусками засаду, они были окружены на холме вблизи Кремеры и безжалостно истреблены все до единого. Если бы не оставшийся в Риме юноша, род Фабиев пресекся бы полностью.

Вторая Вейская война, разразившаяся после заключенного в 474 г. до н. э. и продлившегося сорок лет перемирия, пришлась на 30—20-е гг. V в. до н. э. Ее результатом стало подчинение Римом союзного Вейям города Фидены. Решающей же стала третья война с Вейями, длившаяся десять лет, с 406 по 396 г. до н. э., и завершившаяся разрушением вражеского Риму этрусского города. Героем затянувшейся кампании, во время которой римским воинам пришлось вести длительную изнурительную осаду, стал диктатор Марк Фурий Камилл. Согласно преданию, победу принесла реализованная им военная хитрость – сделанный под городской стеной подкоп. Когда работы были окончены, полководец приказал начать штурм города в удаленном от подкопа месте. Это отвлекло основные силы этрусков на отражение приступа и позволило римским воинам ворваться на улицы Вейи и оказаться прямо в храме

богини Уны (Юноны). В захваченном этрусском городе началась жесточайшая резня, он подвергся разграблению, все его уцелевшие жители были проданы в рабство, а земли на правом берегу Тибра перешли во владение Рима и были распределены между римскими гражданами, что почти вдвое увеличило подвластную Риму территорию. Это не только открывало римлянам путь на север для покорения Этрурии, но и способствовало преобразованию маленького города-государства в сильную территориальную державу. Важным признаком произошедшей государственной трансформации стало в это время введение оплаты воинской службы, что свидетельствовало о замене временного ополчения регулярным войском. Опираясь на сильную армию и черпая ресурсы с достаточно обширной подвластной территории, город на Тибре мог продолжить внешнюю экспансию с целью подчинения ближайших к Лацию областей Италии.

Не подлежит сомнению, что после покорения Вейи экспансия Рима на север вскоре продолжилась бы, однако на некоторое время завоевательная активность Вечного города была приостановлена галльским нашествием. Согласно свидетельству, приведенному Плинием Старшим в его «Естественной истории», этрусский город Мелп был захвачен галлами в тот же день, когда римляне взяли Вейи (Plin. N. H. III, 125). А несколько лет спустя, в 391 г. до н. э., кельты взяли в осаду этрусский город Клузий, вынудив клузян обратиться за помощью к бывшим южным врагам – римлянам. Из Рима в Клузий были посланы трое представителей рода Фабиев, которым было поручено уладить дело миром, потребовав у захватчиков не нападать на людей, не причинивших им зла. Галлы согласились заключить мир в том случае, если клузяне уступят им часть своих пахотных земель, обосновывая

свои притязания правом сильного. Римские послы сочли требование кельтов неприемлемым и даже, нарушив посольский нейтралитет, присоединились к этрусскому войску и приняли участие в битве. Одному из римлян, Квинту Фабию, удалось при этом убить галльского вождя и снять с него доспехи. Оpozнавшие посла разгневанные кельты прервали переговоры с Клузием и, в свою очередь, отправили посланцев в Рим с требованием выдать на суд и расправу виновных в нарушении посольского нейтралитета Фабиев. Римское правительство отказало галлам, и даже более того – Фабии были избраны консулярными трибунами^[4] на будущий год, что обеспечивало им полную неприкосновенность. *Casus belli* был налицо, кельты сняли осаду с Клузия и двинули свое громадное семидесятитысячное войско на Рим.

Битва римлян с галлами состоялась 18 июля 390 г. до н. э. у реки Аллии, правого притока Тибра. Консулярные трибуны совершенно не подготовились к бою, не обустроили укрепленный лагерь и непомерно растянули боевой строй, так что в середине он едва смыкался. По свидетельству Тита Ливия, «римляне бежали, не только не пытались померяться силами с неприятелем, не только не сразившись с ним и не получив ни одной царапины, но даже и не ответив на его клич. Никто не погиб в сражении, все убитые были поражены в спину, когда началась давка, а толчея затрудняла бегство» (Liv. V, 38, 6–7). Поражение при Аллии было столь страшным, что 18 июля навсегда стало черным днем всеобщего народного траура – «день при Аллии» (*dies Alliensis*). Лишенная войска Рим был безо всякого сопротивления разграблен и сожжен кельтами, которые не смогли захватить лишь Капитолийский холм, на котором укрылась часть жителей преимущественно из патрицианских родов.

Согласно известной легенде, когда галлы попытались под покровом ночи тайно проникнуть на этот укрепленный холм, защитников разбудили поднявшие гогот гуси, посвященные богине Юноне. Первым навстречу врагам бросился бывший консул Марк Манлий, щитом сбив в пропасть поднявшегося на вершину холма кельта. Отброшенные с Капитолия галлы в течение семи месяцев держали осаду, пока римляне не согласились на переговоры и не уплатили богатый выкуп, составивший тысячу фунтов золота.

Разоренный кельтами Рим утратил господство в Лации и потерял южную Этрурию. Восстановление потерянных позиций потребовало от римлян многих сил и длилось до середины IV в. до н. э. На этом пути пришлось действовать как оружием, так и дипломатическим путем, придерживаясь принципа *divide et impera* («разделяй и властвуй»), заключая сепаратные соглашения с отдельными городами Италии и выводя колонии во враждебные либо потенциально враждебные земли. В Лации Риму удалось вернуть в Латинскую федерацию отпавший крупный город Пренесте с зависимыми от него девятью поселками (в 380 г. до н. э.) и покорить Тибур (в 360 г. до н. э.). Важным прецедентом стало заключение сепаратного договора с Тускулом в 381 г. до н. э., который вследствие этого потерял политическую независимость и превратился в подчиненный Риму муниципий. Тускуланцы получили право римского гражданства, что по факту выводило этот значимый город из состава Латинского союза и существенно усиливало Рим. Наконец, в 358 г. до н. э. был возобновлен прежний договор Рима с латинскими городами, что означало полное восстановление отношений с Латинской лигой, причем, по всей видимости, соглашение было обновлено в угоду городу на Тибре, усилившему, согласно новой редакции договора, свои руководящие позиции.

В Южной Этрурии уже в 386 г. до н. э. римлянам удалось захватить территории между озером Сабатинус и рекой Арно, закрепиться на захваченных землях этрусских городов Вейи, Капены и Фалерии. В 351 г. до н. э. Рим получил согласно договору половину земель города Цэре, одновременно был заключен мир с Тарквиниями, потерпевшими поражение в ожесточенном противостоянии с римлянами в течение 355–351 гг. до н. э. В 343 г. до н. э. Фалерии вышли из этрусского союза и стали союзниками Рима. Таким образом, к середине IV в. до н. э. римляне прочно закрепились на юге Этрурии и в Лации, приведя в покорность как города Латинского союза, так и племена герников и вольсков. Это дало Риму возможность наращивать экспансию в других направлениях – восточном и в особенности южном, где лежала обширная и плодородная равнина Кампании.

Если на севере основными врагами Рима были этруски и грозившие набегами галлы, то на юге немалую угрозу представляли собой самниты, так же, как и римляне, претендовавшие на установление господства над Кампанией. В 354 г. до н. э. римляне заключили с западной частью самнитов, племенами, обитавшими в районе реки Лириса, союз перед лицом общей опасности со стороны продолжавших беспокоить области Средней Италии галлов. Однако вскоре местное население Кампании, имевшее самнитское происхождение, но утратившее связь со своими соплеменниками, обратилось за помощью к римлянам в момент, когда самниты начали опустошать Кампанию и заперли кампанцев в самом крупном городе области Капуе. Римское правительство оказалось в затруднительном положении, поскольку не могло открыто выступить против самнитов как своих союзников. Формальный выход был найден благодаря решению предоставить кампанцам римское

гражданство при сохранении внутренней автономии. После этого к самнитам было отправлено посольство с просьбой не воевать против новых «подданных» римского народа. Отлично понимавшие шитую белыми нитками уловку римлян самниты ослушались и продолжили опустошать Кампанию, что привело к вторжению римлян на юг и Первой Самнитской войне 343–341 гг. до н. э. По ее результатам Рим установил свою власть если не над всей кампанской равниной, то по меньшей мере над ее западной частью, оставив гарнизоны в городах Капуе и Суессе.

Утверждение власти Рима как к северу от Лация в Южной Этрурии, так и на юге в Кампании вызвало недовольство городов Арицийской (Латинской) федерации, которые не желали мириться с подчиненным положением в то время, как римляне наращивали свою мощь. Латинские города потребовали предоставить их представителям половину мест в сенате и одно консульское место. Римляне отвергли этот ультиматум, что привело ко Второй Латинской войне 340–338 гг. до н. э. В решающем сражении у горы Трифане, неподалеку от города Суесса, на границе Кампании объединенное войско латинов и примкнувших к ним кампанцев потерпело сокрушительное поражение от римлян. Условия, навязанные побежденным латинам, были крайне тяжелыми. Так, были запрещены любые объединения латинских общин между собой, что должно было обезопасить Рим от их совместных выступлений против римского владычества в будущем. Отныне Рим заключал договор с каждым городом по отдельности, что существенно облегчало римлянам установление господства в регионе. Так, ряд городов – Ариция, Тускул, Ланувий – были присоединены к Риму, а их жители получили полное право римского гражданства, а другие, в их числе Пренесте и Тибур, были лишены части их территории.

В тяжелое положение по итогам войны были поставлены также союзные латинам вольски, кампанцы и аврунки. Вольски потеряли значительную часть своих земель и были оттеснены в горы. Их город Анций был превращен в римскую колонию, а флот захвачен Римом. Для уровня развития римского морского дела показательно, что все крупные корабли были тут же сожжены римлянами, а их носовые части выставлены на римском форуме в качестве украшений для ораторской трибуны. В особое положение были поставлены жители Кампании, господство над которой обеспечило Риму прочные позиции в Средней Италии и плацдарм для дальнейшего покорения Апеннинского полуострова. Жители этой области считались римскими гражданами и несли военную службу, однако не имели права голосования и избрания на римские государственные должности.

Последовательная политика согласно принципу *divide et impera* заключалась в том, чтобы навязывать покоренным городам сепаратные соглашения с разными условиями отношений с Римом, что позволяло изолировать контрагентов друг от друга и обеспечить разную степень их вовлеченности в римские дела. Таким образом, важным следствием Второй Латинской войны стало переустройство системы межгосударственных отношений в Лации, обеспечившее прочную власть Рима в этом регионе Италии. Более того, в дальнейшем эта опробованная в пределах Лация политика проводилась римлянами и по отношению к другим италикам в процессе подчинения всего Апеннинского полуострова Риму. Общим же для всех союзников римлян было то, что они лишались права вести самостоятельную внешнюю политику и были обязаны принимать участие в войнах на стороне Рима.

Прочно закрепившись к 340-м гг. до н. э. в пределах Лация, юга Этрурии и в Кампании, Рим был готов к дальнейшему покорению Италии. Главными соперниками на этом пути на тот момент были самниты, что неминуемо обостряло римско-самнитские отношения и в конце концов привело ко Второй Самнитской войне 327–304 гг. до н. э. Поводом для нее стало вмешательство сторон во внутривосточную борьбу в Неаполе, в которой самниты поддержали демократические элементы, а римляне сделали ставку на аристократию, в итоге сдавшую им город. Военные действия с самнитами в Кампании и на западе Самния велись поначалу с переменным успехом, однако когда римляне вторглись в центральный горный Самний в 321 г. до н. э., их постигло тяжелейшее поражение в узком, поросшем лесом Кавдинском ущелье (*furcula Caudinae*), где неповоротливое и непривычное к ведению военных действий в сложных условиях горной местности римское войско попало в умело устроенную самнитами засаду и было вынуждено сдаться на милость победителя. Обезоруженным и раздетым римским воинам пришлось пройти под сооруженным из копий «ярмом», что считалось величайшим позором. Выдав самнитам 600 заложников, римляне были вынуждены просить мира, по условиям которого они обязывались покинуть самнитские земли, оставить занятые ранее города и поклясться не возобновлять военных действий.

Кавдинское поражение было столь тяжелым, что оправиться от него Рим не мог в течение более чем пяти лет. Однако эти годы не прошли даром – римляне реорганизовали армию, сделав ее более маневренной и пригодной для ведения боевых действий на пересеченной местности. Уже в это время они начали обходить самнитов с тыла, проникая в Апулию, а также закрепились в области аврунгов и на севере Кампании.

Одновременно многоплеменная антиримская коалиция, наметившаяся было после успехов самнитов, начала разлагаться под давлением внутренних противоречий. Это позволило римлянам возобновить с конца 316 г. до н. э. военные действия и одержать в итоге ряд убедительных побед как над самнитами, так и над этрусками, попытавшимися было воспользоваться сосредоточением сил Рима на южном направлении. Самниты были вытеснены из Кампании и большей части Самния и были вынуждены просить мира, который был заключен в 304 г. до н. э. По его условиям города Неаполь и Нола в Кампании, а также сабелльские племена, проживавшие вокруг Фуцинского озера, стали римскими союзниками. Они лишались права на ведение самостоятельной внешней политики, обязывались поставлять в римскую армию вспомогательные войска и уступали римлянам часть своих земель. По сути это означало полное подчинение римской власти. Самниты потеряли все свои владения за пределами Самния, также Риму были полностью подчинены племена герников и эквов.

Решающую роль в окончательном покорении Римом Средней Италии сыграла Третья Самнитская война 298–290 гг. до н. э., начало которой было вызвано очередным крупным вторжением галлов. На рубеже IV–III вв. до н. э. новая волна кельтов хлынула из-за Альп в Цизальпинскую Галлию, откуда, увлекая за собою местных соплеменников, двинулась далее на юг. К походу поспешили присоединиться этруски и умбры, принявшие участие в опустошительном набеге на римские земли в 299 г. до н. э. Тяжелой для римлян ситуацией воспользовались самниты, попытавшись закрепиться в Лукании, ранее заключившей союз с Римом. Союзные войска кельтов, этрусков и самнитов сосредоточили боевые действия в Умбрии, где поначалу успешно теснили римлян. Однако в 296 г. до н. э.

в битве при Сентине римский полководец Маний Курий Дентат нанес неприятелю крупное поражение, по сути решившее судьбу всей Италии. По итогам битвы кельты вынуждены были отступить на север, этруски согласились на тяжелое сорокалетнее перемирие с уплатой значительной контрибуции. Хуже всего пришлось самнитам, федерация которых распалась, а отдельные общины были вынуждены заключать унижительные сепаратные союзные договоры с Римом. У самнитов была отобрабана значительная часть их земель, куда римляне вывели колонии, ставшие надежным оплотом римского владычества в регионе. Одновременно колонисты были посланы также в Пицен и в Апулию, что позволило Риму закрепиться также на восточном побережье и отчасти на юге Апеннинского полуострова.

Последовавшее вскоре, в 285 г. до н. э., очередное вторжение галльского племени сенонов сфокусировало внимание Рима на северном направлении. Здесь им пришлось бросить войска на защиту взятого в осаду кельтами союзного этрусского города Арреция. Потерпев тяжелое поражение и понеся значительные потери убитыми и пленными, римляне вынуждены были пойти на переговоры, во время которых их послы были вероломно убиты галлами. Это послужило причиной организации масштабной карательной экспедиции в занятую кельтами-сеннонами область на северо-востоке Апеннинского полуострова, овладев которой римляне основали там колонию Сена Галльская. Победив одновременно еще одно крупное галльское племя бойев в битве при Вадимонском озере в 283 г. до н. э. и заключив с ними мир, Рим смог раздвинуть границы своего владычества вплоть до северных пределов Этрурии. Кельтская угроза с севера и римское давление с юга в конце 80-х – начале 70-х гг. III в. до н. э. вынудили этрусские города заключить с Римом

отдельные неравноправные союзные договоры, положившие конец этрусской независимости. Таким образом, римлянам около 280 г. до н. э. удалось овладеть большей частью Апеннинского полуострова – от долины реки По на севере до Лукании на юге. Неподвластными Риму оставались лишь богатые южные области Италии, населенные как местными племенами апулов, луканов, бруттиев, мессапиев, так и пришлыми эллинами, основавшими здесь ряд значимых колоний. Именно на южном направлении будет сконцентрировано основное внимание римского правительства.

Покорение Южной Италии римлянами пришлось на 281–272 гг. до н. э., став заключительным этапом утверждения римского владычества на Апеннинском полуострове. В значительной степени оно было облегчено постоянными конфликтами греков-колонистов с местным населением, а также внутренней слабостью южноиталийских эллинских полисов, не имевших собственных армий и вынужденных пользоваться услугами греческих наемников. Поводом к вмешательству Рима в дела региона стала просьба греческого полиса Фурии о помощи в борьбе с луканами. Римляне с радостью откликнулись на призыв, дававший им законный повод для проникновения на юг, отправили к Фуриям войско, отогнавшее луканов от города, и оставили там свой гарнизон. Закрепление Рима в Фуриях обеспокоило граждан самого крупного греческого города в Южной Италии Тарента, увидевших в этом опасный прецедент утраты независимости местным греческим полисом. Поэтому, когда десять римских кораблей стали на якорь в Тарентинской гавани, население напало на них, потопив половину флотилии. Часть экипажа затопленных судов была перебита во время схватки, а захваченных в плен продали в рабство. Вслед за этим тарентинцы

двинулись на Фурии и вынудили римский гарнизон оставить город. Когда же требовавшее сатисфакции римское посольство в Тарент подверглось оскорблениям и вернулось ни с чем, война стала неизбежной.

Римское войско вторглось в пределы области Тарента в 281 г. до н. э., с легкостью разгромив объединенные силы тарентинцев и союзных им луканов и мессапиев. Поражение ускорило начатые ранее переговоры тарентинцев с эфирским царем Пирром, и весной 280 г. до н. э. он прибыл в Италию во главе весьма внушительного войска из 20 тыс. тяжеловооруженных пехотинцев, 2 тыс. лучников и 3 тыс. отборных фессалийских всадников. Важной ударной силой армии эфирского царя были 20 боевых слонов, с которыми римлянам предстояло столкнуться впервые. Именно эти боевые животные сыграли решающую роль в первой битве войска Пирра с римлянами при Гераклее, вблизи Тарентинского залива. Брошенные в бой слоны напугали лошадей римской конницы, обратив ее в бегство. Вслед за кавалерией под напором слонов и греческих всадников бежали и римские пехотинцы, потеряв семь тысяч убитыми и оставив на разграбление неприятелю собственный лагерь. Две тысячи римских воинов были захвачены в плен. Впрочем, потери войска Пирра также были велики – около четырех тысяч человек, среди которых было много офицеров, а сам царь был ранен.

После победы Пирра в сражении народы и города Италии приняли его сторону, открыв ему путь на Рим. Через Самнию и Кампанию эфирский царь двинул свои войска на Лаций. Однако и римляне не теряли времени даром, они спешно стянули все доступные им силы для защиты города. Не решившись атаковать превосходящие силы противника, эфирский царь отступил на юг, не дойдя до Рима всего лишь несколько

десятков километров. Следующая встреча двух армий состоялась в 279 г. до н. э. при городе Аускуле в Апулии. Победа досталась эпирскому царю, но ценой столь ощутимых потерь, что воспользоваться ее плодами было невозможно. Историческое предание вкладывает в уста Пирра сказанную им по этому поводу крылатую фразу: «Еще одна такая победа над римлянами, и мы окончательно погибнем». Выражение «пиррова победа» стало с тех пор обозначать победу, равнозначную поражению.

Последовавшая затем попытка Пирра завязать с римлянами переговоры о мире была с негодованием отвергнута, и эпирский царь, вскоре поссорившийся с тарентинцами и потерявший на время интерес к италийским делам, отбыл на Сицилию. В войне наступила пауза, сполна использованная римлянами для усиления боеспособности армии. В частности, они придумали средства для борьбы со слонами и обучили боевых лошадей не бояться их. Поэтому, когда Пирр вновь вернулся в Италию, римляне были готовы к возобновлению боевых действий. Решающая битва состоялась в 275 г. до н. э. поблизости от самнитского городка под названием Малевентум, что в переводе означает «дурной (нездоровый) воздух». Римским войском командовал герой Третьей Самнитской войны Маний Курий Дентат. Исход сражения решили слоны, которые обратились в бегство под градом подожженных стрел римских лучников и растоптали войска Пирра. Царь бежал с поля боя в Тарент, откуда вскоре вернулся в Грецию, а римский сенат в честь одержанной победы переименовал Малевентум в Беневентум («добрый (хороший) воздух»). Поражение Пирра открыло римлянам путь к овладению Тарентом, сдавшимся на милость победителя в 272 г. до н. э., а вместе с ним и всем югом Италии. Вскоре, в 270 г. до н. э., был взят оказывавший сопротивление Регий, а в

265 г. до н. э. римляне овладели последним оказывавшим сопротивление этрусским городом Вольсиниями.

Так к середине 60-х гг. III в. до н. э. весь Апеннинский полуостров от долины Пада на севере до Ионийского побережья на юге был покорен Римом. Длившееся более двух столетий завоевание римлянами Италии завершилось, и город на Тибре превратился в мощное территориальное государство.

Глава 3. «Законы строгие среди этих дикарей»: войско и флот Карфагена

Магон, карфагенский полководец, первым установил в войске военную дисциплину, этим заложил основы господства пунийцев и укрепил мощь государства как военным искусством, так и своей [личной] доблестью.

Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae», XIX, 1, 1

...превосходя окрестных жителей в военном деле, а также пользуясь кораблями и направив, как финикийцы, свою деятельность в сторону моря... они [карфагеняне] овладели Ливией и большим пространством моря; они стали вести внешние войны, совершая походы на Сицилию, Сардинию и другие острова, которые находятся на этом море, а также в Иберию. Очень часто они начали посылать и колонии, и могущество их в военном отношении стало равно эллинскому...

Аппиан Александрийский. Римская история, VIII, 1, 2

К середине V в. до н. э., когда Рим только начал заниматься собиранием земель Апеннинского

полуострова, Карфаген уже вполне сложился как обширное территориальное государство Западного Средиземноморья. Существенную роль в его становлении и укреплении сыграли многочисленные войны, ведшиеся карфагенянами и на суше, и на море и требовавшие наличия в руках государства как мощной сухопутной армии, так и военно-морского флота. Войско Карфагена действительно по праву считалось одним из сильнейших в Средиземноморье и было способно успешно противостоять любой армии того времени в регионе, однако оно не было регулярной армией, комплектовавшейся и действовавшей на постоянной основе. Истинные восприимчивики финикийского мировоззрения и образа жизни, карфагеняне были прежде всего мореплавателями и торговцами, предпочитая коммерческую выгоду военным трофеям, а заключение выгодной сделки – покорению народов и завоеванию территорий. Пунийцы не были фанатами военного дела и боевых действий, и, как в карфагенских захоронениях практически не встречается оружия, так и в иконографии отсутствуют изображения воинов и оружия. Эта особенность сказалась на всех аспектах военной истории Карфагена, во многом определив как его великие победы, так и катастрофические поражения.

Военные контингенты пунийцы собирали в случае потребности вести войну и распускали их после окончания боевых действий. Такое формировавшееся по мере необходимости войско включало те же составляющие, что и армии современных ему античных держав. В него входили граждане государства, подданные из подконтрольных финикийских городов, отряды зависимых племен и городов, наемники и союзники. Главным отличием было количественное соотношение каждой из этих частей. Поскольку чуть ли не до середины V в. до н. э. у Карфагена не было

сельскохозяйственной округи за пределами собственно городской черты, здесь практически отсутствовало свободное крестьянство, бывшее в античных государствах основой для рекрутирования регулярной армии. Это привело к тому, что гражданское ополчение существенно уступало остальным составляющим карфагенской армии, причем его значение со временем постепенно снижалось. В немалой степени эта особенность карфагенского войска была обусловлена также характером войн пунийцев, бывших, за исключением кампаний против североафриканских племен и греков Киренаики, морскими захватческими экспедициями. Природа войн и удаленность театра боевых действий от Карфагена вели к тому, что они не воспринимались как угроза существованию самого города, а значит, не требовали и непосредственного личного участия в них горожан. Участие всех свободных горожан в военных действиях требовалось лишь в случае прямой угрозы столице, чего до начала эпохи войн с римлянами практически не случалось.

Обозначенные факторы привели к тому, что, в отличие от античных полисов, в которых защита отечества была почетным долгом и непременной обязанностью всех граждан, свободные карфагеняне шли в войско преимущественно на добровольной основе. Тем не менее карфагенская армия могла включать значительное количество собственно пунийцев, о чем свидетельствует Плутарх в жизнеописании древнегреческого полководца Тимолеонта. По словам знаменитого античного биографа, в сражении с коринфянами при реке Кремисс на Сицилии в 341 г. до н. э. принимали участие «десять тысяч гоплитов с белыми щитами. По богатству вооружения, медленной поступи и строгому порядку в рядах коринфяне догадались, что это сами карфагеняне» (Plut. Tim. 27). О том, что военная служба

была почетной и пунийцы, принимавшие участие в военных экспедициях, пользовались всеобщим уважением, свидетельствует Аристотель, по словам которого, «в Карфагене... считается хорошим знаком отличия украшение, состоящее из колец по числу проделанных походов». Философ относит этот обычай к установлениям, поощряющим добродетель военной службы для пользы и во славу отечества (Arist. Pol. VII, 2, 6).

Вооружением горожанам Карфагена служили копья и короткие мечи, доспех состоял из панциря и шлема, а круглые вначале белые щиты были вскоре заменены удлиненными, подобными римским и кельтским. О централизованном государственном изготовлении военного снаряжения позволяют судить данные Полибия и Аппиана Александрийского. Первый из них сообщает о существовании в захваченном римлянами пунийском Новом Карфагене (современная Картагена в Испании) специального арсенала, в котором трудились около двух тысяч ремесленников (Polyb. X, 17, 9). Вполне вероятно, что подобный и, очевидно, еще больший арсенал должен был существовать и в самом столичном Карфагене. Аппиан же пишет, что в начале Третьей Пунической войны карфагеняне в кратчайшие сроки изготовили три тысячи щитов, девять тысяч мечей, пятнадцать тысяч копий и тридцать тысяч стрел для катапульта (App. Lib. 93), что потребовало от 1200 до 2 тыс. работников.

Изображений и археологических находок, позволяющих судить о вооружении пунийцев, крайне мало. Среди них рельеф из расположенного на территории древнего города Шемту в вилайете (провинции) Джендуба современного Туниса, где изображены кольчужные панцири и круглые щиты, а также бронзовые грудные и спинные пластины доспехов, обнаруженные в захоронении конца III в до

н. э. в тунисском же Ксур-эс-Сафе (вилайет Махдия). Не слишком информативны и письменные источники. Согласно информации Плутарха, в битве при Кремиссе тело карфагенского воина «было защищено железным панцирем, голова покрыта медным шлемом, и, выставляя вперед огромные щиты, они легко отбивали удары копий» (Plut. Tim. 28). Тяжелый доспех, надежно защищавший карфагенских воинов в бою, во время затянувшегося сражения в сложных погодных условиях, таких как буря, ливень и град, мог превратиться в тяжелую обузу: «Карфагенянам, вооруженным, как уже говорилось, отнюдь не легко, но закованным в панцири, – пишет Плутарх о фатальной для пунийцев битве при Кремиссе, – мешали и грязь, и насквозь промокшие хитоны, которые, отяжелев, стесняли движения бойцов; греки без труда сбивали их с ног, а упав, они не в силах были снова подняться из грязи с таким грузом на плечах» (Plut. Tim. 28).

Особым подразделением, комплектовавшимся из карфагенских граждан, был так называемый Священный отряд, в который входили 2500 воинов из карфагенских аристократических родов. По словам Диодора Сицилийского, в это элитное воинское формирование попадали «за доблесть и доброе имя, а также за богатство» (Diod. XVI, 80, 4). В битве при Кремиссе все они доблестно дрались и погибли «после отважной борьбы». В 310 г. до н. э. Священный отряд принимал также участие в сражении у города Белый Тунис, неподалеку от Карфагена. Здесь его солдаты находились на правом фланге войска, которым командовал Ганнон (Diod. XX, 10, 6). К эпохе Пунических войн это подразделение прекратило свое существование, что, судя по всему, отражало общую тенденцию неуклонного падения удельного веса граждан в карфагенской армии. Пунийцы к этому времени продолжали нести службу практически

исключительно на командных должностях, на которые назначались, исходя из сочетания двух признаков – богатства и знатного происхождения. Аристотель отмечал, что карфагеняне «избирают должностных лиц, и притом главнейших – царей и полководцев, принимая во внимание именно эти два условия» (Arist. Pol. II, 8, 3).

Положение представителей высшего командного состава было крайне неустойчивым. Будучи выбранными на срок предстоящей военной кампании, они попадали под строгий надзор карфагенского правительства, представители которого неотступно находились подле полководца с целью ревностного надзора за его действиями (см.: Polyb. X, 8, 5; Liv. XXVI, 51, 2). По возвращении в Карфаген командующий войском должен был отчитаться в своих действиях во время кампании, о чем свидетельствует Аппиан, упоминающий, что Гамилькар Барка добился того, что «до сдачи отчета о своих действиях он был выбран полководцем против номадов» (App. Nap. 2; ср.: App. Hisp. 4). За неудачи в ведении боевых действий и допущенные оплошности военачальник мог быть строго наказан, ему грозило изгнание или даже казнь, как это случилось с Ганноном, допустившим в начале Первой Пунической войны сдачу Мессены римлянам. «Карфагеняне распяли своего вождя, обвинив его в выдаче цитадели по безрассудству и трусости», – сообщает Полибий (Polyb. I, 11, 5). Дамоклов меч неизбежной расправы за ошибки, равно как и недостаточная компетентность избранных лишь за свою родовитость и богатство пунийских полководцев нередко обрекали карфагенское войско на утрату инициативы и приводили к его поражениям. Впрочем, чрезмерное усиление вследствие достигнутых побед также могло обернуться для военачальника плачевно.

Как бы то ни было, высшее командование карфагенским войском неизменно сосредотачивалось в

руках представителей пунийской аристократии, тогда как основной состав войска формировали наемники и отряды из представителей зависимых племен. Их перечисляет Полибий: «Войска состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигистов и балеарян, и лишь немного было полуэллинов, большею частью перебежчики и рабы; самую многочисленную долю наемников составляли ливяне» (Polyb. I, 67). Согласно сообщению Диодора Сицилийского, во время битвы при Гимере в 480 г. до н. э. в армию Гамилькара входили наемники из Галлии, Италии и Испании. Использование наемного войска и отрядов подданных имело ряд несомненно выгодных для Карфагенской державы аспектов. Прежде всего, оно позволяло обезопасить граждан государства, одновременно освободив их от тягот военной службы. Выплата наемникам жалованья не была при этом чересчур обременительной для Карфагена, во всяком случае не слишком превосходила тот уровень затрат и недополученной прибыли в случае, если бы на ведение военных действий и подготовку к ним пришлось бы массово отвлекать экономически активных граждан. Переложив все усилия на подготовку к войне на чужие плечи, можно было также избежать и излишних трат по выплате жалованья, ведь в случае победы можно было рассчитывать на трофеи и дань с покоренных врагов, а в случае поражения и понесенных потерь существенно уменьшалось число тех, кому следовало заплатить.

О довольно циничном отношении к жизни нанятых ими воинов свидетельствуют античные авторы. В частности, Плутарх, повествуя о разгроме пунийцев в битве при Кремиссе, отмечает, что карфагеняне глубоко скорбели о погибших согражданах, тогда как к гибели наемников были традиционно равнодушны, поскольку, «пользуясь обычно услугами наемников – ливийцев, испанцев и нумидийцев, – они

расплачивались за свои поражения чужою бедой» (Plut. Tim. 28). Наконец, профессиональная наемная армия была грозной силой в руках опытного и талантливоего военачальника, а сочетание отрядов разных народов с присущим им традиционным вооружением и тактиками боя могло сделать такое войско весьма гибким и эффективным.

Действительно, в отличие от римлян, карфагеняне никогда не пытались унифицировать собираемое ими войско, создав единообразный комплекс вооружения и выработав общую для всей армии тактику боя. Каждый представленный среди наемников народ – ливийцы и нумидийцы, иберы и галлы, лигуры и италики, – воины которого обычно рекрутировались целыми отрядами с собственными командирами низшего и среднего звена во главе, сражался тем оружием и таким образом, как привык это делать у себя на родине. Так, ливийцы, по словам Полибия, составлявшие наибольшую долю среди наемного войска, представляли собой легковооруженных пехотинцев с дротиком, кинжалом и круглым кожаным щитом. Они были малопригодны в сражении с тяжеловооруженными эллинскими гоплитами или римскими легионерами, но были отличными разведчиками, их можно было использовать для организации диверсий, эффективных засад и стремительных схваток. Не случайно Тит Ливий характеризовал легковооруженную карфагенскую пехоту как «противника, который был подвижен и хорош в стычках, но уклонялся от настоящего боя, поражал неприятеля с безопасного расстояния, но не выдерживал рукопашной» (Liv. XXVII, 18).

Нумидийцы, эти североафриканские кочевники, представляли собой превосходную легкую кавалерию, всадники которой не пользовались седлами и управляли лошадьми без уздечек и сбруи. Отличаясь высочайшей скоростью и маневренностью, они мало подходили для

прямой сшибки с неприятелем, поскольку были практически лишены доспехов и не имели иной защиты, кроме легкого круглого щита и наброшенных на тело звериных шкур. Однако нумидийские кавалеристы были незаменимы в стремительных атаках и ложных отступлениях, изматывали противника внезапными налетами, осыпая вражеских воинов градом дротиков и возвращаясь на исходные позиции для организации новой атаки. Эту тактику упоминают многие античные авторы, но лучше всех, пожалуй, охарактеризовал ее Аппиан, отмечавший, что у нумидийских всадников «и днем и ночью было одно дело: действуя большим количеством дротиков, все время налетать и отступить и опять налетать» (App. Liv. II, 11). Сходным образом «свойственный нумидянам способ битвы» описывает также Полибий, отмечая, что во время сражения при реке Треббии в Северной Италии в декабре 218 г. до н. э. войска карфагенян под командованием Ганнибала Барки с римской армией во главе с консулом Тиберием Семпронием Лонгом «нумидяне то быстро и врассыпную отступали, то возвращались назад, с самоуверенностью и отвагой переходя в наступление» (Polyb. III, 72).

Отряды кавалеристов поставляли в карфагенское войско также иберийцы, причем Тит Ливий отмечает, что «нумидийский конник уступал испанскому, а мавр, метавший копье, – воину с легким щитом, противники были одинаково быстры, но испанцы сильнее телом и духом» (Liv. XXIII, 26). Страбон свидетельствует, что иберийская конница тесно взаимодействовала со своими пехотинцами, значительно повышая общую мобильность отрядов. Во время маршей, отмечает греческий географ, «они ездят вдвоем на лошади, хотя во время битвы один из всадников спешивается и сражается пешим» (Strab. III, IV, 18). В обычае иберийских всадников было спешиваться во время боя и принимать участие в сражении вместе с пехотинцами, о

чем сообщает Полибий: «В ведении войны наблюдается у кельтиберов следующая особенность: когда они замечают, что пехоту их теснят, то спешиваются и оставляют лошадей спокойно стоящими в строю: к концам уздечек они привешивают маленькие колышки, крепко вколачивают их в землю и таким образом приучают своих лошадей покорно оставаться в строю, пока седоки не возвратятся и не выдернут колышки» (Polyb. fr. 95). Эта особенность боевой тактики обусловила тот факт, что иберийские кавалеристы имели в целом тот же набор вооружения, что и пехотинцы, с тем лишь отличием, что щит всадника был меньше и легче.

Иберы-пехотинцы были вооружены копьями и дротиками, прямыми короткими мечами длиной около полуметра и боевыми кинжалами; защитный доспех состоял из льняных панцирей, сплетенных из сухожилий животных шлемов-колпаков и также оплетенных жилами небольших легких круглых или вытянутых, овальных щитов, крепившихся к левой руке при помощи ремней. Представители знати могли иметь чешуйчатые либо кольчужные панцири, о которых упоминает Страбон. Элементы этого вооружения можно увидеть на изображениях на вазах из Лирии и Эль-Кабесико-дель-Тесоро и на также происходящем из Лирии части фриза, известного под условным названием «схватка всадников и пехотинцев». Выделяя в качестве наиболее храбрых среди иберов племя лузитан, Диодор Сицилийский так характеризует их боевые качества: «Цель они поражают метко и с дальнего расстояния, а удары вообще переносят стойко. Легкие и подвижные, они проворны и в бегстве, и в преследовании, однако в сражении в строю значительно уступают выдержкой кельтиберам» (Diod. V, 34). Особого упоминания заслуживает свидетельство Полибия о коротких прямых мечах иберов, удобных для

использования в плотном строю, где приходилось наносить удары врагу на минимальной дистанции. Неудивительно, что в ходе Пунических войн они были приняты на вооружение римскими легионерами: «Кельтиберы сильно разнятся от других народов строением своих мечей, а именно: мечи их имеют хорошо колющее острие и пригодны для нанесения ударов обеими сторонами. Вот почему римляне со времени войны с Ганнибалом покинули старинные мечи и заменили их мечами иберийскими. Строение мечей они усвоили, но никак не могли перенять ни доброкачественности железа, ни обработки его вообще» (Polyb. fr. 96).

Совершенно иными были мечи кельтов, которые также целыми отрядами входили в состав карфагенского войска в качестве наемников. Поскольку галлы не практиковали сомкнутого построения, их мечи предназначались для индивидуальной схватки и имели более длинные, удобные для нанесения рубящего удара с широким замахом клинки. Галльским мечом, утверждал Полибий, «можно только рубить, и притом на некотором расстоянии» (Polyb. III, 114). Вторым массовым видом наступательного вооружения у галлов были дротики с наконечниками, длина которых, по утверждению Диодора Сицилийского, превосходила длину мечей иных народов. «Некоторые из них выкованы прямыми, а некоторые – извилистыми по всей длине, чтобы не только наносить режущую рану, но и разрывать тело и при извлечении копья разрывать рану еще более» (Diod. V, 29). Свидетельства о защитном вооружении противоречивы: в то время как Диодор сообщает о высоких, в человеческий рост и, по всей видимости, овальных щитах, Полибий не единожды упоминает небольшие кельтские щиты, неспособные защитить от снарядов метательного оружия. Доспехов у галлов, за исключением защитной злати, имевшей

шлемы и кольчуги, практически не было. Немногочисленной была и кельтская конница, не обученная действовать согласованно, вследствие чего каждый всадник сражался как отдельный воин.

Из отрядов наемников, использовавших метательное оружие, особенно выделялись отряды пращников с Балеарских островов, каждый из которых, по свидетельству Страбона, использовал три разных пращи для стрельбы на разные расстояния: «...они употребляют пращи волосяные или жильные; одна петля с длинными ремнями для метания на дальние расстояния, другая с короткими ремнями – на близкие расстояния, а средняя праща – для среднего расстояния» (Strab. III, V, 1). По утверждению Диодора Сицилийского, балеарцы метали снаряды гораздо большие по размеру и значительно более тяжелые, чем все иные пращники, и стреляли так метко, что почти всегда попадали в цель. «Поэтому при штурме крепостных стен они поражают [воинов], стоящих между зубцами, нанося им тяжелые раны, а в сражениях в поле пробивают щиты, шлемы и любой доспех» (Diod. V, 18). При раскопках Карфагена найдено более двадцати тысяч глиняных снарядов для пращей, каждый из которых имеет стандартный размер 4 x 6 см, а по весу превышает 100 граммов, что подтверждает свидетельство античного историка. По всей видимости, не менее эффективными могли быть отряды лучников, которых можно было рекрутировать на Крите, славившемся своими меткими и умелыми стрелками. Впрочем, лучники крайне редко упоминаются античными авторами в составе карфагенского войска.

Наконец, совершенно особой категорией наемников были греки, поставлявшие в карфагенскую армию отряды тяжеловооруженных пехотинцев, способных сражаться в фаланге, держа плотный сомкнутый строй. Среди эллинских наемников особенно ценились

спартанцы, и именно спартанцу Ксантиппу Карфаген был обязан победой в битве 255 г. до н. э. при Тунисе во время Первой Пунической войны. Впрочем, позже от услуг греческих наемников отказались, и в войсках Гамилькара и Ганнибала их уже не было.

Еще одной важной составляющей войска карфагенян, исчезнувшей еще до начала Пунических войн, была запряженная двумя лошадьми боевая колесница. Иногда в кампании принимали участие несколько сотен колесниц, представлявших существенную силу в битве на равнинной местности. В частности, Диодор Сицилийский сообщает, что в 345 г. до н. э. во время сицилийской экспедиции Ганнона из Карфагена на остров на 150 кораблях были переправлены 300 тяжелых боевых колесниц и более двух тысяч превосходных всадников, множество разнообразного оружия, осадных машин, все виды метательных снарядов, а также «огромный запас продовольствия и других материалов» (Diod. XVI, 67). Боевые квадриги, по свидетельству Плутарха, принимали участие в битве при Кремиссе в 341 г. до н. э.: «...воздух очистился, и показалась равнина у подножия, река Кремисс и неприятель, который переправлялся через реку: впереди – запряженные четверкой грозные боевые колесницы» (Plut. Tim. 28). Двести из них по итогам битвы были захвачены победителями (Plut. Tim. 29).

Боевые колесницы исчезают к эпохе войн с римлянами, когда им на смену приходят слоны. В составе карфагенского войска слоны появились на рубеже IV–III вв. до н. э. Защищенное броней боевое животное выполняло в древности роль современного танка, стремительно врываясь во вражеские ряды и взламывая первую линию его обороны. Вслед за слонами в образовавшиеся разрывы неприятельского строя проникали пехотинцы, боевое построение врага

рассыпалось, его ряды смешивались, что позволяло сорвать запланированную противником схему боя и навязать собственную, перехватив тем самым тактическую инициативу. По свидетельству Аппиана, стояла для трех сотен этих боевых животных находились непосредственно в крепостных укреплениях Карфагена: «...каждая стена делилась по высоте на два яруса, и в ней, бывшей полой и разделенной на камеры, внизу обычно стояли триста слонов и находились склады пищи для них» (App. VIII, XIV, 95). Карфагеняне использовали в своем войске местных североафриканских слонов, что подтверждается свидетельствами письменных источников, сообщающих об охоте на этих животных пунийцев в Нумидии, неподалеку от Карфагена. О местном происхождении слонов свидетельствуют также сохранившиеся изображения этих животных с характерными для африканских слонов большими ушами. Поскольку африканские слоны были сравнительно небольшими, на них невозможно было установить башенку для стрелков, так что на животном восседал лишь один погонщик, направлявший его в нужную сторону.

Во время сражения слонов обычно располагали впереди, вдоль всего строя глубоко эшелонированной пехоты. Если животных было много, десятки и даже сотни, их могли попросту гнать перед основным войском, чтобы напугать противника, взломать его строй и согнать его с занятых позиций. Слоны могли и попросту растоптать врага, сметая все на своем пути. Диодор Сицилийский сообщает, что во время войны в Иберии в войске Гасдрубала было две сотни слонов! (Diod. XXV, 12). В случае же незначительного количества слонов их могли размещать на флангах с целью устрашить непривычную к их виду вражескую конницу. На флангах карфагенского войска, под прикрытием слонов или же без них, обычно находилась

кавалерия, задачей которой было изматывание врага налетами с флангов, преследование неприятеля в случае его отступления или бегства, а со времени похода Ганнибала также заход в тыл противника и окружение его.

Важную роль в карфагенском войске выполняли разного рода боевые механизмы и приспособления, которыми пунийцы были снабжены по последнему слову военной техники того времени. Изобретение некоторых из них античная традиция даже приписывала карфагенянам. Так, согласно Витрувию и Афинею Механику, пунийцами был изобретен осадный таран. Это произошло якобы во время осады карфагенянами Гадеса, когда воины при помощи обычного бревна без особого труда разбили стены небольшого пригородного укрепления. Видевший это корабельный плотник из Тира по имени Пефрасмен придумал подвесить бревно к вертикальной рамочной конструкции в виде мачты с поперечинами и, раскачивая его наподобие маятника, наносить удары по крепостной стене. Со временем орудие было усовершенствовано инженером Герасом, обустроившим деревянную, покрытую крышей конструкцию на колесах с подвешенным внутри бревном, передний конец которого, предназначенный для удара, был обит железом (Vitruv. X, 13, 1-2; Athen. Poliorcet. 9). Таран получил название осадного барана, поскольку наносил удары «головой» подобно этому животному. «Ведь и барана, - пишет Тертуллиан в трактате "О плаще", —...осадную машину с бревном, которая крушит, воюя, городские стены и которую еще никто не приводил в движение до тех пор, пока тот самый Карфаген, а "был он богат и в битвах бесстрашен", не построил ее первым из всех, как качели для висячего натиска, заимствовав силу оружия от ярости животного, защищающего себя головой» (Tert. De pallio, I, 3).

Впрочем, первенство карфагенян в изобретении тарана сомнительно, ведь это приспособление было давно известно на Востоке, к примеру ассирийцам, с которыми финикийцы тесно взаимодействовали. Скорее всего, карфагеняне просто перенесли хорошо известный им механизм в Западное Средиземноморье, и использование его именно пунийцами произвело столь сильное впечатление на античных авторов, что те посчитали карфагенян изобретателями осадного тарана. Еще более сомнительно встречающееся в «Естественной истории» Плиния Старшего утверждение о том, что финикийцы первыми изобрели катапульту (Plin. N. H. VII, 201). По крайней мере на Западе ее, по всей видимости, впервые построили в Сиракузах (Diod. XIV, 42, 1). Однако как бы ни решался вопрос о первенстве изобретения и первом применении тех или иных военных приспособлений, не подлежит сомнению, что карфагенская армия в достаточном количестве была снабжена катапультами, баллистами, таранами, осадными башнями и прочими боевыми орудиями, механизмами и сооружениями. Об эффективности их использования позволяет судить, к примеру, осада Ганнибалом города Селинунта на южном побережье Сицилии, когда карфагенский военачальник «установил шесть башен исключительной высоты и бросил против стен равное число окованных железом таранов, кроме того, использовав лучников в большом количестве, прогнал солдат, защищавших стены» (Diod. XIII, 54, 7).

В целом карфагенская сухопутная армия была вполне приспособленной для решения разнообразных боевых задач и могла составить серьезную конкуренцию сильнейшим войскам Средиземноморья. Значительным преимуществом было привлечение и сочетание разноплеменных отрядов наемников, искусных в разных способах ведения боевых действий. Однако столь разношерстное войско из разноязычных и

отличающихся культурными обычаями народов не просто было держать в повиновении, и, по словам Полибия, «...карфагеняне постоянно имели у себя на службе наемников различных стран и, составляя войско из многих народностей, добивались того, что наемники с трудом и нескоро столковывались между собою, повиновались начальникам и не были для них опасны; но карфагеняне попадали в гораздо большее затруднение, когда им приходилось увещевать, успокаивать и разубеждать наемников в случаях раздражения их, гнева и волнений. И в самом деле, раз этими войсками овладевают недовольство и смута, они ведут себя не как люди и под конец уподобляются диким зверям, впадают в бешенство» (Polyb. I, 67).

Проблемой была также организация эффективной коммуникации между высшими офицерами-пунийцами и командирами отдельных племенных отрядов, требовавшей переводчиков и чреватой умышленным искажением или случайным неточным истолкованием приказов либо несвоевременным донесением информации. Наконец, наемное войско могло быть успешным в наступательных и не слишком длительных кампаниях во вражеских землях в расчете на скорые победы, захваченные трофеи и выплаченное жалованье. И совсем иначе выдерживали наемники длительную войну на истощение, когда нужно было обороняться. Лишенные патриотических чувств по отношению к Карфагену, наемники были хороши, когда пунийское войско побеждало в чужих землях, и становились плохими защитниками для карфагенян, когда те терпели поражения на подступах к собственному городу.

Если на суше сила войска карфагенян была сопоставима с мощью армий их противников, то флот пунийцев долгое время был одним из сильнейших, если не самым могущественным во всем Западном

Средиземноморье. Полибий вполне обоснованно утверждал, что карфагеняне «со времен предков их неоспоримо владычествовали на море» (Polyb. I, 20), тогда как римляне вступили в конфликт с пунийцами, практически не имея военно-морского флота и опыта ведения морской войны. Военный флот Карфагена насчитывал несколько сотен кораблей, причем обычным количеством в крупной эскадре было 60 судов. Обычным типом корабля была триера (согласно древнегреческой терминологии) или трирема (у римлян) – судно с тремя вертикально расположенными один над другим рядами весел по каждому борту, имевшее одну съёмную мачту и прямоугольный парус. Ее длина достигала 50 м, а ширина составляла около 7 м. На каждое весло приходилось по одному гребцу, совместные усилия гребцов позволяли кораблю развить скорость от 4-5 узлов в походе до 8 или даже 12 узлов во время боя. Общее количество гребцов на триреме достигало 170 человек. Впервые триеры в составе карфагенского флота упоминает Ксенофонт, описывая сицилийский поход пунийцев в 406 г. до н. э. По его словам, в этот год «карфагеняне, отправившись походом в Сицилию на ста двадцати триерах и со ста двадцатью тысячами пешего войска, взяли измором Акрагант» (Xen. Hell. I, 5, 21). Впрочем, они могли использоваться финикийцами и гораздо раньше.

Со временем, к началу Первой Пунической войны, в карфагенском флоте появляются уже пентеры, или квинквиремы, которые долгое время традиционно рассматривали как более крупные по сравнению с триерами (триремами) корабли, имевшие по пять рядов весел по каждому борту. Более верным, однако, представляется мнение, согласно которому название типу корабля было дано не по количеству рядов весел с одного борта, а по числу гребцов на веслах, расположенных в одном вертикальном ряду. Таким

образом, пентера была модификацией триеры, в которой на двух верхних веслах сидели уже по два гребца, в то время как нижнее, наиболее короткое и легкое весло приводилось в движение одним человеком. Общее количество гребцов на пентере достигало вследствие этого трехсот, а сам корабль имел увеличенные по сравнению с триерой размеры, пропорционально нарастив ширину и отчасти длину корпуса, а также высоту бортов. Помимо собственно экипажа, согласно современным подсчетам, триера могла взять на борт для перевозки до двухсот, а пентера – до трехсот воинов.

Отличительной чертой боевых финикийских, равно как и греческих, а впоследствии и римских кораблей был изогнутый остроконечный нос, обшитый металлом и являвшийся тараном. Он предназначался для того, чтобы, ударив вражеское судно в борт, пробить в нем брешь и вывести его из строя или даже потопить. Таранный удар был основным тактическим приемом карфагенян во время морского боя. Еще одним изощренным способом повреждения неприятельского корабля был искусный маневр стремительного сближения с противником, позволявший корпусом своего судна сломать неприятелю весла, предварительно убрав собственные весла внутрь. Наконец, врага можно было также взять на abordаж, сблизившись борт к борту и высадив abordажную команду для захвата корабля противника. Все эти боевые приемы, требовавшие искусного и стремительного маневрирования, были возможны лишь при наличии на корабле в совершенстве обученной команды. Не приходится сомневаться, что карфагеняне, прирожденные мореходы, обеспечивали каждое судно таким высококлассным экипажем из граждан города. Полибий сообщает о некоем Ганнибале Родосце, который во время Первой Пунической войны, когда римский

флот блокировал Лилибей, благодаря искусному маневрированию легко прошел на своей пентере сквозь кольцо блокады. Впоследствии он не единожды выходил из порта и возвращался, и римляне долгое время не могли ни задержать, ни уничтожить отважное пунийское судно (Polyb. I, 46–47).

Строительство кораблей карфагенского военно-морского флота было организовано государством на должном уровне. Аппиан сообщает, что военная гавань города с верфями была скрыта от посторонних глаз так, чтобы «вошедшим в гавань купеческим судам не были видны верфи, ибо их окружала двойная стена» (App. VIII, 96). Страбон свидетельствует, что в Карфагене для строительства флота имелся «запас строительного леса, и множество мастеров плотников содержалось за государственный счет», что позволило во время Третьей Пунической войны даже в условиях осады города римлянами быстро построить 120 боевых кораблей (Strab. XVII, 3, 15). Скорость строительства, а также анализ обломков пунийского военного корабля, обнаруженных на мелководье возле Марсалы, у западного побережья Сицилии (античный Лилибей), позволили исследователям прийти к обоснованному выводу, что упомянутый Страбоном строительный лес на карфагенских верфях был, по всей видимости, не просто необработанным материалом, а заранее изготовленными и готовыми к сборке деталями, что позволяло значительно ускорить сооружение судов. Соответствующим образом промаркированные после изготовления, детали легко и быстро собирались в единое целое, как только в этом возникала потребность.

Пунийский флот не только господствовал на море, но был также прекрасным средством доставки сухопутного войска в любую точку Западного Средиземноморья. Контроль над всеми морскими

путями сообщений позволял также организовать снабжение армии необходимым снаряжением и продовольствием, доставлявшихся на транспортных кораблях, которые назывались гаулами. В сочетании с мощной армией это делало пунийцев военной силой, способной обеспечить политическое господство Карфагена во всем регионе.

Глава 4. «Ржавая в ножнах не блещет при деле!»: военное дело Рима накануне Пунических войн

*Военное искусство, энергично
упражняемое, стяжало римскому
владычеству верховенство в Италии,
даровало управление множеством
городов, великими державами,
могущественнейшими народами,
распахнуло пролив в Понтийское море,
взломало запоры к горам Альп и Тавра и
превратило исток из крохотной хижины
Ромула в вершину над всем кругом
земель.*

*Валерий Максим. Достопамятные
деяния и изречения, II, 8*

В ходе овладения Апеннинским полуостровом Рим совершенствовал и развивал свое войско, выработав к первой трети III в. до н. э. стройную и эффективную военную систему, в практически неизменном виде просуществовавшую вплоть до конца II в. до н. э. и ставшую основой для армии, которая привела Римскую державу к господству в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Важнейшую роль в трансформации традиционного римского гражданского ополчения сыграли крупные поражения римлян в битвах с галлами при Аллии в 390 г. до н. э. и с самнитами в Кавдинском ущелье в 321 г. до н. э. Выявив все несовершенства структуры, тактики и вооружения римского войска, они способствовали преобразованиям, превратившим армию города на Тибре в мощнейшую

силу в Италии, а потенциально - и во всем Средиземноморье.

Изменения, произошедшие в римской армии в течение IV в. до н. э., касались ряда принципиальных моментов: изменения принципа комплектования и количественного роста армии, трансформации ее организационной структуры, изменения схемы расстановки воинов в легионном боевом построении и, наконец, существенного усовершенствования как наступательного, так и защитного вооружения. Эти растянувшиеся на целое столетие преобразования, начавшиеся с нововведений диктатора Марка Фурия Камилла, были подытожены демократическими реформами цензора Аппия Клавдия Цека (312-307 гг. до н. э.), которые завершили переход к манипулярной армии и значительно повысили боевой дух состоявшего преимущественно из плебеев римского войска, заложив основы будущих побед Рима над Карфагеном во время Пунических войн. В наиболее целостном виде описание римского войска, сложившегося по итогам развития в IV в. до н. э., приведено во «Всеобщей истории» Полибия (ок. 200 - ок. 118 гг. до н. э.), античного автора, хорошо осведомленного как о военном деле своего времени в целом, так и о состоянии римской армии в частности.

Защита отечества была почетным долгом каждого римского гражданина, пригодного к несению военной службы. Нижняя грань призывного возраста составляла 17 лет, верхняя достигала 46 лет. В течение тридцатилетия римские воины должны были принимать участие во всех походах, как бы часто они ни совершались, и были «обязаны до сорокашестилетнего возраста совершить десять походов в коннице или двадцать в пехоте... Занять государственную должность никто не может прежде, чем совершит десять годичных походов» (Polyb. VI, 19). Призыв в войско, как это происходило еще в царский период

истории Рима, производился ежегодно, поскольку войны были обыденным делом и редко выпадали годы, когда римляне не вели боевых действий. Набор воинов осуществляли консулы, объявляя его специальным эдиктом после того, как сенат принимал решение о начале войны. «Когда выбранные в консулы лица пожелают произвести набор, они обязаны заранее в народном собрании назначить день, в который должны явиться в Рим все римляне, достигшие положенного возраста», – сообщает Полибий (Polyb. VI, 19, 5). На время рекрутирования воинов по распоряжению консулов приостанавливалась деятельность судов и прекращались разбирательства по имущественным и уголовным делам. По сути, таким образом вводилось то, что можно условно назвать военным положением, поскольку переставали действовать гражданские законы и нормы обычного права. Так произошло, к примеру, в 458 г. до н. э., когда назначенный диктатором для отражения нашествия сабинов и эквов Луций Квинций Цинциннат «остановил судопроизводство, велел закрыть по всему городу торговлю и запретил какую бы то ни было частную деятельность» (Liv. III, 27, 2).

Набор производился на Форуме, куда военнообязанные граждане должны были явиться по призыву глашатая безоружными, поскольку в черте города ношение оружия было запрещено. Иногда, чтобы окончательно подавить протесты недовольных объявленным рекрутированием призывников, набор переносился за черту города, на Марсово поле, где гражданское право не действовало и замещалось военной властью (империем) консула. О процедуре призыва в войско в 494 г. до н. э., в основном сохранившейся и позднее, сообщает Дионисий Галикарнасский: «...после того как консулы решили вывести войско в поход и всем сенатом было

постановлено, что их решение правильно, они приказали всем военнообязанным мужчинам явиться в установленное ими время, в которое они должны были составить список воинов» (Dionys. VI, 23, 2). Призыв производился на основе списков военнообязанных, определявших порядок призыва на службу. Существование таких реестров позволяет установить сообщение Тита Ливия о наборе войска в том же 494 г. до н. э.: «Распустив сенат, восходят консулы на трибунал и поименно выкликают юношей» (Liv. II, 28, 6).

После того как необходимое количество воинов было набрано, им приказывали в определенный день явиться на место общего сбора для смотра и распределения по центуриям (сотням). Обычно днем сбора был следующий день после призыва, а местом – Марсово поле. Так, именно на Марсово поле приказал явиться всем достигшим призывного возраста диктатор Цинциннат в 458 г. до н. э., «имея при себе пятидневный запас еды и по двенадцать кольев» (Liv. III, 27, 3). Оружие воины получали централизованно из государственного хранилища – эрария. При этом уже со времени реформы, приписываемой традицией шестому римскому царю Сервию Туллию, право на получение определенного вооружения зависело от имущественного разряда призывника и, соответственно, суммы цензового взноса (*tributum*), сделанного им в казну для приобретения оружия. Согласно проведенной переписи все свободное население Рима – *populus Romanus*, как патриции (знать), так и плебеи (простонародье), было разделено, в зависимости от имущественного положения, на пять цензовых разрядов, или классов (*classi*). К первому классу принадлежали те, чье имущество составляло 100 тыс. (согласно Авлу Геллию – 125 тыс.) ассов – римских медных монет. Вторым разряд составляли граждане, имевшие 75 тыс. ассов, третий – 50 тыс.

ассов, четвертый - 25 тыс. ассов, пятый - 12,5 тыс. (согласно Дионисию Галикарнасскому) или даже всего 11 тыс. (по Титу Ливию) медных монет. Те, кто не обладал имуществом даже на эту минимальную сумму, считались стоящими «ниже класса» (*infra classem*) или «оцененными головой» (*capite censi*). Их называли пролетариями (*proletarii*, от слова *proles* - «потомство»), то есть людьми, все достояние которых заключалось исключительно в их детях.

Представителям каждого имущественного разряда предписывался определенный набор оружия, количество которого уменьшалось соответственно уменьшению величины ценза. Так, воины из граждан первого класса имели на вооружении шлем (*galea*), панцирь (*lorica*), круглый щит (*clipeus*), поножи (*ocrea*), меч (*gladius*) и копье (*hasta*). Наиболее богатые из них несли службу в кавалерии и назывались «всадниками» (*equites*), остальные же как тяжеловооруженные пехотинцы стояли в первом ряду боевых порядков войска. Вооружение воинов второго класса отличалось отсутствием панциря и продолговатым щитом (*scutum*), в отличие от круглого у граждан первого разряда. В бою они занимали вторую линию. Третий класс имел то же оружие, что и второй, за исключением поножей, четвертый же, помимо вытянутого щита, был вооружен лишь копьем и метательным дротиком (*verrutum*), занимая в бою последний ряд боевых порядков. Наконец, воины пятого имущественного разряда были вооружены лишь пращами и запасом камней для метания. Они не занимали определенного места в боевом строю и выполняли роль мобильных легковооруженных отрядов. Во время Пунических войн, по свидетельству Полибия, наибеднейшие граждане должны были нести службу на флоте (Polyb. VI, 19).

Каждый из разрядов формировал определенное количество центурий. Так, первый класс выставлял 18

центурий всадников, из которых 6 были патрицианскими и 12 плебейскими, и 80 центурий пехоты. Второй, третий и четвертый имущественные разряды формировали по 20 центурий каждый, а к пятому относились 30 центурий. Вне системы деления на классы находились две центурии военных ремесленников, которых придавали либо к первому, либо ко второму разряду, а также две центурии военных музыкантов (трубачей и горнистов), добавлявшиеся к четвертому или пятому классам. Еще одну центурию составляли пролетарии, которые военной службы не несли. Таким образом, суммарно насчитывалось 193 центурии. Центурии каждого класса делились на две части – младших (*iuniores*) и старших (*seniores*). Младшими считались воины от 17 до 45 лет, несшие основную военную службу, к старшим относились воины возрастом от 46 до 60 лет, задействованные преимущественно в гарнизонной службе. Например, Цинциннат, готовясь к выступлению против сабинов и эквов, повелел молодым воинам «с оружием в руках явиться до захода солнца на Марсово поле, имея при себе пятидневный запас еды и по двенадцать кольев; тем же, кто был уже стар для войны, он велел приготовить еду для своих соседей-воинов, занятых подготовкой оружия и кольев» (Liv. III, 27, 3-4).

В бою пехотные центурии строились фалангой – сплошными рядами, в которых воины первого класса, имевшие наилучшее оружие, находились в первой линии. В соответствии с древнегреческим принципом воинской классификации этих тяжеловооруженных и наилучшим образом экипированных пехотинцев принято называть гоплитами. Воины следующих трех классов – от второго до четвертого – располагались позади фаланги гоплитов, далее вглубь боевых порядков, занимая следующие ряды в зависимости от

имущественного ценза, постепенно понижаясь в классе и, соответственно, имея все более слабое вооружение. Могли они также располагаться и по бокам от отрядов воинов первого класса. Фланги такого построения прикрывала конница из 18 всаднических центурий. Наконец, принадлежавшие к пятому разряду пращники формировали отдельные подвижные отряды, также использовавшиеся для прикрытия фаланги.

Установленная реформой Сервия Туллия зависимость вооружения воинов и их места в боевых порядках войска от имущественного разряда была поколеблена в процессе изменений в IV в. до н. э., в результате которых центуриатная фаланга была трансформирована в так называемый манипулярный легион. Эти преобразования начались уже с конца V в. до н. э. введением воинского жалованья и завершились в последнее десятилетие IV в. до н. э. реформами Аппия Клавдия Цека. В итоге к рубежу IV–III вв. принадлежность воинов к разным категориям стала определяться исключительно их возрастом и, следовательно, опытом. В соответствии с этим принципом были практически нивелированы отличия в вооружении солдат, каждый из которых имел теперь шлем, удлинённый овальный щит, панцирь, меч и копье (гасту или два пилума). Единственным пережитком предыдущей эпохи, упоминаемым Полибием, являлось то, что зажиточные граждане, «имущество которых определяется цензорами более чем в десять тысяч драхм», прибавляли «к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу» (Polyb. VI, 23, 15). Приводимая древнегреческим историком сумма равнозначна 100 тыс. ассов, что соответствует имущественному цензу первого класса римских граждан согласно реформе Сервия Туллия. В остальном зажиточность воина уже не играла существенной роли как в наборе вооружения, так и в определении его места в боевом

построении, которое теперь зависело сугубо от возраста и опыта солдата.

Основным подразделением римского войска с середины – второй половины IV в. до н. э. стал легион, название которого происходит от глагола *legere* – «собирать», «набирать» и, соответственно, существительного *legio* – «набор». Утвердившись в качестве основного воинского соединения, легионы имели единообразную структуру и состав для разных родов войск, что позволяло выполнять все базовые боевые задачи, ставившиеся перед сухопутной армией той эпохи. Полибий свидетельствует, что в III-II вв. до н. э. собственно римская армия состояла из четырех легионов, каждый из которых насчитывал по 4200 пехотинцев и 300 всадников (Polyb. VI, 19, 7). Из 4200 пеших легионеров 3000 были тяжеловооруженными пехотинцами, а 1200 составляли легковооруженные мобильные отряды велитов. Если предполагалось, что боевые действия будут особенно трудны, число легионеров могло быть увеличено с 4200 до 5000 (Polyb. VI, 20). Тит Ливий также сообщает: «Обычно набирали четыре легиона по пять тысяч пехотинцев и для каждого легиона по триста всадников. Другое такое же войско добавлялось после набора латинов» (Liv. VIII, 8). В зависимости от потребностей ведения боевых действий базовое число в четыре легиона могло быть увеличено до восьми и даже двенадцати, если того требовала ситуация.

Четыре легиона составляли две консульских армии, соответственно, каждый из консулов обычно осуществлял командование двумя легионами. Если оперативная обстановка требовала объединения всех сил, консулы командовали образовавшимся войском поочередно, меняясь обычно через день. Отдельным легионом поочередно командовали шесть военных трибунов, часть которых избиралась народом, а часть

назначалась консулами. Непосредственно легионом в течение двух месяцев руководили два военных трибуна, которые сменялись на следующие два месяца новой парой. Как именно осуществлялось в это время командование, точно не известно. Трибуны могли сменять друг друга через день, как это было с консулами в случае объединения консульских армий, или через месяц, или же решать все вопросы совместно. Неизвестно также, как были организованы отношения двух осуществлявших командование трибунов с теми четырьмя трибунами, которые ожидали своей очереди. Отсутствие единоначалия в римской армии и частая смена командиров приводили к неразберихе и путанице, особенно опасным во время ведения боевых действий.

Помимо собственно римских легионов латины и прочие италики, бывшие союзниками (*socii*) римлян, должны были поставлять Риму свои войска. Обычно союзнические контингенты были равны по количеству римским легионам и использовали тот же принцип комплектации и построения, имели практически идентичное вооружение. На один легион римлян приходилось называвшееся когортой формирование из 5000 союзнических пехотинцев. Конницы же в когорте союзников обычно было втрое больше, чем в легионе, – 900 всадников. Высшее командование над войсками союзников осуществляли римские военачальники, так называемые военные трибуны, средний и младший командный состав был представлен командирами из самих союзников. В бою формирования союзников практически никогда не действовали самостоятельно, а выполняли функцию вспомогательного войска, находясь на флангах легионов. Призыв союзников, судя по всему, также производился по системе, подобной римской. После прибытия их на место сбора римские офицеры отбирали пятую часть пехоты и третью часть

конницы в резерв, носивший название экстраординарии (*extraordinarii*). Остальные же разделялись на две части, называвшиеся правым и левым крылом (алами) и занимавшие во время боя соответствующие позиции на флангах римского легиона.

Римский легион был разделен на 30 манипул (*manipulus* в переводе с латыни значит «горсть» соломы или сена), название которых происходит от латинского слова «рука» (*manus*) и связано с тем, что каждое из этих подразделений имело значок (*signum*) в форме кисти человеческой руки, насаженной на древко. Из тридцати манипул легиона десять составляли гастаты, десять – принципы и еще десять приходилось на триариев. Отличались эти воины возрастом и боевым опытом. Гастаты (*hastati*) были самыми молодыми, не имевшими длительного опыта участия в военных кампаниях либо и вовсе новобранцами. К принципам (*principes*) относились мужчины в расцвете сил, успевшие уже повоевать в нескольких кампаниях и прошедшие немалый боевой путь. Триарии (*triarii*) же были наиболее опытными зрелыми воинами, имевшими за плечами множество сражений и отличавшиеся испытанным умением, стойкостью и храбростью.

Манипулы состояли из двух центурий (сотен) во главе с сотниками-центурионами. Таким образом, в манипуле было два центуриона, причем общее командование всем подразделением осуществлял первый из них (*centurio prior*), второй же (*centurio posterior*) занимал подчиненное положение относительно первого. В этом прослеживается та же двойственность и разобщенность, характерная для командования объединенными консульскими армиями или легионом двумя трибунами одновременно. «Назначение двух начальников в каждом отряде, – поясняет Полибий, – имеет следующее основание: не зная, как будет действовать начальник, не случится ли

с ним чего, между тем как военное дело не допускает перерыва, римляне не желают оставлять манипул когда бы то ни было без вождя и начальника. Если оба центуриона на месте, то один из них, выбранный первым, ведет правое крыло манипулы, а выбранный вторым – левое; если один из центурионов отсутствует, то остающийся командует целой манипулой. От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего их противника и оставаться на месте до последнего издыхания» (Polyb. VI, 24).

Во время сражения собственно римские легионы размещались в центре войска либо же занимали его правый фланг. Полибий крайне высоко отзывался о боевом построении римлян, отмечая его удобство, надежность и эффективность: «Римский боевой строй... весьма удобен, ибо каждый римлянин, раз он идет в битву вполне вооруженный, приготовлен в одинаковой мере для всякого места, времени, для всякой неожиданности. Точно так же он с одинаковой охотой готов идти в сражение, ведется ли оно всей массой войска разом или одною его частью, манипулой или даже отдельными воинами. Так как приспособленность частей к сражению составляет важное преимущество, то по этому самому и начинания римлян чаще, нежели прочих народов, увенчиваются успехом» (Polyb. XVIII, 32).

По краям боевое построение прикрывала кавалерия римлян и союзников, задачей которой было не только защищать собственную пехоту от удара с фланга, но и попытаться обойти противника либо даже нанести первый удар, чтобы расстроить его ряды. Конница, впрочем, была наиболее слабой частью римского

войска. Во многом это объясняется тем, что античность не знала стремян и соответствующей конской упряжи, а значит, всадник не мог нанести ни таранный удар зажатой под мышкой копьем, ни рубящий мечом с широким замахом и использованием не только силы руки, но и веса всего корпуса. Необходимость удерживаться на коне позволяла кавалеристу лишь рубиться длинным, до 80 см, мечом либо наносить колющие удары копьем, имея при этом шлем, панцирь и круглый щит в качестве защитного вооружения. Метательное оружие, такое как лук или дротики, римская кавалерия не применяла. Делилась легионная конница на десять называвшихся турмами отрядов по тридцать всадников в каждом. Турма, в свою очередь, делилась на три десятка во главе с десятниками-декурионами, один из которых командовал также всей турмой.

Использование манипул и центурий в качестве основных тактических единиц делало войско более управляемым и маневренным, что было особенно важно при ведении боевых действий на пересеченной местности, как это было, к примеру, в гористом Самнии. «Римский военный строй и римское войско трудно разорвать, – подчеркивал Полибий, – солдаты, оставаясь в том же строю, имеют возможность вести сражение отдельными частями или всю массу по всем направлениям, ибо ближайшие к месту опасности манипулы каждый раз обращаются лицом куда нужно» (Polyb. XV, 15). Оно позволило перейти к так называемой манипулярной тактике, при которой войско применяло определенное построение и осуществляло ряд отработанных маневров.

Из пехотинцев первыми сражение начинали велиты либо легковооруженные союзнические когорты, задачей которых было втянуть противника в бой, а затем отступить, просочившись сквозь построение основного

войска через интервалы между манипулами. Каждая манипула могла вести боевые действия самостоятельно, что нивелировало угрозу разрушения общего строя, смертельно опасную для фаланги. Подвижные отряды позволяли также формировать и удерживать сплошную линию, не давая противнику проникнуть внутрь римских боевых порядков через разрывы в построении и нанести удары с флангов и тыла. Манипулы могли действовать как разомкнутым строем, там и смыкать строй при сближении с врагом. Происходило это благодаря двойственной природе манипул, состоявших из двух центурий: во время сближения с неприятелем центурии следовали колонной одна за другой, а между манипулами оставались интервалы, по ширине равные строю каждой из них. Когда же расстояние сокращалось и нужно было сформировать единый строй, вторая задняя центурия (*posterior*) делала поворот налево в сторону разрыва и, войдя в него, поворачивала направо, заполняя таким образом промежуток и, продвинувшись вперед, образуя единую боевую линию совместно с первой передовой (*prior*) центурией своей манипулы.

На поле битвы манипулы располагались в три линии (*acies triplex*) по десять манипул в ряд, составляя фронт шириной от 240 до 400 метров, в зависимости от построения воинов в глубину в три, четыре либо пять шеренг. Первые две боевые линии - гастаты и принципы - находились близко одна к другой, поскольку являлись боевыми. При этом манипулы второй линии располагались по отношению к манипулам первой в шахматном порядке, занимая позиции напротив интервалов в построении первой линии. Такое расположение позволяло гастатам в случае необходимости отступить в интервалы построения принципов, а этим последним, наоборот, выдвинуться вперед, образовав тем самым единый

строй. Третья линия, также расположенная напротив промежутков в построении второй, состояла из триариев и являлась резервной, в связи с чем находилась на несколько большем расстоянии, чем первая от второй. Количество бойцов в центуриях и, соответственно, манипулах не было одинаковым. В первых двух линиях боевого построения, образованных манипулами гастатов и принципов, каждая центурия насчитывала 60 воинов, составляя манипулу из 120 солдат. Число воинов третьей линии (триариев) было вдвое меньшим – 30 воинов в центурии и 60 воинов в манипуле.

Помимо этого на каждую центурию приходилось по 20 легковооруженных воинов-велитов, которые в строевой расчет не входили. «Что касается легковооруженных, – сообщает Полибий, – то падающее на легион количество их распределяется поровну между всеми частями» (Polyb. VI, 24). Труд Полибия содержит также информацию о вооружении велитов: «Самым юным из солдат трибуны предписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую шапку, иногда волчью шкуру или что-нибудь в этом роде как для покрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам возможность отличать по этому знаку храбрых в сражении от нерадивых. Древко дротика имеет обыкновенно в длину два локтя и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядень и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно; иначе дротиком пользовались бы обе стороны» (Polyb. VI, 22).

Базовое вооружение основных воинов легиона – гастатов, принципов и триариев – было

унифицированным и, за исключением копий, одинаковым. Оно состояло из коротких мечей, шлемов, панцирей и вытянутых продолговатых овальных либо прямоугольных щитов *скутум (scutum)*. Высота щита составляла около 120 см, ширина – около 75 см, вес был значительным, достигая 10 кг. Полибий пишет, что *скутум* был «сколочен из двух досок, склеенных между собой бычьим клеем и снаружи обтянутых сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее, по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от ударов меча и позволяют воину ставить его наземь. Щит снабжен еще железной выпуклостью, охраняющей его от сильных ударов камней, сарис и всякого рода опасных метательных снарядов» (Polyb. VI, 23). Эта овальная выпуклость, называемая *умбоном*, располагалась в центре и составляла центр тяжести щита, в связи с чем с внутренней стороны находилась рукоять для его удерживания. Значительные размеры и вес не позволяли легко манипулировать щитом в бою, и воин просто держал его перед собой, прикрывая корпус, как в рукопашном бою, так и во время обстрела метательным оружием.

Первую из линий боевого построения легиона составляли самые молодые воины – *гастаты* (*копейщики*), название которых происходит от слова «копье» (*hasta*), именно ими они были первоначально вооружены. Их задачей было завязать сражение, а главным преимуществом являлись молодость, энергичность, желание выделиться в бою и стяжать славу храбреца. Во втором ряду стояли *принципы* – более зрелые воины, уже имевшие опыт боевых действий. Они должны были взять на себя основную тяжесть боя в случае, если *гастаты* вынуждены были отступить. Третью линию боевого порядка представляли *триарии*, наиболее опытные солдаты. Их

предназначением было вступить в сражение в решающий момент и обеспечить римскому войску победу. Ожидая своей очереди, триарии стояли на одном колене, выставив копья-гасты перед собой. Впервые триарии упоминаются Дионисием Галикарнасским, использовавшим этот латинский термин для обозначения защитников лагеря в 508 г. до н. э. – старых и наиболее опытных воинов, которые «использовались последними в самых решающих схватках, когда потеряна всякая надежда» (Dionys. V, 15, 4). «Дело дошло до триариев» (*res ad triarios rediit*) – гласила римская поговорка, означавшая наступление момента крайней опасности, доведение ситуации до последнего предела, что требовало максимального напряжения оставшихся сил для благоприятного исхода боя.

В случае неудачи манипулы гастатов втягивались в разрывы боевого построения принципов. Для этого производился маневр, зеркально отражавший действия по созданию единой боевой линии. Центурия *posterior*, совершив поворот «кругом и налево», оказывалась в тылу центурии *prior*, открывая тем самым интервалы для продвижения принципов из второй линии боевых порядков на место первой линии. Манипулы гастатов оказывались в этот момент четко напротив промежутков в боевом построении принципов и получали возможность отступить в тыл. Разминувшись с гастатами, принципы производили уже описанный маневр построения единой боевой линии и в случае неудачи отступали в тыл по той же схеме, что и гастаты, уступая место триариям. Многократно отработанная во время учений и предыдущих битв, эта нехитрая схема была усвоена воинами и отточена до автоматизма, что позволяло производить все необходимые действия со стремительной скоростью, не

позволявшей врагу воспользоваться плодами его первых удач.

Наиболее полное описание этой схемы ведения боя тяжелой римской легионной пехотой приводит Тит Ливий, описывая события 340 г. до н. э. в период Второй Латинской войны: «...первыми в бой вступали гастаты. Если они оказывались не в состоянии опрокинуть врага, то постепенно отходили назад, занимая промежутки в рядах принципов. Тогда в бой шли принципы, а гастаты следовали за ними. Триарии под своими знаменами стояли на правом колене, выставив вперед левую ногу и уперев плечо в щит, а копья, угрожающе торчащие вверх, втыкали в землю; строй их щетинился, словно частокол. Если и принципы не добивались в битве успеха, они шаг за шагом отступали к триариям (потому и говорят, когда приходится туго: “дело дошло до триариев”). Триарии, приняв принципов и гастатов в промежутки между своими рядами, поднимались, быстро смыкали строй, как бы закрывая входы и выходы, и нападали на врага единой сплошной стеною, не имея уже за спиной никакой поддержки. Это оказывалось для врагов самым страшным, ведь, думая, что преследуют побежденных, они вдруг видят, как впереди внезапно вырастает новый строй, еще более многочисленный» (Liv. VIII, 8, 9—13).

Единственным существенным отличием вооружения трех категорий воинов были копья. Триарии были вооружены гастой – тяжелым, достигавшим двух метров в длину копьем с наконечником в форме листа дерева или трапеции, предназначенным как для метания во вражеских воинов, так и для рукопашного боя. Остальные легионеры, как гастаты, так и принципы, имели на вооружении по два копья иной конструкции, называвшиеся пилумами (*pilum*). Пилум был метательным копьем, по всей видимости, заимствованным римлянами у самнитов во время

Самнитских войн. Его длина составляла от 1,7 до 2 метров, причем наконечник с небольшим острием, изготовленный из мягкого, легко гнущегося железа, доходил до половины длины. Наконечник глубоко насаживался на входившее в раструб или кольцо и скрывавшееся таким образом в металле древка. Конструкция пилума была обусловлена его основным назначением, состоявшим не в том, чтобы ранить или убить врага, а в том, чтобы лишить его щита. Перед тем как вступить в бой мечами, пилумы бросали во вражеских воинов, целясь прежде всего в щиты. Пробивая щит, острие глубоко вонзалось в него, наконечник гнулся, и выдернуть его было невозможно. Длина же металлического наконечника не позволяла обрубить копье мечом, что заставляло вражеского воина бросать щит, которым уже было невозможно пользоваться. В итоге неприятелю приходилось вступать в рукопашную схватку на мечах, лишившись защиты, что обеспечивало римлянам существенное преимущество.

Еще одной важной составляющей неуязвимости римского войска была тщательно продуманная и умело реализуемая на практике система движения легионов в походе и размещения их во время стоянки в лагере. На марше консульская армия из двух легионов в сопровождении контингентов союзников двигалась следующим походным порядком: воины боевого охранения из союзников-экстраординариев, затем контингенты правого крыла союзников с обозами, вслед за ними два римских легиона с обозами и формирования левого крыла союзников, причем обоз последних шел впереди вместе с обозом второго легиона римлян. В случае, если атака могла угрожать арьергарду колонны, экстраординарии не открывали, а замыкали походные порядки, располагаясь после когорт левого крыла союзников. Конница во время движения прикрывала

тылы и обозы своих подразделений, возглавляла авангард и замыкала арьергард, выполняя разведывательные задачи. В том случае, если вероятность нападения врага была высокой, римский легион двигался тремя колоннами, правая из которых состояла из манипулов гастатов, центральная – из подразделений принципов, а левую формировали триарии. Такое построение давало возможность мгновенно построиться в боевые порядки, осуществив простой поворот направо.

Еще более строго соблюдалось обустройство укрепленного легионного лагеря, который разбивался по всем правилам каждый раз по окончании дневного перехода, даже если предполагалось, что стоянка продлится лишь одну ночь. Именно лагерь выступал надежной опорной базой легиона, выйдя из которой можно было нанести мощный удар по врагу и которая позволяла надежно укрыться в случае поражения. Перед окончанием дневного перехода, составлявшего обычно не менее 15 км, военные трибуны в сопровождении центурионов отправлялись вперед и выбирали удобное место для расположения лагеря, обязательно с источником воды. После выбора подходящей локации определялось местоположение палатки консула, называвшееся преториумом, от которого рассчитывалось расположение всех остальных структурных элементов лагеря. «Измерения производятся легко, – отмечал Полибий, – все расстояния определены раз и навсегда, а потому работа исполняется быстро» (Polyb. VI, 41). Обычной формой легионного лагеря был квадрат, длина стороны которого составляла около 800 м. По периметру он обносился рвом (*fossa*), имевшим три метра в глубину и четыре в ширину, земля из которого использовалась для возведения с внутренней стороны рва земляного вала (*agger*). По верху вала устанавливался деревянный

частокол из кольев, которые легионеры несли с собой во время марша – «римляне со щитом на кожаном ремне через плечо, с дротиками в руках, не тяготясь нести еще и палисадины», – отмечал Полибий (Polyb. XVIII, 18). Нехитрые защитные сооружения из земли и дерева в сочетании с четко налаженной караульной службой обеспечивали надежную защиту лагеря.

Строительством укреплений занималась половина пехотинцев, в то время как вторая половина охраняла строителей, стоя в боевых порядках. Две стороны лагеря сооружали сами римляне, возведение еще двух было обязанностью союзников. В каждой из сторон лагеря устраивались ворота, имевшие специальные названия в зависимости от расположения стороны. Ворота стены, обращенной к неприятелю, назывались преторианскими (*porta praetoria*), а противоположные им – декуманскими (*porta decumana*), ворота левой и правой сторон обозначались, соответственно, как правые и левые. Ворота противоположных стен соединялись двумя главными прямыми улицами – *via praetoria* и *via principalis*, пересекавшимися под прямым углом в месте, где была обустроена центральная площадь – форум. На ней располагалась палатка военачальника и земляное возвышение (собственно преторий), с которого полководец обращался к воинам.

Со стороны *via principalis* по направлению к преторианским воротам располагались палатка консула, квесторий с палаткой квестора^[5] и казнохранилищем, палатки военных трибунов и охраны военачальника из экстраординариев. По направлению к декуманским воротам размещался основной состав тяжеловооруженной пехоты и конницы, причем палатки каждого манипула и турмы занимали строго закрепленные за ними места. Полибий отмечал, что «при неизменном размещении воинов на одних и тех же

местах стоянки каждый в точности знает и улицу, и ту часть ее, где должна находиться его палатка; все происходит приблизительно так, как если бы войско входило в родной город» (Polyb. VI, 41). Это позволяло легко ориентироваться в пространстве лагеря и быстро поднимать солдат по тревоге, поскольку воины каждого подразделения четко знали, в каком направлении и в каком порядке они должны выдвигаться.

Между стенами лагеря и палатками оставлялось свободное пространство шириной около 60 м, позволявшее защитить палатки от метательных снарядов противника в случае обстрела. Оно предназначалось также для построения пехотных манипул, кавалерийских турм и когорт союзников по тревоге. Здесь же могли хранить военную добычу и захваченный скот. Вдоль вала и палисада по периметру лагеря располагались обеспечивавшие охрану велиты: «Наружная сторона лагеря занята легковооруженными, которые стоят на страже вдоль всего вала изо дня в день. Такова возлагаемая на них служба. Они охраняют и лагерные ворота, располагаясь по десяти человек у каждых ворот» (Polyb. VI, 35). Кроме того, по всему лагерю размещались еще несколько десятков постов, которые строго проверялись. Если караульный отсутствовал либо попросту засыпал, его ожидала неминуемая казнь.

В случае, если стоянка на одном месте затягивалась, полководец использовал представившуюся возможность для организации тренировки воинов. Полибий подробно описывает, как во время Иберийской кампании, после взятия в 209 г. до н. э. Нового Карфагена (Картахены) Сципион Африканский организовал четырехдневную программу занятий для своих воинов: «Один день все они должны были пробегать тридцать стадий во всеоружии, на другой день - чистить и чинить вооружение и

выставлять его для осмотра перед палатками, на третий – отдыхать и развлекаться, на четвертый одни должны были сражаться друг с другом деревянными мечами, обернутыми в кожу и снабженными на концах кожаными шариками, другие – метать друг в друга копья, также с кожаными шариками на концах, на пятый день – снова бегать и возобновлять упражнения. Вместе с тем он строжайше внушал ремесленникам, чтобы вооружение воинов было в полной исправности как для упражнений, так и для настоящей войны» (Polyb. X, 20).

В целом, как видим, манипулярный римский легион был великолепно организованным воинским подразделением, что позволяло уверенно одерживать победы над любым противником. Позднеримский военный историк и теоретик Вегетий Ренат дает такую хвалебную, но при этом вполне объективную его характеристику: «Легион же, имея полное число своих когорт (10) в тяжелом вооружении, то есть принципов, гастатов, триариев и передовые отборные отряды (антесигнанов), равно как и отряды легковооруженной пехоты, то есть метателей дротиков, стрелков, пращников, баллистариев, имея своих собственных, включенных в свой состав, легионарных всадников, держась одних и тех же предписаний, дружно и согласно укрепляя лагерь, выстраивая боевой строй и ведя сражение, будучи во всех отношениях целостным, не нуждаясь ни в какой внешней помощи, – такой легион обычно может победить какую угодно толпу врагов» (Veget. II, 1).

Хорошо отлаженная система комплектования войска, создание легиона как уникального воинского подразделения, позволявшего выполнять весь спектр боевых задач сухопутного войска того времени, высочайший уровень воинской дисциплины и слаженности действий манипул в бою, постоянное

совершенствование тактики – все это делало римское войско совершенным средством ведения войны в античном мире. Важным преимуществом римской армии было регулярное участие в ведшихся практически непрерывно войнах. Благодаря этому воины воспринимали походную жизнь и боевые действия как повседневное явление, не отвыкали от службы, регулярно приобретали и совершенствовали боевой опыт. Военные пользовались уважением в обществе, исключительно служба в армии открывала римлянам путь к политической карьере, а войны в защиту, во славу и благо отечества считались делом почетным и необходимым. В совокупности это делало римское государство мощнейшей в военном отношении державой, готовность которой эффективно противостоять Карфагену была несомненна.

Глава 5. «Встреча каждая - лишь арка, сквозь нее просвечивает незнакомый путь»: от первых контактов Рима и Карфагена к войне

Карфагеняне, давно обладавшие могуществом, и римляне, быстро набиравшие силу, с ревностью следили друг за другом... Обе стороны в равной мере уверовали в то, что надежность имеющихся достояний может также обеспечиваться приобретением других владений. Даже при отсутствии иных причин для двух свободных, сильных и гордых народов, разделенных малым расстоянием, преодолеваемым за короткое время, было бы крайне трудно, если не невозможно, управлять инородными племенами и не сталкиваться друг с другом. Однако и случайные обстоятельства нарушили мир и ввергли их в войну.

Иоанн Зонара. Эпитома историй. VIII, 8, 2-3 (Дион Кассий. Римская история, fragm. 43)

Первые контакты между Карфагеном и Римом относятся к концу VI в. до н. э., когда город пунийцев военной силой и дипломатией утверждал свою власть в Северной Африке, на Пиренейском полуострове, Сардинии и Балеарских островах. Притязания города на

Тибре, переживавшего в тот период трудную эпоху свержения царской власти и войны с этрусским царем Порсенной, были гораздо меньшими и едва простирались далее обеспечения собственной безопасности, ограничиваясь пределами Лация. Сложившуюся политическую ситуацию отразил договор между двумя государствами, заключенный, по сообщению Полибия, во время консульства Луция Юния Брута и Марка Горация, за 28 лет до состоявшегося в 481–480 гг. до н. э. нашествия Ксеркса на Элладу, что соответствует 509 или 508 гг. до н. э. (Polyb. III, 22, 1–2).

Для пунийцев этот договор был одним из многочисленных соглашений, заключавшихся с местными правителями с целью соблюдения интересов Карфагенской державы и укрепления ее международных позиций в Западном Средиземноморье. Сущность и цель подобных договоров, неизменные в течение столетий, наилучшим образом выразил Тит Ливий, описывая восьмилетнее правление в Карфагене Газдрубала (229–221 гг. до н. э.): «Действуя чаще умом, чем силой, он заключал союзы гостеприимства с царьками и, пользуясь дружбой вождей, привлекал новые племена на свою сторону; такими-то средствами, а не войной и набегами, умножал он могущество Карфагена» (Liv. XXI, 2, 5). Для римлян же соглашение с пунийцами было важным сигналом признания их весомого и все возрастающего влияния в Лациуме и, шире, в Центральной Италии в целом.

Единственным источником, передающим содержание договора, является «Всеобщая история» Полибия: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса, разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против

желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе как при посредстве глашатая или писца. За все то, что в присутствии этих свидетелей не было бы продано в Ливии или в Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если кто из римлян явится в подвластную карфагенянам Сицилию, то все римляне будут пользоваться одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ адреатов, антиатов, ларентинов, киркеитов, тарракинитов и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется тревожить города их; а если какой город они возьмут, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лациуме, и если они вторгнутся в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь» (Polyb. III, 22, 4—13).

Упомянутый Прекрасный мыс, «тот, что тянется перед самым Карфагеном по направлению к северу» (Polyb. III, 23, 1) и за который было запрещено заплывать римлянам и их союзникам, находился на североафриканском побережье и может быть отождествлен с образующим западный край Тунисского залива мысом, носящим ныне название Фарина или Сиди-Али-эль-Мекки. Заплывать за него, уточняет Полибий, римлянам категорически запрещалось «на длинных кораблях» (Polyb. III, 23, 2), то есть на военных судах. «Если кто, будучи занесен туда против желания бурей или неприятелем, будет нуждаться в чем-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне дозволяют взять это, но ничего больше, и притом требуют непременно

удаления приставших сюда в пятидневный срок» (Polyb. III, 23, 3). Плавание же в пунийскую столицу с целью торговли не возбранялось: «По торговым делам римлянам дозволяется приходить в Карфаген и во всякий другой город Ливии по сю сторону Прекрасного мыса, а также в Сардинию и подчиненную карфагенянам часть Сицилии, причем карфагеняне обещают от имени государства обеспечить каждому право его» (Polyb. III, 23, 4).

Как видим, договор четко очерчивал границы Карфагенской державы, охватывавшие Ливию, Сардинию и часть Сицилии, что отмечает и сам Полибий: «Из этого договора явствует, что карфагеняне ведут речь о Сардинии и Ливии как о собственных владениях; напротив, относительно Сицилии они ясно отличают только ту часть ее, которая находится во власти карфагенян, и договариваются только о ней. Равным образом и римляне заключают договор только относительно Лациума, не упоминая об остальной Италии, так как она не была тогда в их власти» (Polyb. III, 23, 5–6). Римские же владения ограничивались Лацием, причем даже и там существовали города и «латинские народы», не подчинявшиеся городу на Тибре. Залогом дружественного соглашения было четкое разграничение сфер интересов обоих государств – карфагеняне гарантировали невмешательство в римскую политику в Лации, а римляне, в свою очередь, признавали власть пунийцев над Ливией, прежде всего над ее побережьем к юго-востоку от Карфагена до так называемых Филеновых алтарей восточнее Лептиса, а также островом Сардиния (по крайней мере номинально, фактически пунийцы контролировали побережье, а также южную и западную части этого острова) и частью Сицилии (южным и западным побережьем острова), обязываясь соблюдать интересы карфагенян в этих регионах.

Помимо зафиксированного договором 509 г. до н. э. явного территориального превосходства Карфагена над Римом, обращают на себя внимание еще несколько моментов, свидетельствующих о силе государства пунийцев в сравнении с существенной ограниченностью возможностей римлян. Прежде всего, бросается в глаза возможность вторжения карфагенян в пределы Лация с целью ведения боевых действий против неподвластных римлянам местных городов. Несмотря на то, что договор предусматривал запрет пунийцам сооружать укрепления и останавливаться на ночь в пределах этой области Италии, а также требовал незамедлительно передавать «в целости римлянам» захваченные латинские города, очевидна сама возможность пунийского вторжения в Лаций в случае, если они сочтут это нужным. Римлянам же категорически запрещалось направлять свои военные корабли за Прекрасный мыс и появляться как в Тунисском заливе, так и в африканских владениях карфагенян восточнее их столицы. Случайное же их проникновение вследствие непогоды или военных действий против третьей стороны предусматривало лишь покупку крайне необходимых товаров для починки судна, жертвы и, видимо, продовольствия и удаление в пятидневный срок. Следовательно, ни о какой возможности военного вторжения римлян в этот регион не могло быть и речи.

Показательно также, что, рассуждая о неподвластных римлянам городах Лация, против которых возможна пунийская агрессия, договор не упоминает о том, что африканским побережьем к западу от Карфагена пунийцы владели лишь частично, а Сардинию, также лишь отчасти подконтрольную карфагенянам, в южной и западной частях побережья, признает полностью карфагенской. При равном положении договаривавшихся сторон соглашение

должно было бы содержать относительно вторжения римлян в эти регионы такие же условия, что и по отношению к карфагенскому военному проникновению в Лаций. Судя по всему, угроза римского проникновения в эти интересовавшие пунийцев области была незначительной настолько, что упоминанием о ней можно было пренебречь в полной уверенности, что она невозможна, в то время как нападение карфагенян на города Лация было вполне вероятным и это требовало специального отображения в договоре.

Вторым привлекающим внимание моментом договора является вопрос о равноправии торговли. Очевидно, что соглашение ущемляет права римлян, которым запрещалось торговать в пунийских владениях в Ливии и на Сардинии иначе как через глашатая и писца, бывших, по всей видимости, специально уполномоченными карфагенскими чиновниками. Вводя такие правила, пунийцы создавали условия, призванные поставить иностранных купцов в зависимое положение и ограничить их торговлю в пределах владений Карфагена. Исключением были только карфагенские города Сицилии, где римские купцы были равноправны с пунийскими. В то же время карфагеняне могли торговать повсеместно, с кем угодно и на равноправных условиях. По крайней мере, в договоре нет ни слова об ограничении прав карфагенских купцов при ведении торговли в городах Лация или даже в самом Риме, и можно предположить, что ситуация здесь была идентична сицилийской, то есть контрагенты были равны между собой. Итак, договор закреплял привилегированное положение Карфагена в торговле с финикийскими колониями в регионе Западного Средиземноморья, римляне же были вынуждены соглашаться с этим, одновременно гарантируя пунийцам равные права при торговле в Риме и городах Лация.

Таким образом, договор 509 г. до н. э. вполне соответствовал сложившейся к концу VI в. до н. э. политической ситуации, реально отображая соотношение сил и притязаний набиравшей силу морской Карфагенской державы и значимого, но существенно ослабленного внутривнутриполитическим кризисом и внешним этрусским вторжением города на Тибре. Сохраняя ведущие позиции в Лации, Рим, однако, не контролировал в это время местные латинские города, не говоря уже о других областях Италии, покорение которых Вечным городом было делом относительно отдаленного будущего. Под этим углом зрения несомненной представляется достоверность общих положений приводимого Полибием римско-карфагенского договора, текст которого античный историк, по его словам, видел вырезанным на медных пластинах, хранившихся в казнохранилище эдилов, неподалеку от храма Юпитера Капитолийского (Polyb. III, 26, 1). Аутентичность соглашения подтверждается также упоминанием Полибия о том, что его текст был написан на архаичной и полузабытой ко времени жизни историка (II в. до н. э.) латыни: «Мы сообщаем его в переводе, сделанном с возможной точностью, ибо и у римлян нынешний язык настолько отличается от древнего, что некоторые выражения договора могут быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями» (Polyb. III, 22, 3).

Следующее соглашение между Римом и Карфагеном было заключено более чем полтора столетия спустя, во время консульства Марка Валерия Корва и Марка Попилия Лената, и датируется 348 г. до н. э. Как о первом римско-карфагенском договоре о нем упоминают Диодор Сицилийский и Тит Ливий (Diod. XVI, 69, 1; Liv. VII, 27, 2), однако им, судя по всему, попросту остался неизвестным приведенный Полибием договор 509 г. до н. э., что неудивительно, если учесть, что, по

словам греческого историка, уже во II в. до н. э. «даже старейшие из римлян и карфагенян, слышавшие за людей, наиболее пекущихся о государственных делах, даже они не знали их (договоров римлян с карфагенянами. – Авт.)» (Polyb. III, 26, 2). Писавшие более полувека (в случае Диодора Сицилийского) и даже более столетия (в случае Тита Ливия) спустя авторы могли быть осведомлены о римско-карфагенских соглашениях еще менее, нежели их предшественники. Это делает информацию Полибия поистине уникальной, тем более что и основные положения договора 348 г. до н. э. сохранились исключительно в его «Всеобщей истории».

За более чем полтора века, минувшие со времени предыдущего соглашения, Рим успел несколько укрепить свои позиции в Лации и на юге Этрурии, став мощным региональным государством, однако до полного овладения Апеннинским полуостровом Вечному городу было еще далеко. Карфаген же в течение этого периода смог не только надежно закрепиться в Ливии от Филеновых алтарей до Гибралтарского пролива, усилить позиции на Сардинии и Балеарских островах и удерживать, несмотря на кровопролитные войны с греками, свои владения на Сицилии, но также обосновался на севере атлантического побережья Африки и закрепился на юго-востоке Пиренейского полуострова. Произшедшие территориальные приращения Карфагенской державы были отображены и в пересказанном Полибием втором договоре пунийцев с римлянами: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирянами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возбраняется ходить по ту сторону Прекрасного мыса, Мاستии и Тарсейя как за добычей, так и для торговли и для основания города. Если карфагеняне овладеют в Лациуме каким-либо городом, независимым от римлян,

то они могут взять деньги и пленных, а сам город обязаны возвратить. Если какие-либо карфагеняне возьмут в плен сколько-нибудь человек из народа, соединенного с римлянами писанным договором, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в какой-либо стране, подвластной карфагенянам, возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному возбраняется мстить за себя; если кто-нибудь учинит это, то деяние его будет почитаться государственным преступлением. В Сардинии и Ливии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать город, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме» (Polyb. III, 24, 3—13).

Несложно заметить существенные отличия нового договора от предыдущего. Во-первых, в нем, помимо собственно карфагенян, упомянуты жители Утики и некие «тиряне» (тирийцы), под которыми, вполне очевидно, имеются в виду не жители далекого восточного Тира, а представители покоренных к этому времени Карфагеном финикийских колоний на побережье Испании и, возможно, в других частях

Западного Средиземноморья. По крайней мере, упоминание далее Тарсейя (Тартесса) и Мاستии может расцениваться как свидетельство распространения власти Карфагена на юг и юго-восток Иберийского полуострова. Это свидетельствует как о дальнейшем увеличении подвластной пунийцам территории, так и о сохранявшемся в сознании современников отделении карфагенян от прочих потомков финикийцев в регионе – утикийцев и тирийцев. Последние тем не менее перечисляются в договоре последовательно в одном ряду с жителями Карфагена, что позволяет считать их формально равноправными с карфагенянами.

Во-вторых, договор фиксирует как новые границы, так и новые условия плавания римлян в Западном Средиземноморье. Римским судам были отныне полностью закрыты направления на восток от Прекрасного мыса, в Ливию, и на запад от находившихся на юго-восточном побережье Пиренейского полуострова Мاستии и Тарсея (Тартесса), то есть, по сути, римлянам был заказан путь в Испанию и через Гибралтарский пролив. Отдельно упомянут также запрет на плавание в Сардинию, где, точно так же, как и в Ливии, римлянам не было позволено «ни торговать, ни основывать город», ни даже просто приставать к берегу, за исключением случаев, требовавших починки судна либо пополнения запасов продовольствия. Единственной причиной, оправдывавшей попадание римского корабля в эти запретные зоны, была непогода, и покинуть их пределы следовало не позднее чем в пятидневный срок. О том, что запрет строго соблюдался, сообщает, ссылаясь на свидетельство Эратосфена, Страбон: «Карфагеняне... даже топили в море корабли всех чужеземцев, которые проплывали мимо их страны в Сардинию или к Геракловым Столпам» (Strab. XVII, 1, 19).

Показательно, что запрет отныне относился не только к военным кораблям, как это было ранее, но и к купеческим - римлянам вообще было запрещено пересекать обозначенные пределы с какой-либо целью, будь то военная добыча, торговля либо основание колоний. Это свидетельствует о дальнейшем укреплении власти Карфагена в названных регионах Западного Средиземноморья и монополизации пунийцами всей местной торговли, к чему они стремились еще в конце VI в. до н. э. и чего смогли достичь к середине IV в. до н. э. Единственным исключением из правил был Карфаген, что вполне объяснимо, поскольку столица пунийцев имела особый статус во всей их средиземноморской державе, а значит, и торговля в ней должна была вестись по особым правилам. Однако если ранее римляне могли торговать как в Карфагене, так и в пунийских городах Ливии и к востоку, и к западу от него, то теперь столичный город пунийцев становился единственным пунктом на североафриканском побережье Средиземного моря, куда могли законно прибыть римские торговые суда. Правила торговли в Карфагене были для римлян такими же, как в подвластной карфагенянам части Сицилии, что соответствовало условиям договора 509 г. до н. э., гарантировавшего равные торговые права римлян и пунийцев на острове. Взамен пунийским купцам предоставлялись такие же права в Риме и, судя по всему, во всех подвластных городу на Тибре городах Лация. Таким образом, коммерческие условия договора 348 г. до н. э. ограничивали возможность римлян торговать в пунийских владениях всего двумя пунктами - собственно Карфагеном и пунийскими городами на юго-западном побережье Сицилии. Это существенно ограничивало возможности римских купцов в Западном Средиземноморье, делая пунийцев неизбежными

посредниками в торговле Рима с богатыми городами Северной Африки, Пиренейского полуострова и островов региона.

В отличие от римлян, которым запрещалось плавать в пределы владений пунийцев, за исключением части Сицилии и Карфагена, с торговыми и, тем более, военными целями, карфагеняне не были, согласно договору, ограничены в выборе места торговли. По крайней мере, об этом нигде прямо не сказано, а в Риме они имели право торговать на тех же условиях, что и римляне в пунийской столице. Следы присутствия пунийских торговцев в самом городе на Тибре, городах Лация и всей Центральной и Южной Италии зафиксированы археологическими, лингвистическими и письменными источниками. Более того, согласно договору 348 г. до н. э. карфагеняне имели право вторгаться на территорию Лация с военными целями и захватывать там города. При этом пунийцы были обязаны сам город вернуть, но добыча и пленные оставались в их собственности. Оба эти положения ярко свидетельствуют об ограниченности притязаний римлян на власть над Лацием к середине IV в. до н. э., до Второй Латинской войны (340–338 гг. до н. э.), не говоря уже о том, что остальные области Италии в договоре совершенно не упоминаются, поскольку подчинены Риму не были. Таким образом, карфагеняне имели в пределах Италии и даже в самом Лации права и возможности, которых римляне были напрочь лишены в пунийских владениях Западного Средиземноморья. Это ярко свидетельствует о соотношении сил договаривавшихся сторон на середину IV в. до н. э., при котором Рим не был способен запретить Карфагену вторгаться даже в пределы Лация, не говоря уже о защите своих италийских союзников. Показательно в этом отношении положение договора, согласно которому пунийцы могли захватывать в плен

представителей народа, заключившего с римлянами союзный договор. Рим не требовал незамедлительного освобождения пленников, но лишь запрещал приводить их для продажи в римские гавани, а в случае нарушения этого требования пленники освобождались. При всем том, что римско-карфагенский договор предусматривал применение аналогичных норм в случае захвата Римом пленников из числа союзников пунийцев, это положение имело декларативный характер, поскольку предыдущие ограничения на плавания римлян в Западном Средиземноморье делали их нападение на карфагенских союзников фактически невозможным.

Суть договора 348 г. до н. э. кратко подытоживает Полибий, отмечая, что «в этом договоре карфагеняне опять и с большею еще определенностью заявляют право собственности на Ливию и Сардинию и возбраняют римлянам всякий доступ к ним; напротив, относительно Сицилии они выразительно называют только подвластную им часть ее. Точно так же выражаются римляне о Лациуме, обязывая карфагенян не причинять обид ардеатам, антиатам, киркеитам и тарракинитам. Это – те города, которые лежат при море на границе латинской земли, в отношении которой и заключается договор» (Polyb. III, 24, 14–16).

Следующий римско-карфагенский договор был заключен в консульство Публия Корнелия Арвины и Квинта Марция Тремула, в 306 г. до н. э. Об этом кратко пишет Тит Ливий, сообщая, что «в тот год возобновили договор с карфагенянами, а послов их, прибывших с этой целью, щедро одарили» (Liv. IX, 43, 26). Полибий приводит утверждение сицилийского историка Филина о том, что «по заключенному между римлянами и карфагенянами договору для римлян закрыта была вся Сицилия, а для карфагенян Италия и что римляне нарушили договор и клятву, когда впервые переправились в Сицилию» (Polyb. III, 26, 3–4), однако

отказывается доверять этим сведениям, заявляя, что «договора такого не было, и никаких письменных следов чего-либо подобного не существует» (Polyb. III, 26, 4). Это заявление греческого историка представляется обоснованным лишь отчасти, поскольку упоминание Тита Ливия о возобновлении договора с карфагенянами (Liv. IX, 43, 26) не позволяет отрицать само существование обновленного римско-карфагенского соглашения. Иное дело, что сомнительным представляется пересказ Филином содержания этого договора, который должен был учитывать сложившуюся на тот момент политическую ситуацию как в Италии, так и на Сицилии. Рим никак не мог требовать от пунийцев отказаться от вмешательства в италийские дела, поскольку был еще далек от полного овладения Апеннинским полуостровом, в особенности его южной частью. Однако позиции римлян в Лации после Второй Латинской войны и установления новой системы односторонних договоров с латинскими городами существенно упрочились, что должно было потребовать соответствующей корректировки условий предыдущего соглашения 348 г. до н. э. Видимо, именно в этом ключе следует рассматривать сообщение комментатора Вергилия Мавра Сервия Гонората об установлении (новых?) границ держав афров (карфагенян) и римлян (Serv. Ad Aen. IV, 628).

Возможно, как полагают многие исследователи, в это время и произошло определенное разграничение сфер влияния двух государств, согласно которому Рим получал преимущественные права в Италии, а Карфаген – на Сицилии. Это представляется вполне вероятным, поскольку относительно неподвластных им частей Италии и Сицилии, соответственно, оба государства находились в одинаковом положении, однако достоверных подтверждений этому не существует, так

как содержание договора 306 г. до н. э. не приведено хоть сколько-нибудь ни в одном сохранившемся источнике. Судя по всему, скорее стоит вести речь о практически сложившейся ситуации и ее понимании сторонами, чем о фиксации сложившегося положения в новом договоре. Это соглашение, должно быть, лишь слегка отличалось от предыдущего договора 348 г. до н. э., сохраняя его основные условия, дополненные определенными положениями, отражавшими как уже свершившийся факт произошедшее за минувшие четыре десятилетия усиление Рима в Лации и перспективу установления римской власти над Италией в целом.

В любом случае, даже если отказаться от каких бы то ни было предположений относительно гипотетических изменений в содержании третьего римско-карфагенского договора, можно утверждать, что на рубеже IV-III вв. до н. э. в общих чертах сохранялась та система отношений между Римом и Карфагеном, которая была зафиксирована договором 348 г. до н. э. Это подтвержденное и, возможно, несколько обновленное в 306 г. до н. э. соглашение было, по свидетельству Полибия, дополнено в 280 г. до н. э. военно-политическими положениями, определявшими условия взаимопомощи сторон в свете появления в Италии эпирского царя Пирра, прибывшего по приглашению Тарента для борьбы с римлянами: «Если римляне или карфагеняне пожелают заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе дозволение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Если тот или другой народ будет нуждаться в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда ластовые и военные, но жалованье своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в

случае нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает» (Polyb. III, 25, 2-5). Условия из приведенного Полибием отрывка были призваны не допустить заключения сепаратного соглашения с Пирром одной из сторон, а также предусматривали военную помощь Риму со стороны Карфагена, прежде всего действиями военно-морского флота, поскольку собственных морских сил у римлян практически не было.

Повышенное внимание карфагенян к делам в Италии вполне понятно – они воспринимали Пирра как потенциального врага, небезосновательно опасаясь вторжения эпирского царя на Сицилию. Это побуждало их к заключению соглашения о взаимопомощи с римлянами, поскольку, согласно точно ухватившему суть событий замечанию Юстина, «истинным поводом к посылке подкреплений римлянам было желание карфагенян войной с Римом задержать Пирра в Италии, чтобы он не имел возможности переправиться в Сицилию» (Just. XVIII, 2, 5). Это позволяет объяснить также преимущественное внимание в приведенном тексте к обязательствам карфагенян, поскольку соглашение заключалось в момент, когда Пирр воевал с римлянами в Италии и не угрожал карфагенским владениям на Сицилии. Выполняя свою часть соглашений, пунийцы отправили в подкрепление Риму эскадру из 120 кораблей во главе с полководцем Магоном, однако римляне, полагаясь на собственные силы и, видимо, не особо доверяя союзнику и не желая ставить себя в зависимость от его помощи, от предоставленного флота отказались (Just. XVIII, 2, 1-4; Valer. Max. III, 7, 10).

Опасения карфагенян относительно того, что Пирр перенесет боевые действия на Сицилию, оказались не напрасны. После непомерно тяжелой для Пирра победы над римлянами в битве при Аускуле в 279 г. до н. э.

эпирский царь потерял интерес к италийским делам и с радостью откликнулся на призыв сиракузских греков вести войну против пунийцев на Сицилии. Уже летом 278 г. до н. э. он высадился на острове и при поддержке местных эллинов предпринял успешное наступление на пунийские города острова. В скором времени ему удалось подчинить все карфагенские владения, за исключением твердыни Лилибея, который пунийцам удавалось удерживать с большим трудом. Прижатые к морю, они готовы уже были заключить с Пирром мир, обязуясь выплатить огромную сумму и предоставить флот для вывода войск с острова, однако же непомерная жажда власти и чванливость эпирского царя, уже возомнившего себя полновластным господином Сицилии и начавшего высокомерно попирать пригласивших его эллинов, помешали его полному триумфу. Лишившись по собственной вине поддержки сицилийских греков, Пирр не мог оставшимися у него силами вести войну против карфагенян и был вынужден отвести свои войска с острова и вернуться в Италию, куда его вновь призвали местные греки для борьбы с римлянами.

Пунийцы при этом не остались безучастными и добросовестно выполняли союзнические обязательства перед римлянами, помогая им в борьбе против эпирского царя. Диодор Сицилийский сообщает: «Карфагеняне, заключив союз с римлянами, взяли пятьсот человек на борт своих кораблей и отплыли к Регию; предприняли штурм, и хотя они прервали осаду, но сожгли лес, заготовленный для строительства кораблей, и продолжали охранять пролив, следя за попытками Пирра переправиться» (Diod. XXII, 7, 5). Уничтоженные римскими воинами при содействии морского флота пунийцев лесоматериалы предназначались для постройки кораблей с целью переправы войск Пирра в Италию. Когда же Пирр

покидал Сицилию, «карфагеняне, – по свидетельству Плутарха, – дали ему в самом проливе морское сражение, в котором он потерял немало кораблей» (Plut. Pyrrh. 24, 1).

Таким образом, пунийцы полностью выполняли свою часть мирного договора 280 г. до н. э. с Римом, однако все изменило поражение Пирра в битве при Малевентуме в 275 г. до н. э. и его отбытие из Италии. Теперь Карфаген и Рим из союзников поневоле, ввиду общей опасности, имели все условия для того, чтобы превратиться в соперников. О том, что римляне испытывали неприязнь к пунийцам задолго до разгрома Пирра, свидетельствует уже упоминавшийся отказ римского сената от помощи карфагенского флота в момент, когда войска эпирского царя грозили самому Вечному городу. Какое-то время, до смерти Пирра в 272 г. до н. э., сохранявшаяся потенциальная возможность его возвращения в Италию способствовала сохранению римско-карфагенского альянса, пусть и в пассивной форме. Однако гибель эпирского царя, а затем и скорое полное овладение римлянами всем Югом Италии окончательно изменили положение вещей – следующим логичным шагом Рима должно было стать покорение Сицилии. «Победив Италию, – написал столетия спустя в “Эпитамах Тита Ливия” римский историк Луций Анней Флор (ок. 70 – ок. 140 гг. н. э.), – римский народ дошел до пролива и остановился, подобно огню, который, опустошив пожаром встречные леса, постепенно затихает, натолкнувшись на реку. Вскоре он увидел вблизи богатейшую добычу, каким-то образом отторгнутую, словно оторванную от Италии. Он воспылал страстным стремлением к ней, а поскольку ее нельзя было привязать ни насыпью, ни мостами, решил, что ее следует взять силой и присоединить к материка с помощью войны» (Flor. II, 2, 1–3).

Предвестником надвигавшейся войны стал первый конфликт между бывшими союзниками, разразившийся уже в 272 г. до н. э. во время осады римлянами Тарента. Будучи не в силах противостоять римским войскам, тарентинцы обратились за помощью к карфагенянам, которые незамедлительно выслали свой флот к этому греческому городу на юге Италии. И хотя Тарент был в итоге сдан жителями римлянам, а пунийский флот бездействовал, в Риме это сочли нарушением договора 306 г. до н. э., который, видимо, трактовался уже достаточно широко в том смысле, что его положения римляне относили не только к Лацию, но и ко всей Италии (Liv. Per. XIV).

Еще одно соображение, делавшее римскую экспансию на Сицилию неизбежной, приведено Полибием, отметившим, что римляне «видели также, что карфагеняне покорили своей власти не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается и на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагенянах в случае покорения ими Сицилии опасных и страшных соседей, которые окружают их кольцом и будут угрожать всем частям Италии» (Polyb. I, 10, 5–6). После ухода с Сицилии Пирра пунийцы действительно не только вернули свои прежние владения, но и существенно усилили натиск на греческие города острова. К концу первой трети III в. до н. э. карфагеняне овладели чуть ли не всей Сицилией, за исключением восточного побережья, остававшегося под властью сиракузского тирана Гиерона II, и Мессаны, захваченной наемниками из Южной Италии, называвшими себя мамертинцами (*mamertini* – люди (или сыновья) Марса, поскольку *Mamers* – Марс по-самнитски), выходцами из города Мамертий в области Бруттий на юге Италии. Ранее мамертинцы были наемниками сиракузского тирана Агафокла, однако,

лишившись нанимателя после его смерти в 289 г. до н. э., они обманом захватили Мессану, куда их доверчиво пустили местные жители. Частью истребив, частью изгнав ее граждан, наемники разделили между собой их имущество, жен, детей и, прочно обосновавшись в городе, терроризировали соседние области Сицилии, принадлежавшие как Карфагену, так и Сиракузам. Полибий сообщает, что они «сильно тревожили в пограничных странах карфагенян и сиракузян, к тому же значительную часть Сицилии обложили данью» (Polyb. I, 8, 1).

Перспектива покорения всего острова пунийцами была вполне реальной и требовала от римлян вмешательства под любым удобным предлогом. Вскоре он представился в виде обращения за помощью со стороны мамертинцев, теснимых сиракузским тираном Гиероном II. Около 265 г. до н. э. в битве у города Милы при реке Лонгано мамертинцы потерпели от его войск сокрушительное поражение и вынуждены были отступить под защиту крепостных стен Мессаны. В сложившейся ситуации спасти их могла лишь помощь извне, и «люди Марса» поспешили обратиться за ней как к Карфагену, так и к Риму. Первыми на призыв откликнулись находившиеся ближе и оперативно отреагировавшие карфагеняне, высадив в Мессане десант, заняв акрополь и оставив здесь свой гарнизон. Случившееся не могло не встревожить Рим, ведь теперь пунийцы овладели одним из наиболее значимых городов Сицилии, который к тому же контролировал Мессинский пролив между островом и Италией. Перспектива установления полного господства Карфагена над Сицилией становилась все более реальной. Риму нужно было реагировать, тем более что другая часть мамертинцев обратилась за помощью к римлянам, что давало им законный повод вмешаться. «Было совершенно ясно, – замечает Полибий, – что, если

римляне откажут в помощи мамертинам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией; ибо, имея в своих руках Мессану, которая передалась им сама, карфагеняне должны занять вскоре и Сиракузы, так как вся почти Сицилия была уже в их власти» (Polyb. I, 10, 7–8).

При всей тревожности сложившейся ситуации решение вопроса в римском сенате оказалось непростым, и, как отмечает Тит Ливий, «об этом предмете был великий спор между сторонниками и противниками такого решения» (Liv. Per. XVI). Помимо опасности развязывания полномасштабной войны с могущественным Карфагеном важную роль играли также соображения морально-этического характера. Дело в том, что всего несколькими годами ранее римляне оказались в схожей ситуации и решили ее с присущей им прямоотой и жестокостью. Во время войны с Пирром с просьбой о защите к ним обратились жители города Регия, располагавшегося на италийском берегу Мессинского пролива, и Рим ввел в город восьмой легион под командованием Деция Кампанца. Вскоре легионеры, последовав примеру мамертинцев в Мессане, захватили власть в Регии и изгнали либо истребили его граждан. Реакция римского правительства последовала с существенной задержкой, обусловленной войной с Пирром, однако, когда представилась малейшая возможность, мятежный легион был сурово наказан. В 271 г. до н. э., когда армия консула Гая Генуция Клепсина взяла Регий штурмом, захваченные в плен клятвопреступники были казнены. Поступив таким образом с захватчиками Регия, римское правительство не могло просто пренебречь созданным им самим прецедентом и оказать поддержку оккупантам Мессаны. Впрочем, удобной лазейкой было то, что мамертинцы, в отличие от легионеров восьмого легиона, не были римскими гражданами и не нарушали присягу верности Риму. Это позволило рассматривать

ситуацию в Регии и Мессане как два совершенно несопоставимых случая и отправить помощь одним захватчикам тогда, когда другие уже понесли за свой поступок суровое и заслуженное наказание.

В итоге римский сенат, не желая брать на себя ответственность за принятие столь значимого и спорного решения, передал вопрос в трибутные комиции (народное собрание), которые и постановили заключить с мамертинцами договор и оказать им помощь. Помимо угрозы установления пунийского владычества над всей Сицилией, этому способствовали и сугубо корыстные соображения. Полибий замечает, что римский народ постановил оказать помощь мамертинцам, поскольку был разорен предыдущими многочисленными войнами и рассчитывал поправить дела за счет трофеев, добытых в далекой богатой Сицилии. Весомую роль сыграла также позиция консулов Аппия Клавдия Каудекса и Марка Фульвия Флакка, которые активно агитировали за поддержку мамертинцев и, помимо государственных соображений, также «исчисляли частные выгоды войны для отдельных граждан» (Polyb. I, 11, 2). К овладению Сицилией стремились и крупные римские купцы, которым установление римского контроля над островом сулило несметные прибыли. В войне были заинтересованы и многочисленные молодые римские граждане из всаднического сословия, для которых боевые действия были шансом проявить себя и заработать авторитет для будущей политической карьеры.

Принятое римским народным собранием решение знаменовало окончание длительных мирных отношений города на Тибре с Карфагеном и стало прологом серии одних из величайших войн во всей истории Древнего Рима. Маленький город Лация, покорив Италию и стремительно усилившись, заявил о своей готовности

ввязаться в борьбу за все Западное Средиземноморье с сильнейшей державой региона.

Часть 2. Завязка. Первая Пуническая война

...подробнее мы постараемся изобразить первую войну между римлянами и карфагенянами из-за Сицилии, ибо нелегко указать более продолжительную войну, лучшее во всех отношениях вооружение, более напряженную деятельность, более многочисленные сражения и более многочисленные превратности счастья, чем те, которые были испытаны обеими сторонами в этой войне. Самые государства хранили в то время свои учреждения нерушимо, пользовались умеренным благосостоянием и были равносильны. Поэтому всякий желающий оценить верно особенности и силу обоих государств должен принимать за основу сравнения скорее эту войну, а не последующие.

Полибий. Всеобщая история, I, 13, 10-13

Глава 6. «Кому оставлю скипетр и остров»? Битвы за Сицилию (264–260 гг. до н. э.)

Сицилии домогались как римлянин, так и карфагенянин. Равные в своих стремлениях и силах, они одновременно помышляли о власти над миром.

Луций Анней Флор. Две книги римских войн, I, XVIII, 2, 3

Следующим объектом экспансии Рима после овладения югом Италии вполне ожидаемо стала Сицилия, являвшаяся естественным продолжением Апеннинского полуострова и привлекавшая завоевателей своим богатством. В этом свете принятие решения об оказании военной поддержки мамертинцам в их противостоянии с сиракузским правителем Гиероном II было лишь удачным и своевременным поводом для начала осуществления того, к чему римляне в любом случае приступили бы в самое ближайшее время. Это неминуемо вело Римскую республику к столкновению с Карфагенской державой, давно и упорно воевавшей за Сицилию с местными греческими колониями.

Суть и вектор великого противостояния пунийцев и римлян определились при первом же появлении римских войск на острове. Произошло это уже весной 264 г. до н. э., когда в Мессану прибыл римский военный трибун Гай Клавдий, возглавлявший небольшой передовой отряд готовившейся к походу армии консула Аппия Клавдия Каудекса. К моменту появления римлян обстановка в городе существенно изменилась, на

помощь мамертинцам уже успели прийти карфагеняне, которым удалось занять городскую цитадель, разместить в Мессинском проливе мощную эскадру и уладить конфликт с Сиракузами. Гиерон, не будучи готовым воевать с пунийцами, предпочел отвести свои войска от города. В таких условиях задача Гая Клавдия состояла в том, чтобы побудить мамертинцев выдворить карфагенский гарнизон из Мессаны, открыто не вмешивая в конфликт римские войска. Завязались переговоры, во время которых военный трибун по меньшей мере дважды побывал в Мессане, разведывая обстановку и агитируя мамертинцев в пользу Рима, причем пунийцы не препятствовали его появлению в городе. Стремление римлян избежать открытого военного противостояния с пунийцами становится понятным, если учесть, что консульская армия Аппия Клавдия Каудекса не имела ни малейших шансов переправиться через надежно контролировавшийся карфагенским флотом пролив. Чтобы попасть на Сицилию, следовало сначала избавиться от карфагенян в Мессане и ее гавани.

Усилия Гая Клавдия были не напрасны, тем более что значительная часть мамертинцев уже тяготилась присутствием пунийского гарнизона в городской цитадели и была не прочь от него избавиться. Сориентировавшись в ситуации, военный трибун заявил, что целью римлян является не овладение Мессаной, а лишь изгнание из города карфагенян, поскольку их контроль над проливом создает угрозу Италии. Это нашло положительный отклик у мамертинцев, и они заверили Гая Клавдия в поддержке и содействии. После своего очередного визита в Мессану военный трибун предпринял попытку провести через пролив небольшую флотилию с десантом на борту, однако плохая погода и противодействие карфагенской эскадры, захватившей несколько римских

судов, заставили его вернуться в Регий. Впрочем, командир карфагенского гарнизона Мессаны Ганнон вскоре отдал все захваченные римские корабли и обещал вернуть пленных, если римляне откажутся от попыток овладеть городом. Он предостерегал, что в противном случае будет действовать так, что римляне не смогут даже руки омыть в море.

Вызывает удивление миролюбие пунийского военачальника, который вначале позволил Гаю Клавдию беспрепятственно появляться и агитировать в Мессане, а затем даже вернул совершившему попытку вторжения неприятелю суда. Это миролюбие, видимо, может рассматриваться как подтверждение мнения Полибия об отсутствии в номинально действовавшем на тот момент римско-карфагенском договоре нормы, согласно которой «для римлян была закрыта вся Сицилия, а для карфагенян Италия» (Polyb. III, 26, 3). В этом случае становятся понятными действия Ганнона, не считавшего Мессану частью пунийских владений на Сицилии и потому не шедшего на откровенную конфронтацию с римлянами. То, что карфагенян пригласила часть мамертинцев, не рассматривалось им в качестве достаточного основания для того, чтобы считать город принадлежащим Карфагену, и поэтому он действовал максимально мягко, не желая быть обвиненным в развязывании масштабной войны с Римом.

Совершенно иным было поведение Гая Клавдия, не боявшегося обострения отношений с пунийцами, поскольку он выполнял задачу, поставленную римским правительством, которое уже приняло решение об овладении по меньшей мере частью Сицилии, несмотря даже на возможную войну с Карфагеном. Потерпев неудачу при первой попытке переправить войска в Мессану, военный трибун вскоре вновь решил воплотить задуманное, ограничившись на этот раз

одним кораблем, но с крупным отрядом легионеров на борту. Одинокое судно, в отличие от военной флотилии, не привлекло должного внимания карфагенской эскадры, что позволило Гаю Клавдию снова оказаться в городе, однако теперь уже с существенной военной поддержкой, силы которой были, видимо, сопоставимы с засевшим в цитадели пунийским гарнизоном. Продолжив диалог с сочувственно отнесшимися к нему мамертинцами, римский военный трибун потребовал прилюдных переговоров с Ганноном и предложил ему явиться на общее собрание. Карфагенский военачальник согласился, что стало его последней роковой ошибкой. Захватив Ганнона в плен, римляне при поддержке мамертинцев вынудили его отдать карфагенскому гарнизону приказ покинуть Мессану и увести из пролива пунийскую эскадру. «Мамертины, – сообщает Полибий, – частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля...» и передали город римлянам (Polyb. I, 11, 4).

Лишь после потери Мессаны, в которой теперь обосновался римский отряд под командованием Гая Клавдия, карфагенское правительство осознало масштаб опасности. Добровольно покинувшего город Ганнона распяли на кресте, обвинив его в сдаче акрополя «по безрассудству и трусости» (Polyb. I, 11, 5), а в Сицилию направили крупную армию под командованием его тезки – Ганнона, сына Ганнибала. Из локального противостояния за контроль над отдельным, пусть и стратегически важным городом, римско-карфагенский конфликт окончательно перерос в полномасштабную войну. Из Лилибея, ставшего удобной оперативной базой, Ганнон направил свои сухопутные войска к Мессане, а флот расположил у мыса Пелориады на северо-восточной оконечности Сицилии (современный поселок Торре-ли-Фаро) с целью

блокировать Мессинский пролив и не допустить переправы на Сицилию основных сил римлян. Одновременно карфагенский полководец лично «отправился в Акрагант и укрепил его крепость, а затем убедил граждан, которые всегда были дружественны к карфагенянам, стать их союзниками» (Diod. XXIII, 1, 2).

Прибытием пунийского войска поспешил воспользоваться правитель Сиракуз Гиерон, стремившийся покончить наконец с ненавистными ему мамертинцами и потому заинтересованный в изгнании римлян из Мессаны. Договорившись о совместных действиях, Карфаген и Сиракузы, заключив союз, приступили к совместной осаде Мессаны. Небольшой отряд трибуна Гая Клавдия вместе с мамертинцами оказался надежно заперт в городе – с моря его блокировал мощный карфагенский флот, на суше обложили занявшие позиции у Халкидской горы сиракузские войска Гиерона и расположившиеся неподалеку от селения под названием Евны (у Диодора) либо Сины (согласно Полибию) пунийцы Ганнона, (Diod. XXIII, 1, 3; Polyb. I, 11, 6–9). Осажденным римлянам оставалось лишь держать оборону и надеяться на помощь извне, тем более что состоявшая из двух легионов консульская армия Аппия Клавдия Каудекса находилась в непосредственной близости, расположившись в Регию в ожидании переправы через Мессинский пролив. Последнее, впрочем, было трудновыполнимой задачей, поскольку в проливе стояла карфагенская эскадра, а у римлян не было, по словам Полибия, «не только парусных кораблей, но длинных судов вообще и даже ни одной лодки» (Polyb. I, 20, 13).

Не имея возможности сразу переправить свои легионы в Мессану, консул Аппий Клавдий решил прибегнуть к переговорам, которые были попыткой расколоть карфагено-сиракузский альянс, а также

позволяли выиграть время, необходимое для сбора и подготовки кораблей. Сообщение Полибия о том, что римский военачальник начал переговоры уже после успешной ночной переправы к Мессане (Polyb. I, 11, 9—11), скорее всего, является ошибочным, и за основу стоит принять последовательность событий, приведенную Диодором Сицилийским. Не исключены, впрочем, и повторные попытки завязать переговоры после успешной высадки римских легионов на острове, поскольку появление консульской армии в Мессане меняло соотношение сил. В любом случае, обратившись изначально из Регия одновременно к обеим сторонам, Аппий Клавдий особенно подчеркивал нежелание римлян воевать с правителем Сиракуз, стремясь отвратить его от союза с пунийцами и побудить снять осаду. Однако Гиерон, твердо решивший расправиться с мамертинцами, на уговоры не поддался и заявил, что римляне «не должны защищать убийц, которые показали величайшее презрение к добродетели». Если же Рим продолжит упорствовать в своем намерении, то всем станет ясно, что его истинной целью является не защита мамертинцев, а захват всей Сицилии (Diod. XXIII, 1, 4). Не пошли на уступки и карфагеняне, что, впрочем, вполне устраивало римлян, ведь теперь они имели полное право заявлять, что ведут справедливую войну против тех, кто отверг условия мира.

В отличие от провальных переговоров, операция по сбору флота оказалась вполне успешной – римлянам удалось собрать корабли в обладавших сильным флотом союзных Риму городах Южной Италии, таких как Тарент, Локры, Елей и Неаполь (Polyb. I, 20, 14) и успешно переправить консульскую армию к Мессане. Как сообщает Секст Юлий Фронтин, это удалось благодаря военной хитрости римского военачальника: «Консул Аппий Клавдий в Первой Пунической войне не мог переправить войско из Регия в Мессану, так как

пунийцы стерегли пролив. Тогда он пустил слух, что не может вести войну, начатую без разрешения народа, и притворился, будто ведет флот по направлению к Италии: когда в результате пунийцы, поверив во взятое им направление, отошли, он повернул корабли и пригнал их к Сицилии» (Frontin. I, 4, 11). Полибий сообщает, что переправа была осуществлена под покровом ночи (Polyb. I, 11, 9).

Высадившись на острове и войдя в Мессану, Аппий Клавдий решил разгромить врагов по одному, благо те не слишком доверяли друг другу и их лагеря находились на существенном расстоянии. Первый удар римлян пришелся против войска Гиерона, считавшего, что «карфагеняне предательски допустили переправу» неприятельской армии (Diod. XXIII, 3, 1) и уже вследствие этого склонявшемуся к отступлению в Сиракузы. Диодор Сицилийский, Луций Анней Флор, а за ним и Павел Орозий и вовсе сообщают, что сиракузский царь отступил восвояси, даже не вступив в бой: «Он (Аппий Клавдий. – Авт.) настолько быстро превзошел сиракузян и пунийцев, что сам царь (Сиракуз. – Авт.), уstraшенный мощью противника, признал себя побежденным, прежде чем вступил в сражение» (Flor. I, XVIII, II, 2, 6; Oros. IV, 7, 1). Полибий, однако, утверждает, что битва состоялась. Ее исход решила римская тяжеловооруженная пехота, которая вклинилась в строй сиракузской фаланги, разбив плотный строй греческих гоплитов и обратив их в бегство. Сражение закончилось полным разгромом сиракузян, вынужденных вначале бежать в свой укрепленный лагерь, а затем и вовсе отступить под защиту крепостных стен Сиракуз.

После первоначального успеха римский военачальник обратил свои легионы против войска Ганнона, который, в отличие от сиракузского царя, повел сражение от обороны, надежно закрепившись в

хорошо укрепленном лагере. Битва не принесла победы ни одной из сторон: Ганнон не смог перейти в успешное контрнаступление и отбросить римлян к стенам Мессаны, однако и Аппий Клавдий не прорвался в пунийский стан. Ночью карфагенский полководец под прикрытием темноты отвел свои измотанные тяжелым боем войска из лагеря, что знаменовало окончание осады Мессаны и развязывало римскому консулу руки для дальнейших действий. Отбросив врагов от Мессаны, Аппий Клавдий «ходил теперь беспрепятственно по разным направлениям, опустошал поля сиракузян и союзников их, причем никто не выступал против него в открытое поле; наконец он расположился у самых Сиракуз и начал осаду города» (Polyb. I, 12, 4). Мощные сиракузские укрепления надежно защищали Гиерона, да и сил у римского полководца было недостаточно ни для решающего штурма, ни для планомерной блокады. К тому же приближался срок окончания консульских полномочий Аппия Клавдия, и, отведя войска от Сиракуз в Мессану, он отбыл в Рим. В сочинении «Краткая история от основания Города» позднеимперский историк Евтропий сообщает, что по прибытии этот консул «отпраздновал триумф над пунами и царем Сицилии Гиероном» (Eutrop. II, 18, 3), хотя большинство исследователей отрицают триумф Аппия Клавдия Каудекса, поскольку решающих побед над карфагенянами в его консульство не произошло. Не приходится, однако, сомневаться в том, что именно достижения этого римского военачальника позволили римлянам надежно закрепиться на Сицилии, заложив основу для будущих побед римского оружия. Немалое значение имело также поначалу бестолковое и беспечное поведение пунийцев, которые, продемонстрировав благодушие и беззубость, оказались неспособны воспрепятствовать

проникновению римских войск на остров, заблокировав Мессинский пролив.

Развить успех консула Аппия Клавдия были призваны сразу две консульских армии – четыре римских легиона под командованием консулов 263 г. до н. э. Мания Отацилия Красса и Мания Валерия Максима Мессалы. Вместе с союзными контингентами их войско насчитывало до 40 тысяч воинов, представляя собой грозную силу, повергшую в ужас жителей сицилийских городов. Первым после скоротечной осады был штурмом взят город Гадранион, следующими на очереди оказались Центорипы. Понимая, что противостоять римскому войску самостоятельно они не в силах, один за другим римлянам, согласно сообщению Диодора Сицилийского, сдались 67 городов (Diod. XXIII, 4, 1). О более чем пятидесяти отдавшихся на милость римлян сицилийских городах сообщает также Евтропий: «На следующий год, в консульство Валерия Марка и Отацилия Красса, на Сицилии имели место события, весьма важные для римлян. Жители Тавромения, Катаны и еще более пятидесяти городов были приняты под покровительство» (Eutrop. II, 19, 1).

Присоединив отряды из принятых под защиту городов к собственному войску, консулы выдвинулись по направлению к Сиракузам, намереваясь приступить к планомерной осаде города. Трезво оценив безнадежность своего положения, сиракузский царь Гиерон II отправил к консулам посольство с просьбой о мире и союзе. Римляне охотно пошли ему навстречу, поскольку «стремились иметь врагами исключительно карфагенян» (Diod. XXIII, 4, 1), а также «опасались, что при господстве карфагенян на море им отрезан будет подвоз съестных припасов откуда бы то ни было, тем более что и переправившиеся прежде легионы терпели сильную нужду» (Polyb. I, 16, 7). Согласно условиям заключенного сначала на 15 лет, а затем продленного

навечно мирного договора, Гиерон обязывался оставить за римлянами захваченные ими сицилийские города, вернуть без выкупа всех захваченных римских пленников, а также выплатить значительную контрибуцию. Античные историки приводят разные суммы выплат – 25 талантов^[6] серебром, или 150 тыс. драхм названы у Диодора Сицилийского, 100 талантов – у Полибия и 200 талантов – у Павла Орозия и Евтропия (Diod. XXIII, 4, 1, Polyb. I, 16, 9; Oros. IV, 7, 1; Eutrop. II, 19, 2). Следует, пожалуй, принять данные хорошо осведомленного о событиях на Сицилии Полибия, расценив сумму, упомянутую Диодором, как первоначальный взнос, который следовало выплатить незамедлительно после заключения мирного договора. Свидетельство же позднеантичных историков IV-V вв. н. э. Евтропия (не ранее 310 – не ранее 387 гг.) и Павла Орозия (ок. 385–420 гг.), наиболее отдаленных во времени от описываемых событий, являются наименее достоверными. Со своей стороны, Рим гарантировал Гиерону сохранение власти над большей частью Сиракузского царства, расположенной преимущественно в юго-восточной и отчасти восточной частях острова и включавшей такие крупные города, как Акры, Леонтины, Мегара, Гелорий, Неетий и Тавромений (Diod. XXIII, 4, 1).

Заключение союза не только спасло Гиерона, но также значительно упрочило положение римлян на Сицилии. Мощный союзник обеспечивал римское войско необходимым продовольствием и должен был принимать участие в боевых действиях против карфагенян. Это даже позволило Риму вдвое сократить собственное военное присутствие на острове, ограничившись на время одной консульской армией, то есть всего двумя легионами. Карфагеняне же, лишившись союзнической помощи со стороны Гиерона,

на которую они, несомненно, рассчитывали, наоборот, энергично набирали наемников среди иберов, кельтов и лигуров. В качестве опорного пункта пунийской армии был избран расположенный на южном берегу Сицилии Акрагант (или Агригент в латинской традиции), второй по значимости город острова после Сиракуз. Пунийцы прекрасно сознавали, что именно Акрагант «значительнее всех городов этой области, а потому собрали туда войска и запасы и решили сделать его опорным пунктом военных действий» (Polyb. I, 17, 3-5). Описание местоположения и мощных укреплений города, приведенное Полибием, позволяет составить представление о том, насколько удачным был выбор карфагенян и сколь трудно пришлось римлянам, когда они подступили к городским стенам: «Город акрагантян превосходит множество других городов... сильным местоположением, больше всего красотой и благоустройством. Город расположен всего в восемнадцати стадиях^[7] от моря, благодаря чему пользуется всеми выгодами, какие может доставить городу море, и со всех сторон укреплен превосходно как самую природою, так и искусством, именно: городские стены покоятся на крутой скале с отвесными склонами, частью естественными, частью искусственными, и город омывается реками. Так, с южной стороны протекает река, одноименная с городом, а с западной и юго-западной – другая, именуемая Гипсою» (Polyb. IX, 27). Во главе обороны города был поставлен полководец по имени Ганнибал, впоследствии прозванный Старшим (Oros. IV, 7, 5).

В 262 г. до н. э. консульство перешло к Луцию Постумию Мегеллу и Квинту Мамилию Ветулу, которые, приостановив боевые действия в других частях острова, повели обе консульские армии и войска союзников на Акрагант. В самом начале осады римские полководцы

допустили просчет, едва не приведший к разгрому их армий. Поскольку наступила пора жатвы, сразу после обустройства лагерей римляне занялись сбором урожая, рассеявшись по полям и не обеспечив надежного прикрытия. Карфагеняне поспешили воспользоваться представившимся случаем и нанесли из города внезапный удар по жнецам, обратив их в беспорядочное бегство, а затем ударили по сторожевым постам и попытались ворваться в римский лагерь. Лишь строжайшая дисциплина, самопожертвование и мужество спасли тогда римлян от полного разгрома. Оказав «сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и хотя много потеряли своих, еще больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город» (Polyb. I, 17).

Сделав из случившегося надлежащие выводы, в дальнейшем консулы повели осаду Акраганта по всем правилам боевого искусства. Два римских лагеря были разбиты с двух сторон от города на расстоянии полутора километров от крепостных стен, между лагерями вырыли два рва. Один из рвов отделял лагерь от города, защищая римлян от неожиданной вылазки горожан, второй же охватывал лагерь наружным кольцом, предотвращая нападение извне. Надежно отрезав Акрагант от внешнего мира, римляне находились в заведомо выигрышном положении, поскольку скопившиеся в городе карфагенские войска, насчитывавшие, по данным Полибия, не менее 50 тыс. воинов, довольно скоро почувствовали нужду в съестных припасах, тогда как осаждающим «жизненные припасы и вообще все нужное собирали и доставляли в Гербес все союзники римлян, а из этого города, недалеко отстоявшего от лагеря, римляне сами непрерывно подвозили и переносили к себе припасы,

так что имели все нужное в изобилии» (Polyb. I, 18, 5). В таких условиях римлянам оставалось лишь ждать, когда запасы осажденных иссякнут и они перед угрозой голода либо капитулируют, либо предпримут отчаянную попытку прорыва. Запертым же в Акраганте пунийским войскам не оставалось ничего иного, как слать в Карфаген гонцов с посланиями, взывая о помощи.

Настойчивые просьбы коменданта Акраганта Ганнибала Старшего о помощи нашли отклик в пунийской столице лишь пять месяцев спустя, когда положение осажденных уже было близким к отчаянному. На помощь осажденным отправили из Ливии громадное войско, насчитывавшее 50 тыс. пехотинцев, 6 тыс. всадников и 60 боевых слонов (Diod. XXIII, 8, 1). Во главе этой мощной армии встал опытный карфагенский полководец Ганнон Старший. Высадив прибывший из Африки мощный десант в Лилибее, он повел свое войско в расположенную на пути к Акраганту Гераклею, откуда внезапным ударом, хитростью либо благодаря предательству местных жителей захватил Гербес, бывший главным центром снабжения римских лагерей. Предпринятый маневр отрезал римлян от поставок продовольствия, вследствие чего они «оказались столько же осаждающими, сколько и осажденными, ибо нужда в хлебе и прочих предметах необходимости угнетала их так, что они не раз помышляли о снятии осады». Лишь помощь со стороны верного союзному договору Гиерона, которому удавалось обеспечивать поставки небольшими партиями необходимого минимума продовольствия, позволила консулам продолжить осаду Акраганта.

Посчитав, что римляне достаточно истощены, Ганнон двинул все свое войско, в котором было, помимо прочего, 50 боевых слонов, по направлению к Акраганту. Вперед он выслал нумидийскую конницу,

задачей которой было втянуть в бой римских всадников, а затем притворным отступлением выманить их под удар основных пунийских сил. Ловкие и маневренные африканцы блестяще справились с заданием, отойдя к основным силам Ганнона, а затем «оборотились лицом к неприятелю и ударили на него со всех сторон, многих убили, остальных преследовали до самого вала» (Polyb. I, 19, 4). Конница римлян понесла чудовищные потери и была разгромлена чуть ли не полностью. Ганнон, однако, не стал развивать столь удачно начатое наступление и штурмовать римские лагеря, то ли посчитав их слишком хорошо укрепленными, то ли решив продолжить дальнейшее истощение сил римлян до момента, пока они вынуждены будут снять осаду Акраганта. Для этого пунийский военачальник велел своим воинам занять позиции в непосредственной близости от римских лагерей, на холме под названием Тор, расположенном в десяти стадиях от них по направлению к Гераклею.

Следующие два месяца прошли в тревожном ожидании, прерываемом лишь незначительными ежедневными стычками. По всей видимости, именно к этому двухмесячному периоду относится сообщение Фронтинна о военной хитрости, примененной против карфагенян консулом Луцием Постумием Мегеллом: «Консул Постумий, когда его лагерь в Сицилии находился в трех милях от пунического и карфагенские командиры ежедневно выстраивались к бою под самой оградой лагеря, постоянно оборонялся малыми силами, вступая в легкие стычки перед валом. Когда пунийцы, привыкнув к его способу действий, перестали уже с ним считаться, он, подготовив всех остальных на отдыхе внутри лагеря, по-прежнему с небольшим отрядом сдерживал напор противника и задержал его дольше обычного; когда же к шести часам уставшие и изнывавшие к тому же от голода стали возвращаться к

себе, он со своими свежими силами обратил в бегство неприятеля, измотанного вышеуказанными трудностями» (Frontin. II, I, 4). По сути, римский военачальник сквитался таким образом за потери, понесенные римской конницей вследствие уловки нумидийских всадников во время первой битвы с войском Ганнона. Второе крупное сражение, оказавшееся победным для римлян, велось силами пехоты, и можно предположить, что именно этим объясняется соотношение в количестве потерь пехотинцев и кавалеристов, понесенных карфагенянами. Диодор Сицилийский сообщает, что в результате двух битв Ганнон потерял двести конников и три тысячи пехотинцев, а четыре тысячи воинов были захвачены в плен (Diod. XXIII, 8, 1). Это вполне соотносится с успешным для пунийцев сражением кавалеристов и поражением во время удачно проведенного благодаря хитрости римского консула крупного боя пехоты.

Во время затянувшегося ожидания решающей битвы силы римлян истощались быстрее, чем у пунийцев в лагере Ганнона, однако у осажденных в Акраганте таяли еще быстрее, чем у римлян. Об этом Ганнибал сообщал Ганнону посредством специальных сигнальных огней на крепостных стенах. В конце концов все более тревожные сигналы заставили карфагенян решиться на генеральное сражение, к которому стремились и римляне. Эту битву при Акраганте Полибий описал следующим образом: «Противники вывели войска на разделявшее лагерь пространство и ударили друг на друга. Сражение длилось долго, пока наконец римляне не обратили в бегство карфагенских наемников, сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на слонов и на задние ряды, все войско финикиян пришло в смятение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян были истреблены,

и лишь немногие спаслись в Гераклее; римляне захватили большую часть слонов и весь обоз» (Polyb. I, 18, 8—11). Поражение пунийцев было разгромным, хотя общие потери римлян были также колоссальными – 30 тыс. пехотинцев и 1500 всадников (Diod. XXIII, 9, 1). Это помешало им преследовать отряд Ганнибала, который с наступлением ночи покинул осажденный город, перебрался через оба римских рва, забросав их плетенками с мякиной, и поспешно отступил. Обнаружив наутро бегство части акрагантского гарнизона, римляне слегка потрепали арьергард стремительно уходившего войска Ганнибала, а затем ворвались в оставшийся беззащитным Акрагант, захватив там более 25 тыс. пленников, которые все были обращены в рабство (Diod. XXIII, 9, 1).

Павел Орозий так в крайне сжатом виде описывает ход противостояния римлян и пунийцев в битве за Акрагант и подводит его итоги: «Консулы обнесли валом и насыпями Акрагант, город на Сицилии, и находившийся там гарнизон пунийцев. И когда осажденный таким образом Ганнибал Старший, полководец пунийцев, был доведен до крайней нужды, неожиданно появился Ганнон, новый полководец карфагенян, с [войском] в полторы тысячи всадников и тридцать тысяч пехоты, имея также тридцать слонов, и на некоторое время он отсрочил захват города; однако вслед за этим город был взят. Пунийцы, поверженные и сокрушенные в страшной битве, потеряли одиннадцать слонов, акраганты были все проданы в качестве пленников; Ганнибал Старший в результате внезапной вылазки спасся с немногими бегством» (Oros. IV, 7, 4).

Падение Акраганта привело к переходу на сторону римлян еще нескольких значимых сицилийских городов, расположенных в глубине острова. Ганнон, допустивший столь болезненное поражение, был отозван в Карфаген, где его лишили гражданских прав

и оштрафовали на шесть тысяч золотых монет (Diod. XXIII, 9, 2). До этого, впрочем, он успел повоевать против новых римских консулов Тита Отацилия Красса и Луция Валерия Флакка в 261 г. до н. э. По крайней мере Фронтин приводит следующий рассказ, наглядно показывающий отношение карфагенских полководцев к собственным наемникам и способы решения возникавших с ними проблем: «Карфагенский полководец Ганнон в Сицилии узнал, что около четырех тысяч галльских наемников сговорились перебежать к римлянам, так как они несколько месяцев не получали жалованья. Наказать их он не решался, боясь мятежа. Он поэтому обещал щедро вознаградить их за просрочку. Когда галлы благодарили его за это, он обещал им и в подходящий момент предоставить возможность пограбить. Вместе с тем он направил преданнейшего казначея к консулу Отацилию; выдав себя за перебежчика по вымышленным мотивам, он донес, что в ближайшую ночь четыре тысячи галлов будут высланы для грабежа и их можно будет перехватить. Отацилий, с одной стороны, не сразу поверил перебежчику, однако, с другой стороны, не считал возможным оставить такое дело без внимания. Он расположил в засаде отборнейший отряд. Галлы были перехвачены, и Ганнону от этой хитрости была двойная польза: галлы нанесли римлянам урон и сами все были перебиты» (Frontin. III, XVI, 3).

Победа под Акрагантом в 262 г. до н. э. стала решающей в противостоянии за Сицилию, позволив римлянам подчинить себе большую часть острова и овладеть стратегической инициативой. По сути, лишь прибрежные города, поддерживаемые господствовавшим на море карфагенским флотом или боявшиеся его нападения, продолжали сопротивление. Сами же пунийцы под натиском римлян были вынуждены отойти в свои давние владения в западной

части острова, где их надежными военно-морскими базами оставались Лилибей, Панорм и Дрепана, имевшие мощные укрепления и удобные гавани, позволявшие снабжать их всеми необходимыми припасами. Окрыленные успехом, римские сенаторы поставили армии задачу «совершенно очистить остров от карфагенян и тем усилить свое могущество; к этому-то обращались все надежды их и помыслы» (Polyb. I, 20, 2). Однако после акрагантской виктории удача в островной войне от римлян отвернулась. У римского войска сменились главнокомандующие, которыми стали консулы 261 г. до н. э. Луций Валерий Флакк и Тит Отацилий Красс, а из Карфагена после смещения Ганнона на Сицилию в качестве главнокомандующего был направлен Гамилькар. Диодор сообщает о затянувшейся на семь месяцев осаде римлянами города Митистрата, для которой было построено множество осадных машин, но в итоге она завершилась безрезультатно. В дальнейшем боевые действия на острове велись с переменным успехом, и ни одна из сторон не могла получить решающего преимущества. На захват и разграбление римлянами небольшой крепости Мазары в области Селинунта Гамилькар отвечал победоносным сражением при расположенных на северном побережье острова Фермах, где было истреблено четыре (по данным Полибия) либо шесть (согласно Диодору) тысяч римских союзников (Polyb. I, 24, 4; Diod. XXIII, 9, 4).

Таким образом, война на Сицилии перешла в затяжную фазу, в которой решающего перевеса не могла получить ни одна из сторон. Главной проблемой было господство пунийцев на море, не дававшее римлянам надежно закрепиться на побережье, ведь в то время «многие материковые города перешли на сторону римлян в страхе перед их сухопутными силами, зато большее еще число городов приморских

отложилось от них из страха перед карфагенским флотом» (Polyb. I, 20, 6). Кроме того, карфагеняне начали переносить военные действия на италийское побережье, угрожая разорением крупных римских торговых центров – Остии, Цере, Неаполя, Тарента. В 260 г. до н. э., по сообщению Павла Орозия, «Ганнибал Старший с помощью флота, состоявшего из ста тридцати кораблей, опустошил морское побережье Италии» (Oros. IV, 7, 7), не говоря уже о захвате пунийцами римских военно-транспортных и торговых судов, ставшем к тому времени повседневным явлением.

Полностью осознав сложившуюся ситуацию и не желая далее наблюдать, как карфагеняне опустошают берега Италии, в то время как африканское побережье остается для римлян совершенно недоступным, римляне приступили к строительству собственного мощного военно-морского флота.

Глава 7. «...многоголосые глубины стонут»: рождение римского военного флота и первые морские сражения (260-256 гг. до н. э.)

...не имея средств к морской войне не то что значительных, но каких бы то ни было, никогда раньше не помышляя о морских завоеваниях и впервые задумавши это теперь, они принялись за дело с такою уверенностью, что решились тотчас, еще до испытания себя, помериться в морской битве с теми самыми карфагенянами, которые со времен предков их неоспоримо владычествовали на море.

Полибий. Всеобщая история, I, 20, 12

Начало войны Рима и Карфагена за Сицилию быстро выявило наиболее уязвимую сферу военного дела римлян – слабость военного флота. В изложении Полибия это даже превратилось в надуманное утверждение о полном отсутствии римского военно-морского флота, что, несомненно, является явным преувеличением. Источники содержат некоторые упоминания о римских военных флотилиях, выполнявших боевые задачи задолго до начала Первой Пунической войны. Так, в 310 г. до н. э., в ходе Второй Самнитской войны (327–304 гг. до н. э.), римский флот под командованием консула Луция Корнелия высадил у Помпей десант, отправившийся разорять окрестности

города Нуцерии (Liv. IX, 38, 2). Следующее упоминание о военной эскадре римлян относится к 282 г. до н. э., когда во время войны с Тарентом «тарентинцами был разграблен римский флот и убит дуумвир^[8], над ним начальствовавший» (Liv. Per. XII). Поскольку эта римская эскадра во главе с дуумвиром насчитывала десять кораблей, можно предположить существование еще одной такой же по численности флотилии и, следовательно, весь флот римлян насчитывал двадцать боевых судов. Согласно свидетельству, сохраненному Иоанном Зонарой, это были триремы (Ioan. Zon. VIII, 2B). Как видим, свидетельства источников о военном флоте Рима на рубеже IV-III вв. до н. э. крайне немногочисленны и позволяют составить лишь самое приблизительное представление о количестве и боевых характеристиках военных судов, а также подготовке римских моряков и флотоводцев к войне с Карфагеном. Не приходится, впрочем, сомневаться, что римский флот уступал пунийскому во всех отношениях – от количества и боевых характеристик кораблей до подготовки матросов и умения флотоводцев руководить действиями судов на море.

В 260 г. до н. э. в Риме была развернута масштабная государственная программа строительства военных кораблей, целью которой было создание военно-морского флота, способного не только на равных противостоять Карфагену на море, но и ликвидировать пунийскую талассократию – власть над морями – в Западном Средиземноморье. Подробный и, несомненно, несколько приукрашенный рассказ об этой программе приводит Полибий, сообщающий, что первоначально римляне заложили на верфях 100 пентер (квинквирем) и 20 триер (трирем). При этом, по его словам, не имевшие опыта строительства квинквирем римские кораблестроители взяли за основу карфагенскую

пентеру, захваченную при благоприятном стечении обстоятельств еще во время переправы на Сицилию легионов под командованием консула Аппия Клавдия Каудекса: «В это время на римлян в проливе напали карфагеняне; один палубный, неприятельский корабль в порыве усердия бросился вперед, очутился на берегу и попал в руки римлян; по образцу его римляне и соорудили весь свой флот» (Polyb. I, 20, 15). При всей критичности отношения к данному свидетельству, вряд ли обоснованно отбрасывать его полностью, поскольку оно содержит зерно исторической правды. Римские корабельщики, несомненно, изучали захваченные пунийские суда и пытались, по мере возможности, копировать их. О том, что достичь совершенства в этом деле удалось далеко не сразу, свидетельствуют все тот же Полибий, сообщающий, что «корабли римлян вследствие дурного устройства были неловки в движениях» (Polyb. I, 22, 3) и Луций Анней Флор, назвавший их «тяжеловесными и неуклюжими судами» (Flor. I, XVIII, 2, 8).

Ядро истины, судя по всему, содержит также сообщение Флора о стремительности строительства римского флота, который якобы был сооружен всего за два месяца: «Залогом предстоящей победы была сама быстрота сооружения флота. Ибо через 60 дней после того, как был срублен лес, флот из 160 кораблей стоял на якоре, так что казалось, будто не искусство людей, а дар богов превратил лес в корабли» (Flor. I, XVIII, 2, 7). В приведенном свидетельстве привлекают внимание и вызывают сомнения три момента. Во-первых, количество судов на 40 больше, чем указано у Полибия. Во-вторых, корабли, по словам историка, построили из свежесрубленного леса, что было невозможно, поскольку лесоматериалы требовали длительного просушивания и предварительной обработки. Наконец, в-третьих, невероятным кажется сам срок сооружения судов – всего два месяца.

Как представляется, разница в количестве кораблей у Полибия и Флора вполне может объясняться тем, что часть из них были не пентеры или триеры, а транспортные либо легкие разведывательные суда, о строительстве которых греческий историк попросту не упоминает. В любом случае, информация Полибия о количестве боевых кораблей представляется более достоверной, поскольку подтверждается также свидетельством Диодора Сицилийского (Diod. XXIII, 10, 1). Скорость строительства может быть объяснена лишь наличием просушенного строительного леса, из которого, возможно, даже были предварительно изготовлены соответствующие детали корабельных корпусов. По крайней мере, тот же Полибий сообщает, что в 254 г. до н. э. в трехмесячный срок римляне построили 220 судов (Polyb. I, 38, 5-6), что было возможно лишь при наличии готового строительного материала. Все это заставляет полагать, что подготовка к постройке большого военного флота велась римлянами задолго до 260 г. до н. э., по всей видимости, с самого начала противостояния с Карфагеном. Именно тогда римские кораблестроители изучили захваченную пунийскую пентеру и приступили к заготовке лесоматериалов и даже производству отдельных составных частей судов. Античные же историки упоминают лишь о завершающем этапе постройки флота, когда готовые детали собирались воедино, и который, благодаря наличию заранее заготовленных частей, действительно мог продлиться считанные месяцы.

Как бы то ни было, 260 г. до н. э. действительно можно считать условным годом рождения римского военно-морского флота, обладавшего значительным количеством боевых судов и подготовленными командами моряков и гребцов, которых для 120 боевых кораблей требовалось не менее 30 тыс. Отчасти их

предоставили союзники, но подавляющее большинство рекрутировали из латинских крестьян и городских бедняков, не подлежавших призыву в сухопутную армию. Об их обучении также сообщает Полибий: «Пока одни заняты были возложенным на них сооружением судов, другие собирали команду и на суше обучали ее гребле следующим образом: они посадили людей на берегу на скамьи в том самом порядке, в каком они должны были занимать места для сидения на судах, посередине поставили келевста^[9] и приучали их откидываться всем разом назад, притягивая руки к себе, а потом с протянутыми руками наклоняться вперед, начинать и кончать эти движения по команде келевста» (Polyb. I, 21, 1–2). После спуска флота на воду команды еще некоторое время потренировались в открытом море, а затем консул-патриций Гней Корнелий Сципион, которому по жребию выпало взять на себя командование флотом, приказал вести римскую эскадру вдоль западного берега Италии на юг, к Мессинскому проливу.

Первая встреча нового римского флота с карфагенским произошла при неблагоприятных для римлян обстоятельствах в гавани города Липари, у одного из расположенных к северу от Сицилии Липарских островов. Здесь попал в западную передовую отряд из семнадцати римских кораблей под непосредственным командованием Корнелия Сципиона, заранее отправившийся в Мессану в качестве квартирмейстеров с целью подготовки условий для приема и размещения основного состава флота. Стоянка в Липари была вызвана известием, что городом можно легко овладеть благодаря изменническим настроениям в среде горожан, и, понадеявшись на легкую победу, консул велел бросить якоря судов своей флотилии в липарской гавани. Установление контроля над

Липарскими островами могло иметь для римлян стратегическое значение, поскольку позволяло взять под контроль Мессинский пролив и существенно облегчить плавание от побережья Италии к Сицилии. Это хорошо понимали пунийцы, флот которых стоял неподалеку, на рейде Панорма (современный Палермо), и которые, вполне возможно, изначально распространили ложную информацию об измене липарцев, чтобы заманить римлян в ловушку. По приказу командовавшего флотом Ганнибала Старшего пунийский военачальник по имени Боодес повел эскадру из двадцати боевых кораблей к Липари. Подойдя под покровом ночи к городской гавани, карфагеняне блокировали стоявшие в порту суда римлян, отрезав им выход в открытое море. Сложилась патовая ситуация для Корнелия Сципиона, который не мог ни выстроить корабли для морского сражения, ни отступить в город, чьи ворота оставались заперты. Экипажи кораблей, не имевшие опыта боевых действий на море, запаниковали и сбежали на берег, а сам консул был взят в плен Боодесом. Плененный римский консул вместе с захваченными римскими кораблями был доставлен к Ганнибалу в Панорм (Polyb. I, 21, 4–8).

Позднейшая римская традиция, стараясь оправдать незадачливого консула, объясняла бесславное пленение Корнелия Сципиона коварством пунийцев, якобы обманом заманивших римского флотоводца в засаду под предлогом мирных переговоров и вероломно захвативших его в плен (Liv. Per. XVII; Flor. I, XVIII, 2, 11; Eutrop. II, 20, 1; Oros. IV, 7, 9). Более правдоподобной, впрочем, представляется изложенная грекоязычным писателем II в. н. э. Полиэном версия о том, что изначальной военной хитростью была сама ложная информация о возможности сдачи римлянам города Липари вследствие измены части горожан: «Карфагеняне возле Сицилии, узнав, что римляне

имеют больше кораблей, чем они, и желая их отвлечь, убедили некоторых из собственных граждан стать перебежчиками. Они, придя к римскому военачальнику Гнею Корнелию, обещали передать ему остров Липару, принадлежащий Сицилии. Он же, поверив, заполнив половину судов, отплыл на Липару» (Polyaen. VI, 16, 5). Попытавшись далее объединить эту вполне правдоподобную версию с устоявшимся у римлян мнением о захвате Корнелия Сципиона в плен путем обмана, Полиэн приводит рассказ о том, как сказавшийся больным пунийский флотоводец попросил консула явиться для переговоров на карфагенский корабль, где римлянин и был захвачен в плен. Отбросив эти явно вымышленные подробности второй части повествования Полиэна о липарском инциденте, следует признать его первую часть вполне вероятной и более близкой к реальным событиям. После удачно брошенной неприятелю дезинформации и успешного блокирования его кораблей в гавани Липари, карфагеняне могли требовать у покинутого собственными матросами римского консула не переговоров, а исключительно полной и безоговорочной капитуляции. Скрыть ее позорный факт и были призваны возникшие впоследствии рассказы о вероломстве пунийцев.

Впрочем, всего несколько дней спустя римлянам представился шанс сквитаться с карфагенянами за пленение своего флотоводца и захват семнадцати кораблей. Согласно свидетельству Полибия, Ганнибал Старший «слышал, что римский флот, идущий вдоль Италии, уже близко, и, желая точнее узнать численность и вообще расположение сил неприятеля», отправился во главе эскадры из пятидесяти кораблей на рекогносцировку. Обогнув южную оконечность Италии (по всей видимости, край Калабрии), пунийский флотоводец неожиданно столкнулся с шедшим

стройным походным порядком римским флотом, более чем вдвое превосходившим по своей численности флотилию карфагенян. Существенное количественное превосходство римлян, неготовность пунийцев к бою и, вероятно, неблагоприятные для карфагенян природные условия, такие как встречный ветер или течение, привели к тому, что большая часть кораблей Ганнибала была потоплена, а ему самому едва удалось спастись бегством (Polyb. I, 21, 9—11).

Не ставя под сомнение саму возможность столкновения римского и карфагенского флотов у входа в Мессинский пролив и потерю пунийцами части их эскадры, стоит критично отнестись к утверждению Полибия о том, что Ганнибал потерял большую часть своих кораблей. Это представляется маловероятным, поскольку будь эта победа римлян столь выдающейся, она была бы закреплена в античной традиции в качестве их первого победоносного сражения в Первой Пунийской войне. Так как этого не произошло, вероятным представляется предположение, что потери карфагенян были далеко не такими значительными, как указывает Полибий. Скорее всего, Ганнибал провел разведку боем и быстро отступил, едва ли потеряв в бою больше нескольких кораблей и, вероятно, к тому же потопив несколько римских. Это позволяет считать первое морское боестолкновение римлян с пунийцами малозначительной стычкой с ничейным результатом. Настоящее победоносное для римлян сражение на море произошло несколько позже, когда флот возглавил второй из консулов 260 г. до н. э. Гай Дуилий. Пока же римские корабли проследовали в Мессану, где экипажи продолжили учения и подготовку к решающей битве с пунийцами. Сюда же был срочно вызван Гай Дуилий, до этого командовавший сухопутными войсками, а теперь взявший на себя руководство военно-морскими силами.

Первая встреча с карфагенским флотом не была для римлян напрасной, наглядно продемонстрировав превосходство тактико-технических характеристик пунийских кораблей и уровень подготовки их экипажей. Не имея возможности на равных соревноваться с карфагенянами в искусстве кораблевождения и традиционных приемах маневренного морского боя, римлянам нужно было найти эффективный способ побеждать в морских баталиях. Решение проблемы оказалось простым и вместе с тем гениальным: римляне решили использовать в сражениях на море самую сильную составляющую своего войска – тяжеловооруженную пехоту. Вполне возможно, что именно во время пребывания римского флота под командованием Гая Дуилия в Мессане был изобретено и обустроено на военных судах римлян приспособление, позволявшее брать на бордаж и штурмовать вражеские корабли. Оно представляло собой снабженный невысокими перилами в передней части перекидной мостик, достигавший 10 м в длину и 1,8 м в ширину. На его внешнем конце находился мощный, слегка изогнутый железный крюк или шип, торчавший по направлению к неприятельскому судну наподобие хищного птичьего клюва. Эта внешняя схожесть с птицей, равно как и сам механизм действия приспособления, напоминая клевание, привели к тому, что легионеры назвали перекидной мостик «вороном» (лат. *corvus*). При сближении с вражеским кораблем такой установленный вертикально «ворон» поворачивали в нужную сторону и стремительно обрушивали на палубу неприятеля, так что железный клюв пробивал доски и намертво впивался в добычу. Перекинутый мостик позволял римским легионерам, ставшим морскими пехотинцами, перебраться на неприятельское судно и вступить в бой с его командой. «Как только вороны пробивали палубные доски, – пишет

Полибий, – и таким образом зацепляли корабли, римляне со всех сторон кидались на неприятельское судно, если сцепившиеся корабли стояли бок о бок; если же корабли сцеплялись носами, тогда воины переправлялись по самому ворону непрерывным рядом по двое. При этом шедшие во главе воины держали щиты перед собою и отражали удары, направляемые с фронта, а следующие за ними опирались краями щитов о перила и тем ограждали себя с боков. Сделавши такого рода приспособления, римляне выжидали благоприятного момента для морской битвы» (Polyb. I, 22, 9–11).

Возможность опробовать изобретение, а вместе с ним и новую тактику морского боя, не заставила себя долго ждать. Узнав о том, что десант карфагенского флота опустошает окрестности города Милы, расположенного на северном побережье Сицилии, к западу от Мессаны, Гай Дуилий выдвинул свои корабли по направлению к неприятелю, встретившись с ним около мыса Милы. По разным данным, римский флот насчитывал примерно 120–130 кораблей, тогда как силы карфагенян были равны римским (130 судов), либо, по данным Диодора Сицилийского, даже существенно превосходили их, насчитывая 200 боевых кораблей (Polyb. I, 23, 3; Diod. XXIII, 10, 1; Oros. IV, 7, 7). С презрением относившиеся к морским потугам римлян пунийцы под командованием Ганнибала «с радостью и поспешностью спустили на море сто тридцать кораблей, которые все носами вперед пошли навстречу неприятелю; карфагеняне не находили даже нужным соблюдать боевой порядок и шли как бы на верную добычу» (Polyb. I, 23, 3). Высившиеся на палубах римских судов невиданные дотолем «вороны» несколько смущали карфагенских моряков, однако, исполненные пренебрежения к врагу, они смело ринулись в бой. Ганнибал был настолько уверен в превосходстве своего

флота, что даже не позаботился о том, чтобы выстроить корабли в надлежащий боевой порядок, и безрассудно бросил на численно превосходивших римлян состоявший из тридцати пентер карфагенский авангард.

Дальнейший ход битвы при Милах, по словам Полибия, в большей степени напоминал сухопутное сражение, нежели морской бой: «Во время схватки суда каждый раз сцеплялись с помощью описанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону, и бой происходил на палубах. Часть карфагенян была истреблена, другие в ужасе сдавались неприятелю сами... Таким образом карфагеняне потеряли те тридцать кораблей вместе с командой, которые начали сражение; вместе с ними захвачено и судно начальника». Ганнибал, вышедший в море на пентере, принадлежавшей ранее самому эпирскому царю Пирру, потерял судно и вынужден был спастись бегством на лодке. Прибыв к остальным кораблям своего флота, он не смог уже предотвратить их сближение с кораблями римлян, и битва возобновилась. Карфагеняне попытались, правда, заходить на римские суда со стороны кормы и бортов, избегая таким образом установленного на носу «ворона», однако это мало им помогло – римские корабли удачно взаимодействовали друг с другом, а абордажные мостики, поворачиваясь во все стороны и охватывая до трех четвертей окружности, грозили пунийцам со всех направлений. Более того, даже при удачном таране карфагеняне не имели шансов, дав задний ход, потопить римский корабль и уйти самими – «вороны» немедленно падали на палубу пунийского судна и легионеры захватывали его. Пока насаженный на вражескую ростру корпус квинквиремы римлян удерживался на плаву пунийским кораблем, можно было наскоро подготовиться к тому, чтобы залатать пробоину, а после захвата вражеского

судна приступить к полноценному ремонту. Еще проще решалась проблема в случае сломанных весел по одному из бортов – их меняли на запасные или уцелевшие на захваченном вражеском корабле. Наконец, даже в случае гибели римской квинквиремы всегда оставалась возможность перейти на захваченную пунийскую пентеру. Последнее, впрочем, могло произойти лишь теоретически, поскольку источники не сообщают ни об одном потопленном корабле римлян. Пунийцы же смогли выйти из боя и стремительно оторваться от римского флота, лишь потеряв еще около двух десятков кораблей. Догнать быстроходные и маневренные карфагенские корабли неповоротливые суда римлян не могли при всем желании, да, видимо, и не стремились к этому.

Первое крупное морское сражение пунических войн завершилось полной и безоговорочной победой римлян. Потери карфагенян составили до 50 кораблей, из которых 13 или 14 были потоплены и 31 захвачен, а также три тысячи убитых и семь тысяч пленных матросов и гребцов (Polyb. I, 23, 10; Eutrop. II, 20, 2; Oros. IV, 7, 10). «И никакая другая победа, – отмечает Евтропий, – не была приятней римлянам, ибо непобедимые на суше, они и на море очень многого достигли» (Eutrop. II, 20, 2). В ее честь на римском форуме была сооружена из белого мрамора *Columna rostrata*, названная так потому, что ее украшали ростры – носы боевых кораблей. Громадным было психологическое значение победы, благодаря которой римляне убедились, что могут громить лучших мореходов Западного Средиземноморья, равно как и ее стратегические последствия – отныне римский флот мог не только беспрепятственно доставлять войска и снаряжение на Сицилию, но также высаживать десанты на других крупных островах региона – Корсике и

Сардинии – и даже грозить владениям пунийцев на североафриканском побережье.

Причины победы римлян, сумевших навязать свою тактику боя, нивелировавшую превосходства быстроходного и маневренного пунийского флота, отмечали многие античные авторы, из которых, пожалуй, наиболее подробным и красноречивым оказался Луций Анней Флор: «Восхищения достойна красота схватки, когда быстрые, как бы летавшие по волнам корабли врагов окружались нашими тяжеловесными и неуклюжими судами. Карфагенянам не помогла морская опытность – умение ломать весла и играючи избегать ростры, ибо железные крючья и мощные сооружения, до схватки многократно осмеянные врагом, заставляли его сражаться, как бы на суше и твердой почве» (Flor. I, XVIII, 2, 8–9). Так римский abordажный мостик оказался эффективнее весла карфагенского кормчего, а мечи римских легионеров на палубах вражеских кораблей выиграли битву у таранного удара ростры. Маневренность пунийских судов и мастерство их команд оказались бессильны перед новой тактикой боя, к которой карфагеняне, рассчитывавшие на привычный сценарий морского сражения, оказались абсолютно не готовы. Судя по количеству захваченных судов и числу пленных, да и по поведению пунийского флотоводца Ганнибала, они даже не имели на борту достаточного количества воинов, способных противостоять натиску римских легионеров, а моряки и гребцы предпочитали сдаваться в плен, а не оказывать упорное сопротивление и тем более контратаковать, захватывая римское судно.

Победа при Милах в 260 г. до н. э. открыла римлянам путь к завоеванию, помимо Сицилии, на которой продолжались боевые действия, еще двух крупных островов Западного Средиземноморья – Корсики и Сардинии. О том, что последняя стала одной

из главных целей римской экспансии сразу после создания сильного военного флота, сообщает Полибий (Polyb. I, 24, 7). Уже в 259 г. до н. э. консул Луций Корнелий Сципион без особых усилий подчинил Корсику, после чего направил флот против Сардинии. «При консуле Корнелии Сципионе, – сообщает Луций Анней Флор, – когда Сицилия почти уже была ближней провинцией, римский народ перебрался, распространяя войну вширь, на Сардинию и прилегающую к ней Корсику. В первой он навел страх на местных жителей разрушением Ольвии, во второй – города Алерии и столь успешно очистил от карфагенян сушу и море, что для победы уже не оставалось ничего, кроме самой Африки» (Flor. I, XVIII, 2, 15–16). По словам Иоанна Зонары, пересказывающего Диона Кассия, именно благодаря ложным слухам о готовящемся вторжении в Африку римлянам удалось выманить в открытое море Ганнибала, после чего он вторично проиграл в крупном морском сражении, потеряв большинство своих кораблей (Ioan. Zon. VIII, 12). Укрываясь после этого с остатками флота в гавани сардинского города Сульцис, он оказался блокирован римским флотом, после чего его казнили собственные воины, то ли распяв на кресте (Polyb. I, 24, 6), то ли забросав камнями (Oros. IV, 8, 4). Особенно трудной стала затянувшаяся осада Ольвии, для продолжения которой Луцию Корнелию Сципиону даже пришлось лично отправляться в Рим для дополнительного набора воинов. К продолжению борьбы за Сардинию готовились и пунийцы, направившие на остров вместо казненного Ганнибала военачальника по имени Ганнон. В итоге после решающего штурма Ольвия была взята, причем карфагенский военачальник «в ходе сражения потерпев поражение от консула Сципиона и потеряв войско, оказался вовлеченным вглубь многочисленной армии врагов и погиб в этой давке» (Oros. IV, 7, 11). В

итоге, по свидетельству Евтропия, консул «опустошил Корсику и Сардинию и привез оттуда большое количество пленных, за что и удостоился триумфа» (Eutrop. II, 20, 3). Пунийцы были вытеснены с Корсики и Сардинии, что имело стратегическое значение, поскольку лишало их крупных военно-морских баз в непосредственной близости от западного побережья Италии, с которых можно было организовать масштабное нападение на Рим. Таким образом, римляне обезопасили себя от карфагенской агрессии на этом важном направлении, однако до полного подчинения местного населения островов – корсов и сардов – было еще далеко, и туземцев удалось замирить лишь ко времени окончания Первой Пунической войны.

Тем временем на Сицилии, вопреки заявлениям Аннея Флора о том, что остров практически стал «ближней провинцией» Рима, военные действия вновь активизировались. Произошло это после прибытия на остров Гамилькара, не только удачно воевавшего на суше и на море, но и поведшего успешную пропагандистскую кампанию, которую облегчала жестокость римлян по отношению к местному населению. Усилия пунийского полководца привели к тому, что от Рима отложились многие казалось бы давно покоренные города, прежде всего расположенные на побережье острова. На западном побережье острова Гамилькару удалось овладеть городами Камарина и Энна, на восточном – крепостью Мазары. И если эти небольшие городки римляне смогли вернуть достаточно быстро, то крупные приморские города карфагеняне прочно удерживали. Решающим в деле покорения Сицилии стал лишь следующий 258 г. до н. э., когда боевые действия против Гамилькара повели очередные римские консулы Авл Атилий Кайатина и Гай Сульпиций Патеркул. Именно тогда, по словам Луция Аннея Флора, «римский народ изгнал

почти все гарнизоны пунийцев из Акраганта, Дрепана, Панорма, Эрикса и Лилибея» (Flor. I, XVIII, 2, 12).

Даже если античный историк несколько преувеличивает, вписывая в перечень покоренных римлянами городов те, которые остались под властью карфагенян, – Дрепан, Лилибей и Панорм, – остальные многочисленные города действительно перешли под власть римлян. Среди них – Гиппаны, Митистрата, Камарина, Энна и множество других небольших городков, остававшихся под властью пунийцев, после чего консулы взяли в осаду Липари (Polyb. I, 24, 8–13), перенеся боевые действия на соседние с Сицилией острова. «Консул Атилий, – сообщает Павел Орозий, – на кораблях разорил Липару и Мелиту (современная Мальта. – Авт.), известные острова Сицилии» (Oros. IV, 8, 5). Таким образом, на Сицилии пунийцы несли поражения и оказались блокированы римлянами всего лишь в нескольких приморских городах, остававшихся надежными военно-морскими базами Карфагена. Единственной крупной неудачей римлян в это время стала засада, в которую попала консульская армия Авла Атилия Кайатина во время попытки овладеть Камариной. Однако и тогда избежать полного окружения и истребления пунийцами римлянам помог героизм военного трибуна Кальпурния Фламмы, который пошел на прорыв во главе трех сотен воинов и, взяв на себя основную тяжесть сражения, позволил остальному римскому войску избежать окружения (Liv. Per. XVIII; Flor. I, XVIII, 2, 13–14; Frontin. I, V, 15).

На следующий, 257 г. до н. э., пришлось очередное крупное морское сражение Первой Пунической войны, состоявшееся у северного побережья Сицилии в районе мыса Тиндарида, где встал на якорную стоянку римский флот, целью которого, по всей видимости, было покорение Липарских островов. Источники сохранили совершенно отличающиеся описания событий этого

сражения. Так, согласно Полибию, консул Гай Атилий Регул, который стоял в гавани Тиндарида, увидев проходивший мимо не придерживавшийся боевого построения карфагенский флот под командованием Гамилькара Барки, незамедлительно устремился за ним в погоню. При этом флотоводец вышел в море лишь на десяти судах, приказав остальным по мере готовности следовать за ним. Пунийцы, заметив, что их преследует лишь десяток кораблей, тогда как остальные лишь готовятся к выходу из гавани, развернулись и дали консулу бой. Окружив его флотилию со всех сторон, они потопили все римские суда, за исключением консульской квинквиремы, которая избежала гибели лишь «благодаря искусным гребцам и быстрому ходу». Однако, пока длилось это победное для карфагенян сражение, на помощь консулу подоспел вышедший из гавани остальной римский флот, который потопил восемь и захватил десять вражеских судов. Из-за неопределенности исхода боя каждая из сторон приписывала победу в нем себе (Polyb. I, 25, 1-5).

Иное описание сражения приводит Полиэн, сводя все к примененной римским консулом военной хитрости и приписывая ему убедительную победу над карфагенянами: «Гай у Тиндарида, когда карфагеняне стояли на якоре с восьмьюдесятью кораблями, а он сам, имея двести триер, притом что враги не выступали против него из-за множества кораблей, убрав у ста из них мачты, а у остальных распустив паруса и посредством их спрятав остальные, отплыл, прикрепив остальные канатами. Карфагеняне же, сочтя, что корабли равны по численности казавшимся видимыми парусам, осмелев, устремились навстречу опасности. Гай, сразившись со многими против немногих, легко одержал победу» (Polien. VIII, 20).

Какое бы из этих описаний сражения у Тиндарида не было более близким к реальным событиям, к

середине 250-х гг. уже не оставалось сомнений в силе римского флота и возможности перенести боевые действия во владения Карфагена в Северной Африке. Масштабные приготовления к этому дальнему походу были завершены к концу весны 256 г. до н. э., когда из гавани Остии вышла насчитывавшая 330 боевых кораблей армада под командованием консулов Луция Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула. Первичным пунктом ее назначения стала Мессана, откуда римский флот проследовал вдоль восточного и, обогнув мыс Пахин, части южного побережья Сицилии, прибыв к расположенному приблизительно посередине между Камариной на востоке и Акрагантом на западе мысу Экном. Сюда со всего острова постепенно стягивалась армия вторжения, которую в точке сбора следовало посадить на корабли.

Навстречу римлянам, узнав об их приготовлениях, карфагеняне отправили свой еще более многочисленный флот, состоявший из 350 кораблей, которые вначале встали на якорь у Лилибея, а затем направились к Гераклее Минной (Polyb. I, 25, 7–9). Во главе пунийского флота стояли Гамилькар и Ганнон, уже сражавшиеся с римлянами ранее – первый в морской битве при Тиндариде, второй – в сухопутном сражении за Акрагант. Оба флота несли на борту многочисленное войско, о количестве которого сообщает Полибий: «Всего войска в римском флоте было около ста сорока тысяч, причем на каждом корабле помещалось по триста гребцов и по сто двадцати солдат» (Polyb. I, 26, 7). Исходя из своих подсчетов, античный историк полагал, что столь многочисленный карфагенский флот нес на борту более 150 тыс. воинов (Polyb. I, 25, 9), с чем в целом соглашаются и современные исследователи. При этом задачей римлян было не столько сражение на море, сколько десантирование на североафриканское

побережье, тогда как пунийцы делали ставку на морскую баталию с целью не допустить высадки римских войск в Ливии.

Вражеские армады встретились у мыса Экном, завязав одно из крупнейших морских сражений в истории Древнего мира. При этом римляне, помимо известного уже «ворона», применили также целый ряд тактических новшеств. Прежде всего, весь римский флот был разделен на четыре эскадры – по количеству легионов. Таким образом, первый легион стал первым флотом, второй легион – вторым флотом, и далее в том же порядке. При этом четвертый флот имел еще и «третье название; солдаты его назывались триариями, как называют обыкновенно в сухопутном войске» (Polyb. I, 26, 5–6). Это наименование отражало суть четвертого флота, который должен был составлять резерв и вступить в бой в переломный момент сражения. В целом как терминология, так и стремление сохранить во флоте разделение войска на четыре консульских легиона свидетельствуют об инерции мышления римских флотоводцев, которые мыслили морское сражение как подобие сухопутного и пытались действовать в соответствии с привычными им законами последнего. Как ни странно, это сыграло в том числе и позитивную для римлян роль в предстоящем сражении, доказав, что при творческом подходе сухопутная тактика может помогать выигрывать и морские сражения, подобно тому, как при Милах легионеры доказали, насколько эффективно могут действовать пехотинцы, посаженные на корабли и ставшие морпехами.

Второй новацией римских флотоводцев стало призванное обезопасить флот от возможных охватов с флангов или окружения оригинальное боевое построение в виде треугольника. Своей вершиной, на которой находились две консульских сексиремы, этот

гигантский клин был обращен к неприятелю. От каждого из этих двух флагманских кораблей расходились боковые стороны равнобедренного треугольника, образованные кораблями первого и второго флотов, которые были выстроены уступами так, чтобы за одним консулом следовал один легион, а за другим – второй. Основанием служил растянутый в одну фронтальную линию третий флот, тянувший за собой на буксире транспортные суда. Замыкал построение также растянувшийся в одну линию по фронту четвертый флот триариев, являвшийся последним резервом. Интервалы между кораблями триариев были большими, чем между судами третьего флота, вследствие чего его шеренга частично выступала за фланги предыдущей линии кораблей. По мнению Полибия, такой «вид строя представлял собой подобие клина, одна часть которого, у вершины, была полая, другая, у основания, сплошная; целое же приспособлено к сопротивлению и нападению, и в то же время разорвать строй было нелегко» (Polyb. I, 26, 16). Примененное римлянами построение действительно позволяло каждому из кораблей первого и второго флотов, расположенных на боковых сторонах клина, наносить таранный удар по находившемуся впереди врагу, не маневрируя и не нарушая построение, а лишь продвигаясь вперед вместе с остальными кораблями флота. Третий же и, в особенности, четвертый флоты можно было применить для стремительного наращивания сил на любом направлении, где это представлялось необходимым.

Карфагеняне построились традиционным образом, расположив суда в длинную вытянутую фронтальную линию. Однако за этой кажущейся простотой прослеживается тактический замысел позволить римлянам атаковать в центре построения, а тем временем нарастить силы на флангах и с двух сторон контратаковать втянувшийся в «котел» римский флот.

Этот замысел обусловил разделение командования флотом между Ганноном, который вел в бой правый фланг пунийцев, уходивший далеко в море с целью охватить римлян с фланга, и Гамилькаром Баркой, который возглавил левый фланг их построения, примыкавший к берегу Сицилии и частично вытянувшийся вдоль побережья. При этом у Ганнона были в подчинении наиболее быстроходные и маневренные триеры и пентеры, что, вкупе с его расположением в открытом море, давало высокие шансы осуществить задуманное. Увидев построение пунийцев и, по крайней мере отчасти, разгадав их замысел, римляне оперативно перестроились. Два флота со сторон треугольника вытянулись в длинную линию фронта перед неприятельскими судами, причем первый флот, образовавший правый фланг, вытянули далеко вперед с целью осуществить фланговый охват кораблей Гамилькара. Третий римский флот, сместившись влево и выдвинувшись вперед, оказался в центре, продолжая линию кораблей второго флота. Триарии же, обогнув третий флот, составили левое крыло нового римского построения, несколько при этом загибаясь назад по направлению к суше и образуя подобие крюка. Таким образом, если на правом фланге своего построения римляне стремились обойти с фланга корабли Гамилькара, то на левом задачей четвертого флота триариев было помешать Ганнону произвести задуманный им маневр по фланговому охвату римлян. Теперь построение римлян напоминало длинную тонкую линию, слегка загибавшуюся по направлению к противнику на правом фланге и выгибавшуюся назад от неприятеля на левом.

Закончив перестроение, римляне незамедлительно устремились в атаку, направив свой главный удар в центр карфагенских порядков. Это вполне соответствовало изначальному замыслу пунийцев,

обратившихся в притворное отступление, чтобы оторвать увлекшихся преследованием первый и второй флот римлян от тянувшего транспортные корабли третьего флота и триариев, вынужденных защищать этот конвой на левом фланге от удара судов Ганнона. Когда римские корабли первого и второго флотов достаточно оторвались от отставших от них третьего флота и триариев, Гамилькар подал пунийским судам сигнал к атаке, после которого отступавшие карфагеняне немедленно развернулись и ударили по врагу. «Завязался жестокий бой, в котором значительный перевес на стороне карфагенян зависел от того, что при быстроте их кораблей они заходили за неприятельскую линию, легко подплывали и быстро отступали. С другой стороны, и римляне питали не меньшую надежду на победу, потому что в схватках дрались с ожесточением, зацепляли с помощью воронов всякий приближавшийся корабль; к тому же в битве участвовали оба консула, и солдаты сражались на виду у начальников» (Polyb. I, 27, 11-12).

Помимо ожесточенной схватки в центре практически одновременно завязались еще два очага битвы. На крайнем правом фланге карфагенян в атаку на флот триариев устремились корабли под командованием Ганнона, а находившееся у берега крыло пунийского флота также ударило по триариям, которым пришлось обрубить канаты, связывавшие их с транспортными судами, и принять бой. Исход распавшегося на три отдаленных друг от друга очага морского боя зависел теперь от мастерства и боевого духа экипажей сражавшихся между собой кораблей, руководить всем сражением не могли ни римские консулы, оба увязшие в гуще центрального сражения, ни карфагенские флотоводцы – один из них, Гамилькар, дрался в центре, Ганнон же вел бой с триариями. В итоге первыми решающего перевеса над врагом

добились римские консулы, которым удалось обратить в бегство корабли Гамилькара. Мудро отказавшись от преследования бегущего неприятеля, римские консулы получили наконец возможность оценить происходившее на других участках сражения. Пока возглавлявший первый флот Луций Манлий Вольсон был занят тем, что брал на буксир захваченные корабли карфагенян, Марк Атилий Регул незамедлительно направил корабли второго флота на помощь триариям, которых теснили пунийцы во главе с Ганноном. Ударив карфагенянам в тыл, он зажал их флот в тиски и вынудил поспешно отступить в открытое море.

На третьем участке битвы к этому времени сложилась патовая ситуация: левому крылу карфагенян удалось прижать третий флот римлян к берегу, лишив его тем самым свободы маневра. Однако и пунийцы не решались атаковать, небезосновательно опасаясь римских абордажных «воронов». Это позволило консулам, разгромив врага на других участках, прийти на помощь последнему отряду своих кораблей. Стремительно ударив с тыла, Луций Манлий Вольсон и Марк Атилий Регул, «окружив карфагенян, захватили пятьдесят неприятельских кораблей с командой; спаслись только немногие, проскользнувшие вдоль берега» (Polyb. I, 28, 12). Фронтин свидетельствует, что некоторые из кораблей пунийцев, пытаясь оторваться от преследовавших их римлян, «притворились, будто их корабли сели на мель, и, ведя себя так, будто прочно застряли, добились того, что победитель, боясь разделить их же участь, оставил им место для бегства» (Frontin. II, XIII, 10).

Победа римлян в сражении была полной и безоговорочной – потеряв 24 собственных корабля потопленными, они потопили 30 и захватили 64 корабля пунийцев. При этом ни один римский корабль карфагенянами захвачен не был (Polyb. I, 28, 14).

Решающую роль в сражении сыграли не таланты, стратегические замыслы и тактические решения флотоводцев, а стойкость и выучка римских моряков и легионеров, подготовка капитанов военных судов. Именно упорный бой отдельных кораблей позволил римлянам добиться решающего перевеса на каждом участке битвы и решить в свою пользу судьбу сражения в целом. Стратегическое значение победы римского флота в битве при Экноме состояло в том, что Риму был наконец открыт путь в Африку, что позволяло перенести боевые действия на вражескую землю, создав прямую угрозу столице пунийцев – Карфагену.

Глава 8. «Почти три лета хоронить себя»: фиаско вторжений римлян в Африку (256-253 гг. до н. э.)

Он начал осаду самого источника войны - Карфагена - и подступил к его воротам. Тут воинское счастье отвернулось от римлян, но лишь настолько, чтобы умножились знаки римской доблести, величие которой почти всегда выявляется в бедствиях.

Луций Анней Флор. Две книги римских войн, I, XVIII, 2, 22

Непросто давшаяся римлянам победа в морском сражении при мысе Экном потребовала от римского флота вторжения кратковременной передышки - понесшее потери войско следовало доукомплектовать на берегу, поврежденные корабли нуждались в ремонте, необходимо было запастись провизией и снаряжением. Это дало разгромленным пунийцам возможность отступить. Одну часть уцелевшего флота Ганнон повел в Карфаген, со второй Гамилькар остался на Сицилии. Воспрепятствовать высадке римлян в Ливии, дав еще одно морское сражение или организовав оборону побережья, карфагеняне были уже не в силах - войска были деморализованы, а карфагенское правительство было не готово к организации сопротивления. Упаднические настроения карфагенского правительства хорошо передает Диодор Сицилийский: «Никто так не падает духом при поражении, как карфагеняне. Они могли бы, например, легко уничтожить военно-морские силы противника,

когда те производили высадку, но даже не попытались отразить их» (Diod. XXIII, 11, 1). Одна из группировок карфагенской знати, ориентированная на получение доходов от сельского хозяйства округи столицы, особенно боявшаяся прямого нападения врага на свои африканские владения, даже склонялась к заключению мирного договора (Ioann. Zon. VIII, 12; Dio. Cass. fr. 43, 22), однако окрыленные успехом римляне, рассчитывавшие на новые великие свершения, и слышать не желали о каких-либо переговорах. Консулы Луций Манлий Вольсон и Марк Атилий Регул отпраздновали победу, устроив заслуженный пир для легионеров, а затем, заготовив припасы и отремонтировав суда, повели свое войско в Африку.

Ближайшей к Сицилии сухопутной точкой африканского побережья был так называемый Гермесов мыс (современное название – полуостров Кап-Бон), «который, – по словам Полибия, – закрывает весь Карфагенский залив и тянется в открытое море по направлению к Сицилии» (Polyb. I, 29, 2). Расстояние от крайней оконечности мыса до острова составляет всего около 140 км, что объясняет расчет римских флотоводцев, направивших свой флот к берегам Ливии кратчайшим путем. Здесь передовые корабли, число которых, согласно Диодору, равнялось тридцати (Diod. XXIII, 11, 1), беспрепятственно разведав обстановку и встав на якорь, дождались основной части неспешно продвигавшегося тяжело груженного войсками и снаряжением римского флота. Когда все суда достигли мыса, консулы повели их вдоль берега по направлению к пунийской столице, и вскоре они доплыли до ближайшего города под названием Клупея (Клипепя), который Полибий называет также Аспидом (Асписом) (Eutrop. II, 21, 2; Polyb. I, 29, 2). Пунийцы не приняли защитных мер на этом направлении, поскольку ожидали прямого нападения римлян на столицу и

сконцентрировали все оставшиеся в их распоряжении войска на западе для обороны отдаленных подступов к Карфагену. Это позволило консулам беспрепятственно высадиться у Клупеи на не защищаемом никем побережье и надежно закрепиться на берегу, вытащив корабли и обустроив классический римский военный лагерь, окруженный рвом, валом и частоколом. Город пунийцев был взят в осаду, причем всем было ясно, что крохотный, по сравнению с римской армией вторжения, гарнизон не сможет сколько-нибудь долго оказывать сопротивление. Известие о высадке римлян и осаде Клупеи заставило защитников Карфагена отказаться от плана остановить продвижение врага в отдалении от столицы и закрепиться непосредственно в окрестностях города либо и вовсе отойти за крепостные стены.

Вскоре консулы «сумели захватить Клупеи, первый свой город на африканской земле» (Eutrop. II, 21, 2), создав тем самым отличные условия для организации масштабного наступления на пунийскую столицу как по суше, так и с моря. Ставший военной базой захваченный город имел всю необходимую инфраструктуру и обладал удобной для стоянки военных кораблей гаванью, что позволило, оставив здесь необходимый гарнизон, установить безоговорочное господство над ближайшими окрестностями. Расстояние от Клупеи до Карфагена составляло всего 120 км, что позволяло не встречавшим ни малейшего сопротивления римским отрядам доходить чуть ли не до самой столицы пунийцев, грабя и опустошая все на своем пути. Источники сообщают о множестве разоренных крепостей, разрушенных роскошных домов и загородных вилл, громадном количестве захваченного скота и более чем двадцати тысячах плененных местных жителей (Polyb. I, 29, 6-7; Eutrop. II, 21, 2). Однако этим впечатляющим, но несколько хаотичным разграблением окрестностей дело и ограничилось –

вместо того чтобы организовать наступление на Карфаген, консулы отправили в сенат запрос о том, как действовать дальше, и теряли драгоценное время, что позволяло пунийцам собираться с силами и готовиться к обороне.

Полученный из Рима ответ поражает своей недальновидностью еще в большей степени, нежели неоправданное выжидание консулов. Посчитав, что кампания проходит настолько успешно, что для ее победоносного завершения хватит и части наличествующих сил, сенат приказал одному из консулов, Луцию Манлию Вольсону, с большей частью флота в количестве не менее 300 кораблей и приблизительно половиной сухопутных сил, а также с захваченными трофеями и пленниками вернуться в Рим. «Манлий вернулся в Рим победителем и привез с собой 27 тысяч пленных», – свидетельствует Евтропий (Eutrop. II, 21, 2). В честь его возвращения была устроена пышная церемония морского триумфа. Продолжать боевые действия в Африке выпало второму консулу – Марку Атилию Регулу, в подчинении которого оставались насчитывавшие 15 тысяч пехотинцев и пятьсот всадников сухопутные силы, которые с моря должны были поддерживать четыре десятка кораблей. Таким образом, римский экспедиционный корпус в Африке был существенно ослаблен, что со временем привело к крайне негативным для Рима последствиям. Сложно даже переоценить значение допущенного сенатом стратегического просчета, приведшего к потере времени и решающего перевеса в силах римлян над карфагенянами.

Главной причиной принятого римским сенатом решения было, по всей видимости, нараставшее в римском войске недовольство пусть и победоносным, но уж слишком затянувшимся походом и желание солдат состоявшей преимущественно из крестьян армии

вернуться к обработке своих земельных наделов, которым в противном случае угрожали упадок и запустение. Показательно в этом плане, что даже консул Марк Атилий Регул обращался к сенату с просьбой не продлевать его полномочия и завершить их в предусмотренный срок, поскольку его имение грозило прийти в упадок – единственный его раб-надсмотрщик умер, а поденщик, воспользовавшись этим, ушел, прихватив с собой хозяйственный инвентарь (Liv. Per. XVIII; Val. Max. IV, 4, 6). Если разорение могло грозить даже имениям знати, можно представить, как страдали лишившиеся рабочих рук крестьянские хозяйства. Возможно, некоторую роль в принятии такого решения сыграла также переоценка слабости пунийцев, не помешавших высадке римлян в Ливии и все еще не отваживавшихся атаковать их крупными силами. Несомненно, отправленные в Рим гонцы донесли и о серьезных волнениях среди подвластных карфагенянам североафриканских народов. Полибий свидетельствует, что «в одно время с римлянами нападали на них (пунийцев. – Авт.) нумидяне, причиняя стране не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший» (Polyb. I, 31, 2). Предположения же о том, что в римском экспедиционном корпусе могли возникнуть проблемы с обеспечением продовольствием, вряд ли обоснованны – источники об этом не сообщают и, наоборот, подчеркивают богатство разоряемой легионерами страны и захваченных ими трофеев. Если же со снабжением всем необходимым на месте могли возникнуть перебои, римлянам, господствовавшим на море, не составляло бы особого труда наладить поставки провизии из ближайшей Сицилии.

Как бы то ни было, в то время как римляне уводили из Африки значительную часть своих войск, пунийцы, воспользовавшись предоставленной передышкой, с удвоенным старанием продолжили концентрировать в

Карфагене необходимые для обороны силы. С Сицилии был отозван Гамилькар, приведший в столицу пять тысяч пехотинцев и пятьсот всадников. Его вместе с еще двумя полководцами – Гасдрубалом, сыном Ганнона, и Бостаром – поставили во главе защищавших пунийскую столицу войск. Под их командованием в Карфагене было сконцентрировано крупное войско, насчитывавшее значительное количество конницы и десятки хорошо обученных боевых слонов. Тотальное превосходство пунийцев в кавалерии и элевфантерии над имевшими всего пять сотен всадников римлянами было их неоспоримым преимуществом и при умелом использовании должно было привести к полному разгрому римлян. Этого не случилось ввиду отсутствия единоначалия в командовании и грубейших ошибок триумвирата карфагенских полководцев.

Первая встреча основных сил карфагенской армии с римским корпусом вторжения на Африканском континенте произошла у города Адис (вероятно, современный город Удина), который Марк Атилий Регий, продолжавший по мере продвижения по направлению к Карфагену разорять пунийские земли, взял в осаду. Выдвинувшись на помощь осажденному городу, карфагеняне, вместо того чтобы навязать римлянам сражение на равнине, где можно было успешно применить слонов и конницу, приняли решение соорудить укрепленный лагерь на господствовавшем над районом боевых действий холме с крутыми склонами. Лишив себя возможности применения запертых в лагере кавалерии и элевфантерии, пунийцы решили вести бой от обороны, дождавшись атаки римлян. Позиция на возвышенности обеспечивала весомые преимущества и поначалу давала даже шансы на победу, поскольку слаженный удар карфагенской пехоты заставил первый римский легион отступить. Однако затем второй легион стремительно поднялся к

неприятельскому лагерю с другой стороны холма и ударил по наступавшим пунийцам с тыла. Карфагеняне были вынуждены спешно покинуть лагерь, уводя слонов и конницу на равнину и, не имея возможности развернуться в боевые порядки, стремительно отступить по направлению к Карфагену.

Ход и итог этого катастрофического для пунийцев сражения исчерпывающе описал Полибий: «Конница и слоны оказались совершенно бесполезными для карфагенян; зато наемники с жаром и стойкостью бросились в дело и заставили первый легион отступить и бежать. Но как скоро они прошли вперед, их окружили римляне, подоспевшие с другой стороны холма и обратили в бегство; вслед за сим все карфагеняне кинулись из лагеря. Лишь только слоны вместе с конницей вступили на равнину, отступление карфагенян стало неизбежным» (Polyb. I, 30, 11-13). Потери карфагенян были громадными. «Атилий, – согласно сообщению Евтропия, – сразился против трех африканских полководцев и вышел победителем: 18 тыс. врагов уничтожил, 5 тыс. человек и 18 слонов захватил, 74 города принял под свое покровительство» (Eutrop. II, 21, 2). Схожие данные приводит и Павел Орозий – 17 тыс. убитых и 5 тыс. плененных пунийцев, 18 захваченных слонов и 82 покоренных крепости (Oros. IV, 8, 16).

Важнейшим из городов, взятых римлянами на этом этапе противостояния, был располагавшийся к юго-западу от Карфагена, вблизи устья реки Катады Тунет (на месте современного Туниса). Здесь было удобно обустроить лагерь и приступить к подготовке осады пунийской столицы. Хотя войско Марка Атилия Регула было слишком мало для того, чтобы овладеть едва ли не полумиллионным городом, в который к тому же со всей округи стеклись толпы беженцев, эти намерения римского консула не могли не беспокоить оставшихся

практически без боеспособного войска карфагенян. Чрезмерное скопление людей в Карфагене вызвало голод, вспыхнули болезни, население все сложнее было удерживать от паники. В таких условиях пунийскому правительству не оставалось ничего иного, как просить римлян о мире. В мире был заинтересован и Марк Атилий Регул, уверенный в неизбежности падения вражеской столицы, однако не желавший, чтобы город был покорен уже после окончания его консульских полномочий и вся слава досталась его преемнику на консульской должности.

Доподлинно неизвестно, какая из сторон обратилась с предложением переговоров первой, мнения античных историков на этот счет расходятся. Полибий приписывал роль инициатора римскому консулу (Polyb. I, 31, 4), тогда как Диодор Сицилийский, Евтропий и Павел Орозий полагали, что в переговорах были больше заинтересованы карфагеняне, так как им нужно было спасти и свою столицу, и государство (Diod. XXIII, 12, 1; Eutrop. II, 21, 4; Oros. IV, 9, 1). В любом случае, требования должны были выдвигать римляне, а пунийцы были вольны либо принимать их условия, либо продолжить войну. Уверенный в боеспособности своего войска и безнадежности положения противника, Марк Атилий Регул выдвинул весьма суровые условия, выполнив которые Карфагенское государство утратило бы независимость и полностью подчинилось бы Римской республике. Согласно свидетельству Диона Кассия (Dio. Cass. fr. 43, 24-25), римский консул требовал от карфагенян уступить Риму Сицилию и Сардинию, покинуть эти острова и ни в коей мере не претендовать на их территорию. Всех римских пленнх следовало освободить без выкупа, тогда как плененных пунийцев Марк Атилий требовал выкупить за установленную сумму. Также карфагеняне должны были компенсировать все затраты римлян на ведение боевых

действий и понесенные ими за годы войны убытки. Предусматривалась также ежегодная дань.

Все перечисленное, в особенности полный отказ от Сицилии и Сардинии, было крайне тяжелыми для пунийцев условиями, однако консул этим не ограничился. Римский полководец потребовал от Карфагена отказаться от самостоятельной внешней политики и подменить ее римской, чтобы отныне друзья и враги римского народа становились, соответственно, друзьями и врагами карфагенян. Карфагеняне, таким образом, могли объявлять и вести войну или заключать мир лишь с согласия Рима, более того, они были обязаны делать это по требованию римлян. Для того чтобы Карфагенская держава окончательно лишилась возможности организовать сопротивление, пунийцам запрещалось иметь военный флот, за исключением одного-единственного корабля. При этом по первому требованию римлян Карфаген должен был снарядить для них 50 трирем.

Выполнение второй части условий Марка Атилия Регула лишало карфагенян даже потенциальной возможности восстановить свою независимость. Неудивительно, что пунийцы с негодованием отвергли эти унижительные и катастрофические условия, предпочтя сопротивляться до последнего. «Карфагеняне видели, – пишет Полибий, – что само завоевание их не могло бы повлечь за собою более унижительных последствий, чем предъявляемые Марком требования, а потому не только отвергли условия и возвратились домой, но и негодовали на беспощадность Марка. Сенат карфагенян, выслушавши предложения римского консула, хотя не питал почти никакой надежды на спасение, обнаружил столько мужества и великодушия, что предпочел претерпеть все, испытать все средства и ждать решения судьбы, лишь бы не совершить чего-либо постыдного и недостойного

прежнего поведения» (Polyb. I, 31, 7–8). Отказ пунийцев от мира на условиях римского консула, впрочем, не был таким уж героизмом обреченных, как это может показаться со слов греческого историка, поскольку их положение отнюдь не было катастрофически безнадежным. Карфагеняне еще не потеряли столицу, имели вполне боеспособные войско и флот, наконец, в их казне все еще было достаточно средств для оплаты службы наемников. Следует признать, что это Марк Атилий утратил чувство реальности и меры и пытался диктовать условия мира так, словно уже одержал бесспорную победу и требовал от поверженного врага безоговорочной капитуляции. На самом же деле карфагеняне все еще были способны к сопротивлению, и выдвинутые им неприемлемые условия мира лишь укрепили их решимость сражаться до последнего.

Пока римские легионы оставались, бездействуя, в лагере под Тунетом, пунийцы провели зиму 256–255 гг. до н. э. в активной подготовке к продолжению военных действий. Главная ставка была сделана на привлечение большого количества наемников, которых усиленно вербовали из нумидийцев и эллинов. Первые должны были предоставить умелую и многочисленную легковооруженную конницу, вторые – профессиональную тяжеловооруженную пехоту. Один из наемников, спартанец Ксантипп, помог также решить одну из хронических проблем пунийской армии – некомпетентность полководцев. По словам Полибия, лакедемонский военачальник утверждал, что «карфагеняне понесли поражение не от римлян, а от себя самих благодаря неопытности своих вождей» (Polyb. I, 32, 2). Общаясь с командирами наемных отрядов и обсуждая причины поражений карфагенской армии, он привлек внимание пунийских лидеров разумным анализом сражений и обоснованной критикой действий неудачливых военачальников, а также

собственными соображениями, как следует воевать с римлянами, чтобы побеждать их. Приглашенный в итоге на высший военный совет, он оказался столь убедительным, что пунийцы не только приняли предложенную им тактику, но и назначили его командующим всей карфагенской армии. Это было беспрецедентным решением в истории Карфагена, где, по давней устоявшейся традиции, войско возглавляли представители местной состоятельной аристократии. Однако суровое время требовало неординарных решений, и спартанцу поручили подготавливать пунийскую армию и вести ее в бой.

Предложенная Ксантиппом тактика была проста: карфагенянам, в войске которых важную роль играли многочисленная конница и боевые слоны, следовало навязать римлянам сражение на равнине, где можно было использовать все преимущества этих мобильных родов войск. Позитивное впечатление, произведенное рассуждениями лакедемонянина на высшее руководство Карфагена, было окончательно закреплено и признано всем народом после того, как он, устроив смотр войск перед городскими стенами, продемонстрировал, насколько умело он руководит обученными и подготовленными им бойцами: «Когда он вывел войско из города и выстроил его в порядке, когда начал передвигать с места на место отдельные части и командовать по правилам военного искусства, карфагеняне поняли огромную разницу между опытностью его и неумелостью прежних вождей, в громких криках выражали свою радость и жаждали поскорее сразиться с неприятелем» (Polyb. I, 32, 7).

Весной 255 г. до н. э. карфагенское войско во главе с Ксантиппом выступило в поход с целью навязать римлянам генеральное сражение и разгромить их в открытом бою, причем сделать это следовало как можно скорее, чтобы из Рима не успели прислать

подкрепление. Армия карфагенян насчитывала 12 тыс. пехотинцев, 4 тыс. всадников и 100 боевых слонов. Численность римской пехоты, составлявшая в начале кампании 15 тыс. воинов и явно уменьшившаяся как минимум на несколько сотен или даже 1-2 тыс. легионеров в результате понесенных в ходе боевых действий потерь, была сопоставима с пунийской. Зато в кавалерии полное превосходство оставалось за карфагенянами, поскольку у римлян с самого начала было лишь пятьсот всадников, а консулу не удалось ни получить поддержку из Рима, ни привлечь на свою сторону наемников из числа нумидийцев. Даже когда те поворачивали оружие против Карфагена, они действовали отдельно от римлян. Наконец, несомненным преимуществом пунийской армии были многочисленные и хорошо обученные боевые слоны, становившиеся при умелом использовании грозной ударной силой. Противопоставить им в бою на равнине римляне могли разве что выучку и мужество воинов, чего могло оказаться недостаточно. Таким образом, при паритете в пехоте кавалерия и элефантерия обеспечивали решительное преимущество карфагенянам.

Встреча двух войск произошла неподалеку от Тунета, куда, выйдя из Карфагена, поспешили пунийские войска. Римляне выдвинулись из лагеря навстречу неприятелю, применив традиционное манипулярное построение, несколько увеличив его в глубину и уменьшив линию фронта. Вперед были выдвинуты отряды легковооруженной пехоты. Малочисленная римская конница едва ли была способна должным образом прикрывать фланги легионов. Ксантипп же выставил перед строем карфагенского войска сотню боевых слонов, задачей которых было вспороть и разметать строй противника. На незначительном расстоянии за ними размещался

плотный строй тяжеловооруженной пехоты из граждан Карфагена, правый фланг заняли наемники. Легковооруженные отряды полководец разместил с обоих флангов, сразу за выдвинутой вперед многочисленной конницей. «Лакедемонянин Ксантипп одной только переменной позиции повернул ход Пунической войны», – отмечает Секст Юлий Фронтин (Frontin. II, 2, 11).

Примененное спартанским военачальником построение не оставляло римлянам шансов при существовавшем соотношении сил. С самого начала боя нумидийская конница карфагенского войска опрокинула немногочисленных римских всадников, лишив легионы прикрытия с флангов, а слоны легко смяли велитов и врезались в ряды гастатов. За слонами наступала тяжелая пунийская пехота, довершавшая начатое. Лишь на левом фланге, против которого стояли наемники, римлянам удалось потеснить врага и отбросить его к лагерю, однако благодаря грамотному использованию резервов Ксантиппу удалось быстро исправить положение. Увеличенная по сравнению с традиционной глубина боевых порядков позволила римлянам, несмотря на чудовищные потери, удерживать центр позиций, но когда по ним с тыла и флангов ударили вражеские кавалеристы, исход боя был окончательно решен в пользу карфагенян. Отступление вскоре превратилось в бегство, во время которого преследуемые слонами и нумидийской конницей римляне гибли сотнями. Потери римлян, оцениваемые Евтропием и, судя по всему, вслед за ним Павлом Орозием, в 30 тыс. воинов (Eutrop. II, 21, 4; Oros. IV, 9, 3), явно существенно завышены, поскольку у консула попросту не было таких сил в Африке, однако масштаб поражения был колоссальным. Из всего римского войска спастись удалось лишь двум тысячам бойцов, отступившим к Клупее. Пунийцы, потерявшие в

битве всего восемьсот воинов, преимущественно из стоявших на правом фланге наемников, захватили в плен пять сотен легионеров, среди которых находился и сам Марк Атилий Регул. «Позорное поражение, неведомое ранее римлянам: врагам достался храбрый полководец живым», – сетовал по поводу случившегося Луций Анней Флор (Flor. I, XVIII, 2, 23).

Поражение римлян во многом было следствием прошлогоднего решения сената оставить в Ливии немногочисленное войско под командованием одного консула. Будь римская армия многочисленнее и не потеряй она драгоценное время, простояв без дела в лагере зимой 256–255 гг. до н. э., катастрофического разгрома при Тунете не случилось бы. Вторым стратегическим просчетом стали выдвинутые Марком Атилием Регулом совершенно неприемлемые для карфагенян условия мира, буквально заставившие их собрать все наличествующие силы для отпора агрессору и мотивировавшие драться до последней капли крови. В условиях, когда римляне собственными руками последовательно хоронили возможность своей победы и создавали условия для победы карфагенян, несколько преувеличенной античными авторами представляется роль Ксантиппа. Все предложенные им решения были очевидны, а осуществленное при Тунете построение войск типично для состава пунийской армии. В сложившихся условиях на месте спартанского полководца легко мог оказаться другой наемник или кто-либо из граждан Карфагена. Выполнив свою миссию, щедро награжденный лакедемонянин вскоре отбыл на родину. Ряд источников объясняет отплытие Ксантиппа тем, что вследствие своей популярности в народе он стал опасным для карфагенской знати и, понимая это, поспешил покинуть Ливию, чтобы не искушать судьбу, вмешиваясь в перипетии внутренних интриг пунийцев. Иные даже приводят версию, что на

пути домой спартанец был предательски умерщвлен по приказу карфагенян, однако это, скорее всего, измышление античных авторов, призванное в который раз утвердить среди читателей мнение о ставших притчей во языцех пунийском коварстве и вероломстве.

Пока в Карфагене праздновали победу, известие о разгроме римского войска при Тунете достигло Вечного города, и сенат принял решение выводить из Африки остатки экспедиционного корпуса, осажденные пунийцами в Клупее. Осада, равно как и подготовка спасательной операции, затянулась на несколько месяцев. Пока в Риме строили новые и приводили в порядок старые корабли, гарнизон Клупеи стойко держал оборону, в итоге заставив карфагенян отказаться от попыток штурма и снять осаду. Отвод пунийских войск объяснялся также полученной информацией о подготовке римлянами нового громадного флота и необходимостью сосредоточить наличествующие силы для отражения второй волны римского вторжения в Ливию. К концу весны 255 г. до н. э. в Риме был готов к отплытию громадный флот, насчитывавший, по разным данным, от 300 (Eutrop. II, 22, 1) до 350 кораблей (Polyb. I, 36, 10). Возглавили его консулы Марк Эмилий Павел и Сервий Фульвий Петин. Карфагеняне смогли противопоставить этой армаде 200 боевых кораблей.

Отплыв в начале лета 255 г. до н. э. из Остии, римский флот направился традиционным маршрутом, вдоль побережья Италии к Сицилии, где были оставлены гарнизоны в городах острова, а затем остановился у острова Коссура (Пентелерия), расположенного на пути от южного берега Сицилии к африканскому. Захватив его и обустроив здесь базу, флотоводцы повели корабли к Гермесову мысу. Встретив здесь существенно уступавший им флот пунийцев, римские консулы наголову разгромили его в

скоротечном сражении, захватив либо потопив, по разным данным, от 114 до 134 вражеских судов и уничтожив либо пленив от 15 до 35 тыс. карфагенских воинов (Polyb. I, 36, 11; Diod, XXIII, 18, 1; Etror. II, 22, 1; Oros. IV, 9, 6). Какие бы цифры ни были признаны в качестве наиболее достоверных, очередная убедительная победа римлян в морском сражении бесспорна. Их потери по сравнению с карфагенскими были минимальны – всего 9 кораблей и 1100 воинов.

Казалось бы, после столь успешного морского сражения следовало вновь высадить десант и развернуть наступление на Карфаген, однако римляне этого не сделали. Полибий и Диодор Сицилийский ничего не сообщают даже о попытке организовать сухопутную операцию, ограничиваясь информацией о том, что консулы успешно эвакуировали из Клупеи остатки армии Регула (Polyb. I, 36, 12; Diod, XXIII, 18, 1). Если это действительно так, можно лишь в очередной раз поразиться недалёковидности римских военачальников, вновь своими же решениями лишавших себя шансов на блестящую победу. Впрочем, Павел Орозий и Евтропий сохранили свидетельства, позволяющие считать, что Марк Эмилий Павел и Сервий Фульвий Петин все же планировали сухопутную кампанию, что делает обвинение их в очередном стратегическом просчете беспочвенным. «Консулы стали лагерем у Клупеи, – свидетельствует Павел Орозий. – Двое Ганнонов, военачальников пунийцев, вновь направились туда с огромным войском и, вступив в сражение, потеряли девять тысяч воинов» (Oros. IV, 9, 7). Несмотря на то, что римляне одержали победу, развить успех консулы, оказавшиеся некомпетентными военачальниками, не смогли – у них не хватило умения наладить снабжение собственного войска продовольствием. «И была бы на этом покорена вся Африка, – пишет Евтропий, – если бы не разразился

столь великий голод, что войско уже больше терпеть не могло» (Etror. II, 22, 1). Даже если предположить, что разграбленный ранее легионами Марка Атилия Регула полуостров Кап-Бон действительно не мог прокормить новую армию вторжения, всегда оставалась возможность наладить поставки провизии с Сицилии, что при господстве римского флота на море было вполне осуществимо. Однако консулы то ли не смогли справиться с этой несложной логистической задачей, то ли проявили излишнюю осторожность, не решившись продолжить боевые действия в Африке.

В любом случае благоприятный момент снова был бездумно или бездарно упущен, причем этим Марк Эмилий Павел и Сервий Фульвий Петин не ограничились, они приняли еще одно ошибочное решение, приведшее к потере ими чуть ли не всего римского флота. Замыслив наглядно продемонстрировать силу жителям острова, мимо городов которого должен был проследовать громадный победоносный флот Рима, консулы, пренебрегая советами опытных кормчих, приняли решение плыть вдоль южного берега Сицилии в неподходящее для этого время, в первой половине июля, между появлением на небесном своде созвездий Ориона и Пса, когда высока была угроза сильных штормов. Последствия не замедлили сказаться – уже на вторые сутки плавания неподалеку от сицилийского города Камарины шедший из Африки флот попал в бурю, в результате которой на плаву осталось лишь 80 кораблей из более чем 360 судов, погибло не менее 70 тыс. гребцов и 25 тыс. воинов (Polyb. I, 37, 1-5; Diod. XXIII, 18, 1; Eutrop. II, 22, 3; Oros. IV, 9, 8). Всю ответственность за случившееся Полибий справедливо возлагал на безрассудных римских флотоводцев: «История не знает более тяжкого несчастья, разом

обрушившегося на море; причина его лежит не столько в судьбе, сколько в самих начальниках» (Polyb. I, 37, 3).

Вследствие ухода римлян из Африки и гибели их флота пунийцы получили возможность полностью восстановить утраченный было контроль над Ливией, где против их владычества восстала под началом местных вождей часть нумидийских племен, а несколько десятков общин и городов отложились, став союзниками римлян. В кратчайшие сроки пунийское войско во главе с Гамилькаром жесточайшим образом наказало и привело в покорность тех из них, кто добровольно покорился римлянам. По свидетельству Павла Орозия, пунийцы наложили на них штраф в тысячу талантов серебра и 200 тыс. быков, а три тысячи старейшин городских и сельских общин отправили на виселицу (Oros. IV, 9, 9). Нумидийцы были приведены в покорность с обязательством поставить в карфагенскую армию 20 тыс. воинов. Таким образом, Ливия была полностью возвращена под власть Карфагена и над ней был установлен еще более жесткий, нежели ранее, контроль – ливийское побережье вновь на долгое время стало недосыгаемым для римлян.

Наведя порядок в своих африканских владениях, карфагеняне почувствовали себя настолько сильными, что предприняли попытку перенести боевые действия на Сицилию. Под началом Гасдрубала на остров была переправлена крупная армия, усиленная 140 слонами. В ожидании будущих битв пунийский полководец тренировал своих воинов и боевых животных в окрестностях Лилибея «с целью помериться с врагом в открытом сражении» (Polyb. I, 38, 2, 4). Вслед за этим пунийцы оснастили для морской войны еще двести кораблей.

В ответ на это римляне, которым следовало восстановить флот, в течение трех месяцев спустили на воду 220 кораблей (Polyb. I, 38, 5–6). Флот возглавили

консулы 254 г. до н. э. Авл Атилий Кайатина и Гней Корнелий Сципион. Отплыв к Сицилии и включив там в состав своего флота уцелевшие в прошлогодней буре 80 кораблей, флотоводцы повели армаду из 300 судов на расположенный на северном побережье острова Панорм, бывший, по словам Полибия, наиболее значимым городом в карфагенской части Сицилии (Polyb. I, 38, 7). Возведя осадные сооружения и подвезя стенобитные машины, римляне обрушили одну из приморских башен и ворвались на улицы новой части города, после чего капитулировала и городская цитадель. Оставив в захваченном городе гарнизон, консулы повели свой флот назад в Италию. Взятие Панорма стало первым весомым достижением после череды неудач, преследовавших римскую армию и флот. Вслед за этим крупным городом римлянам добровольно сдались гарнизоны целого ряда городов северной части Сицилии – Солуса, Иеты, Петры, Имахары, Тиндариса. В этой части острова лишь Термы оставались под властью пунийцев.

Достижения на сицилийском театре боевых действий вернули римлян к мысли вновь организовать нападение на африканское побережье. В 253 г. до н. э. консулы Гней Сервилий Цепион и Гай Семпроний Блез повели флот из 260 кораблей к Сицилии, а оттуда – к Африке, двигаясь вдоль побережья южнее Гермесова мыса по направлению к заливу Малый Сирт (современный залив Габес). Делая частые остановки и высаживая на побережье десантные отряды, римляне захватили и разграбили несколько десятков небольших населенных пунктов, собрав богатую добычу. Судя по всему, в этот раз сухопутная кампания в Ливии не планировалась, и консулы собирались ограничиться пиратским налетом, однако и в этом их в итоге постигла неудача. Достигнув острова Менинг (современный остров Джебра) в акватории залива Малый Сирт,

флотоводцы поставили суда на якорь на прибрежном мелководье, однако не учли влияния отлива, в результате которого корабли оказались на мели. Тяжелогруженные награбленной во время предыдущих вылазок добычей суда не смогли сняться с мели даже во время прилива, и лишь пожертвовав всем захваченным добром, выбросив его за борт, консулы смогли увести корабли с мелководья. Последовавший после этого стремительный уход кораблей к Сицилии, по словам Полибия, больше походил на бегство. Возможно, его причиной было появление эскадры карфагенян, о чем свидетельствует Диодор Сицилийский. Как бы то ни было, вскоре не имевшие надлежащего мореходного опыта консулы вновь подвергли флот опасности – во время перехода от Панорма к Остии он попал в бурю, в которой погибли 150 римских кораблей (Polyb. I, 39, 5–6; Diod. XXIII, 19, 1; Eutrop. II, 23; Oros. IV, 9, 10).

Так очередной катастрофой закончилась третья попытка римлян нанести удар по карфагенянам на территории Ливии. Все три экспедиции римского флота в Ливию – в 256, 255 и 253 гг. до н. э. – оказались в итоге провальными, поскольку полководцы раз за разом принимали ошибочные решения, начисто уничтожившие достижения одержанных ими побед. Согласно меткому утверждению Павла Орозия, «в то время никогда благополучие не оказывалось для римлян долгим, и каких бы успехов они ни достигали, тотчас же их затмевало огромное множество несчастий» (Oros. IV, 9, 8). По меньшей мере трижды Рим упустил шанс переломить ход войны в свою пользу и ускорить ее окончание на выгодных для себя условиях.

Глава 9. «...на берегу и в море»: сицилийские морские и сухопутные сражения (252-248 гг. до н. э.)

Однако и после этих неудач римляне до того были преисполнены жаждою всемирного владычества, что изыскивали все средства, какие были в их власти, дабы продолжать борьбу без перерыва.

*Полибий. Всеобщая история, I, 52,
4*

После провала морских экспедиций Рима в Африку основным театром боевых действий вновь стала Сицилия. Каждая из сторон желала закрепиться на острове и выбить противника из важнейших захваченных им городов, однако при этом как римляне, так и карфагеняне, измотанные предыдущими сражениями, старались избегать крупных битв. Пунийцы сосредоточили свои усилия на удержании Лилибея, их главной военно-морской базы на острове, где еще с 254 г. до н. э. обосновались войска под командованием Гасдрубала. Римляне, потеряв в 253 г. до н. э. большую часть флота, решили отказаться от морских сражений и оставить в строю лишь 60 кораблей, задачей которых была защита побережья Италии, а также доставка войск на Сицилию и снабжение их там всем необходимым. Отсутствие достаточного количества военных кораблей делало невозможным захват крупных портовых городов, подобных Лилибею, поскольку пунийцы имели возможность держать там крупные силы и снабжать их по морю. Вследствие этого римляне сосредоточили все

усилия на осадах и захвате небольших крепостей, стараясь держаться «местностей гористых и труднопроходимых» и не встречаться с крупными карфагенскими силами в открытом поле, поскольку после разгрома легионов Марка Атилия Регула при Тунете боялись боевых слонов: «Когда среди римлян распространилась молва о том, как слоны в ливийской битве разорвали боевую линию и растоптали множество воинов, они были так напуганы, что в продолжение двух лет, следовавших за этими событиями, они, будь то у Лилибея или в окрестностях Селинунта, строились в боевой порядок на расстоянии пяти-шести стадий от неприятеля и в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились ни начать битву, ни спуститься в равнину» (Polyb. I, 39, 11-12).

Сложившееся положение привело к длительной паузе в активных боевых действиях, затянувшейся на полтора года – весь 252-й и первую половину 251 г. до н. э. Из значимых событий этого времени на Сицилии можно упомянуть разве что овладение римлянами городом Термы, последним подвластным Карфагену пунктом на северном побережье острова. Важным стал также захват консулом Гаем Аврелием Коттой города Липари на Липарских островах. Возобновление активных действий на Сицилии произошло лишь в середине 251 г. до н. э., когда римской армией командовали консулы Луций Цецилий Метелл и Гай Фурий Пацил. К этому времени отсиживавшийся в Лилибее Гасдрубал окончательно уверился в страхе римлян перед боевыми слонами и отважился на масштабный поход. Узнав, что один из консулов, Гай Фурий Пацил, отбыл в Рим с половиной всего войска, а Луций Цецилий Метелл остался в Панорме, пунийский полководец во главе большой армии из 30 тыс. всадников и пехотинцев, а также 130 слонов направился к этому сицилийскому городу. Как раз

приближалась пора сбора урожая, и целью Гасдрубала было либо выманить войско римлян в открытое поле для решающего сражения, либо, по меньшей мере, уничтожить на корню пшеницу, лишив тем самым горожан и гарнизон запасов на зиму.

Луций Цецилий Метелл, сознавая опасность встречи с крупной пунийской армией на открытой местности, принял решение в бой с врагом до поры до времени не вступать, но попытаться заманить Гасдрубала в ловушку. Для этого он позволил пунийцам войти в пределы области Панорма и не препятствовал им уничтожать урожай, пока они настолько не убедились в безопасности своего положения, что приблизились к городу и переправились через протекавшую перед ним реку. Увидев это, консул отправил легковооруженную подвижную пехоту непрерывно атаковать карфагенян и тут же отступать. Это делалось для того, чтобы вынудить пунийцев развернуться в боевые порядки, выставив впереди слонов, и подойти почти вплотную к городским стенам. Именно этого и ожидал римский военачальник, заранее приказавший в изобилии заготовить метательные снаряды и сложить их на крепостных стенах и снаружи у их основания. Как только пунийское войско, атакуя беспокоившие его отряды римских велитов, оказалось в пределах досягаемости стрелков, на слонов обрушился непрерывный град копий, дротиков и камней. Обезумевшие от боли животные взревели и, перестав слушать команды погонщиков, бросились прочь от городских стен, топчя на своем пути пунийских пехотинцев. Вслед за слонами на пришедшую в замешательство пехоту стремительно ринулись римляне, как стоявшие у стен, так и быстро выступившие из города. Атаковав левый фланг карфагенян, Луций Цецилий Метелл окончательно

опрокинул их боевые порядки и довершил разгром вражеского войска.

Пунийцы понесли колоссальные потери – Евтропий и Павел Орозий сообщают о 20 тыс. убитых (Eutrop. II, 24; Oros. IV, 9, 15). Гасдрубал за поражение при Панорме был казнен. Наиболее же впечатляющим стало то, что Луцию Цецилию Метеллу удалось захватить в бою или изловить впоследствии всех разбежавшихся по округе слонов. Это не только позволило организовать в Риме впечатляющий триумф, во время которого пленные «вместе со 130 слонами заполнили все городские улицы» (Eutrop. II, 24), но, что еще более важно, позволило наконец избавить римлян от страха перед этими грозными боевыми животными, показав, каким образом можно обращать их против своих хозяев: «Этой удачей Цецилий, по общему мнению, восстановил бодрость духа в сухопутных войсках римлян, которые теперь снова отваживались овладеть полем сражения. Когда в Рим прибыла весть об этой победе, римляне ликовали не столько потому, что с потерей слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан» (Polyb. I, 40, 16; 41, 1). Показательно, что сами римляне трофейных слонов в битвах не применяли и после церемонии триумфа их использовали во время представлений в римском цирке.

По всей видимости, именно ко времени после этого поражения следует отнести мирную инициативу карфагенского правительства, отправившего в Рим посольство с целью либо договориться об условиях заключения мирного договора, либо, по меньшей мере, наладить обмен пленными. Согласно римской традиции, для этого пунийцы использовали плененного в битве при Тенете Марка Атилия Регула. При всем том, что современные исследователи считают вымыслом красочные подробности посольства бывшего консула

или даже само его участие в нем, рассказы античных писателей о мужестве попавшего в плен полководца заслуживают внимания. Они важны уже хотя бы потому, что позволяют представить образ идеального римского патриота, верного своему отечеству и данным клятвам.

Согласно преданию, Марк Атилий был отправлен карфагенянами в Рим с условием, что он останется пленником и вернется к ним независимо от результатов переговоров. Этим они стремились побудить его всячески содействовать заключению мира на выгодных условиях или хотя бы организации обмена пленными, ведь тогда он сам мог бы освободиться. В случае же неудачи Регула ждал плен и, вероятно, пытки и казнь. Поклявшись вернуться в Карфаген, экс-консул сделал все возможное, чтобы помешать заключению мира. Прибыв в Италию, он отказался войти в Рим, поскольку, согласно обычаю, вражеского посланника следовало выслушать за городом. В точности изложив официальные предложения пунийцев, далее Марк Атилий высказал свое мнение: поскольку Карфаген пребывает в крайне тяжелом положении, следует отказаться от заключения мира на предлагаемых неприятелем условиях и не соглашаться на обмен пленными, поскольку плененные римляне, сложив оружие перед врагом, проявили трусость и потому не заслуживают освобождения, и раз уж они не смогли достойно послужить отечеству в прошлом, то не смогут этого сделать и впредь. Среди пленных карфагенян, напротив, находится немало талантливых военачальников, возврат которых Карфагену чреват поражениями в войне.

Прислушавшись к мнению Марка Атилия Регула, настаивавшего на продолжении войны, римский сенат принял решение отклонить мирные предложения карфагенян. Вслед за этим знатный пленник, верный данному слову, вернулся вместе с пунийской

делегацией в Карфаген, понимая, что за содеянное его ждет там жестокая расправа. Описания римскими авторами пыток и казни пленного военачальника крайне разнятся: распятие на кресте; отрезанные веки и лишение сна; ящик, бочка или клетка, утыканные гвоздями или крюками остриями внутрь так, что невозможно было пошевелиться, не причинив себе тяжелых ран; медленно действовавший яд; пытка кромешной тьмой и вслед за этим непомерно ярким солнечным светом, на который принуждали смотреть, насильно раздвигая веки. Подобное разнообразие свидетельствует о вымышленности всего сюжета, призванного подчеркнуть мужество, стойкость и благородство римского военачальника в противовес жестокости и низости карфагенян. В сухом остатке всего рассказа можно утверждать, что, в отличие от Карфагена, Рим не был заинтересован в заключении мира и настаивал на продолжении войны, целью которой на данном этапе стало полное овладение Сицилией.

Впечатляющая победа при Панорме позволила римлянам овладеть стратегической инициативой и повести наконец наступление на те немногочисленные сицилийские города, которые все еще оставались под контролем карфагенян. К тому времени это были располагавшиеся на юге острова Эрикс, Дрепан и Лилибей, из которых последний был важнейшей пунийской военно-морской базой. Для карфагенян этот город был замковым камнем в системе обороны африканского побережья, и, следовательно, оказавшись в руках римлян, он стал бы ключом для переноса войны в Ливию. Это объясняет как то, почему пунийцы так упорно стремились удержать Лилибей в своих руках, так и то, почему римляне приняли решение ударить в первую очередь именно по нему. Для этого следовало возобновить боевые действия на море, поскольку осада

или штурм Лилибея были возможны лишь при одновременных согласованных действиях военного флота и сухопутной армии. С этой целью в 250 г. до н. э. к городу были направлены 200 кораблей и войско во главе с консулами Гаем Атилием Регулом Серраном и Луцием Манлием Вульсоном Лонгом. Все римское войско, по сообщению Диодора Сицилийского, насчитывало 110 тыс. воинов, тогда как гарнизон Лилибея под командованием Гимилькона состоял всего из 7 тыс. пехотинцев и 700 всадников (Diod. XXIV, 1, 1). В таких условиях пунийцам оставалось рассчитывать на крепость городских укреплений и помощь извне, а римлянам следовало отрезать город от внешнего мира и планомерно разрушать крепостные стены.

Римские полководцы повели осаду Лилибея по всем правилам осадного искусства, одновременно блокируя город с суши и с моря. На подступах к пунийской твердыне римляне обустроили два постоянных лагеря, между которыми был прокопан ров, насыпан вал, а на нем установлен частокол. Это позволяло полностью отрезать город от сухопутного сообщения, а вход в городскую гавань блокировали многочисленные римские боевые корабли. Одновременно под крепостные укрепления были подведены стенобитные орудия, позволившие, несмотря на яростное сопротивление защитников, разрушить одну за другой семь приморских башен Лилибея. Гимилькон организовал грамотную оборону – на месте обрушенных стен оперативно сооружались новые, из города делались подкопы под осадные машины, а во время многочисленных дневных и ночных вылазок отряды карфагенян пытались поджечь возведенные римлянами сооружения. Решив после обрушения седьмой башни, что час для штурма настал, консулы повели отряды на приступ полуразрушенных приморских укреплений, но дважды были остановлены и отброшены благодаря

умелому командованию Гимилькона и мастерству эллинских наемников. Не удалось полностью отрезать город от морского сообщения – искусные пунийские мореходы на нескольких быстроходных судах стремительно проплывали мимо неповоротливых римских кораблей и доставляли в Лилибей необходимые припасы, поддерживая сообщение с основными силами карфагенского флота, стоявшими в гавани Дрепана, и даже с самой пунийской столицей.

Осада затянулась на месяцы, и ни одна из сторон не имела решающего преимущества. Первым шанс склонить переменчивую военную фортуна на свою сторону представился римлянам – в Лилибее созрел заговор части вождей наемников, собиравшихся сдать город неприятелю. Будучи уверенными, что подчиненные последуют за ними, заговорщики тайно отправились в лагерь римлян, чтобы там обсудить с римскими военачальниками условия капитуляции. Однако о заговоре стало известно Гимилькону, который решил действовать на упреждение и отправил в отряды наемников верных себе командиров, пользовавшихся уважением среди рядовых воинов. К эллинам первым обратился узнавший и доложивший о заговоре ахеец Алексон, к кельтам – Ганнибал, сын того самого Ганнибала, который некогда проиграл сражение при Милах и затем был казнен на Сардинии. Обещая от имени командующего гарнизоном щедрое вознаграждение, они смогли убедить воинов сохранить верность Карфагену, и когда изменники явились к городским стенам с предложением открыть ворота и сдать Лилибей римлянам, то получили в ответ лишь брань и насмешки. Под градом камней и стрел предатели вынуждены были бежать (Polyb. I, 43, 1-8).

Успешно ликвидировав опасность захвата города, подготавливаемого изменниками, Гимилькон вскоре получил и мощную поддержку из Карфагена. Эскадра

из 50 кораблей под командованием Ганнибала, сына Гамилькара, вначале подошла к расположенным неподалеку от Лилибея Эгадским островам, а оттуда, дождавшись попутного ветра, стремительно прорвалась в городскую гавань. Застигнутые врасплох римляне, не позаботившиеся о надежной охране входа в лилибейскую гавань, ничем не смогли помешать пунийскому флотоводцу. Ганнибал доставил в город не только продовольствие и снаряжение, но и крупное подкрепление, благодаря которому число защитников Лилибея возросло вдвое и составило около 20 тыс. воинов. С такими силами можно было не только рассчитывать на успех во время молниеносных вылазок, но и предпринять полномасштабное наступление. Гимилькон решил сделать это не теряя времени, пока силы вновь прибывших были свежи, а прежний гарнизон воодушевлен стремительным прорывом кораблей Ганнибала. Расчет пунийского полководца оказался верен лишь отчасти, поскольку к битве готовились и римляне. Консулы понимали, что получивший подкрепления Гимилькон предпримет наступление, и держали легионы в полной боевой готовности. Начавшееся с утра сражение стало наиболее длительным и кровопролитным за все время осады. Пунийцам удалось нанести осадным сооружениям римлян лишь незначительный ущерб, при этом их потери были столь велики, что было принято решение отступить - «карфагенский военачальник видел, что многие его воины уже пали в битве, что он все-таки не может взять сооружений, ради чего и было начато дело; поэтому приказал играть отступление. Зато римляне, едва не потерявшие всего, овладели наконец своими укреплениями и все их удержали за собою нерушимо» (Polyb. I, 45, 13-14).

Вскоре после этого флотоводец Ганнибал, понимавший, что судьба Лилибея будет решаться в

сухопутных схватках, увел свою эскадру в Дрепан, и римляне вновь ничем не смогли ему помешать. Между Дрепаном и Карфагеном с одной стороны и Лилибеем с другой пунийцы наладили регулярное морское сообщение, воспрепятствовать которому римский флот был не в силах. Особенно прославился многократным повторением таких морских вылазок некий Ганнибал Родосец. Полибий сообщает, что этот капитан водил свое судно с невероятным мастерством, так что даже десять самых быстроходных римских кораблей, устраивавших засады, никак не могли его перехватить. Вскоре и другие карфагенские капитаны, следуя примеру Родосца, начали проделывать то же самое. Отчаявшись догнать беспокоивший их корабль, римляне приступили к сооружению плотины у входа в гавань, однако глубина и скорость течения там были такими, что «все, что ни бросали они в море, не держалось в нем на месте, но при самом опускании в воду относилось в сторону и разбивалось на части волною и быстрым течением» (Polyb. I, 47, 4). Лишь в одном месте удалось наконец обустроить небольшую плотину, которая позволила консулам достичь желаемого – ночью на нее налетела выходившая из гавани Лилибея пунийская тетрера, прекрасное быстроходное судно. Оценив замечательные мореходные качества этого корабля, римляне укомплектовали его своими лучшими моряками и гребцами, а также разместили на борту абордажную команду морских пехотинцев. И лишь после этого судно Ганнибала Родосца удалось настичь и захватить в абордажном бою – римляне заполучили еще один великолепный корабль. Это позволило наконец замкнуть кольцо морской блокады Лилибея: «Овладевши и этим прекрасно сколоченным кораблем, римляне приспособили его к битве и теперь положили конец смелым попыткам проникать в Лилибей» (Polyb. I, 47, 10).

Завершить затянувшееся противостояние, верх в котором не могла взять ни одна из сторон, помогла природа. Внезапно налетевшая буря обрушила свой основной удар на римскую осадную технику, опрокинув и разметав навесы и башни. Эллинские наемники предложили Гимилькону воспользоваться ситуацией и довершить начатое стихией. Прислушавшись к совету, карфагенский полководец приказал атаковать неприятеля и поджечь его осадные машины и сооружения. Направление ветра во всем благоприятствовало карфагенянам, подожженные в трех местах деревянные постройки запылали, а искры, жар, дым, гарь и пепел, а также метательные снаряды пунийцев летели в сторону римлян, оказавшихся с подветренной стороны: «Одно и то же обстоятельство делало затруднительным положение противника и благоприятствовало поджигателям. Ибо все, что могло затемнять свет и причинять ушибы, относилось ветром в сторону неприятеля; напротив, все, что бросали и метали карфагеняне в защитников укреплений или в самые укрепления с целью разрушить их, падало по назначению: метаемые видели перед собою местность, а сила полета увеличивалась от дуновения ветра» (Polyb. I, 48, 7–8). Пожар прекратился лишь после того, как все осадные машины и сооружения были полностью уничтожены.

Оценив масштабы потерь, римские полководцы приняли решение не восстанавливать разрушенное и больше не штурмовать город, а лишь продолжить блокировать его с суши и, по возможности, с моря. Осада перешла в затяжную вялотекущую фазу, во время которой активные боевые действия были сведены к минимуму. «Римляне оказались беспомощны в результате сожжения своих машин, а также из-за скудного пайка и мора, и так как они и их союзники питались исключительно сырым мясом, они были

настолько заражены болезнями, что много людей умерло за несколько дней. По этой причине они даже были готовы отказаться от осады, но Гиерон, царь Сиракуз, отправил им зерна в изобилии и вернул мужество, чтобы возобновить осаду» (Diod. XXIV, 1, 4). Гарнизон Лилибея, напротив, воспрянул духом, отстроил разрушенные укрепления и, имея в запасе достаточное количество продовольствия, стойко удерживал город. Гимилькон даже пошел на уменьшение гарнизона, отправив всю свою конницу в Дрепан, поскольку не особо опасался попыток штурма со стороны измученного и деморализованного противника и обоснованно полагал, что кавалерия будет бесполезна во время стычек на небольшом пространстве, ограниченном городскими стенами Лилибея и морем с одной стороны и римскими лагерями с рвом и валом между ними – с другой (Diod. XXIV, 1, 3). Так стойкая и успешная оборона Лилибея в 250 г. до н. э. стала достойным ответом карфагенян за прошлогоднее поражение при Панорме.

Потерпев неудачу у Лилибея, римляне решили продолжить его осаду, а активные боевые действия перенести к другой пунийской твердыне на Сицилии – городу Дрепан. В 249 г. до н. э. нападение на него возглавил консул Публий Клавдий Пульхр, предложивший совершить быстрый ночной переход флота от Лилибея и неожиданно для противника ворваться в городскую гавань. Тайно подготовив суда к отплытию, около полуночи римский флотоводец вывел их в море и к утру, незамеченный пунийскими разведчиками, достиг Дрепана. Командовавший дрепанским гарнизоном пунийский военачальник по имени Адгербал действительно не был готов к появлению римского флота в его собственном порту, однако быстро сориентировался в ситуации и решил дать римлянам встречный морской бой, а не подвергать

Дрепан длительной осаде, подобной лилибейской. Пока медлительные римские корабли входили в городскую гавань с юга, Адгербал стремительно вывел весь свой флот в открытое море, воспользовавшись вторым, северным фарватером, не занятым римскими судами. Для римского консула выход карфагенского флота в море стал полной неожиданностью, тем более неприятной потому, что его собственные корабли растянулись вдоль сицилийского берега, и в то время, когда передовые из них уже маневрировали в гавани Дрепана, часть лишь втягивалась в бухту, а остальные и вовсе находились в открытом море. Публий Клавдий Пульхр находился при этом в самом конце вереницы римских кораблей, поэтому отреагировал на маневр Адгербала с критическим опозданием – карфагеняне уже практически покинули бухту, когда консул отдал капитанам римских судов приказ разворачиваться и выходить из бухты.

Римскому флотоводцу нужно отдать должное – он правильно разгадал замысел Адгербала, планировавшего, выйдя в открытое море, развернуть корабли в боевое построение и ударить по растянувшимся вдоль сицилийского берега римским судам. Предотвратить это Публий Клавдий Пульхр уже не мог, оставалось лишь принять бой, заняв боевые позиции и развернув корабли кормой к суше и носом в море, по направлению к противнику. Однако сделать это оказалось непросто, в особенности тем судам, которые уже вошли либо начали входить в гавань Дрепана. Разворачиваясь, римские корабли сталкивались, ломали весла и создавали невообразимую сумятицу, однако в итоге консулу удалось выстроить свой флот, заняв боевую позицию параллельно берегу. Напротив него уже закончил выстраивать боевые порядки карфагенского флота Адгербал. Точное число судов карфагенян и римлян в

этой битве неизвестно, но, судя по косвенным данным, римский флот насчитывал чуть более 200 кораблей (Диодор Сицилийский называет цифру 210 судов (Diod. XXIV, 1, 5), Евтропий – 220 (Eutrop. II, 26, 1)), пунийский же был вдвое меньшим. Однако двукратный численный перевес мало чем мог помочь зажатым на прибрежном мелководье и лишенным возможности маневра римлянам.

В развернувшемся встречном сражении сполна проявились те качества пунийского морского флота, которые ранее делали его непобедимым на всем пространстве Западного Средиземноморья, – быстрота и маневренность отдельных кораблей, безупречная выучка команды матросов и гребцов, опытность флотоводца и капитанов. Карфагеняне имели преимущество в пространстве для маневра, могли легко перегруппировываться, атаковать под разными углами, действовать согласованно несколькими кораблями против одного римского судна и стремительно уклоняться от нападения других судов. Римские же корабли при малейшей попытке совершить маневр либо сталкивались друг с другом, либо опасно вырывались вперед, где подвергались мгновенной таранной атаке, либо, пытаясь отступить, садились кормой на мель или даже вовсе терпели крушение, разбиваясь о берег.

Описание морского боя, оставленное Полибием, наилучшим образом передает сущность этой катастрофической для римлян и победоносной для карфагенян морской битвы: «Благодаря лучшему устройству кораблей и ловкости гребцов они далеко превосходили неприятеля в быстроте движений; много помогала им и постановка флота их в открытом море. Действительно, были ли корабли их теснимы неприятелем, они быстро и благополучно отступали в открытое место; поворачивали ли они потом свои корабли назад против выступивших вперед

неприятельских, они или быстро огибали их, или нападали на них сбоку; в то время как римские корабли при своей тяжести и неумелости команды поворачивались с трудом, карфагенские наносили им непрерывные удары и многие потопили. Если опасность угрожала какому-либо из собственных кораблей, карфагеняне своевременно являлись на помощь без вреда и опасности для себя, ибо заходили от кормы по открытому морю. В совершенно ином положении были римляне, именно: теснимые корабли не имели возможности отступить, так как римляне сражались у самого берега; а всякий раз, когда судно подвергалось жестокому натиску со стороны стоящего напротив неприятеля, оно или попадало на мель и садилось кормою, или оттеснялось к берегу и разбивалось. При тяжести своих кораблей римляне не могли врываться в середину неприятельских кораблей или нападать с тыла на те корабли, которые уже сражались с другими, – полезнейший прием в морском сражении. Наконец, римские корабли не могли помогать своим нуждающимся в помощи с кормы, ибо заперты были у берега, и желающие подать помощь не имели даже небольшого свободного пространства для движений» (Polyb. I, 51, 4–10). К сказанному античным историком следует прибавить крайне неудачное расположение командующего флотом – вместо того чтобы находиться во главе флотилии или хотя бы в ее центре, Публий Клавдий Пульхр разместился в самом ее конце, что не давало возможности оперативно получать информацию и реагировать на изменявшуюся в ходе боя обстановку.

Потери римского флота составили, согласно Диодору Сицилийскому, 117 кораблей и 20 тыс. воинов (Diod. XXIV, 1, 5), Полибий же сообщает о 93 судах, захваченных карфагенянами вместе с командой (Polyb. I, 51, 12). Судя по всему, это были севшие на мель корабли, не имевшие возможности оказать

сопротивление и вынужденные сдаться. Учитывая то, что спастись удалось лишь 30 судам, включая консульский корабль, еще около 90 судов были либо потоплены умелыми действиями пунийских моряков, либо потерпели крушение, разбившись о прибрежные скалы. Об этом свидетельствует Евтропий: «Клавдий воевал против карфагенян вопреки гаданию и был разбит. Ибо из 220 кораблей спасся только с 30, 90 вместе с воинами были захвачены, остальные потоплены» (Eutrop. II, 26, 1). Упомянутое Евтропием гадание, вопреки которому действовал консул, состояло в кормлении жертвенных кур. Перед началом битвы они не пожелали клевать зерно, что считалось дурным предзнаменованием, сулившим неудачу всему предприятию, однако римский военачальник не только не отказался от своих намерений, но даже совершил святотатство, выбросив клетку со священными птицами за борт со словами: «Пусть же они попьют, если не хотят есть» (Suet. Tib. 2; Liv. Per. XIX; Flor. I, XVIII, 2, 29). Потери пунийцев античные авторы даже не упоминают, настолько они были незначительны по сравнению с римскими. Адгербал стяжал в Карфагене славу великого флотоводца, тогда как допустивший потерю практически всего римского флота консул Публий Клавдий Пульхр был впоследствии подвергнут в Риме суду и приговорен к крупному штрафу.

На Сицилии потерпевшего неудачу консула сменил его коллега Юний Луций Пулл, отправленный к осажденному Лилибею во главе эскадры из 60 судов. Ее задачей было доставить продовольствие осаждавшим город римским войскам. Пройдя через Мессану и прибыв в Сиракузы, консул по пути присоединял к эскадре разрозненные римские корабли, в итоге увеличив ее до 120 военных и около 80 транспортных судов (Polyb. I, 52, 5-7). Здесь Юний Луций Пулл решил остановиться в ожидании задержавшихся в Мессане

судов и хлеба, который не был еще доставлен из Италии в полном объеме. С другой стороны, зная о том, что римские легионы под Лилибеем остро нуждаются в провизии, консул отправил туда 50 грузовых судов с необходимым продовольствием в сопровождении 30 боевых кораблей охранения под командованием квесторов (Polyb. I, 52, 7; Diod. XXIV, 1, 7).

Тем временем не бездействовали и карфагеняне. Развивая достигнутый в морской битве при Дрепане успех, они повели наступление на римлян под Лилибеем. По заданию Адгербала пунийский флотоводец по имени Карталон во главе ста боевых кораблей напал на рассвете на стоявший у осажденного города римский флот. Часть римских кораблей Карталон сжег, часть захватил, а часть рассеял по морю (Polyb. I, 53, 2-4). Морским сражением воспользовался командир гарнизона Лилибея Гимилькон, предприняв масштабную вылазку, дорого обошедшуюся римлянам. Успешно решив боевую задачу у Лилибея, Карталон повел флот на юго-восток, навстречу отправленному из Сиракуз каравану римских судов с продовольствием, о котором он был своевременно проинформирован карфагенскими соглядатаями на Сицилии. Вражеские флоты встретились в районе реки Гела, после чего римляне, уступавшие карфагенянам как числом боевых кораблей (30 против 100), так и мастерством ведения морского боя, предпочли укрыться в окруженной береговыми утесами бухте около занятого римским гарнизоном городка Финтии. Доставив из города баллисты и катапульты, квесторы разместили их частью на берегу, частью на поставленных на якорь кораблях и приготовились отразить нападение карфагенян. Подошедшие вскоре пунийцы Карталона рассчитывали на то, что римляне, оставив суда, укроются за стенами города, что позволило бы легко овладеть оставшимися без защиты судами. Организованное римлянами

грамотное и жестокое сопротивление, равно как и крайне неудобная для привычного пунийцам морского боя местность заставили Карталона приложить немало усилий, чтобы победить противника. В итоге 17 боевых кораблей римлян были потоплены, 13 выведены из строя, а 50 груженых продовольствием транспортников сильно повреждены, причем несколько из них карфагенянам удалось захватить и увести на буксире. Отведя затем свой флот к устью реки Галик, Карталон встал на якорь, отправил на берег раненых и выслал дозорные суда к Финтиям и Сиракузам, чтобы отслеживать действия как закрепившихся в бухте квесторов, так и Луция Юния Пулла (Polyb. I, 53, 7—13; Diod. XXIV, 1, 7-8).

Не зная о случившемся с отправленной вперед эскадрой под охраной квесторов, консул вышел в море, имея 36 боевых и большое количество транспортных кораблей. Лишь обогнув мыс Пахин и подойдя к Финтиям, Луций Юний узнал о действиях Карталона. Заметив наконец и сам вышедший наперехват пунийский флот, римский военачальник приказал сжечь 13 наименее ценных и неповоротливых кораблей и попытался отступить в Сиракузы. Когда же это не удалось и Карталон настиг его у Камарины, консул повторил действия квесторов - пристал к берегу в поисках убежища. Однако в этом ему повезло гораздо меньше, нежели предыдущей римской эскадре, поскольку местность, в которой ему пришлось это сделать, была неудобной для организации обороны, изобиловала отмелями и прибрежными скалами, берег был обрывистым. Пунийский флотоводец не решился атаковать Луция Юния Пулла и занял выжидательную позицию, расположившись ровно посередине между двумя римскими эскадрами. Ожидание оказалось не напрасным - вскоре опытные карфагенские мореходы заметили признаки приближения сильной бури и

поспешили увести корабли за мыс Пахин. Римляне же, оставшись на месте, приняли на себя всю мощь удара стихии, потеряв все корабли, кроме двух, один из которых был консульским (Polyb. I, 54; Diod. XXIV, 1, 8—10).

Римляне в очередной раз лишились практически всего военного флота и вынуждены были ограничиться боевыми действиями на суше, тогда как пунийцы отныне безраздельно господствовали на море. «После этого карфагеняне снова воспрянули духом и надежды их опять оживились, - писал Полибий. - Напротив, римляне, и раньше испытавшие неудачу, а теперь потерпевшие полное крушение, очистили море, хотя суша все еще была в их власти; карфагеняне господствовали на море, но не теряли надежды и на обладание сушею» (Polyb. I, 55, 1-2). Впрочем, некоторое время использовать полученное преимущество и активизировать сухопутные боевые действия на Сицилии, где римляне все еще владели стратегической инициативой, пунийцам не удавалось. Луций Юний Пулл, стремясь реабилитироваться после гибели флота, не только сумел наладить снабжение осаждавших Лилибей легионов по суше, но и стремительно овладел одним из трех последних подконтрольных карфагенянам городов острова - Эриксом, расположенном на одноименной горе, на стратегически важном направлении между Дрепаном и Панормом. Горная твердыня была захвачена римлянами хитростью во время ночной вылазки, после чего консул разместил у подножия горы укрепленный лагерь и усилил городской гарнизон, доведя его численность до трех тысяч воинов (Polyb. I, 55, 5-7; Diod. XXIV, 1, 10-11).

Захват Эрикса был несомненным успехом римлян, позволявшим приступить к осаде Дрепана с суши, не прекращая при этом затяжной осады Лилибея. Развивая успех, Луций Юний Пулл усилил также гарнизон

расположенной у горы крепости Эгифалия, доведя его численность до 800 солдат. За этим усилением римского присутствия в непосредственной близости от Дрепана явно просматривалось желание римлян приступить к осаде приморского города. Карталон, разгадавший этот замысел, решил действовать на упреждение. Направив флот в Дрепан, карфагенский военачальник организовал успешную ночную операцию, захватив Эгифалию и частично истребив, частично изгнав размещавшийся там римский гарнизон (Diod. XXIV, 1, 10-11). Это несколько уменьшило угрозу Дрепану, однако развить достигнутый успех Карталону не удалось - Эриксы римляне удерживали прочно.

Сложившееся в затянувшейся войне положение казалось патовым - обе стороны были истощены тянувшейся уже более пятнадцати лет войной, римляне не могли утвердиться на море, карфагеняне удерживали два последних города на Сицилии - Лилибей и Дрепан, однако не могли организовать ни одной масштабной сухопутной операции. В таких условиях следовало предпринимать решительные действия. Успех в этом сопутствовал карфагенянам, отправившим командовать пунийской армией на Сицилии молодого талантливое военачальника, носившего имя Гамилькар и прозвание Барка, означавшее «молния».

Глава 10. «Он... завершить стремится работу эту»: вспышка войны Гамилькара и мир (247- 241 гг. до н. э.)

Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира.

*Полибий. Всеобщая история, I, 62,
3-5*

Затяжная война на истощение, обескровившая обе противоборствующие стороны, особенно болезненной была для Карфагенской державы. Ресурсы пунийцев были на исходе, вследствие чего даже успешные действия флота под командованием Адгербала и Карталона долгое время не приводили к системным попыткам активизировать сухопутные боевые действия на Сицилии, не говоря уже о перехвате стратегической инициативы у римлян. Лишь более года спустя, в 247 г.

до н. э., карфагеняне направили на остров новую сухопутную армию под командованием Гамилькара Барки. Его прозвище Барка, которое можно перевести как «молния» или «вспышка», было, скорее всего, родовым, вследствие чего в исторической традиции родственников Гамилькара и их сторонников называют Баркидами. К моменту назначения на столь ответственную должность пунийскому полководцу было около тридцати лет и он уже имел весомый опыт политической борьбы и командования военными действиями. «Величайшим вождем того времени по уму и отваге» называет Гамилькара Полибий (Polyb. I, 64, 6). Диодор Сицилийский также характеризует Барку как мудрого, мужественного и опытного военачальника и политика: «Еще до того как он стал полководцем, благородство Гамилькарова духа было очевидно, и, когда он добился главнокомандования, он показал себя достойным своей отчизны ревностью к славе и презрением к опасности. Он слыл человеком исключительного ума, и так как он превзошел всех своих сограждан как отвагою, так и военным дарованием, он и в самом деле был как мудрый царь и как доблестный воин» (Diod. XXIV, 5, 1-2).

Под командованием Гамилькара одновременно находились господствовавший на тот момент на театре боевых действий карфагенский флот и состоявшая из высокопрофессиональных наемников крупная сухопутная армия, благодаря чему командующий мог удачно сочетать боевые действия на море и на суше, нанося удары по неприятелю в наиболее чувствительных для него местах. Используя тотальное на тот момент господство пунийцев на море, Гамилькар поначалу повел морскую кампанию, направленную на реализацию тактического преимущества и дезорганизацию снабжения римских войск в Сицилии. Полибий сообщает, что первые свои рейды пунийский

военачальник направил против Южной Италии, разоряя побережья Бруттия (Калабрии), Лукании и Кампании, опустошая их и доходя вплоть до окрестностей города Кумы (Polyb. I, 56, 2-3, 10). В определенной мере это способствовало отвлечению сил врага с сицилийского театра боевых действий на Италию, однако вряд ли Гамилькар всерьез планировал перенести военные действия на Апеннинский полуостров, не имея для этого достаточных сил. В итоге, не прекращая пиратствовать в акватории Тирренского моря, основные силы своей сухопутной армии Барка сосредоточил на Сицилии. Не имея возможности ни снять осаду Лилибея и Дрепана, ни повести масштабное наступление, высадив десант в других частях острова, Гамилькар избрал партизанскую тактику, позволявшую перерезать пути снабжения и коммуникации, отвлечь на себя крупные силы врага и сковать его действия.

Возвращаясь из рейда вдоль итальянского побережья в Дрепан, карфагенский полководец обратил внимание на удобство мыса Эркте (современный Монте Пеллегринно), расположенного к западу от Панорма, по направлению к занятому римлянами Эриксу. Эта гористая местность, которую Полибий называет «на Геркатах», была в высшей степени удобна для обустройства опорной базы, которую Гамилькар разместил на пути от подножия к вершине горы. «По безопасности и удобствам для стоянки и долговременного пребывания войска, - свидетельствует Полибий, - она представляет наилучший пункт в Сицилии. Действительно, гора эта со всех сторон обрывиста и над окружающею местностью поднимается на значительную высоту. Верхнее кольцо ее имеет в окружности не меньше ста стадий, а обнимаемое им пространство изобилует пастбищами и удобно для обработки, доступно действию морского воздуха и совершенно свободно от ядовитых животных. Как со

стороны моря, так и с той, которая обращена внутрь материка, гора имеет крутые неприступные обрывы; промежутки между ними могут быть легко и скоро укреплены. Кроме того, на плоской вершине возвышается бугор, который служит вместе и кремлем, и прекрасным наблюдательным пунктом над расстилающейся внизу страной. У подножия горы есть гавань, удобная для перехода от Дрепана и Лилибея к Италии и всегда имеющая воду в изобилии. К горе этой существует всего три прохода, очень трудных; два из них идут из материка, а один – от моря» (Polyb. I, 56, 3–8).

Обосновавшись здесь в 247 г. до н. э., Гамилькара в течение трех лет неустанно воевал с римлянами, производя молниеносные вылазки и заставляя врага вступать в многочисленные мелкие сражения, исподволь подтачивавшие римские силы в регионе. Навязываемая пунийским военачальником тактика изнурительной войны с задействованием малых отрядов заставляла римлян держать в Панорме и в лагере под Эриксом крупные силы, которые в противном случае можно было бы с успехом использовать в осаде Дрепана и Лилибея. Бесспорным преимуществом Гамилькара была возможность снабжения базы карфагенского войска «на Геркатах» по морю, наличие пресной воды и пастбищ. Базировавшиеся в Панорме римские войска также имели все необходимое за городскими стенами, вследствие чего в регионе сложился паритет сил: пунийцы не могли всерьез грозить штурмом или захватом подконтрольных римлянам городов, римляне же не могли подступиться к защищенной самой природой горной базе карфагенян на мысе Эркте. Полибий, отчаявшийся изложить подробности длительного противостояния пунийцев и римлян в этом регионе, прибег в итоге к крайне обобщенному описанию происходившего: «Гамилькара в течение почти

трех лет давал им битвы на суше частые и многообразные; подробное описание их было бы невозможно. Дело в том, что в борьбе замечательных кулачных бойцов, блистающих храбростью и искусством, когда они в решительном бою за победу неустанно наносят удар за ударом, ни участники, ни зрители не могут разглядеть или предусмотреть отдельных ударов и ушибов, хотя и могут получить довольно верное представление о ловкости, силе и мужестве борющихся по общему напряжению сил их и по обоюдному упорству в состязании: точно то же было и с военачальниками, о коих идет теперь речь. И в самом деле, историку нельзя было бы исчислить все поводы и подробности тех взаимных засад, наступлений и нападений, какие происходили между воюющими ежедневно, да и читателю описание это показалось бы утомительным и совершенно бесполезным. Легче можно оценить названных выше военачальников из общего рассказа о борьбе и об окончательном исходе ее. Ибо теперь испытаны были все военные хитрости, какие только знает история, все уловки, какие требовались обстоятельствами времени и места, все то, в чем проявляются необычайные отвага и сила. Однако по многим причинам решительная битва была невозможна: силы противников были равны, укрепления их были одинаково сильны и недоступны, а разделяющее стоянки расстояние было весьма незначительно. Вот главным образом почему происходили ежедневно небольшие схватки и почему не могло быть какого-либо решительного дела. Всегда выходило так, что участвовавшие в бою гибли в самой схватке, а все те, кому удавалось отступить, быстро укрывались от опасности за своими окопами, откуда снова выходили на битву» (Polyb. I, 56, 11; 57, 1-8).

Составить представление об одной из упомянутых Полибием военных хитростей позволяет рассказ Секста

Юлия Фронтин, приведенный им в разделе «О мерах против изменников и перебежчиков»: «Когда у Гамилькара, пунического полководца, галлы из вспомогательных отрядов стали часто переходить к римлянам и уже вошло в обычай, что римляне принимали их как союзников, Гамилькар подговорил самых преданных галлов притвориться перебежчиками; когда римляне вышли вперед, чтобы принять их, они их перебили. Эта хитрость оказалась полезной Гамилькару не только в данное, но и на будущее время и привела к тому, что римляне стали относиться с подозрением и к действительным перебежчикам» (Frontin. III, XVI, 2). Так простой ход позволил карфагенскому военачальнику не только нанести урон неприятелю, но также предотвратить возможное массовое бегство наемников из рядов пунийского войска и повысить дисциплину воинов. О стремлении Гамилькара поддерживать высокую воинскую дисциплину, являющуюся залогом успешных боевых действий, свидетельствует также Диодор Сицилийский, утверждающий, что «хорошая дисциплина влечет за собой хороший результат». Согласно сообщению историка, Барка строго запрещал своим командирам грабить во время вылазок против римлян окрестные селения. Когда же один из них по имени Бодостар ослушался и позволил воинам задержаться в деревне для грабежа, это закончилось атакой римлян, едва не приведшей к потере всего отряда. Лишь оперативное вмешательство двухсот пунийских всадников, которые «спасли не только сами себя, но также обеспечили безопасность другим», позволило избежать катастрофы (Diod. XXIV, 9, 1). Из случившегося, несомненно, были сделаны соответствующие выводы, иначе противостоять в течение трех лет превосходящим силам противника карфагеняне «на Геркатах» не смогли бы.

Действия армии Гамилькара из базы на мысе Эркте были в целом успешными и давали пунийцам тактическое преимущество, однако стратегическое доминирование римлян было непоколебимым. Бесчисленные мелкие стычки могли быть эффектными и даже победоносными для карфагенян, однако польза от них была весьма ограниченной – переломить ход войны они не могли. Осознав это, Барка попытался перейти в масштабное наступление и отбить у римлян один из ключевых захваченных ими пунктов – расположенный на одноименной горе город Эрикс. Задуманное предприятие было крайне рискованным, поскольку римляне контролировали не только сам город, но также подступы к горе, разместив у подножия укрепленный регулярный лагерь. Еще один отряд римлян находился у вершины, в знаменитом святилище Афродиты Эрикской. Казалось, римские позиции неприступны, однако именно это обманчивое ощущение сыграло на руку карфагенянам. Операция была разработана и проведена блестяще: выведав у местных жителей тайные тропы, по которым можно было подняться на гору, Гамилькар под покровом ночи тайно провел свое войско мимо римского лагеря к Эриксу и, воспользовавшись эффектом неожиданности и беспечностью дозорных городского гарнизона, внезапным штурмом овладел городом. Целиком полагавшиеся на размещенный у подножия лагерь и считавшие появление врага в городе немыслимым римские солдаты были застигнуты врасплох и не смогли оказать даже минимального сопротивления. Иначе повели себя римляне, засевшие в святилище Афродиты. Занимая хорошо укрепленные самой природой позиции и своевременно узнав о захвате Эрикса пунийцами, они дали захватчикам жестокий отпор, надежно закрепившись на вершине горы. В результате сложилась следующая ситуация: в городе засели

карфагеняне, а на вершине горы и в лагере у ее подножия надежно закрепились римляне (Polyb. I, 58, 1-2; Diod. XXIV, 8, 1).

Тактический успех пунийского военачальника не подлежит сомнению, однако стратегически, как ни странно, выиграли римляне. Теперь пунийское войско оказалось запертым на еще более ограниченном пространстве и имело гораздо меньше возможностей для осуществления внезапных вылазок, которые к тому же могли совершаться лишь на территории между городом Эриксом и римским военным лагерем у горного подножия. Более того, в отличие от позиций «на Геркатах» здесь у карфагенян не было удобной гавани, позволявшей беспрепятственно доставлять необходимые припасы. Теперь к подходившим к берегу пунийским кораблям воинам Барки приходилось прорываться с боем, неся существенные потери. Противостояние в районе горы Эрикс затянулось еще на два года, достигая невероятного уровня ожесточения. Об одном из его поучительных моментов, относящемся к 243 г. до н. э., сообщает Диодор Сицилийский, стремящийся показать благородство Гамилькара Барки и высокомерие противостоявшего карфагенянину римского военачальника – консула Гая Фундация Фандула. Однажды, после очередного кровопролитного сражения, пунийский полководец отправил к римлянам посланников с просьбой о перемирии для того, чтобы забрать для погребения тела погибших. Консул отказал, ответив, что разумно договариваться о возвращении живых, а мертвым, дескать, уже все равно. Когда же вскоре римляне сами понесли значительные потери, римский полководец был вынужден обратиться к Гамилькару с аналогичной просьбой: «Когда Фунданий послал глашатаев для договора о погребении погибших, Барка ответил весьма отлично от предыдущего случая. Ибо, заявив, что он находится в состоянии войны с

живыми, но не имеет разногласий с мертвыми, предоставил разрешение на их захоронение» (Diod. XXIV, 9, 2-3). В целом же, используя яркое сравнение Полибия, во время боев на Эриксе «самые государства противников уподоблялись породистым дышащим боем петухам. Не раз такие птицы, потерявши от изнеможения способность владеть крыльями, находят себе опору в собственной отваге и продолжают наносить друг другу удары, пока наконец мимовольно не кидаются друг на друга, быстро сцепливаются, и тогда один из них падает замертво. Подобно этому римляне и карфагеняне, утомленные трудами непрерывной борьбы, истощены были вконец, а налоги и расходы, удручавшие их долгое время, подорвали их силы» (Polyb. I, 58, 7-9).

Таким образом, при всей эффектности захвата Эрикса, эффективность армии Гамилькара даже уменьшилась по сравнению с тем периодом военных действий, когда он базировался на мысе Эркте. Пунийскому военачальнику удавалось сохранять, пополнять и снабжать войско, навязывать схватки противнику и выигрывать их, однако развить успех он не мог. Для этого требовалось масштабное наступление гораздо большими силами, чем он обладал. Поэтому вполне справедливой представляется оценка деятельности Гамилькара Барки, данная Корнелием Непотом: «До его прибытия дела карфагенян на суше и на море шли плохо; он же, где бы ни появлялся, никогда не уступал врагу, не давал ему возможности чинить вред и, напротив, часто, когда представлялся случай, нападал сам и всегда выходил победителем. Так и получилось, что, когда пуны потеряли почти все свои владения в Сицилии, он так удачно оборонял Эрикс, что военные действия в этом месте как будто застыли на одной точке» (Nep. Ham. 1). Однако в сложившейся ситуации все равно стратегически выигрывали римляне,

имевшие гораздо большую свободу действий по сравнению с запертым на Эриксе Гамилькаром.

Для победы пунийцам следовало высадить на острове крупную армию, которая могла бы нанести удар по римлянам в удобном для нее месте, однако сил на содержание еще одного войска у Карфагена не было. По всей видимости, последние доступные военные силы карфагенян вынуждены были оставаться в Африке, где вспыхнуло восстание ливийских племен (Diod. XXIV, 10, 1-2). Однако и римляне не могли взять приморские твердыни Лилибей и Дрепан лишь наличествовавшими на Сицилии сухопутными силами без возрождения уничтоженного вначале карфагенянами, а затем природной стихией флота. Поскольку денег на это в казне не было, сенат принял решение произвести у состоятельных граждан трибут – государственный заем. По мере возможностей, самостоятельно либо вскладчину, вдвоем или втроем, римляне жертвовали средства на постройку квинквирем, сооружаемых по образцу захваченного некогда судна Ганнибала Родосца. Обновленная конструкция обеспечивала прекрасные мореходные качества, делая римские корабли легкими и маневренными. К весне 242 г. до н. э. 200 квинквирем были спущены на воду и в начале лета отплыли к Сицилии. Во главе римского флота был поставлен консул Гай Лутаций Катул (Polyb, I, 59, 6-8).

Достигнув театра боевых действий, римляне с ходу ворвались в гавани Дрепана и Лилибея, практически свободные от пунийских кораблей, поскольку весь флот карфагенян отбыл домой (Polyb. I, 59, 9). Консул лично, находясь в первых рядах, принимал участие в сражении у Дрепана и получил тяжелую рану в бедро. Спасти флотоводца от неминуемой гибели удалось лишь благодаря самоотверженности сражавшихся бок о бок с ним римских воинов (Oros. IV, 10, 5). Одновременно с этим римляне повели наступление против Гамилькара

при Эриксе, полностью лишив его возможности получать припасы (Polyb. I, 59, 5). Видимо, именно это вынудило Барку приказать находившейся у него в подчинении небольшой эскадре выйти в море. Достигнув Лилибея, пунийские моряки смогли хитростью освободить городскую гавань от римского флота: «Барка, полководец пунийцев, когда наши осаждали с моря и с суши Лилибей в Сицилии, показал издали часть своего военного флота; когда при виде его наши выплыли, он с остальными кораблями, скрытыми ранее, занял гавань Лилибея» (Frontin. III, 10, 9).

Считая бессмысленным ввязываться в новую борьбу за лилибейскую гавань, Гай Лутаций Катул сосредоточил все усилия на подготовке римского флота к встрече с крупными силами карфагенян на море. Для этого «он каждый день испытывал свою команду, делал с нею соответствующие упражнения и вообще прилагал все усилия к обучению ее, так что в самое короткое время сделал своих моряков совершенно годными для предстоящего дела» (Polyb. I, 59, 11-12). Усиленные тренировки были весьма своевременны, ведь, узнав о появлении крупного римского флота у берегов Сицилии, карфагеняне в спешном порядке приступили к снаряжению собственных кораблей, подготовив за 9 месяцев к плаванию около 250 судов. При этом ни профессиональных корабельных команд, ни хорошо обученных гребцов, ни опытных солдат в Карфагене на тот момент не оказалось – «гребцы их были совсем необучены и посажены на корабли лишь в минуту опасности; воины их были новобранцы и совершенно не испытанные в трудностях и опасностях войны» (Polyb. I, 61, 4). В связи с этим задача отправленного пунийцами флота состояла в том, чтобы подойти к берегу в районе Эрикса, выгрузить там припасы для войска Гамилькара, а затем взять Барку с хорошо обученными наемниками

на борт для сражения с римским флотом (Polyb. I, 59, 3). По словам Луция Аннея Флора, «флот врага был перегружен войсковыми обозами, войском, осадными башнями и оружием, словно на нем уместился весь Карфаген; это и принесло ему гибель» (Flor. I, XVIII, 2, 34).

Получив известие о выходе тяжело груженного зерном и потому неповоротливого пунийского флота из Карфагена, Гай Лутаций Катул решил принять бой, не дожидаясь, пока карфагеняне дойдут до Эрикса, разгрузят корабли и укомплектуют команды профессиональными воинами. Консул повел римский флот к Эгадским островам, рассчитывая перехватить флот противника, и расположился у острова Эгуса (современный остров Фавиньяна), напротив Лилибея. Карфагенский флот во главе с Ганноном тем временем направлялся к острову Гиере (современный остров Мареттимо). Пунийский флотоводец выжидал попутного ветра, чтобы на всех парусах прорваться мимо римлян. 10 марта 242 г. до н. э. такой шанс, казалось, представился – на море поднялся благоприятный для карфагенян ветер, встречный для изготовившегося римского флота. Разыгравшееся на море волнение делало морскую битву рискованным предприятием, и, возможно, Ганнон рассчитывал на то, что римский консул предпочтет отвести корабли в безопасное место, пропустив тем самым карфагенский флот к Сицилии. Однако и Гай Лутаций Катул понимал, чем может обернуться для него промедление: «...если решится на бой, невзирая на бурю, то будет иметь дело с Ганноном, только с его войсками и с флотом, нагруженным хлебом. Если, напротив, он будет выжидать погоды и медлительностью своею допустит, чтобы неприятель переправился и соединился с сухопутным войском, то будет сражаться против кораблей быстрых, не имеющих на себе груза, против отборнейшей части сухопутных

войск и, что самое главное, против отважного Гамилькара: более грозной опасности тогда не было ничего» (Polyb. I, 60, 7–8). Взвесив все за и против, консул решил дать бой.

Решение римского флотоводца оказалось безупречным – карфагеняне оказались неспособны дать хоть сколько-нибудь организованный отпор и были наголову разбиты. Устремив свои маневренные корабли с хорошо обученными командами на борту на неповоротливые пунийские суда, римляне первым же натиском разрушили их строй и приступили к уничтожению противника. «Римский флот, удобный, легкий, надежный и в некотором роде походный, вступил как будто в конное сражение: веслами действовали словно поводьями, и на любые удары подвижные ростры отзывались как живые. В самое короткое время разбитые вражеские суда покрыли своими обломками все море между Сицилией и Сардинией» (Flor. I, XVIII, 2, 35–36). Карфагеняне, по данным Полибия, потеряли 50 кораблей потопленными и 70 захваченными вместе с корабельными командами в плен. Число пленных пунийцев составило чуть менее 10 тыс. человек (Polyb. I, 61, 6–8). Большого доверия, впрочем, заслуживают цифры, приведенные Диодором Сицилийским – по его данным, карфагеняне лишились 117 кораблей, 20 из которых были захвачены вместе с командами. В плен попали от 4040 до 6 тыс. пунийцев. У римлян было выведено из строя 80 судов, причем 30 из них потоплены, а остальные 50 получили повреждения разной степени тяжести (Diod. XXIV, 11, 1–2). Значительной части пунийских кораблей во главе с Ганноном удалось спастись бегством – ветер переменился и позволил им отойти к острову Гиере, а затем проследовать в Карфаген. Римляне беглецов не преследовали, озабоченные судьбой уже захваченных кораблей и пленных. В пунийской столице Ганнон был

за поражение приговорен к казни через распятие на кресте.

Поражение в морской битве при Эгадских островах окончательно лишило Карфаген сил для продолжения войны – у пунийцев не было средств ни на новый флот, ни на новое сухопутное войско. По словам Полибия, карфагеняне «не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилии, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже отдав его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны солдат и вождей» (Polyb. I, 62, 2). Следовало просить мира. «Победа была такова, – пишет Луций Анней Флор, – что не возникло необходимости в разрушении вражеских стен (Лилибея и Дрепана. – Авт.). Казалось излишним сокрушать крепость и стены, когда Карфаген уже был побежден на море» (Flor. I, XVIII, 2, 37). Для заключения мира на Сицилию прибыли посланцы карфагенского государственного совета, наделившие неограниченными полномочиями по выработке условий договора с Римом Гамилькара Барку (Polyb. I, 62, 3). Консул Гай Лутаций Катул, понимавший степень истощения Римской республики вследствие многолетних военных действий, поддержал мирную инициативу карфагенского военачальника и совместно с ним выработал условия межгосударственного соглашения.

Заклученный в 241 г. до н. э. римско-карфагенский мирный договор содержал следующие условия. Весь остров Сицилия полностью очищался от пунийцев и оставался в безраздельном владении Римской республики и сиракузского царя Гиерона II. Воевать против Сиракуз и их союзников Карфагену возбранялось. Всех римских военнопленных следовало вернуть на родину без выкупа, в то же время на побежденную сторону накладывалась контрибуция в 2200 талантов серебра, которые следовало выплатить в

течение двадцати лет (Ployb. I, 62, 8-9; App. V, II, 2). Римский консул потребовал также, чтобы карфагенское войско, находившееся на Эриксе, покинуло остров, лишь предварительно сдав оружие, однако Гамилькар Барка заявил, что «сам он скорее умрет, чем возвратится домой с таким позором, ибо недостойно его чести выдать противнику то оружие, которое родина вручила ему на битву с врагом» (Nep. Ham. 1). Катул в итоге согласился смягчить условия - карфагенские воины могли покинуть Эрикс с оружием, но должны были уплатить за это определенную сумму.

В Риме такие условия договора, представленные народному собранию на одобрение, показались слишком мягкими. На Сицилию направили комиссию из десяти уполномоченных для более детального рассмотрения положения дел и выработки новых условий. Уточнения, предложенные комиссией, несколько ужесточали договор в отношении Карфагена, но в целом оказались несущественными. Так, все острова между Сицилией и Африкой переходили к римлянам, что было логично, поскольку удерживать их без контроля над Сицилией Карфаген был не в состоянии. При этом Сардиния оставалась во владении пунийцев. Карфагенянам запрещалось вербовать наемников на территории Италии, а также отправлять корабли в те районы Западного Средиземноморья, которые находились под контролем римлян и их союзников. Сумма контрибуции увеличивалась до 3200 талантов серебра (около 84 тонн!), а срок ее выплаты сокращался вдвое - до десяти лет, причем первую тысячу следовало выплатить незамедлительно. «Карфагеняне также просили, чтобы было позволено им выкупить тех пленных африканцев, которые находились в Риме. Сенат, - по свидетельству Евтропия, - постановил отдать без выкупа тех, кто содержался в государственных тюрьмах; те же, кто

находился у частных лиц, освобождались за плату и возвращались Карфагену. Выкуп этот был произведен большей частью за счет казны, чем на деньги африканцев» (Eutrop. II, 27, 4). Последнее явно было жестом доброй воли со стороны Рима.

«Такой конец имела война из-за Сицилии между римлянами и карфагенянами, и таковы были условия мира, - подытоживает Полибий. - Длилась она непрерывно двадцать четыре года и была продолжительнее, упорнее и важнее всех войн, какие известны нам в истории» (Polyb. I, 63, 4). Утверждение античного историка о значении Первой Пунической войны отнюдь не является преувеличением. Для Римской республики она стала первым шагом к господству во всем бассейне Средиземного моря, а отвоеванная у карфагенян Сицилия - первой заморской колонией Рима. Впервые был создан и получил боевое крещение римский военно-морской флот, ставший в ходе войны сильнейшим во всем Западном Средиземноморье. Благодаря приобретенному опыту и победе в войне Рим окончательно вышел за пределы Апеннинского полуострова, заявив о своих претензиях на роль гегемона в мировой политике того времени.

Для Карфагена же Первая Пуническая война и ее итоги стали первым шагом на пути к гибели. Крайне болезненными были потеря владений в Сицилии, утрата монополии на торговлю в большей части Западного Средиземноморья. Карфагенское государство уже не могло претендовать на доминирование в регионе. Смертельно опасной стала активизация подвластных пунийцам североафриканских племен, увидевших в поражении карфагенян шанс на восстановление политической независимости. Вместе с тем Карфаген сохранял свои экономические позиции в регионе и продолжал оставаться несколько ослабленной, но все еще мощной военно-политической силой. Противоречия

римско-карфагенских отношений в ходе войны трансформировались и вышли на новый уровень. Это означало, что заключенный мирный договор не мог обеспечить сколько-нибудь длительный мир между Карфагенской державой и Римской республикой. Вторая Пуническая война была неизбежна в самое ближайшее время.

Часть 3. Интермедия

Глава 11. «Как скучно было бы остановиться»: продолженная война Карфагена в Ливии (241-238 гг. до н. э.)

По заключении мира государства подверглись у себя дома почти одинаковым испытаниям... у карфагенян была война с наемниками, нумидянами, а равно с отложившимися ливиянами, война немаловажная и трудная, в которой они претерпели много серьезных опасностей и под конец вынуждены были бороться не только за свою землю, но даже за самое существование свое и своей родины.

Полибий. Всеобщая история, I, 65, 1-4

Поражение в войне дорого стоило пунийцам, которые не только потеряли Сицилию и вынуждены были согласиться на выплату громадной контрибуции римлянам, но также задолжали жалованье многочисленным наемникам. Сложной задачей был предусмотренный договором вывод карфагенских войск с острова и переправа их в Африку. После того как Гамилькар отвел свои отряды с Эрикса в Лилибей и сложил с себя полномочия главнокомандующего, решать ее пришлось пунийскому коменданту города по имени Гисгон. Этот опытный и дальновидный администратор организовал отправку наемников в Карфаген небольшими партиями и через существенные промежутки времени. Это должно было позволить

пунийскому правительству изыскать средства для выплаты жалованья прибывшим и отпустить их восвояси до прибытия очередного отряда. Однако столь грамотный расчет то ли не был понят, то ли был бездумно проигнорирован в столице, где решили дожидаться прибытия всех наемников, а затем убедить их отказаться от части причитавшихся им выплат, сославшись на поражение в войне, бедственное положение государства и необходимость выплаты контрибуции Риму (Polyb. I, 66, 1-5).

Печальные для пунийского правительства последствия столь недальновидной политики не замедлили сказаться: Карфаген наводнило разноплеменное воинство, склонное во время вынужденного безделья без присмотра командиров к разного рода бесчинствам. Многократно возросло число совершавшихся уже не только под покровом ночи, но и при свете дня преступлений. Страдавшие от преступного разгула наемников столичные жители потребовали от правительства выдворить смутьянов из города. Командиры наемников согласились вывести свои отряды в располагавшийся к юго-западу от Карфагена, на реке Баград, город Сикка (современный Эль-Кеф в Тунисе) при условии, что им будет выдана часть жалованья на первоочередные нужды. Получив желаемые средства, а также довольствовавшись заверениями о скорой выплате всех причитавшихся им денег, наемники безропотно и даже радостно покинули порядком им опостылевшую пунийскую столицу. Воины, правда, попытались уйти из Карфагена налегке, оставив в столице свое имущество и семьи, в расчете на то, что вскоре все равно придется возвращаться для получения всей суммы жалованья. Однако горожане, справедливо полагая, что многие солдаты пожелают вернуться к женам и детям, настояли на том, чтобы

наемники забрали с собой также свои семьи и все пожитки.

Прибыв в Сикку, воины предались еще большему разгулу, нежели до того в Карфагене. Собравшись здесь, как сообщает Полибий, они «жили теперь вольною и праздною жизнью, что бывает очень вредно для наемных войск и служит, можно сказать, источником и единственной причиной волнений» (Polyb. I, 66, 10). На досуге многие из воинов, пресытившихся развратом и пьянством, принялись подсчитывать жалованье, которое задолжали им пунийцы, вспоминая все дававшиеся во время битв на Сицилии обещания карфагенских полководцев о щедрых наградах и богатых подарках. В результате этих подсчетов все увеличивавшаяся сумма желаемых выплат во много раз превысила ту, которую наемники действительно должны были получить из казны Карфагена. Так пунийское правительство получило результат, прямо противоположный желаемому, – вместо того чтобы склонить воинов согласиться на уменьшение выплат, оно, напротив, распалило их аппетит, что привело к непомерному увеличению их ожиданий и требований – «...насчитавши сумму, которая во много раз превосходила действительно следовавшую им, они заявили, что ее-то и нужно требовать от карфагенян» (Polyb. I, 66, 11).

С завышенными ожиданиями воинов пришлось столкнуться наместнику карфагенской Ливии Ганнону, прибывшему в Сикку с целью убедить наемников довольствоваться частью положенных им денег, отказавшись от не определенной точно в источниках некоторой доли причитавшегося им жалованья. Такое предложение вызвало взрыв негодования среди воинов, ожидавших не уменьшения, а увеличения выплат. В городе назревал мятеж, и Ганнон, при всем старании погасить его в зародыше, оказался неспособен сделать

это. Непреодолимым препятствием для пунийского чиновника оказалась полиэтничность наемного воинства, говорившего на разных языках и с трудом понимавшего Ганнона, попытавшегося оправдать уменьшение жалованья тяжестью положения Карфагенской державы. «Войска, – по словам Полибия, – состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигистинов и балеарян, и лишь немного было полуэллинов, большею частью перебежчики и рабы; самую многолюдную долю наемников составляли ливияне» (Polyb. I, 67, 7). Наместнику карфагенской Ливии приходилось обращаться к каждой группе наемников отдельно, через их командиров, а те нередко сами не понимали всего, что пытался втолковать им Ганнон, и передавали его слова соплеменникам, исказив их смысл, а иной раз и намеренно перевирали сообщавшиеся им сведения, желая накалить обстановку до предела. Положение усугублялось тем, что воины не доверяли Ганнону, не воевавшему с ними на Сицилии, не знавшему, что там происходило, и не дававшему им никаких обещаний.

Неудивительно, что в сложившейся ситуации переговоры быстро зашли в тупик и наемники решились на открытое выступление против пунийского правительства. Их войско, насчитывавшее более 20 тыс. солдат, выдвинулось по направлению к Карфагену и встало лагерем к югу от столицы, у города Тунет. Карфагеняне пожинали плоды всех своих предыдущих ошибок. Собрав наемников в одном месте, пунийцы оказались неспособны ни выплатить им сполна жалованье, ни заставить их подчиниться силой, поскольку в Карфагене не было достаточно многочисленного и боеспособного войска из собственных граждан. Отправив на переговоры не участвовавшего в сицилийской кампании Ганнона, карфагеняне усилили недоверие воинов, посчитавших,

что к ним намеренно прислали чиновника, не связанного с ними никакими обещаниями и имевшего возможность уклониться от выполнения требований, сославшись на собственную неосведомленность. Наконец, заставив наемников уйти из Карфагена вместе со всем их имуществом и семьями, пунийцы лишили себя последнего козыря, который можно было бы использовать во время переговоров с бунтовщиками. Оказавшееся в слабой позиции карфагенское правительство вынуждено было находить пути примирения с наемниками, заискивая перед ними и, по возможности, выполняя все их требования.

В кратчайшие сроки было налажено обильное снабжение лагеря наемников под Тунетом продовольствием и предметами первой необходимости, причем наемники получили возможность самостоятельно устанавливать цены на все поставлявшиеся им товары. Пунийцы заверяли, что приложат все усилия для выполнения любых требований мятежников. Почувствовав свою силу и поняв, что карфагеняне их попросту боятся, наемники принялись выдвигать все новые и новые условия, каждое из которых было еще более дерзким, чем предыдущее. Наглость зарвавшихся наемников возрастала по мере того, как все более сговорчивыми становились пунийцы, соглашавшиеся на каждое требование восставших. Так, по свидетельству Полибия, «лишь только карфагеняне сделали им уступку касательно жалованья, они тотчас пошли дальше и потребовали вознаграждения за павших лошадей. Когда и это было принято, войска поставили новое требование, чтобы за тот хлеб, который должны были им давно уже, карфагеняне заплатили по наивысшей цене, до какой поднималась она в военное время. Вообще, мятежники постоянно подыскивали что-либо новое, делая невозможным всякое соглашение, ибо в

среде их было много людей развращенных и беспокойных» (Polyb. I, 68, 8—10).

Загнанное в угол карфагенское правительство судорожно искало возможность исправить положение, настойчиво предлагая бунтовщикам согласиться на то, чтобы переговоры с пунийской стороны возглавил кто-либо из полководцев, командовавших ими во время войны на Сицилии. Расчет был верным, ведь пользовавшийся уважением воинов командир мог найти с ними общий язык и выработать компромиссные условия соглашения. На первый взгляд, лучшей кандидатурой для этого был командовавший карфагенскими войсками на Сицилии Гамилькар Барка, однако наемники отказались иметь с ним дело под тем предлогом, что он обидел их ранее, добровольно сложив полномочия главнокомандующего и бросив их в Лилибее, а затем не прибыв в качестве посла для переговоров в Сикку. В итоге мятежники остановили свой выбор на коменданте Лилибея Гисгоне, которого воины хорошо помнили благодаря проявленной им заботе во время отвода карфагенской армии из Сицилии. Прибыв в лагерь наемников под Тунетом со значительной суммой, посланник пунийцев приступил к выплате жалованья, одновременно увещевая восставших задуматься о будущем и замириться с карфагенским правительством, которое обеспечивало их работой и всегда щедро платило за службу. Разумно организовав выплату задолженности, отдельно каждой группе соплеменников, Гисгон добился желаемого – многие наемники склонялись к прекращению бунта и достижению приемлемого для обеих сторон соглашения с карфагенянами.

Казалось, конфликт близился к благополучному разрешению, но тут выяснилось, что среди восставших воинов были и те, кто горячо противился любому примирению с карфагенянами. Особенно упорствовали

римские перебежчики, опасавшиеся выдачи римлянам и неизбежного жестокого наказания. Их возглавил выходец из Капаний, бывший раб по имени Спендий, отличавшийся необычайной силой и отвагой. Пользуясь уважением соратников, он убеждал их не идти на соглашение с пунийцами, поскольку боялся, «что господин его может явиться в Карфаген и получить его обратно, а по римским законам он подлежал позорной смерти» – распятию на кресте (Polyb. I, 69, 5). Спендия рьяно поддерживал ливиец Матос, который был одним из наибольших смутьянов во время выступления против карфагенян и поэтому опасался расправы после прекращения мятежа. Матос убеждал соплеменников-ливийцев, что пунийцы непременно накажут всех их за восстание после того, как остальные наемники, получив все полагавшиеся выплаты, отбудут на родину и африканцы останутся с карфагенянами один на один. Доводы Спендия и Матоса, касавшиеся судеб многих восставших наемников, были весьма убедительны, и вскоре они получили поддержку значительной части войска. Предлогом для обострения отношений с нравившимся воинам Гисгоном стало то, что пунийский военачальник, выплачивая причитавшееся жалованье, задерживал выплаты за хлеб и павших во время войны на Сицилии лошадей. На стихийном собрании по этому поводу безраздельно главенствовали сторонники Спендия и Матоса, мгновенно набрасывавшиеся и забивавшие насмерть любых других ораторов, не вникая даже, согласны ли они с мнением их вожаков. После нескольких таких жестоких расправ никто уже не решался выступить даже в поддержку Спендия и Матоса, тем более возражать им, и вся власть над войском наемников оказалась сосредоточена в их руках.

Пользуясь открывшимися возможностями, эти смутьяны стали подстрекать воинов открыто выступить против Гисгона, видевшего, что назревает новый

конфликт, но пытавшегося продолжать прежнюю практику общения с командирами отдельных племенных отрядов и выплаты жалованья по племенам. Поскольку очередь еще не дошла до ливийцев, они явились к пунийскому чиновнику с требованием немедленно заплатить за все сполна. Взбешенный дерзким, разнузданным поведением наглой солдатни, Гисгон предложил ливийцам получить деньги от их новоявленного лидера Матоса, пытаясь, видимо, намекнуть на то, что деньгами распоряжаются пунийцы и именно их благосклонности следует искать наемникам, а не идти на поводу у самозванцев, способных лишь распалять толпу пустыми обещаниями. Эффект, однако, оказался противоположным ожидавшемуся – вместо того чтобы смириться, ливийцы набросились на Гисгона и сопровождавших его пунийцев, заковали их в цепи и поместили под стражу. Предназначавшуюся для выплаты жалованья наемникам казну тут же разграбили. «Теперь наемники были уже в открытой войне с карфагенянами, потому что учинили преступный заговор и нарушили общие всем народам права» (Polyb. I, 70, 6).

Понимая, что для открытой войны с Карфагеном наемникам понадобятся средства и поддержка, главари мятежников незамедлительно направили во все ливийские города посланцев с призывом поддержать восстание и совместно выступить против ненавистных пунийцев. Призыв упал на благодатную почву, ведь во время войны с римлянами карфагеняне обходились с подвластным населением весьма жестко – для обеспечения военных надобностей у сельских жителей изымалась половина урожая, а подати с городского населения были увеличены вдвое, причем «не было никакой пощады неимущим и никакого снисхождения; правителей отличали и ценили не тех, которые обращались с народом мягко и человеколюбиво, но тех,

которые доставляли им наибольшие сборы и запасы, а с туземцами обращались крайне жестоко» (Polyb. I, 72, 2-3). Неудивительно, что призыв поддержать восстание против ненавистного Карфагена получил мощную поддержку ливийцев, которые предоставили мятежным наемникам не только денежные средства и продовольствие, но также сформировали многочисленные вспомогательные отряды, в результате чего, по свидетельству Полибия, численность войска под командованием Спендия и Матоса составила 70 тыс. воинов (Polyb. I, 73, 3). Денег же, предоставленных ливийцами, хватило не только на то, чтобы сполна рассчитаться с наемниками, выплатив им все жалованье, но также для накопления больших запасов средств для ведения предстоявшей военной кампании против Карфагена (Polyb. I, 72, 6).

После того как к восстанию наемников массово присоединилось местное население, обычный солдатский мятеж перерос в освободительную войну ливийцев против пунийского владычества. Карфагеняне оказались в катастрофическом положении, блестяще описанном Полибием: «Прежде они (пунийцы. – Авт.) боролись с римлянами за Сицилию, теперь им предстояло в домашней войне бороться за самоё существование свое и своей родины. Кроме того, после поражений в стольких морских битвах они не имели ни оружия, ни морского войска, ни оснащенных судов; у них не было запасов и ни малейшей надежды на помощь извне от друзей или союзников. Теперь карфагеняне ясно поняли, сколь велика разница между войною с иноземцами, живущими по другую сторону моря, и внутренними междоусобицами и смутами. К тому же главными виновниками стольких тяжких бед были они сами» (Polyb. I, 71, 5-8). Карфагенское правительство вынуждено было в спешном порядке мобилизовать все имевшиеся в его распоряжении силы,

организовав верных наемников и сформировав отряды из пригодных к воинской службе граждан государства. Был переоснащен военный флот, отремонтированы уцелевшие во время Первой Пунической войны боевые корабли, к которым, за неимением достаточного количества пентер, добавили также большие транспортные и рыбацкие лодки. Главнокомандующим был назначен тот самый Ганнон, который первым повел переговоры с наемниками в Сикке, а прежде отличился тем, что привел в покорность ливийский город Гекатонтапил. Этот военачальник был способным организатором и со знанием дела приступил к обучению отрядов пунийской пехоты и городской конницы, и вообще, «делал надлежащие приготовления к войне, как человек от природы способный к этому делу» (Polyb. I, 74, 1). К сожалению, этим полководческие таланты Ганнона ограничивались, ведь, по словам Полибия, «с выступлением на поле битвы он менялся: не умел пользоваться благоприятными моментами и вообще оказывался неопытным и неловким» (Polyb. I, 74, 2). Впрочем, что касается военачальников, выбор у карфагенян на тот момент был небольшой, а грамотные приготовления Ганнона внушали надежду на победу в войне.

Тем временем Спендий и Матос, значительно усилив и укрепив лагерь под Тунетом, разделили свое войско на две части и взяли в осаду два имевших стратегическое значение ливийских города, жители которых остались верны пунийцам, – Утику и Гиппакрит (Гиппон Регий). При этом Карфаген, располагавшийся на полуострове, который омывался с одной стороны морем, а с другой озером, оказался отрезан от материка, поскольку повстанцы контролировали перешеек, соединявший город с большой землей, и нередко подходили к стенам пунийской столицы, повергая горожан «в состояние тревоги и ужаса» (Polyb.

I, 73, 3-7). В такой ситуации пунийцам нужно было как можно скорее перехватывать инициативу, и Ганнон, понимая это, повел собранное в Карфагене войско на помощь осажденной Утике. Воспрепятствовать переходу крупного карфагенского войска, усиленного не менее чем сотней боевых слонов, повстанцы оказались неспособны. Не решились они и сойтись с карфагенянами в открытом сражении под стенами Утики, предпочтя отступить и укрыться в надежно укрепленном лагере. Беспрепятственно войдя в город, Ганнон приказал взять катапульты и прочие необходимые осадные приспособления, запастись боеприпасами и приготовиться к штурму вражеского лагеря. Боевые метательные машины и элевантерия быстро решили исход сражения в пользу карфагенян – когда слоны ворвались в лагерь, круша все на своем пути, повстанцы не выдержали мощного натиска и бежали. Пунийцам оставалось лишь преследовать врага и довершить его разгром, однако Ганнон счел победу достигнутой и отбыл в Утику отдыхать и праздновать. Карфагенский полководец привык иметь дело с нумидийцами и ливийцами, которые после поражения обычно стремительно отступали в течение двух-трех дней, и оказался не готов к действиям наемников, которые прошли выучку Гамилькара Барки на Сицилии и «научились в один и тот же день по несколько раз отступать и снова нападать на врага» (Polyb. I, 74, 9).

Пока оставшееся без военачальника пунийское войско беспорядочно разбрелось из лагеря, собирая трофеи, повстанцы отступили на высокий, густо поросший дикой растительностью холм, где перегруппировались и приготовились контратаковать. Удар мятежных наемников и ливийцев оказался столь неожиданным и стремительным для карфагенян, что они не смогли удержать не только вражеский, но даже собственный лагерь и в панике бежали к крепостным

стенам Утики. Неприятель завладел всем обозом карфагенского войска, в том числе теми осадными машинами и катапультами, которые Ганнон ранее взял из Утики. Так победа обернулась для пунийцев поражением, причем случилось это лишь из-за некомпетентности и беспечности полководца. Несколько дней спустя, по свидетельству Полибия, Ганнон четырежды (!) упустил возможность разгромить противника в стычках у города Горза, чем в который раз наглядно продемонстрировал свою бездарность в качестве военачальника (Polyb. I, 74, 13-14). Иной была ситуация в войске восставших наемников и ливийцев, где не только собрались опытные воины и командиры младшего и среднего звена, многие годы воевавшие на Сицилии, но которым также повезло с талантливым предводителем Матосом, оказавшимся недюжинным стратегом. Сполна воспользовавшись бесталанностью и беспечностью Ганнона, ливиец повел продуманную кампанию, направленную на то, чтобы отрезать пунийцев от баз снабжения и союзников, а сам Карфаген заблокировать со стороны материка. Для этого он не только продолжил держать в осаде Утику и Гиппакрит, но также обустроил укрепленный лагерь на перешейке, соединявшем пунийскую столицу с материком, и расположил мобильные отряды на труднопреодолимых холмах вокруг него. Поставленный у переправы через реку Баград (современная Меджерда, у Полибия – Макора) лагерь повстанцев надежно перекрывал единственную торную дорогу из Карфагена, изолируя город и лишая его поставок продовольствия по суше.

Оказавшись в фактической осаде и не рассчитывая более на успешные действия войска под командованием Ганнона, карфагенское правительство приняло решение поручить командование опытному Гамилькару Барке, в полководческих талантах которого

никто не сомневался. Под командование прославленного военачальника пунийцы смогли собрать сравнительно небольшую армию, насчитывавшую около 10 тыс. воинов (как наемников, так и граждан Карфагена) и 70 боевых слонов. Сколь незначительным ни казалось это войско, однако уже сам слух о появлении Гамилькара заставил повстанцев снять осаду с Утики, а вскоре Барка на деле убедительно доказал, что достоин своей славы непревзойденного полководца. Для успешного ведения кампании ему следовало вывести войско из Карфагена на оперативный простор, однако этому препятствовал укрепленный лагерь повстанцев на единственном пути из столицы и заставы на близлежащих холмах. Атаковать превосходящие силы противника, соорудившего к тому же мощные укрепления, было затеей по меньшей мере рискованной, если не губительной. И тогда Гамилькар прибег к военной хитрости, полностью расстроившей планы неприятеля. Зная о том, что при определенном направлении ветра устье реки Баград заносит песком, по которому можно перейти вброд, он задумал вывести войско на материк без боя. Строго скрывая свой замысел не только от врага, но и от соотечественников, Гамилькар дождался подходящего момента и неожиданно для всех ночью вывел войско из Карфагена и, на рассвете переведя его через Баград вброд, направился к лагерю повстанцев у моста через реку со стороны, с которой неприятель не ожидал нападения пунийцев. Продвигалось войско карфагенян следующим походным порядком: «...впереди шли слоны, за ними следовали конница и легкие отряды, а позади всего тяжеловооруженные» (Polyb. I, 76, 3).

Узнав о смелом маневре карфагенского полководца, ливийцы и мятежные наемники выдвинулись ему наперехват сразу с двух сторон: одна их колонна, численностью не менее 10 тыс. воинов, вышла из лагеря

у моста через Баград, другая же, насчитывавшая более 15 тыс. солдат, направлялась со стороны Утики. Суммарно войско повстанцев по меньшей мере в 2,5 раза превосходило армию Гамилькара, и потому Спендий и Матос рассчитывали на скорую победу благодаря перевесу в силе. Встретившись и объединив силы, командиры решили ударить по колонне пунийцев на марше, как бы зажав ее между своими отрядами. Увидев, что враг развернулся для атаки, Барка приказал сымитировать отступление, растянув тем самым боевые порядки преследователей, поверивших, что пунийцы на самом деле бегут, и устремившихся в погоню. Гамилькар же по ходу движения отвел конницу и боевых слонов в тыл, выставив перед врагом тяжеловооруженную пехоту, принявшую на себя первый удар повстанцев. Завязавшаяся схватка позволила карфагенскому полководцу выстроить боевые порядки и, выведя кавалерию и элфантиерию на фланги, организовать мощную стремительную контратаку. Кавалерия и боевые слоны слаженно ударили по врагу, обратив его в беспорядочное бегство, во время которого воины передних рядов противника сталкивались со спешившими им на подмогу солдатами задних рядов, сбивали друг друга с ног и гибли в давке под копытами пунийских лошадей и тяжелыми ступнями слонов.

Разгром войска повстанцев стал полным и безоговорочным, около шести тысяч воинов погибли, еще две тысячи были захвачены карфагенянами в плен. Часть оставшихся поспешно отступили в лагерь у Баграда, другие бежали по направлению к Утике. Гамилькар сосредоточил усилия на главной задаче – деблокированию Карфагена и ударил по лагерю мятежников у реки. Взять его не составило труда, поскольку военачальники повстанцев уже отводили своих воинов в Тунет, оставив укрепление противнику. Столь блестяще вернув карфагенянам контроль над

окрестностями столицы, Барка воодушевил потерявших уже было последнюю надежду пунийцев и вселил страх в повстанцев, убедившихся, что с появлением на театре боевых действий талантливого карфагенского полководца переменчивая военная фортуна может от них отвернуться. Это заставило военачальников мятежных наемников и ливийцев искать средства, позволявшие эффективно и безопасно противостоять войску Гамилькара. Тактику борьбы с ним предложил талантливый ливийский военачальник Матос, продолжавший осаду Гиппакрита и обратившийся с посланием к предводителям других частей повстанческого войска. Поскольку войско Барки имело существенное преимущество в кавалерии и элевантерии, благодаря чему было практически непобедимым в битве на равнинной местности, Матос советовал Спендию и командовавшему отрядами галлов Автариту избегать выхода на равнину, но все время двигаться параллельно войску Гамилькара по крутым холмам и склонам гор, наносить беспокоящие удары и выжидать удобного момента для решающего сражения. Одновременно ливийский военачальник вновь обратился за поддержкой к ливийцам и нумидийцам, призывая их совместными усилиями покончить с ненавистным пунийским владычеством.

Следуя совету Матоса, Спендий сформировал в лагере вблизи Тунета отборное войско из шести тысяч лучших бойцов и, присоединив к нему две тысячи галлов под командованием Автарита, двинулся параллельно войску Гамилькара, стараясь не покидать предгорий. Нанести существенный урон пунийцам державшиеся горных склонов повстанцы не могли и лишь отслеживали перемещения неприятеля в надежде улучшить удачный момент для нападения. Вскоре удача улыбнулась Спендию и Автариту - в момент, когда Гамилькар встал лагерем в окруженной со всех сторон

горами долине, на помощь повстанцам подошли отряды ливийцев, заблокировавшие войско карфагенян с фронта, и нумидийцев, расположившихся у пунийцев в тылу. С фланга грозил отряд под командованием Спендия, окончательно захлопывая крышку западни, в которую попало войско Гамилькара. Выбраться из нее пунийскому полководцу помог случай: молодой вождь нумидийцев по имени Нарава, давно восторгавшийся полководческим талантом Барки и благоволивший Карфагену, решил перейти на сторону противника. В сопровождении сотни приближенных всадников он подъехал к карфагенскому лагерю, знаками привлекая внимание стражников. Отправленному к нему посыльному Нарава сообщил, что желает поговорить с Гамилькаром. Поскольку Барка опасался подвоха и отнесся к предложению переговоров с недоверием, нумидиец оставил своего коня и копья отряду сопровождения и в одиночку, безоружный, бесстрашно направился в пунийский лагерь. В разговоре с пунийским полководцем Нарава сообщил, что давно желал подружиться с Баркой и прибыл сюда исключительно для того, чтобы «быть верным товарищем его во всяком предприятии и во всяком замысле» (Polyb. I, 78, 7). Для Гамилькара это открывало путь к спасению, и он поспешил не только заверить молодого нумидийского вождя в своей признательности, но пообещал выдать за него замуж свою дочь, если Нарава будет верным союзником пунийцев. Обрадованный столь лестным предложением нумидиец отбыл в свой лагерь, откуда вскоре вернулся в сопровождении двух тысяч всадников, вставших под карфагенские знамена.

Лишившись конницы, Спендий решил более не медлить и дать карфагенянам бой. Спустившись в долину и объединив силы наемников с ливийцами, он вызвал Гамилькара на битву, в которой боевые слоны

карфагенян и нумидийская конница сыграли решающую роль в разгроме повстанцев. «Сражение было жестокое, – свидетельствует Полибий, – победителем остался Гамилькар, потому что и слоны прекрасно сражались, и Нарава оказал блистательнейшую услугу» (Polyb. I, 78, 11). Потери ливийцев и наемников составили около 10 тыс. воинов, еще четыре тысячи были захвачены пунийцами в плен. К пленникам Барка проявил предусмотрительную гуманность, предложив им либо поступить на службу в карфагенское войско, либо отправиться, куда им заблагорассудится. Пунийский полководец предостерегал их лишь от продолжения войны против Карфагена, угрожая, что в случае повторного пленения пощады им не будет. За великодушием Барки стоял грамотный расчет и желание отколоть от повстанцев тех, кто начал колебаться и желал прекратить войну. Прощая пленным предыдущие проступки и предлагая либо служить в пунийском войске, либо идти на все четыре стороны, Гамилькар рассчитывал, что примеру товарищей последует большинство остальных мятежников.

Действия Барки не на шутку встревожили предводителей бунтовщиков, опасавшихся потерять если не все свое войско, то значительную часть его, поскольку воины благодаря позиции карфагенского военачальника получали возможность стать либо перебежчиками, либо дезертирами, не опасаясь при этом каких-либо наказаний со стороны пунийцев. Спендию и Автариту требовалось срочно создать такую ситуацию, при которой благосклонное отношение карфагенян к повстанцам стало бы абсолютно невозможным. Для этого следовало предельно ожесточить противника, чтобы пленные не могли больше рассчитывать на милостивое отношение пунийцев. С этой целью было решено жестоко казнить томившегося в плену Гисгона и остальных карфагенян,

мирных посланников, захваченных еще до начала боевых действий. Во время специально созванного собрания командиры мятежников сообщили воинам о вестях с Сицилии от оставшихся на острове наемников, которым якобы удалось узнать, что среди повстанцев зреет заговор с целью освободить Гисгона. Подчеркнув опасность освобождения столь опытного военачальника, способного причинить восставшим существенный вред, Спендий призвал усилить его охрану, одновременно заявив, что великодушие Гамилькара Барки является притворным и карфагенский военачальник думает отнюдь не о спасении пленных, «но о том, как бы при помощи освобождения их покорить вас своей власти, и если мы ему доверимся, он разом отмстит не отдельным личностям, но всем нам» (Polyb. I, 79, 12).

В разгар речи Спендия удачно подоспел второй гонец из Тунета, который также принес сообщение о заговоре с целью освобождения Гисгона. После этого слово взял галл Автарит, развивший мысль предыдущего оратора и заявивший, что каждый, кто высказывается за примирение с карфагенянами, является предателем общего дела и не может считаться верным товарищем всем остальным. Что касается Гисгона, Автарит и вовсе предложил пытать и казнить его и всех остальных карфагенян, захваченных вместе с ним и позднее в плен. Когда часть наемников попыталась было вступить за пользовавшегося уважением бывшего коменданта Лилибея, рассчитывая если не спасти ему жизнь, то хотя бы ограничиться казнью и освободить его от пыток, выступавших до смерти забили камнями. Участь Гисгона была предрешена. Вместе с еще семьюстами пленными карфагенянами его вывели за пределы лагеря и вначале отрубили всем руки, затем отсекли уши и носы, после чего перебили голени и бросили умирать в

придорожной канаве. Узнав о страшной судьбе соотечественников, пунийцы отправили к повстанцам посланников с просьбой предоставить возможность забрать тела казненных для надлежащего погребения, однако Спендий грубо отказал им и потребовал, чтобы карфагеняне больше не отправляли к нему послов, иначе их постигнет та же участь, что и Гисгона. Мятежники постановили с этого дня подвергать мучительной казни каждого захваченного в плен пунийца, а их союзникам отсекал руки и после этого отсылать в Карфаген. Убедившись в том, что переговоры с бунтовщиками невозможны, Гамилькар также изменил свое отношение к наемникам, приказав пленных не брать, а тех, которых все же приводили к нему, приказывал бросать на растерзание диким зверям, «ибо истребление врагов вконец почитал единственным средством решить борьбу» (Polyb. I, 82, 2). Это стало началом нового витка боевых действий, характеризовавшегося особым ожесточением обеих сторон и названного Полибием войной, которая не могла окончиться миром и велась не на жизнь, а на смерть (Polyb. I, 65, 6).

Желая поскорее обеспечить Карфагену убедительную победу и действуя на правах главнокомандующего, Гамилькар принял решение объединить свои силы с войском Ганнона, которого вызвал к себе и приказал подчиниться. Соединение пунийских армий, однако, дало эффект, противоположный ожидаемому. Ганнон и Гамилькар, оба не желавшие поступиться властью, враждовали и непрестанно ссорились, благодаря чему неприятель получал возможность причинять карфагенянам немалый вред. Понимая гибельность сложившегося положения, карфагенское правительство приняло решение отстранить одного из полководцев от командования, причем выбор должны были сделать

сами воины. Войско ожидаемо высказалось в пользу победоносного Гамилькара Барки, после чего Ганнон был вынужден отбыть в Карфаген. Ему на смену в качестве заместителя главнокомандующего прибыл военачальник по имени Ганнибал.

Едва разрешив первое затруднение, пунийцы столкнулись с гораздо более серьезными неприятностями. Восставшие на Сардинии наемники захватили весь остров, лишив карфагенскую армию в Африке возможности получать оттуда продовольствие, а караван судов со всеми необходимыми для войска припасами, направлявшийся из эмпория в районе Малого Сирта (современный залив Габес), попал в бурю и был полностью уничтожен. Вслед за проблемами со снабжением пришло предательство, когда горожане Утики и Гиппакрита, долгое время выдерживавшие осаду мятежников, неожиданно перешли на сторону врага и открыли ворота ливийцам. Когда в Утику явился состоявший из приблизительно пятисот бойцов вспомогательный отряд пунийцев, горожане полностью его истребили, а тела убитых сбросили с городских стен и даже не позволили карфагенянам забрать их для погребения. Утрата двух столь значимых городов существенно подорвала силы пунийцев и, напротив, упрочила положение повстанцев, которые под предводительством Матоса и Спендия решились взять в осаду саму пунийскую столицу, подведя под ее стены свое многочисленное войско. «Карфаген, – по словам Конелия Непота, – оказался в большей опасности, чем когда-либо, не считая того времени, когда он был разрушен» (Нер. Нам. 2).

Впрочем, положение пунийцев отнюдь не было катастрофическим – войско Гамилькара и союзных нумидийцев под командованием Наравы блокировало повстанцев со стороны материка, перерезая коммуникации и лишая их поставок продовольствия.

Одновременно Карфаген получил поддержку от сиракузского царя Гиерона II, который справедливо полагал, что ему следует помочь пунийцам во избежание их полного разгрома, который привел бы к окончательному установлению единовластного господства римлян во всем регионе. По всей видимости, правитель Сиракуз наладил поставки в пунийскую столицу необходимого горожанам продовольствия. Более того, на помощь карфагенянам пришли даже римляне, запретившие своим торговцам иметь дело с мятежниками и, наоборот, поощрявшие поставки всего необходимого в осажденный город (App. V, II, 3). По свидетельству Аппиана Александрийского, Рим даже позволил пунийцам рекрутировать для ведения войны против мятежников наемников в Италии, отойдя от жестких требований на этот счет, содержащихся в заключенном по итогам Первой Пунической войны договоре (App. VIII, 5). Были также без выкупа освобождены все пунийские воины, остававшиеся в плену после окончания войны на Сицилии (Polyb. I, 83, 8; III, 28, 3). Римляне не оказали поддержки взбунтовавшимся против пунийцев наемникам на Сардинии, а когда граждане Утики обратились к сенату с просьбой принять их город в число римских союзников, то им также было в этом отказано (Polyb. I, 83, 11). Римское правительство предпочло на данном этапе поддержать своего заклятого врага, поскольку после затяжной и кровопролитной войны с карфагенянами не было еще готово к новому витку противостояния в Западном Средиземноморье.

Гамилькар сполна воспользовался возможностями, которые открывала перед ним сложившаяся ситуация, когда ни его войско, ни горожане Карфагена не испытывали нехватки продовольствия, а осадившие город мятежники вынуждены были регулярно отправлять отряды в Ливию за провизией. По приказу

Барки отряды пунийцев под командованием Ганнибала и конные нумидийцы Наравы организовали планомерное истребление всех направлявшихся за припасами групп повстанцев, быстро добившись того, что никто из неприятелей не решался более выйти за лагерные укрепления из опасения подвергнуться неожиданной атаке стремительных нумидийских всадников. Матосу и Спендию не оставалось ничего иного, как снять осаду с Карфагена и отвести войска к Тунету. Это был серьезный тактический успех Гамилькара Барки, сумевшего не только спасти столицу, но и навязать противнику свои условия продолжения военной кампании. Понимая, что победить в войне и захватить пунийскую столицу повстанцы смогут, лишь разгромив войско Гамилькара Барки, предводители повстанцев решили полностью сосредоточиться на этой задаче, сформировав для этой цели крупное войско, насчитывавшее 50 тыс. отборных бойцов (Polyb. I, 84, 1-3). Памятуя о предыдущих поражениях, они решили придерживаться тактики, предложенной ранее Матосом, а именно избегать сражений на равнине и следовать за войском Гамилькара по склонам гор и крутым холмам, по возможности нанося пунийцам беспокоящие удары и выжидая удобного момента для решающего сражения. Однако на этот раз тактика повстанцев, давно разгаданная карфагенским полководцем, ни разу не принесла желаемых результатов.

«Как и следовало ожидать, - мудро замечает Полибий, - тогда обнаружилось на деле все превосходство точного знания и искусства полководца перед невежеством и неосмысленным способом действий солдата» (Polyb. I, 84, 6). Командовавшие же войском повстанцев италик Спендий, галл Автарит и ливиец Зарза (Матос остался в лагере под Тунетом), хотя и были опытными полевыми командирами, не

могли тягаться с непревзойденным полководцем той эпохи. Пунийский военачальник в который раз продемонстрировал, что является мастером внезапного маневра, непрестанно громя врага как из умело организованных засад днем, так и во время неожиданных ночных вылазок. В конце концов Гамилькару удалось блокировать войско повстанцев в области под названием Прион (в переводе - «пилá»), местности, напоминавшей заостренными вершинами холмов этот плотницкий инструмент. Она оказалась крайне неудобной для мятежников и, напротив, весьма выгодной для карфагенского войска. Заперев неприятеля в горной долине, Барка спешно перекрыл остававшиеся пути для отхода рвами и валами. Лишенные возможности выскользнуть из ловушки, мятежники не решались и на битву с войском Гамилькара, понимая, что в этом случае их ждет неминуемый разгром. Не было у них и возможности почетной капитуляции - сдаться в плен не позволял градус ожесточения противника, в чем были виновны сами мятежники, устроившие показательную кровавую расправу над Гисгоном и другими карфагенянами. Оставалось лишь надеяться на помощь извне, и командиры упорно слали гонцов к Матосу в лагерь под Тунетом, рассчитывая, что он поспешит к ним и ударит по войску Гамилькара с тыла.

Затянувшееся ожидание оказалось напрасным - подмоги все не было, а в лагере осажденного войска повстанцев закончилось продовольствие. Нестерпимый голод заставил воинов прибегнуть к каннибализму, сначала были съедены пленные, а затем рабы. Но эта ужасная мера лишь несколько отсрочила неизбежное, и в конце концов предводители мятежников Спендий, Автарит и Зарза, боявшиеся гнева собственного войска, вынуждены были пойти на переговоры с Гамилькаром Баркой. В лагерь пунийцев отправились все три

военачальника повстанцев, взяв с собой еще семь командиров. Пунийский полководец предложил им неожиданно мягкие условия, потребовав выдачи всего десяти человек по его усмотрению и позволяя остальным безоружными, «в одних туниках», уйти из западни. Обрадованные парламентарии тут же согласились, после чего Барка заявил, что его выбор пал на десятерых присутствующих вождей повстанцев. Это позволяло карфагенянину обезглавить вражеское войско и по своему усмотрению поступить затем с лишенной командования обескровленной армией мятежников. Не зная о формальных результатах переговоров, но увидев, что их командиров взяли под стражу, повстанцы посчитали произошедшее изменой и схватились за оружие. В отчаянном порыве вырваться из горной теснины, они беспорядочно устремились на позиции пунийцев, успевших хорошо подготовиться к возможному сражению. Умело используя против отважных и опытных, но истощенных и лишенных командования воинов слонов, кавалерию и тяжеловооруженную пехоту, Гамилькар наголову разгромил противника, потерявшего в этой перешедшей в избиение битве более 40 тыс. бойцов (Polyb. I, 85, 3-7).

Победив основные силы повстанцев в долине Приона, Барка вместе с Ганнибилем и Наравой повел карательную экспедицию против ливийских городов и селений, поддерживавших мятежников. Главной его задачей было окончательно лишить поддержки местного населения войско Матоса, стоявшее лагерем у Тунета, а затем нанести по нему решающий удар. Обеспечив покорность ливийцев, Гамилькар повел войско против последнего значимого оплота мятежников и взял город в клещи – с одной стороны расположилась армия под командованием самого Барки, с другой – войско во главе с Ганнибалом. Желая

устрашить мятежников и, возможно, спровоцировать их на необдуманную попытку дать генеральное сражение превосходившим силам карфагенян, Гамилькар приказал распять Спендия, а вместе с ним и других плененных командиров мятежников напротив лагерных стен, на виду у их товарищей. Жестокая расправа, однако, не сломила дух повстанцев и не лишила их рассудка. Вместо того чтобы покорно сдаться на милость победителя или в слепой злобе броситься на врага, Матос выждал удобный момент для неожиданной вылазки в лагерь Ганнибала, где караульную службу несли из рук вон плохо. Мятежникам удалось не только разгромить пунийское войско и захватить его обоз, но даже взять в плен самого карфагенского военачальника и несколько десятков знатных командиров. В качестве мести за казненных ранее соратников Ганнибала жестоко пытали и распяли на том же кресте, с которого сняли перед тем Спендия, и тут же убили еще тридцать пунийских офицеров. Гамилькар Барка не успел помочь войску Ганнибала, поскольку расстояние между двумя лагерями карфагенян было большим, а известие о нападении Матоса пришло слишком поздно.

Неожиданное поражение, понесенное пунийцами в шаге от окончательной победы, повергло Карфаген в уныние, однако не лишило воли к борьбе. В городе была проведена очередная мобилизация и сформировано новое войско, во главе которого поставили уже хорошо известного нам Ганнона. Чтобы наладить его отношения с Баркой, была создана специальная комиссия из тридцати карфагенских сенаторов, прибывшая в лагерь Гамилькара вблизи устья реки Баград и добившаяся наконец того, чтобы полководцы «действовали согласно и единодушно, во всем исполняя волю карфагенян» (Polyb. I, 87, 6). Устремившись в погоню за Матосом, который велел снимать лагерь под Тунетом и попытался найти поддержку в Ливии,

пунийские военачальники нанесли ему ряд небольших поражений у города Лептис и в других местах, после чего вынудили дать генеральное сражение. Подробности этой битвы неизвестны, Полибий сообщает лишь, что, «когда с обеих сторон все было готово к нападению, противники выстроились в боевой порядок и разом бросились друг на друга. Победа была на стороне карфагенян, и большинство ливиян пало в самой битве; прочие бежали в какой-то город и вслед за тем сдались» (Polyb. I, 87, 8—10). Попал в плен и вождь мятежников Матос, которого карфагеняне вместе с другими пленниками жестоко пытали и замучили до смерти во время пышного триумфа, организованного в столице по поводу победы. После разгрома войска повстанцев некоторое время пытались сопротивляться выступившие против Карфагена Утика и Гиппакрит, однако, не имея достаточных сил, оба города вскоре вынуждены были капитулировать на условиях, выдвинутых победителями.

Так закончилась продлившаяся три года и четыре месяца и поставившая Карфаген на грань гибели жесточайшая Ливийская война (241–238 гг. до н. э.). Ее героем стал спаситель державы Гамилькар Барка, слава и авторитет которого безмерно приумножились. Значительную роль в победе сыграла поддержка, оказанная Карфагену Сиракузами, Римом и нумидийцами, без которой пунийцы могли и не выстоять. Весомым фактором победы стал патриотический подъем карфагенян, которого были лишены мятежные наемники, далеко не всегда находившие общий язык с поднявшимися на освободительную войну против угнетателей ливийцами. Наконец, среди повстанцев не было военачальников, имевших опыт командования крупными армиями, да и действовать им приходилось зачастую разрозненно, без единого центрального руководства. В таких условиях

победа Карфагенской державы над мятежниками представляется закономерной, хотя и добытой в кровавой и длительной борьбе.

Глава 12. «...на закат и далее»! Экспансия Карфагена в Иберии (237-219 гг. до н. э.)

Как скоро карфагеняне усмирили Ливию, они тотчас собрали войска и отрядили Гамилькара в Иберию. Взявши с собою войско и сына своего Ганнибала, тогда девятилетнего мальчика, Гамилькар переправился морем к Геракловым столбам и водворил владычество карфагенян в Иберии. В этих странах прожил он около девяти лет и множество иберийских племен привел в зависимость от Карфагена частью войною, частью путем переговоров, и кончил жизнь смертью, достойною прежних его подвигов, именно: выстроившись к бою против многочисленнейшего и храбрейшего войска, Гамилькар в момент опасности обнаружил изумительную отвагу и расстался с жизнью, как доблестный воин.

Полибий. Всеобщая история, II, 1, 5-8

Победа над мятежными наемниками и примкнувшими к ним восставшими ливийцами спасла Карфагенскую державу от гибели, однако не смогла предотвратить ни внутренних склок, ни внешнеполитических осложнений. Рим, который в критический момент помог пунийцам собраться с

силами и не стал ни оказывать помощь мятежникам, ни заключать союзный договор с Утикой, ни претендовать на отложившуюся Сардинию, кардинально изменил свою позицию, когда стало ясно, что карфагеняне победили. По всей видимости, ранее римляне препятствовали победе повстанцев из опасения столкнуться в случае падения Карфагена с новой непредсказуемой военно-политической силой в Северной Африке. Теперь же, когда ситуация прояснилась и в противостоянии с мятежниками выжила крайне ослабленная боевыми действиями Карфагенская держава, не способная на данный момент быть угрозой для Римской республики, можно было не бояться открыто выступить против нее. Поэтому, когда в 238 г. до н. э. восставшие на Сардинии наемники вновь обратились к сенату с предложением передать остров под власть Рима, римляне ответили согласием и приступили к подготовке экспедиции для овладения островом, тем самым действуя на упреждение и лишая Карфаген возможности восстановить власть над утраченным владением.

Как ни старались пунийцы разрешить конфликт дипломатическими средствами, все оказалось напрасным – право силы задавало тон в римской внешней политике. Когда же Карфаген попытался снарядить флот для восстановления власти над Сардинией, Рим заявил, что истинной целью коварных пунийцев является нападение на его владения, и пригрозил объявлением войны. Не будучи в силах ввязываться в очередное военное противостояние, карфагеняне согласились уступить остров римлянам и даже, сверх того, выплатить 1200 талантов серебра контрибуции в дополнение к определенной договором 241 г. до н. э., лишь бы избежать новой войны (Polyb. I, 88, 8—12; III, 10, 1-3; 27, 7-8; App. VIII, 5). «Так потеряна была для карфагенян Сардиния, остров замечательный

по величине, многолюдству населения и по своему плодородию», – подытоживает Полибий (Polyb. I, 79, 6).

Потеря второго после Сицилии богатого острова в Западном Средиземноморье стала болезненным ударом для Карфагена как в экономическом, так и в политическом отношении, отозвавшись глубоким внутренним кризисом. Имперскую гордость пунийцев, и без того изъязвленную поражением в Первой Пунической войне, вновь разбередила утрата Сардинии, и карфагенским политикам срочно требовалось найти способ хоть сколько-нибудь уврачевать боль сограждан. Правящая олигархия во главе с Ганноном Великим попыталась сделать это, назначив виновного во всех бедах государства и показательно покарвав его за это. Лучшей кандидатурой на эту незавидную роль, по мнению карфагенской аристократии, был Гамилькар Барка, якобы проигравший войну на Сицилии, что привело затем к восстанию наемников, кровопролитной войне в Ливии и утрате Сардинии (App. VI, 4; VII, 2). Однако, по мнению большинства граждан Карфагена, герой Ливийской войны был непогрешим и не заслуживал наказания. Гамилькару удалось заручиться поддержкой влиятельного лидера карфагенских демократических кругов по имени Гасдрубал, за которого Барка выдал замуж одну из своих дочерей, что обеспечило ему победу над оппонентами. Кроме того, ответ на вопрос «кто виноват?» заботил большинство пунийцев гораздо меньше другого основополагающего вопроса – «что делать?». Это настроение карфагенян точно уловил Гамилькар, предложивший решить проблемы государства, покорив Иберийский полуостров. Замысел Барки пришелся по нраву прежде всего карфагенскому простонародью, заинтересованному в получении прибыли с заморских владений, а также той части пунийской олигархии, основным источником доходов которой была морская

торговля в больших объемах. Ганнон и его сторонники, ориентированные на доходы с африканских владений Карфагена и стремившиеся прежде всего закрепиться в Ливии и избежать войны с Римом, оказались в меньшинстве.

Идея направить острие экспансии Карфагена против Испании была выгодна с самых разных точек зрения. Полуостров был богат в экономическом отношении, в здешних горах добывали золото, серебро, медь и железо, а плодородные земли давали обильные урожаи зерна, винограда и оливок. Получение доходов от покоренного местного населения должно было восстановить пошатнувшееся благосостояние карфагенян. Кроме того, Иберийский полуостров был важен для развития торговли, так как открывал пути на юг, в Западную Африку, вплоть до Гвинеи, откуда поступали все те же золото и слоновая кость, и на север, к Бретани и Британским островам, откуда везли не менее ценное олово. В стратегическом отношении именно Пиренейский полуостров был вполне подходящим, а после утраты Сицилии и Сардинии фактически единственным плацдармом для организации в будущем наступления на Рим. При этом Испания была еще и доступна для завоевания. Во-первых, на полуострове находился ряд древних финикийских колоний, прежде всего Гадес и Малака, которые были удобными опорными базами для высадки войск, прибывающих из Африки, и снабжения их всем необходимым. Во-вторых, полуостров не находился под властью какого-либо сильного государства, и пунийцам противостояли бы лишь разрозненные племена, принадлежавшие к четырем основным этническим группам – лигурам, иберам, кельтам и кельтиберам. Действуя несогласованно, эти племена не могли оказать существенного сопротивления карфагенянам, однако, будучи покоренными, становились надежным

источником рекрутирования воинственных и опытных наемников. Таким образом, завоевание Пиренейского полуострова было выгодно карфагенянам в экономическом и военно-стратегическом плане, и его значение трудно переоценить. В политическом же отношении сулящая выгоды победоносная война на чужой территории была для пунийцев средством восстановить не только позиции в Западном Средиземноморье, но и имперское достоинство, ущемленное предыдущими поражениями. Показательна в этом плане античная традиция, согласно которой, отправляясь в Испанию, Барка взял с собой своего старшего сына Ганнибала, предварительно приказав ему поклясться, что он навеки будет непримиримым врагом римлян (Plyb. III, 11, 4-7; Liv. XXXV, 19, 3-6; Nep. Hann. 2, 1-6).

Руководствуясь всеми перечисленными выше соображениями, Гамилькар добился поддержки демократических сил Карфагена, с чем в итоге были вынуждены смириться и представители олигархической верхушки, также понимавшие всю выгоду покорения Испании и лишь возражавшие против того, чтобы во главе экспедиционной армии встал представитель демократов Барка. В 237 г. до н. э. во главе сравнительно небольшого войска Гамилькар вначале сухопутным путем вдоль африканского побережья, чтобы не привлекать внимания противника, дошел до Гибралтарского пролива, а затем переправился через него и высадился в Гадесе. Высадка именно здесь, на юго-западном побережье Пиренейского полуострова, была, видимо, продиктована рядом соображений, среди которых решающую роль сыграли подконтрольность города Карфагену и лояльность местных финикийских колонистов, а также расположение за Гибралтарским проливом и близость к африканскому побережью, позволявшая наладить сообщение с Африкой, не

опасаясь противодействия со стороны римского флота. Немаловажным фактором была также удаленность места высадки от границ союзной римлянами греческой колонии Массилии, торговые фактории которой располагались на восточном побережье Испании. Действуя с юго-западного направления, карфагенский полководец получал возможность до поры до времени не только не входить в прямой конфликт с Римской республикой и ее союзниками, но, по крайней мере на первом этапе, даже не привлекать излишнего внимания римлян, не имевших в то время непосредственных интересов в Иберии.

Из Гадеса Барка повел свой отряд по долине реки Гвадалквивир с целью покорить местные племена и установить контроль над богатыми рудниками Сьера-Морены. Богатая добыча из Испании рекой потекла в Карфаген, обеспечивая прочные позиции полководца на политической арене пунийской столицы. Корнелий Непот сообщает, что Гамилькар, «пользуясь благоприятною судьбою, стяжал здесь (на Иберийской полуострове. – *Авт.*) большие успехи: покорив самые большие и воинственные племена, он обеспечил лошадьми, оружием, людьми и деньгами всю Африку» (Нер. Нат. 4). Еще более подробен в этом отношении Аппиан Александрийский: «Этим (военной экспедицией в Испанию. – *Авт.*) он создал для себя предлог, чтобы не быть дома, совершать военные походы и добиваться расположения народа. Ведь все, что он захватывал, он распределял между своими: часть тратил на войско, чтобы тем охотнее оно совершало с ним незаконные поступки, часть посылал в самый Карфаген, часть раздавал правителям карфагенским, которые покровительствовали ему» (App. VI, 5).

Действительно, Гамилькар не только смог в Испании полностью обеспечивать свое войско всем необходимым, но и посылал значительные трофеи в

Карфаген. Не зависел он и от получения подкреплений из Африки, во множестве рекрутируя наемников из местных племен. Пытавшиеся оказать сопротивление иберийцы, которые призвали на помощь галлов во главе с вождем Истолатием и его братом, понесли жестокое поражение – Барка «изрубил на куски все войско, в том числе двух братьев и других выдающихся вождей» (Diod. XXV, 10, 1). Покорив турдетанов и бастулов, Барка включил в состав своей армии три тысячи воинов из этих племен. Это одновременно усиливало пунийское войско, обеспечивало лояльность местных племен и мотивировало их вождей присоединиться к победителям в надежде на их благосклонность и в расчете на получение своей доли добычи. Такая линия поведения была для туземцев тем более разумна, что за непокорность и сопротивление Гамилькар жестоко карал, а за благоразумие и готовность подчиниться одаривал благосклонностью и оказывал милость. Когда после гибели Истолатия и других кельтских и иберийских вождей борьба против захватчиков продолжилась, во главе собранной из местных племен пятидесятитысячной армии встал военачальник по имени Индрот. Наголову разгромив это многоэтническое и, очевидно, плохо организованное и контролируемое войско, карфагенский полководец показательно расправился с захваченным в плен Индротом, велел вырвать ему глаза и распять на кресте. В то же время всех остальных пленников, числом около десяти тысяч, Гамилькар благоразумно отпустил восвояси, никоим образом не наказывая (Diod. XXV, 10, 2). Посредством кнута и пряника местным племенам давался наглядный и хорошо понятный урок – покорность и сотрудничество вознаграждаются, сопротивление жестоко наказывается. Умело сочетая переговоры и подкуп с устрашением и применением военной силы, Барка, по словам Диодора Сицилийского, «завоевал многие

города дипломатией и многие другие силой оружия» (Diod. XXV, 10, 2).

Планомерно развивая первые успехи кампании в течение нескольких лет, Гамилькар Барка смог значительно расширить пределы подконтрольной ему территории, выйдя далеко за мыс Палос на юго-восточном побережье Испании. Дойдя к 230 г. до н. э. к средиземноморскому побережью полуострова, он основал там город Акра Левке (современный город Аликанте в Валенсии) – в переводе с греческого Белый Холм или, точнее, Белая Крепость, Белая Твердыня (Diod. XXV, 10, 3). Обосновавшись здесь, пунийский полководец мог легко контролировать уже покоренную часть южной Испании, а также организовывать походы с целью завоевания прилегающих областей. Закрепление в новооснованном городе окончательно разрывало пуповину зависимости Гамилькара от Карфагена, полностью развязывая ему руки для самостоятельных действий. О прочности положения Барки в Испании к этому времени ярко свидетельствует тот факт, что он мог легко позволить себе отправить значительную часть войска во главе со своим зятем Гасдрубалом для подавления очередного восстания нумидийцев в Африке. Успешно справившись с возложенной на него миссией, Гасдрубал уничтожил восемь тысяч повстанцев, захватил в плен еще две тысячи, а остальных принудил выплачивать дань на прежних основаниях (Diod. XXV, 10, 3).

Усиление позиций Гамилькара и его продвижение на восток изрядно обеспокоило римлян, впервые обративших серьезное внимание на действие пунийцев в Иберии. В Акра Левке прибыли римские послы, потребовавшие разъяснений, по какому праву он воюет в Испании и какие цели преследует. К таким действиям римлян побуждали их греческие союзники, к владениям которых приблизился Гамилькар. Барка остроумно и

формально доброжелательно, однако и не без определенной доли издевки ответил, что воюет исключительно для того, чтобы добыть средства для выплаты контрибуции Римской республике (Dio. Cass. fr. 46). Вряд ли римские посланцы были обмануты притворным смирением хитроумного карфагенянина, однако поводов для противодействия пунийцам они не нашли, да и сам Рим находился в непростом положении – на севере Италии ему угрожали галлы, назревала война в Иллирии, что заставляло Вечный город пустить дела в Иберии на самотек.

Продолжив боевые действия, в 229 г. до н. э. Гамилькар взял в осаду город Гелика – по всей видимости, современный Эльче, расположенный юго-западнее Акра Левке. Кампания затянулась, однако даже малыми силами Барка полностью обеспечивал блокаду города, что позволило ему отправить на зимнее время в Акра Левку большую часть войска с боевыми слонами. По всей видимости, решение было продиктовано желанием облегчить снабжение войска продовольствием, отослав прочь бесполезную во время осады элэфантерию. Это решение стало для полководца роковой ошибкой. К ослабленному лагерю карфагенян подошли племена оретанов, вождь которых вначале предложил Гамилькару союз и дружбу, однако затем, обманув доверие пунийского полководца, вероломно напал на его войско. Не ожидавший предательства оретанов, Барка вынужден был спешно снять осаду и отступить к Акра Левке, преследуемый превосходящими силами противника. Убедившись, что в открытом сражении его ждет неминуемое поражение, пунийский военачальник принял решение разделить войско на две части, первая из которых должна была как можно быстрее отходить, вторая же, приняв на себя основной удар неприятеля, позволила бы соратникам успеть укрыться за крепостными стенами города. Отряд

прикрытия возглавил сам Барка, отослав с отступающими обоих своих сыновей, Ганнибала и Гасдрубала. Спасти детей Гамилькару удалось лишь ценой собственной жизни, когда, теснимый вождем оретан, он был прижат к берегу реки и, попытавшись переправиться через нее, погиб в бурных водах (Diod. XXV, 10, 3-4).

Смерть Гамилькара надолго отсрочила давно задуманную им войну с Римом, во время которой планировалось вторгнуться в Италию по суше, пройдя вдоль побережья Средиземного моря и перевалив через Альпы. Реализовать замысел Гамилькара, по мнению античных авторов, сможет лишь десятилетие спустя его сын Ганнибал. «Что возникновение второй войны было подготовлено большею частью Гамилькаром, хотя он умер за десять лет до начала ее, доказательств тому можно бы найти много», – замечал Полибий (Polyb. III, 11, 7). Более пространно ту же мысль высказал Тит Ливий: «Гордую душу Гамилькара терзала мысль о потере Сицилии и Сардинии: карфагеняне, полагал он, уж слишком поторопились в припадке малодушия отдать врагу Сицилию; что же касается Сардинии, то римляне захватили ее обманом, благодаря африканским смутам, наложив сверх того еще дань на побежденных. Под гнетом этих тяжелых дум он в пять лет окончил Африканскую войну, разразившуюся вслед за заключением мира с римлянами, а затем в течение девяти лет расширял пределы пунийского владычества в Испании; ясно было, что он задумал войну гораздо значительнее той, которую вел, и что, если бы он прожил дольше, пунийцы еще под знаменами Гамилькара совершили бы то нашествие на Италию, которое им суждено было осуществить при Ганнибале» (Liv. XXI, 1, 5; 2, 1-2).

Впрочем, после гибели Гамилькара в Испании у него нашелся достойный преемник – зять Гасдрубал

Красивый. Провозглашенный войском главнокомандующим и признанный карфагенским правительством в этом качестве (Liv. XXI, 2, 3-4; App. VI, 6), он начал решительное наступление против оретан. По свидетельству Диодора Сицилийского, для этого Гасдрубал собрал в единый ударный кулак все пунийские войска, находившиеся на полуострове, доведя численность армии до 50 тыс. пехотинцев, 6 тыс. кавалеристов и 200 боевых слонов (Diod. XXV, 12, 1). Это позволило пунийскому полководцу наголову разгромить оретан, уничтожив всех причастных к гибели Гамилькара, а затем овладеть двенадцатью их городами и всеми остальными городами Иберии. При этом Гасдрубал, в отличие от действовавшего по большей части силовыми методами предшественника, отдавал предпочтение дипломатии, добившись усиления карфагенского владычества в Испании установлением дружеских отношений с большинством местных вождей (Polyb. II, 36, 2; Liv. XXI, 2, 5), для чего он женился на дочери одного из наиболее могущественных местных племенных вождей (Diod. XXV, 12, 1). «Большую часть иберийских племен Гасдрубал привлек на свою сторону убеждением – он обладал даром говорить убедительно; там же, где нужно было применить силу, он использовал юного Ганнибала, и таким образом он продвинулся от Западного моря в центр страны до реки Ибера (Эбро), которая делит Иберию почти пополам», – сообщает Аппиан Александрийский (App. VI, 6). На запад владения пунийцев на полуострове простирались вплоть до реки Таг (современная река Тахо).

Благодаря взвешенной политике положение Гасдрубала значительно упрочилось и он, по словам Диодора, «был провозглашен стратегом с неограниченной властью всем народом Иберии» (Diod. XXV, 12, 1). О статусе и притязаниях пунийского

военачальника свидетельствует уже само название важнейшего из основанных им в Иберии городов, располагавшегося на юго-восточном побережье полуострова, Нового Карфагена, современной Картахены (Polyb. II, 13, 1; X, 8—10). Как в военно-стратегическом, так и в экономическом плане этот город значительно превзошел основанный Гамилькаром Баркой Акра Левке. «Самым могущественным из городов этой страны» называет Новый Карфаген Страбон, восторженно перечисляя все его преимущества: «Он прекрасно укреплен, обведен отличными стенами, имеет гавань, озеро и серебряные рудники... Здесь, как и в соседних местах, широко распространен засол рыбы. Кроме того, этот город является более значительной факторией не только по ввозу заморских товаров для жителей внутренних областей, но и по вывозу из глубины страны для всех иностранцев» (Strab. III, IV, 6). Еще более выпукло о положении Нового Карфагена и его основателя в Испании говорит Полибий, утверждая, что этот город был «для карфагенян в Иберии как бы столицей и царской резиденцией» (Polyb. III, 15, 3).

Усиление могущества пунийцев в Испании все более беспокоило их ближайших соседей, прежде всего жителей города Сагунта (или Закинфа, современный испанский Сагунто), расположенного на восточном побережье Пиренейского полуострова, на реке Паллантия, а также колонии греков-фокейцев Массилии (App. VI, 7). В ситуацию вновь вынуждены были вмешаться римляне, причем, как ранее в ситуации с Гамилькаром, они отправили посольство не в Карфаген, а к пунийскому военачальнику в Иберии – Гасдрубалу. С одной стороны, это показывало, кому принадлежала реальная власть на Пиренейском полуострове, с другой же позволило впоследствии карфагенскому правительству заявлять, что договор был принят без

его санкции. Следовательно, Карфаген не мог принять на себя обязательств по его соблюдению, поскольку соглашение было заключено без ведома и согласия карфагенян полководцем, превысившим свои полномочия (Polyb. III, 21, 1-6; Liv. XXI, 18). Согласно договору, границей карфагенских владений в Испании была признана река Ибер, которую Гасдрубал обязывался не пересекать для ведения военных действий. Земли к северу от этой реки признавались сферой интересов Римской республики, а расположенному в пограничной зоне Сагунту гарантировалась независимость и свобода (Polyb. II, 13, 7, III, 27, 9; Liv. XXI, 2, 7; App. VI, 7).

Уступчивость обеих сторон при заключении договора 226 г. до н. э. объясняется положением, в котором они находились. Римлянам грозила большая война с галлами, и они опасались, что им придется вести боевые действия на два фронта. Гасдрубал же, при всех своих успехах, был все еще далек от окончательного установления господства пунийцев на полуострове, и теперь, согласно условиям соглашения с Римом, получал возможность завершить начатое южнее Ибера, не опасаясь удара в спину со стороны римлян. Возможно даже, что пунийский полководец планировал, пользуясь благоприятной для себя ситуацией, совершить в Карфагене государственный переворот, установив монархию, однако свидетельства об этом Полибий ставит под сомнение (Polyb. III, 8, 2-4). В любом случае, после заключения договора с Римом Гасдрубал сосредоточился на дальнейшем овладении испанскими землями к югу от Ибера, управляясь с местными делами по собственному разумению и не обременяя себя необходимостью считаться с позицией карфагенского правительства. В это время активным помощником Гасдрубала стал достигший совершеннолетия сын Гамилькара Барки по имени Ганнибал (Liv. XXI, 3-4; App.

VI, 6). По утверждению Тита Ливия, «...одним своим появлением он обратил на себя взоры всего войска. Старым воинам показалось, что к ним вернулся Гамилькар, каким он был в лучшие свои годы: то же мощное слово, тот же повелительный взгляд, то же выражение, те же черты лица! Но Ганнибал вскоре достиг того, что его сходство с отцом сделалось наименее значительным из качеств, которые располагали к нему воинов» (Liv. XXI, 4, 1-2).

Судя по всему, после назначения правой рукой Гасдрубала молодой Ганнибал круто взялся за наведение порядка в Испании, действуя далеко не так миролюбиво, как его патрон. Видимо, именно ужесточение политики пунийцев на полуострове стало причиной убийства Гасдрубала. В 221 г. до н. э. пунийского полководца зарезал некий раб, кельт по происхождению, отомстивший таким образом за казнь своего бывшего хозяина, некоего знатного испанца (Polyb. II, 36, 1; Liv. XXI, 2, 6; App. VI, 8, VII, 2; Diod. XXV, 12, 1; Val. Max. III, 73; Just. XLIV, 5, 5). По всей видимости, представитель местной аристократии, за которого мстил его раб, был казнен именно в ходе упрочения власти пунийцев над Иберией.

После смерти Гасдрубала войско в едином порыве провозгласило главнокомандующим молодого Ганнибала, которому на тот момент было около 25 лет. Выбор солдат был вскоре закреплен решением карфагенского правительства (Polyb. III, 13, 3-4; Liv. XXI, 3, 1; App. VI, 8, VII, 3). «Лишь только Ганнибал принял власть, стало ясно, что он задумывает идти войною на римлян, что он действительно и сделал по прошествии короткого времени. Уже с этой поры в отношениях между карфагенянами и римлянами начали появляться подозрительность и вражда, ибо одни помышляли об отмщении за те поражения, какие претерпели в Сицилии, а другие понимали замыслы врага и

относились к нему недоверчиво. Поэтому для внимательного наблюдателя было ясно, что противники собираются в близком будущем воевать друг с другом» (Polyb. II, 36, 4-7). По словам Тита Ливия, с самого момента назначения на пост главнокомандующего «Ганнибал действовал так, как будто ему назначили провинцией Италию и поручили вести войну с Римом» (Liv. XXI, 5, 1).

Первый свой удар летом 221 г. до н. э. молодой полководец направил против племени олкадов, земли которых располагались к югу от Ибера, между реками Таг (Тахо) и Анас (Гвадиана), то есть на территории, признававшейся пунийской согласно договору Гасдрубала с римлянами. До этого олкады, «хоть и находились в пределах владычества карфагенян, власти их не признавали» (Liv. XXI, 5, 3), и поход Ганнибала был попыткой принудить их подчиниться. Взяв приступом столицу этого племени (у Полибия она названа Алфея, а у Тита Ливия – Картала), полководец устрасил все окрестные племена, заставив их принять подданство Карфагена (Polyb. III, 13, 5-7; Liv. XXI, 5, 3-4). На зиму 221-220 гг. до н. э. Ганнибал отвел войска на зимние квартиры в Новый Карфаген, где сполна выплатил все причитавшееся им жалованье и щедро наградил, увеличив свою и без того высокую популярность среди солдат. Весной 220 г. до н. э. было решено продолжить начатое, и войска выступили против племени вакцеев, обитавших в среднем течении реки Дурис. Главные города этого племени Арбокала и Саламантика (Гелмантика у Полибия и Германдика у Тита Ливия) также были захвачены.

Когда пунийская армия, отягощенная богатой добычей, направилась в Карфаген, путь им преградило огромное стотысячное войско воинственного племени карпетанов, за помощью к которому обратились разгромленные олкады и вакцеи (Polyb. III, 14, 8; Liv. XXI,

5, 11). Ганнибал здраво оценил сложившуюся ситуацию, понимая, что ввязываться в бой с превосходящими силами противника, не перестроив с марша утомленное дорогой войско, губительно. Полководец отвел свои отряды к реке Таг и велел выстроить укрепленный лагерь на ее берегу. План военачальника был прост: выждать удобный момент и переправить карфагенское войско на противоположный берег, отгородившись от неприятеля мощным естественным рубежом. Улучив с наступлением темноты момент, когда натиск карпетанов и их союзников ослаб, Ганнибал умело организовал быструю переправу, расположившись лагерем уже на противоположном речном берегу. При этом укрепления были устроены таким образом, что лагерьный вал позволял противнику переправиться и выйти на берег. Расчет пунийского полководца состоял в том, чтобы заманить карпетанов на противоположный берег и ударить по ним в момент переправы, как только вражеские воины начнут выходить из воды.

Замысел Ганнибала сработал. Увидев, что пунийцы отступили за реку, иберийцы посчитали это бегством и безудержно устремились в погоню, сотнями и тысячами, без соблюдения малейших элементов боевого построения форсируя Таг. Им казалось, что отягощенный добычей малочисленный враг не сможет долго сопротивляться их громадному войску. Однако карфагенский полководец лишь ждал, когда основная масса неприятельских воинов войдет в реку, а передние их ряды окажутся на прибрежном мелководье. Точно рассчитав наиболее удачный момент для атаки, когда большинство карпетанов оказались на середине реки, Ганнибал приказал кавалерии и сорока боевым слонам ударить по ним. Пунийские всадники при этом имели несомненное преимущество перед иберийскими пехотинцами, благодаря весу коней уверенно противодействуя течению и имея возможность

воспользоваться оружием, тогда как пешие воины даже на мелководье едва удерживались на ногах и, не имея прочной опоры, не могли использовать свое оружие против кавалеристов. Тесня карпетанов лошадьми и разя их мечами и копьями, карфагенская кавалерия уничтожила практически всех вражеских воинов, находившихся в реке. Множество иберийских пехотинцев сложили головы в скоротечной схватке, иные, попав на стремнину и не удержавшись на ногах, утонули. Лишь те ряды войска карпетанов, которые вошли в Таг последними, смогли повернуть назад и выбраться на берег.

Ганнибал не позволил наполовину разбитому врагу ни отступить, ни закрепиться для обороны, направив через реку кавалерию и боевых слонов, вслед за которыми двинулась тяжеловооруженная пехота. Дезорганизованные карпетаны и их союзники в панике бежали, их казавшееся несметным стотысячное войско прекратило свое существование. Развивая успех, Ганнибал победным маршем прошел по Карпетании, предавая огню и мечу селения этого племени и вынуждая его вождей признать власть пунийцев. Спустя несколько дней карпетаны смирились со своей участью и покорились завоевателям (Polyb. III, 14, 2-8; Liv. XXI, 5, 9—16). Битва при реке Таг стала переломной, после нее все испанские земли южнее Ибера, за исключением Сагунта, оказались под властью карфагенян (Polyb. III, 14, 9; Liv. XXI, 5, 17; Just. XL, 5, 6). Собрание сил пунийцев в Испании для начала открытого противостояния с римлянами было завершено, и уже в следующем году Ганнибал предпринял решительный шаг, свидетельствующий о его намерениях, - выступил против союзного Риму города Сагунта.

К последним десятилетиям III в. до н. э. Сагунт (или Закинф, современный испанский Мурвиедро) населяло

иберийское племя арсах. Располагался он в устье реки Сукрона (современный Хукар), в 150 км юго-западнее устья Ибера. Город получал значительные доходы от развитого местного земледелия и посреднической морской торговли, привлекая завоевателей своим богатством. Желая обезопасить свое положение перед лицом все возраставшей угрозы со стороны карфагенян, в конце 30-х либо около середины 20-х гг. III в. до н. э. сагунтийцы пошли на заключение союза с римлянами. Для пунийцев же Сагунт был прежде всего стратегическим пунктом, овладение которым открывало путь на север и далее в Италию, в связи с чем после покорения карпетанов Ганнибал предпринял несколько попыток разными способами установить свой контроль над городом. Вначале он, судя по всему, попытался вмешаться во внутривполитическую борьбу в Сагунте с целью привести к власти сторонников Карфагена. Однако проримская партия, получив своевременную поддержку из Вечного города, расправилась со сторонниками карфагенян, лишив Ганнибала возможности прибрать город к рукам этим путем (Polyb. III, 15, 7). Вслед за этим в ставку пунийского военачальника в Новом Карфагене прибыло римское посольство, жестко потребовавшее от карфагенян не причинять никакого вреда своему союзнику Сагунту. В ответ Ганнибал вспылил и сам обвинил римлян в том, что они вмешались во внутренние дела сагунтийцев и казнили тех из них, кто был сторонником Карфагена. Пунийцы, по его словам, не могли оставить это без отмщения, поскольку «искони блюдут правило защищать всех угнетенных» (Polyb. III, 15, 4-7). Не добившись от Ганнибала желаемого, послы Рима отбыли в Карфаген, попытавшись донести те же требования до карфагенского правительства (Polyb. III, 15, 12). Судя по дальнейшим событиям, здесь их также ожидало фиаско - карфагеняне отрицали законность

действий Гасдрубала, заключившего в 226 г. до н. э. договор без согласия правительства, и расценивали принятые им обязательства как не более чем берет («завет») – одностороннюю личную клятву, касавшуюся исключительно его самого и не распространявшуюся ни на Карфагенскую державу, ни на преемников Гасдрубала на посту главнокомандующего пунийскими войсками на Пиренейском полуострове.

После первой неудачной попытки установить власть над Сагунтом посредством вмешательства во внутривполитическую борьбу, пунийский военачальник попытался разыграть многоходовую комбинацию, в результате которой планировал навязать сагунтийцам зависимость от Карфагена. С этой целью он подстрекал племя турдетан (турдулы у Тита Ливия и торболеты у Аппиана Александрийского), земли которых граничили с округой Сагунта, обратиться к нему с жалобой на соседей, которые якобы вторгались в пределы владений турдетан и всячески их притесняли. «А так как виновник ссоры предлагал свои услуги и в качестве третейского судьи и было ясно, что ищет он не правосудия, а насилия, то сагунтийцы отправили послов в Рим просить помощи для неизбежной уже войны» (Liv. XXI, 6, 2). Ганнибал также не терял времени даром и отправил турдетанских послов в Карфаген, сопроводив их собственным посланием, в котором говорилось о бедственном положении в Испании, где, опираясь на поддержку Сагунта, римляне подстрекают к восстанию против карфагенян покоренные иберийские племена. В ответ карфагенское правительство предоставило полководцу давно желанное право действовать по отношению к Сагунту по собственному усмотрению, фактически санкционировав развязывание боевых действий пунийской армии против этого города (App. VI, 10).

Не успело еще второе римское посольство, готовившееся по просьбе сагунтийцев к отправке вначале к Ганнибалу, а затем и в Карфаген, покинуть Рим, как в Вечный город пришло известие о начале пунийской осады Сагунта (Liv. XXI, 6, 3-8). Действительно, еще раз пригласив для соблюдения формальностей представителей турдетан и сагунтийцев, Ганнибал сделал вид, что желает разобраться, в чем причина конфликта между ними. Когда же послы Сагунта заявили, что примут в качестве третейских судей лишь представителей Рима, пунийский военачальник прогнал сагунтийцев из своего лагеря и следующей ночью начал боевые действия против города. Опустошив округу и подведя под городские стены штурмовые машины, он, не сумев взять город приступом, организовал его планомерную осаду (Liv. XXI, 7-8; App. VI, 10). Римляне тем временем приняли решение еще раз отправить к Ганнибалу послов, задачей которых было убедить его прекратить боевые действия и снять с Сагунта осаду. Возглавили миссию Публий Валерий Флакк и Квант Бебий Памфил, которым, в случае отказа пунийского военачальника отвести войско от Сагунта, предписывалось отправиться в Карфаген и потребовать у правительства выдать Риму полководца, нарушившего, по мнению римлян, мирный договор (Liv. XXI, 6, 7-8). Игра в дипломатию в момент, когда уже шли боевые действия, развязанные Ганнибалом с разрешения и одобрения карфагенского правительства, явно была запоздалой, и неудивительно, что римских посланцев ждала неудача. Ганнибал и вовсе отказался принять их, сославшись на невозможность обеспечить безопасность послов во время ведения боевых действий (Liv. XXI, 9, 3). В Карфагене же, куда Публий Валерий Флакк и Квант Бебий Памфил отправились после этого, их поддержали лишь немногочисленные сторонники Ганнона,

предлагавшего согласиться с требованиями Рима, снять осаду с Сагунта и выдать римлянам Ганнибала (Liv. XXI, 10, 4—13). Большинство же членов карфагенского правительства приняли решение выступить на стороне своего полководца в Испании, заявив, что «войну начали сагунтийцы, а не Ганнибал, и Рим поступил бы несправедливо, жертвуя ради Сагунта своим старинным союзником – Карфагеном» (Liv. XXI, 11, 2). Таким образом, Ганнибал повторно получил полную поддержку правительства, выступившего за войну с Сагунтом, а значит, в перспективе, и с союзной этому городу Римской республикой.

Осада города затягивалась, поскольку Ганнибал для подготовки штурма крепостных стен выбрал их часть, выходящую на равнину. Полководец, очевидно, рассчитывал на то, что именно здесь будет удобнее всего подвести осадные башни и тараны, однако не учел того, что именно на этом участке находились наиболее мощные городские укрепления и, конечно же, на его охрану горожане отправили наиболее боеспособную часть гарнизона. Защитники вели планомерный обстрел осаждавших стрелами и дротиками, регулярно осуществляли вылазки, наносявшие пунийцам серьезный урон и не позволявшие спокойно строить осадные сооружения. Особенно болезненным для войска стало тяжелое ранение Ганнибала дротиком в бедро, едва не стоившее военачальнику жизни и временно подорвавшее боевой дух осаждавших. На время, потребовавшееся пунийскому полководцу для лечения, боевые действия стихли, что позволило горожанам сосредоточиться на усилении городских укреплений, а осаждавшим – на подготовке осадных сооружений. Вследствие ранения у Ганнибала появилось время для раздумий, что привело к изменению тактики: вместо сосредоточения на одном участке стен был одновременно организован штурм в

нескольких местах. Это заставило защитников рассредоточить силы, и карфагеняне наконец смогли разрушить один из участков городских стен: «И вот тараны ударили в стены; вскоре там и сям началось разрушение; вдруг сплошные развалины одной части укреплений обнажили город – обрушились с оглушительным треском три башни подряд и вся стена между ними. Пунийцы подумали было, что их падение решило взятие города; но вместо того обе стороны бросились через пролом вперед, в битву, с такой яростью, как будто стена до тех пор служила оплотом для обеих» (Liv. XXI, 8, 5–6).

Ожесточенная схватка, завязавшаяся в проломе крепостной стены, велась не беспорядочно, но, по словам Тита Ливия, по всем правилам боевого искусства. Крайне болезненный урон карфагенянам сагунтийцы нанесли благодаря особому виду метательного копья, называвшемуся фаларика. Имевшая длинный, трехфутовый (более 90 см) железный наконечник, фаларика насквозь пробивала щит, поражая укрывавшегося за ним воина. Более того, на четырехгранное у основания наконечника сосновое древко копья наматывали промасленную паклю, которую поджигали перед броском: «...загоревшийся огонь разрастался в силу самого движения; таким образом воин был принужден бросать свой щит и встречать следующие удары открытой грудью» (Liv. XXI, 8, 12). Осаждавшие были отброшены от пролома и бежали в свой укрепленный лагерь. Видимо, именно в этот момент Ганнибалу сообщили о прибывшем римском посольстве, которое военачальник отказался принять и направил его в Карфаген.

Дождаясь ответа из столицы, полководец дал воинам отдохнуть и залечить раны, сам же продумывал тактику штурма. Защитники тем временем сосредоточили силы на том, чтобы по возможности

отстроить обрушенный участок городских стен. Новый штурм был предпринят, судя по всему, уже после получения из Карфагена известий о том, что правительство поддерживает действия Ганнибала. Желая повысить боевой дух своих воинов, военачальник обратился к ним с речью, пообещав отдать им всю захваченную в городе добычу. Мера возымела действие – бойцы «до такой степени воспылали рвением, что, если бы сигнал к наступлению был дан тотчас же, никакая сила, казалось, не могла бы им противостоять» (Liv. XXI, 11, 4). Очередной приступ пунийцы вновь повели с нескольких направлений, заставив защитников распылить силы по всему периметру городских стен. Решающую роль должен был сыграть отряд во главе с самим Ганнибалом, находившийся в необычайно большой осадной башне, которая возвышалась над всеми укреплениями города. Ведя интенсивный обстрел крепостных стен из расположенных на ней метательных машин, карфагеняне заставили защитников покинуть стены. Это позволило пятистам вооруженным топорами ливийцам разрушить скрепленную глиной древнюю крепостную стену и устремиться в образовавшийся пролом. В пределах городской черты карфагеняне заняли высившийся над всей округой холм, стянули туда катапульты и баллисты и надежно укрепили свои позиции. Имея лагерь внутри города, они получили возможность не только беспрепятственно обстреливать кварталы, но и постепенно теснить защитников, захватывая все новые и новые части города.

Единственным лучом надежды для Сагунта стало восстание племен оретанов и карпетанов, возмущенных жестокостью пунийцев, которые насильно набирали наемников в свое войско. Однако Ганнибал не дал восстанию разрастись, быстрым ударом подавив выступление и ликвидировав его зачинщиков. Штурмом города тем временем руководил талантливый командир

по имени Махарбал, сын Гимилькона. Он столь умело повел дело, что никто не заметил отсутствия Ганнибала, ведь карфагенянам удалось победить в нескольких схватках и разрушить стены города еще на одном участке. Вернувшемуся вскоре Ганнибалу оставалось довершить начатое, и, захватив часть акрополя, он стал планомерно захватывать город, в котором к тому же начался голод. Положение сагунтийцев было отчаянным, полное поражение было лишь вопросом времени, что заставило их представителей искать возможность начать переговоры с пунийцами. Один из горожан по имени Алкон, по собственной инициативе прибыв к Ганнибалу, стал умолять карфагенского полководца пощадить город. Мольбы оказались напрасны; будучи уверенным в своих силах, карфагенянин выдвинул столь жесткие условия капитуляции, что Алкон не решился даже сообщить о них согражданам и предпочел остаться в пунийском лагере. Так, Ганнибал потребовал, чтобы сагунтийцы удовлетворили все требования турдетанов, выдали все имевшееся в городе золото и серебро, а сами, покинув дома и взяв с собой «лишь по одной одежде на человека», ушли из Сагунта и поселились там, где им прикажет победитель (Liv. XXI, 12, 5).

Донести столь жестокие требования до горожан согласился ибериец Алорк, имевший в Сагунте статус проксена – друга и гостя города, гарантировавший личную неприкосновенность. Узнав, какие условия выдвигает им Ганнибал, сагунтийцы предпочли выбрать смерть. На городской площади перед зданием Совета был разведен огромный костер, в который горожане бросали все свое золото и серебро, а также изделия из простого металла, меди и свинца, чтобы даже они не достались захватчикам. Многие сагунтийцы бросались в огонь сами. Карфагеняне же тем временем смяли последние отряды оборонявшихся и принялись грабить

город, убивая по приказу Ганнибала всех взрослых жителей. Их судьбу разделили и многие дети, без разбору убитые пунийцами во время учиненной в городе кровавой резни, сгоревшие в охватившем городские кварталы пожаре либо умерщвленные собственными матерями, не желавшими пожизненного рабства для своих детей. Продлившаяся восемь месяцев осада завершилась гибелью города.

Известие о падении Сагунта вызвало в Риме взрыв негодования. Там все понимали, что дело идет к новой войне с Карфагеном, однако была предпринята последняя, во многом формальная попытка ее избежать. В Карфаген было направлено посольство во главе с Квинтом Фабием Максимом, которое, ссылаясь на договор с Гасдрубалом, обвинило Ганнибала в нападении на союзника Рима и желало выяснить, действовал он по собственной инициативе или же выполнял волю пунийского правительства. В первом случае карфагенянам предоставлялось право и возможность выдать самовольно бесчинствовавшего военачальника римлянам для суда и расправы, во втором же Карфагену следовало объявить войну (Polyb. III, 20, 8; Liv. XXI, 18, 3). Карфагеняне заявили о недействительности договора с Гасдрубалом и признавали законность исключительно мирного римско-карфагенского договора 241 г. до н. э., заключенного по итогам Первой Пунической войны. В нем не было ни слова ни об Испании, ни о Сагунте, который, по их утверждению, не был союзником римлян. Следовательно, Рим не имел права считать захват города поводом для объявления войны. Римские послы, однако, настаивали на своем видении ситуации, требуя от карфагенян либо отмежеваться от действий Ганнибала, либо принять на себя ответственность за них и их последствия (Polyb. III, 21, 3-8; Liv. XXI, 18, 4-12). Итогом зашедших в тупик переговоров стала

пафосная сцена, во время которой глава римского посольства Квинт Фабий Максим завернул полу своей тоги таким образом, чтобы в ней образовалось углубление, и заявил: «Вот здесь я приношу вам войну и мир; выбирайте любое!», на что возглавлявший собрание карфагенянин ответил: «Выбирай сам!» Когда же Фабий, распустив тогу, заявил, что он дает войну, члены пунийского правительства единодушно приняли этот выбор и пообещали вести ее с такой же решимостью, с какой приняли (Liv. XXI, 18, 13-14).

Вторая Пунийская война была объявлена, и стороны приступили к подготовке войск к боевым действиям.

Часть 4. Кульминация и развязка. Вторая Пуническая война

...тогда же совершались многочисленнейшие и знаменательнейшие события в Иберии и Ливии, а равно в Сицилии и Италии, что самая значительная и продолжительная война, за исключением Сицилийской, была Ганнибалова и что все мы в тревоге за исход этой важной войны вынуждены были останавливать на ней взоры наши.

Полибий. Всеобщая история, V, 33

Глава 13. «Перешагнув пределы нашей мысли»: сухопутный поход Ганнибала в Италию (весна - осень 218 г. до н. э.)

Ганнибал после взятия Сагунта увидел во сне, что Юпитер вызвал его на совет богов. Когда он явился туда, Юпитер приказал ему идти войной на Италию и дал ему сопровождающим одного бога, из числа тех, которые были на совете [богов]. После того как войско выступило в поход, сопровождавший бог приказал Ганнибалу не оглядываться назад. Но тот не смог долго удержаться, побуждаемый любопытством, он оглянулся и вот увидел: чудовище, огромное и страшное, окруженное змеями, движется за войском, уничтожая все на своем пути, выворачивая деревья и кусты, опрокидывая дома. Изумленный Ганнибал спросил у бога, что это за чудовище такое? И бог ответил: это идет опустошение Италии. И велел Ганнибалу двигаться дальше, не останавливаясь, и не беспокоиться о том, что делается сзади.

Марк Туллий Цицерон. О предвидении, I, 49

И Рим, и Карфаген начали подготовку к предстоящей войне еще до официального ее

объявления. Сразу после падения Сагунта к планированию похода на Италию приступил Ганнибал, отведя пунийское войско на зимние квартиры в Новый Карфаген. Он отпустил наемников на несколько месяцев к семьям (Polyb. III, 33, 5). В расчете подготовить для будущего похода отдохнувшее и мотивированное войско, полководец обратился к воинам с проникновенной речью, точно угадав желания иберийских наемников как побыть некоторое время с родными и близкими, так и принять участие в грядущей победоносной кампании, сулившей богатые трофеи: «Вы и сами, полагаю я, видите, союзники, – сказал он им, – что теперь, когда все народы Испании вкушают блага мира, нам остается или прекратить военную службу и распустить войска, или же перенести войну в другие земли; лишь тогда все эти племена будут пользоваться плодами не только мира, но и победы, если мы будем искать добычи и славы среди других народностей. А если так, то ввиду предстоящей вам службы в далекой стране, причем даже неизвестно, когда вы увидите вновь свои дома и все то, что в них есть дорогого вашему сердцу, я даю отпуск всем тем из вас, которые пожелают навестить свою семью. Приказываю вам вернуться к началу весны, чтобы с благосклонною помощью богов начать войну, сулящую нам несметную добычу и славу» (Liv. XXI, 21, 3–6). Отдых на родине должен был восстановить силы изнуренных тяжелой осадой Сагунта бойцов и подготовить их к трудностям нового похода. Весной 218 г. до н. э., подчиняясь приказу главнокомандующего, воины вернулись в Новый Карфаген, где Ганнибал провел общий сбор и смотр в преддверии планируемого похода.

Не теряли времени и римляне. Не дожидаясь предсказуемых результатов посольства в Карфаген во главе с Квинтом Фабием Максимом, они также начали

готовить войска к неизбежной войне. Вести ее предполагалось на чужой территории - в Испании и Африке - силами, выделенными консулам 218 г. до н. э. Публию Корнелию Сципиону и Тиберию Семпронию Лонгу. Первый из них получил в качестве провинции Испанию, где планировалось воевать с Ганнибалом, второй - Сицилию, откуда римляне рассчитывали предпринять вторжение на африканское побережье. Предоставленные обоим консулам силы были весьма значительными. Публий Корнелий Сципион возглавил два легиона (по 4 тыс. пехотинцев и 300 всадников каждый), а также 14 тыс. пехотинцев и 1600 кавалеристов из контингентов союзников. Помимо этого в его подчинении находились 60 квинквирем и 8 легких вспомогательных судов, предназначенных для патрулирования побережья Италии и Испании. Такого флота явно было недостаточно для противостояния пунийцам в случае, если бы те попытались вторгнуться на Апеннинский полуостров с моря, однако в Риме делали ставку на поход в Африку, а потому большая часть флота предназначалась для отправки на Сицилию. В помощь Публию Корнелию Сципиону придавался назначенный в провинцию Галлия претор Луций Манлий, командовавший двумя римскими легионами (8 тыс. пехотинцев и 600 кавалеристов), а также 10 тыс. пехотинцев и одной тысячей всадников из числа союзников. Тиберий Семпроний Лонг встал во главе двух легионов, а также 16 тыс. союзных пехотинцев и 1800 всадников. В случае успешных боевых действий против Ганнибала в Испании Семпроний должен был высадиться в Африке, для чего ему был подчинен крупный флот из 160 квинквирем и 12 небольших легких посыльных судов (Liv. XXI, 17; Polyb. III, 40, 2; 41, 2). В целом римское войско насчитывало 64 тыс. пехотинцев и 6 200 кавалеристов, однако при этом было разделено на три части и лишено

общего командования. Более трети мобилизованных контингентов, отправленные на Сицилию для подготовки последующего вторжения в Африку, оказались при этом за пределами театра боевых действий в Италии.

Подготовленная Ганнибалом армия вторжения существенно превосходила римские войска в количественном отношении. По сообщениям античных авторов, она насчитывала около 90 тыс. пехотинцев и 18 тыс. кавалеристов (согласно Полибию - 12 тыс.) и около 40 боевых слонов (Polyb. III, 35, 1-2; Liv. XXI, 23, 1). Крупные контингенты были оставлены также в Испании и Африке, чтобы защитить эти карфагенские владения от римского вторжения. При этом испанские наемники были направлены в Ливию, а африканские размещены на Иберийском полуострове (Polyb. III, 33, 8; Liv. XXI, 21, 11). Это было сделано для лучшего контроля за наемниками, которые вне пределов родной страны были вынуждены в большей степени полагаться на командиров и не могли войти в сговор с местным населением, задавшись целью свергнуть власть Карфагена. Такая мера позволяла пунийцам обезопасить себя не только от вторжения римлян, но, и даже в первую очередь, от восстания местных иберийских и ливийских племен. Действительно, в случае начала мятежа использовать для его подавления воинов-чужеземцев было гораздо сподручнее и эффективнее, чем бойцов, рекрутированных из местного населения. Руководствуясь этими соображениями, из Испании в Африку были переброшены 13 850 легковооруженных пехотинцев, набранных из племен олкадов, оретан, терситов и мастианов, а также 870 балеарских пращников (Polyb. III, 33, 9—11; Liv. XXI, 21, 12). Частично они были расквартированы в пунийской столице, основную же массу направили в ливийские города. Также по

распоряжению Ганнибала в Ливии были завербованы дополнительно 4 тыс. наемников, которые были размещены в Карфагене не столько в качестве защитников города, сколько в роли заложников на случай восстания среди ливийских племен (Polyb. III, 33, 14-16; Liv. XXI, 21, 13).

Основу карфагенской армии на Иберийском полуострове составили пешие ливийские наемники, отряды которых насчитывали 11 850 воинов. Кроме них в пехоте служили также 500 балеаров и 300 лигуров. Кавалеристами здесь служили 1 800 нумидийцев, 450 ливо-финикийцев и 300 илегретов. Во главе этих войск стоял брат Ганнибала Гасдрубал, которому главнокомандующий оставил также 21 боевого слона и флот из 50 пентер, 2 тетрер и 5 триер, предназначенный для защиты Испании от вторжения с моря. Учитывая план переноса боевых действий в Италию, этих кораблей было вполне достаточно для поддержания связи с Африкой и патрулирования испанского побережья, даже приняв тот факт, что подготовленные команды были лишь на триерах и 32 пентерах (Polyb. III, 33, 14-16; Liv. XXI, 22, 1-4).

Зимой 218-217 гг. до н. э. Ганнибал не только позволил отдохнуть отпущенным в отпуск воинам, но и организовал рекрутирование новых. Он собирал информацию о намеченном пути вторжения на Апеннинский полуостров, проводил разведку дорог и планировал маршруты движения войска, выяснял, как настроены проживавшие в Цизальпийской и Трансальпийской Галлии кельтские племена. По словам Полибия, Ганнибал «принимался за дело с большою осмотрительностью; в точности разузнал и достоинства страны, в которую решился вступить, и отчужденность населения ее от римлян; в местах труднопроходимых он пользовался туземными проводниками и путеводителями, которые готовы были делить с ним его

судьбу» (Polyb. III, 48, 10–11). Пунийские лазутчики и агенты, преодолев Пиренейские горы и Альпы, проникали на территорию Италии и доставляли обнадеживающую информацию. Переход через горы не обещал быть легким, но представлялся вполне осуществимым, а галльские племена Северной Италии обещали поддержку в войне против Рима (Polyb. III, 34, 1–6; App. VI, 13). Полученные сведения Ганнибал использовал не только для планирования кампании, но и для воодушевления воинов, щедро распространяя информацию о том, сколь богата и плодородна страна, куда они направляются, и как доброжелательно их примут в ней извечные враги Рима галлы (Polyb. III, 34, 8). С этой же целью в войске распространялись слухи о чудесном сне, привидевшемся Ганнибалу и предвещавшем ему великую победу и разорение Италии (Liv. XXI, 22, 6–9; Cic. de Div. I, 49; Val. Max. 17; Ioan. Zon. VIII, 22).

На закрытых собраниях высшего военного совета настроения были не столь радужными, поскольку их участники хорошо осознавали, что предстоящий поход будет нелегким – придется преодолевать природные препятствия в виде труднопроходимых гор и полноводных рек, столкнуться с враждебностью варварских племен, решать проблему снабжения многотысячной армии продовольствием. Последнее представлялось особенно сложным, и отголосок прений между карфагенскими военачальниками по этому поводу сохранился в рассказе Полибия о том, как один из пунийских командиров по имени Ганнибал Мономах утверждал, что обеспечить воинов провизией на пути в Италию можно, только научив воинов питаться человеческим мясом и заранее позаботившись о том, чтобы они вполне привыкли к такой пище. Главнокомандующий ответил на это, что предложение представляется ему разумным, однако он не может

заставить себя и других командиров последовать такому совету (Polyb. IX, 24, 4-6).

Попытки римлян наладить дружеские отношения с варварскими племенами на возможном сухопутном пути карфагенян в Италию особого успеха не имели. К посольству Квинта Фабия Максима, после объявления войны прибывшему из Карфагена на север Пиренейского полуострова, сочувственно отнеслось лишь племя баргусиев, ненавидевшее пунийцев. Остальные племена воспротивились заключению союза с Римом. Показательная речь, вложенная Титом Ливием в уста старейшины племени вольцианов, отражает настроения большинства североиберийских племен: «Не совестно ли вам, римляне, требовать от нас, чтобы мы карфагенской дружбе предпочли вашу, после того как сагунтийцы, последовавшие вашему совету, более пострадали от предательства римлян, своих союзников, чем от жестокости пунийца, своего врага? Советую вам искать союзников там, где еще не знают о несчастье Сагунта; для испанских народов развалины Сагунта будут грустным, но внушительным уроком, чтобы никто не полагался на римскую верность и римскую дружбу» (Liv. XXI, 19, 9—10). Еще более враждебно встретили римских посланцев в Галлии, где кельтские племена одно за другим подвергало их осмеянию и категорически отказывалось выступить против войск Ганнибала в случае, если они двинутся в Италию. И лишь в греческой Массилии римлян приняли благосклонно, сообщив, что карфагеняне опередили римское посольство, заблаговременно настроив галлов против Рима. Впрочем, справедливо замечали греки, Ганнибал напрасно надеется найти среди кельтов поддержку, если только не купит ее у варварских вождей, щедро заплатив золотом (Liv. XXII, 1-8).

Действительно, столкнуться с первыми проблемами в отношениях с местными племенами карфагенскому

полководцу пришлось уже к северу от реки Ибер, вскоре после выступления войска в поход в марте 218 г. до н. э. Переправившись тремя колоннами через реку, пунийцы встретили жестокое сопротивление местных племен и потеряли в битвах чуть ли не четверть войска. Установив контроль над обитавшими к северу от Ибера до Пиренейских гор племенами илергетов, авсетанов и баргусиев, Ганнибал был вынужден оставить в этой стране значительную часть войска – 10 тыс. пехотинцев и тысячу всадников во главе с Ганноном. Задачей этого командира стал контроль над местным населением, в особенности над враждебным племенем баргусиев, и удержание горных проходов через Пиренеи. Поход в Италию лишь начался, а пунийское войско уже стало неудержимо таять подобно снегу под горячими солнечными лучами. Ганнону досталось также все заготовленное для похода продовольствие (Polyb. III, 35, 2-5; Liv. XXI, 23, 2-3).

Нелегким оказался для карфагенян и переход через Пиренейские горы, во время которого 3 тыс. наемников из племени карпетан, лишь теперь в полной мере осознавшие, с какими трудностями им предстоит столкнуться в походе, отказались идти дальше и самовольно покинули пунийское войско. Поскольку вернуть их уговорами не удавалось, а применять силу было опасно, Ганнибал решил не препятствовать им и отпустил их домой. Мало того, он позволил, чтобы к ним присоединились более 7 тысяч иберийских пехотинцев, которые, как он знал, тяготятся службой (Liv. XXI, 23, 4-6; Front. XXVII, 7). Делалось это для того, чтобы избавиться от наименее преданных и наиболее склонных к волнениям и дезертирству отрядов, создавая видимость того, что все происходящее задумано самим главнокомандующим для успокоения остального войска и усиления карфагенского господства над Иберией; как писал Полибий, «с целью

иметь друзей в покинутых дома народах, вместе с тем внушить остальным надежду на возвращение к своим очагам, наконец, с целью расположить к походу всех иберов – не только тех, которые шли с ним, но и остающихся дома, на тот случай, если когда-либо потребуются их помощь» (Polyb. III, 35, 6). В результате, оставив более 20 тыс. воинов в Испании и потеряв в боях с иберийскими племенами севера Пиренейского полуострова еще около 20 тыс. бойцов, Ганнибал вывел в Галлию войско, уменьшившееся до 50 тыс. пехотинцев и 9 тыс. всадников (Polyb. III, 35, 7).

В Галлии карфагенскому военачальнику пришлось столкнуться с новыми осложнениями. Кельтские племена, которые ранее отказались помогать римлянам и, по заверениям пунийских разведчиков, готовы были беспрепятственно пропустить войска Ганнибала к Альпам, начали готовиться к войне. Узнав, что пунийцы расположились лагерем у города Иллиберис в Нарбоннской Галлии, несколько галльских вождей повели свои отряды на общее место сбора у Русциона, между реками Нарбон и Толоса, намереваясь дать карфагенянам бой. Ганнибал, однако, предпочел мирные переговоры, во время которых умиротворил кельтских вождей обещаниями дружбы и задобрил щедрыми дарами. Успокоенные галлы позволили пунийскому войску проследовать через их земли вдоль средиземноморского побережья на восток (Liv. XXI, 24; Polyb. III, 41, 7).

К середине лета Ганнибал привел свое войско к широкой полноводной реке Родан (современная Рона) и приступил к организации переправы. Именно там застал его собиравшийся выдвигаться на север Иберийского полуострова с вверенным ему войском консул Публий Корнелий Сципион. Узнав, что север Испании уже покорился пунийцам, и пребывая в полной уверенности, что Ганнибал все еще находится где-то в

районе Пиренейских гор, римский полководец отплыл из Рима и высадился в районе Массилии, где был застигнут известием о том, что карфагеняне уже здесь и готовятся к переправе через Родан. Изумленный консул отправил вверх по течению, вдоль русла реки, 300 отборных римских всадников в сопровождении проводников-массилийцев и союзных кельтов с заданием разведать обстановку и выяснить, где находятся, чем заняты и что планируют пунийцы (Liv. XXI, 26, 3-5; Polyb. III, 41; App. VII, 5).

Тем временем Ганнибал готовился к переправе, заняв правый, западный берег Родана в землях могущественного кельтского племени вольков. Эти галлы, не имея возможности противостоять пунийцам в открытой битве, вынуждены были отступить на противоположный берег под защиту полноводной реки. Их вожди намеревались дать карфагенянам бой во время переправы, к которой в лагере Ганнибала усердно готовились, собирая по окрестностям и изготавливая самостоятельно лодки-долбленки из цельных стволов деревьев и сколачивая плоты (Polyb. III, 42, 2-3; Liv. XXI, 26, 7-9). Однако переправляться на противоположный берег, где пунийцев поджидал готовый к битве неприятель, было гибельной затеей, и, понимая это, Ганнибал прибег к искусному маневру. Когда все было уже готово для форсирования Родана, карфагенский военачальник ночью отправил большой отряд иберийских пехотинцев на север вдоль реки. Вставшему во главе этого корпуса Бомилькару, сыну Ганнона, было приказано в течение дня идти вдоль Родана и, найдя удобное для переправы место, перебраться на противоположный берег. Вернувшись по этому берегу, они должны были напасть на вольков, открыв тем самым возможность для переправы основных сил карфагенян. Бомилькар блестяще справился с заданием. Пройдя 200 стадий (около 37 км)

вверх по течению, он подошел к месту, где русло Родана разделялось на два рукава, огибая остров. Быстро соорудив плоты, используя надутые воздухом меха, и даже вплавь иберийцы успешно перебрались на противоположный берег (Polyb. III, 42, 5–9; Liv. XXI, 27, 2–5).

Дав войску отдохнуть в течение одного дня, на следующее утро Бомилькар направил свой отряд на юг и к наступлению ночи подошел к лагерю вольков. Здесь он кострами и дымовыми сигналами дал знать о своем присутствии Ганнибалу, и тот скомандовал начать переправу основного войска, организовав ее таким образом, чтобы крупные суда двигались выше по течению, уменьшая напор воды на более легкие лодки. Лошадей привязывали к кормам больших лодок, и они плыли за судами самостоятельно, в то время как один из воинов придерживал по 3–4 лошади за поводья. Специальный отряд отборных пехотинцев был предназначен для прибрежной схватки и высадки десанта. Сев в лодки, эти воины направились к противоположному берегу, что было сил гребя против течения. Видя маневр неприятеля, вольски поспешили занять позиции на берегу и схватились с карфагенянами в самой реке, будучи уверенными, что сил кельтов окажется достаточно для того, чтобы помешать врагу высадиться на левом берегу реки. Однако галлы не учли присутствия у них в тылу отряда Бомилькара, который вначале захватил оставленный вражеский лагерь, а затем ударил и по самим волькам. Зажатые с двух сторон кельты вначале попытались сопротивляться, но вскоре бежали. Пунийцы добились желаемого – возможности свободно переправиться через Родан (Polyb. III, 43, 1–12; Liv. XXI, 27, 7–28, 4).

Сложнее было переправить на другой берег слонов, для них пришлось построить два больших плота, каждый из которых буксировали к противоположному

берегу несколько лодок. Чтобы погрузить животных на плот, на правом берегу Родана соорудили прочную пристань размером 200 на 50 футов (60 на 15 м), далеко выступавшую в русло реки, а плоты покрыли дерном, чтобы звери не боялись на них ступить. Переправа обошлась без неприятностей, когда, оказавшись на середине реки, слоны начинали жаться к центру плотов и грозили опрокинуть их, но все тот же страх, вначале вызывавший у животных чрезмерное волнение, потом вынуждал их впасть в оцепенение и тем самым спасал положение. Некоторые слоны, правда, взбесились и попадали в воду, но все же доплыли до берега, отыскивали мелководье и выбрались на сушу. Пострадавшими оказались лишь погонщики, которых животные посбрасывали в воду (Polyb. III, 46; Liv. XXI, 28, 6—12).

Во время перевозки слонов Ганнибалу сообщили, что в устье Родана вошел римский флот. Это была эскадра Публия Корнелия Сципиона, также только что узнавшего, что пунийцы рядом и переправляются через реку. Ганнибал послал на разведку 500 нумидийских всадников, однако те, не успев удалиться от лагеря, столкнулись с отрядом кавалеристов, отправленных в северном направлении римским консулом. В последовавшей короткой, но ожесточенной схватке победили римляне. Нумидийцы, потеряв 200 воинов убитыми, отступили, римляне же вместе с союзными галлами потеряли около 150 всадников (140 у Полибия и 160 по данным Тита Ливия). Римляне преследовали неприятелей до самого вражеского лагеря и, вернувшись, доложили Сципиону о близости противника (Polyb. III, 44, 3; 45, 1-4; Liv. XXI, 29, 1-4). Первый бой Второй Пунийской войны между римлянами и пунийцами завершился победой Рима, однако сколько-нибудь серьезных последствий это не имело – избегая бессмысленной борьбы со Сципионом, Ганнибал

стремительно снялся с места и двинулся вначале на север вдоль берега Родана, а затем по направлению к Альпам. Решению уклониться от крупного сражения с римлянами способствовало прибытие в карфагенский лагерь послов кельтского племени бойев во главе с вождем по имени Магал (Магил у Полибия). Галлы просили Ганнибала не отказываться от перехода через Альпы, обещали провести его через перевалы и уверяли в поддержке всех кельтских племен в богатой плодородной долине Пада по ту сторону гор (Polyb. III, 44, 5—13; Liv. XXI, 30, 1—31, 2).

Действительно, к этому времени в Цизальпинской Галлии вспыхнуло восстание местных кельтских племен, решающую роль в котором играли племена бойев и инсубров. Волнения привели к тому, что Рим основал в регионе две новые колонии – Плаценцию к югу от Пада и Кремону севернее реки. Вокруг поселений спешно возводились крепостные стены и было объявлено, что в тридцатидневный срок колонисты (по 6 тыс. в каждом городе) должны явиться в указанное место для раздела земель. Обеспокоенные активностью римлян кельты напали на поселенцев, изгнав их вместе с прибывшими в Мутину для раздела земель триумвирами во главе с Гаем Лутацием. Оказавшиеся в осаде римляне вынуждены были пойти на переговоры с врагом, однако бойи, вместо того чтобы договариваться об условиях мира, попросту захватили парламентаров в расчете обменять их на своих соплеменников, взятых ранее в заложники. Отправившийся на помощь осажденным претор Луций Манлий, которому была поручена защита Северной Италии, повел свои легионы на помощь Мутине, однако попал в густом лесу в засаду и потерял в первом бою около 600, а во втором около 700 бойцов и шесть штандартов. С трудом прорвавшись к поселению Таннет у реки Пад, римляне соорудили лагерь, штурмовать

который галлы не решились. Выдерживать осаду римскому войску помогало местное союзное племя кельтов ценоманы, называвшееся также бриксианами по их главному городу Брешиа (Бриксия), а еще регулярные поставки продовольствия по Паду. На помощь осажденному Луцию Манлию был отправлен претор Гай Атилий во главе одного римского легиона и 5 тыс. союзных войск. Это были контингенты, предназначавшиеся для отправки на север Иберии во главе с Публием Корнелием Сципионом, что заставило консула задержаться для набора нового легиона и позволило Ганнибалу выиграть время для продвижения к Италии. Так еще до появления карфагенских войск кельтские племена Цизальпинской Галии помогали пунийцам, и не исключено, что определенную роль в выступлении бойев могли сыграть и Ганнибаловы лазутчики. Осаду римского войска у Таннета удалось в итоге снять, однако положение в регионе оставалось тяжелым, и прибытие в пунийский лагерь у Родана посольства бойев свидетельствовало, что галлы намерены продолжить борьбу (Polyb. III, 44, 6—14; Liv. XXI, 25, 2—26, 2).

Двигаясь на север вдоль Родана, на пятый день пути Ганнибал достиг местности под названием Остров, где в реку впадал приток Изар (Изер). Здесь пунийскому полководцу удалось заручиться поддержкой здешнего племени аллоброгов. Вмешавшись в междоусобную борьбу старших и младших братьев, претендовавших на власть над племенем, Ганнибал поддержал старшего из них по имени Браня (варианты написания также Бранк или Бранеус). Младший брат был изгнан, и в благодарность за помощь Браня обеспечил карфагенское войско продовольствием, теплой одеждой и новым оружием взамен сломанного и изношенного. Еще более важным было то, что аллоброги прикрывали пунийское войско с тыла,

позволяя не опасаться нападения во время дальнейшего движения к Альпам и перехода через горы (Polyb. III, 49, 5—13; Liv. XXI, 31, 1-9). Римляне, впрочем, не преследовали Ганнибала. Подойдя к брошенному карфагенскому лагерю на Родане лишь через три дня после того, как он был оставлен, Публий Корнелий Сципион решил не преследовать Ганнибала, а готовиться к встрече с ним уже за Альпами. Большую часть войска во главе с собственным братом легатом Гнеем Корнелием Сципионом консул отправил в Испанию для борьбы с Гасдрубалом, сам же отплыл в Цизальпинскую Галлию, где принял под командование находившиеся там войска и приступил к подготовке к отражению нападения Ганнибала (Polyb. III, 49, 1-4; Liv. XXI, 32, 1-5).

После гостеприимного приема аллоброгов отдохнувшее пунийское войско проследовало через земли племен трикастингов, по границам земель воконтиев и через владения трикориев. Переправившись через реку Друэнцию (современный Дюранс) в конце октября – начале ноября 218 г. до н. э., Ганнибал вывел свою армию в предгорья Альп и встал лагерем у подножия гор (Liv. XXI, 31, 9—12). Дальнейшему движению препятствовало не только то, что местность незнакома пунийцам, но также горцы (согласно Полибию, часть племени аллоброгов), занявшие возвышенности вокруг прохода и давшие бой войску Ганнибала, что привело к большим потерям с обеих сторон (Polyb. III, 50, 4; Liv. XXI, 32, 8). Вынужденный остановиться, Ганнибал заслал к неприятелю лазутчиков из служивших проводниками кельтов, которым удалось смешаться с местными племенами и выяснить, что горные проходы охраняются только днем, а на ночь защитники расходятся по домам. Устроив на следующий день несколько показательных попыток прорыва, карфагенский полководец к ночи

вернул отряды в лагерь и велел развести в прежнем количестве костры, чтобы убедить неприятеля в том, что все его войско устроилось на ночлег. Когда же кельты покинули высоты вокруг прохода, Ганнибал во главе немногочисленного отряда занял позиции неприятеля, обеспечив армии беспрепятственное движение. Обескураженные неожиданным маневром пунийцев галлы вначале бездействовали, но затем решили ударить по врагу, воспользовавшись тем, что подъем был необычайно узким и крутым, отряды растянулись и двигались неупорядоченно, а вьючные животные могли в любой момент сорваться в пропасть. Лишь стремительной контратакой Ганнибалу удалось отбросить нападавших и ворваться в их поселение, где пунийцы смогли добыть продовольствие и вьючных лошадей, а также захватить пленников, ценных в качестве проводников и заложников. Победа позволила карфагенянам спокойно продвигаться по горным проходам в течение следующих трех дней (Polyb. III, 50-51; Liv. XXI, 32-33).

Встречавшиеся на пути карфагенского войска племена, напуганные судьбой горных аллоброгов, не выказывали враждебности и даже, как и медуллы, населявшие верховья рек Друэнции (ныне Дюранс) и Дурии (Доро), заверяли Ганнибала в своем дружеском расположении, предоставляли продовольствие, проводников и заложников. Пунийский военачальник, однако, не доверял местным жителям и вел колонну со всеми необходимыми мерами предосторожности. Вперед вместе с обозом была отправлена кавалерия и боевые слоны, замыкала движение шествовавшая во всеоружии тяжеловооруженная пехота. Опасения оказались не напрасны – когда колонна втянулась в длинное узкое ущелье, по дну которого протекала Друэнция, а тропа проходила по крутому склону, карфагеняне атаквали горцы, шедшие параллельно по

горным склонам. Сбрасывая вниз камни и обрушивая громадные глыбы, враг яростным натиском в центре колонны пунийцев попытался рассечь ее надвое, отделив обоз и всадников со слонами от пехоты, среди которой находился Ганнибал. Лишь умелое руководство сражением и мужество воинов позволили ему после продолжавшегося всю ночь боя вырваться из ловушки и соединить обе части армии. Понесенные в сражении потери были весьма значительны, особенно болезненной была утрата множества вьючных животных с поклажей, лишившая бойцов продовольствия и необходимого снаряжения. Радовало пунийцев лишь то, что после кровопролитного боя в ущелье горцы больше не решались ввязываться в большое сражение, ограничиваясь стремительными вылазками и частыми, но не особо опасными налетами с целью захвата добычи из обоза. Важную роль в защите войска сыграли, казалось бы, бесполезные в горах слоны. Хотя их невозможно было использовать в качестве боевой силы, уже сам вид диких животных отпугивал горцев.

На девятый день восхождения карфагенская армия достигла высшей точки перевала, где бойцам была дана двухдневная передышка перед началом столь же трудного спуска. Стоянка позволила не только хотя бы частично восстановить силы, но и дожидаться отставших, однако не смогла поднять боевой дух воинов. В ночь заката Плеяд, 7 ноября, выпал снег, и сильно напуганные этим солдаты покидали лагерь в унынии, гадая, какие еще неприятности сулят им переменчивая погода и коварные враги. Стремясь воодушевить бойцов, Ганнибал обогнал колонну и, поднявшись на возвышенность, обратился к войску с речью, главную мысль которой Тит Ливий передал такими словами: «Теперь вы одолеваете, – сказал он им, – стены не Италии только, но и Рима. Отныне все

пойдет как по ровному, отлогому склону; одна или, много, две битвы отдадут в наши руки, под нашу власть крепость и столицу Италии» (Liv. XXI, 35, 9; ср.: Polyb. III, 54, 3). Воодушевленное речью полководца войско продолжило движение, однако трудности на его пути ничуть не уменьшились. Горцы, к счастью, не решались предпринять масштабное нападение, главным противником армии пунийцев стала сама природа. Узкий крутой спуск, покрытый свежавыпавшим снегом, под которым скрывалась корка льда, погубил многих воинов и лошадей, неожиданно срывавшихся в пропасть при малейшем неосторожном движении. Лошади пробивали копытами твердый наст и не могли двигаться дальше, попав в ледяной капкан и изрезав ноги о его острые края. Люди же, вес которых ледяная корка выдерживала, не могли удержаться на ногах, а упав, были не в состоянии подняться без посторонней помощи и соскальзывали в пропасть.

Тропа становилась все уже, заставляя идти по самому ее краю, пока наконец не стала совершенно непроходимой из-за сошедшей недавно лавины. В таких условиях Ганнибалу не оставалось ничего иного, как пробивать дорогу сквозь обломки скал. Для этого воины разводили громадные костры, раскаляя каменные глыбы, после чего поливали их уксусом. Это размягчало породу и позволяло разбивать ее железными орудиями. За день таким образом смогли пробить проход для людей, лошадей и вьючных животных, еще три дня ушло на то, чтобы расширить его для слонов. Согласно свидетельству Аппиана Александрийского, проложенная карфагенянами дорога существовала еще во II в. н. э. и носила название Ганнибалов проход: «Подойдя к Альпийским горам и не находя ни одной дороги, по которой он мог бы пройти или подняться на горы (так как они очень отвесны), он все же, исполненный смелости, взобрался и на них; сильно

страдая от глубокого снега и холода, рубя и поджигая лес, золу же поливая водой или уксусом и ставшие вследствие этого ломкими скалы разбивая железными колунами, он проложил себе таким образом дорогу, по которой и теперь ходят через горы и которая называется проходом Ганнибала» (App. VII, 4). Открывшийся путь позволил наконец вывести животных в свободную от снега долину, где войско смогло вновь расположиться для отдыха. После последовавшего затем трехдневного спуска Ганнибал наконец вывел измученное пятнадцатидневным переходом через горы войско на равнину (Polyb. III, 50-56; Liv. XXI, 32-37; Oros. IV, 14, 3-4).

Согласно данным Полибия, карфагенскому полководцу удалось привести в Италию лишь 12 тыс. ливийских и 8 тыс. иберийских пехотинцев, а также 6 тыс. всадников (Polyb. III, 56, 4) и всего лишь нескольких слонов. Если учесть, что во время переправы через Родан войско Ганнибала насчитывало 38 тыс. пехотинцев и более 8 тыс. всадников (Polyb. III, 60, 5), а также не потеряло ни одного слона, можно оценить, насколько тяжелым был переход, во время которого была потеряна почти половина всей армии – около 18 тыс. пехотинцев и более 2 тыс. всадников, причем большинство из них погибли из-за трудностей перехода, а не в боях с местными горными племенами. К тому же спустившиеся с гор изможденные воины менее всего походили на тех, кому под силу сокрушить великий Рим. Если сравнить количество дошедших в Италию воинов Карфагена с тем, которое отправилось из Испании, то окажется, что через Альпы смогли перейти немногим больше четверти воинов Ганнибала, которых поначалу было более чем сто тысяч, – остальных забрал продлившийся более пяти месяцев переход (Liv. XXI, 38, 1; App. VII, 4). Впрочем, первые же сражения должны были показать, способен ли

карфагенский полководец справиться с возложенной им на себя миссией.

Глава 14. «Бороться и искать»: сражения при Тицине и Требии (конец 218 г. до н. э.)

Это дело, совершившееся почти непосредственно после перехода Альпийских гор, сразу подняло у живущих там кельтов славу Ганнибала как непобедимого полководца и человека, пользующегося блестящим счастьем. Так как это были варвары, а кроме того, исполненные к нему благоговейным страхом, Ганнибал, считая, что их можно обмануть по этим двум причинам, каждый день менял одеяние и прическу волос, постоянно прибегая все к новым и новым выдумкам; когда он проходил среди народов, кельты, видя его то стариком, то юношей, то человеком средних лет, постоянно меняющим свой облик, удивляясь, считали, что он причастен божественной природе.

Аппиан Александрийский. Римская история, VII, 6

После перехода через Альпы войско Ганнибала остро нуждалось в отдыхе и восстановлении сил, чему полководец придавал первостепенное значение. Встав лагерем у подножия гор, он приложил «большие старания к восстановлению душевных и телесных сил своих воинов, да и лошадей также» (Polyb. III, 60, 7). Отдых, впрочем, вынужденно был краткосрочным – Ганнибалу следовало как можно быстрее занять всю

речную долину Пада, чтобы склонить на свою сторону колеблющиеся галльские племена. К тому же к лагерю карфагенян вел свои войска, принятые от преторов Луция Манлия и Гая Атилия, консул Публий Корнелий Сципион. Римский военачальник рассчитывал ударить по пунийцам до того, как они восстановят силы и наберут наемников из местных галлов. Напасть на неприятеля как можно скорее было для Сципиона тем более важно, что под начало консула попали далеко не лучшие воины. Частично это были малообученные новобранцы, частично – деморализованные бойцы, перенесшие ряд тяжелых и унижительных поражений в недавних боях с бойями и инсубрами (Liv. XXI, 39, 3). На пути в Цизальпинскую Галлию находились и легионы отозванного из Сицилии консула Тиберия Семпрония Лонга, который отослал в Италию предназначавшийся ранее для африканской кампании флот, а пехоту переправил в Аримин (современное Римини) (Polyb. III, 61, 9—11; Liv. XXI, 51, 5–7).

Как ни спешил Сципион добраться до лагеря Ганнибала, проявив немалые организаторские способности, которые не мог не признать сам пунийский полководец (Polyb. III, 61, 1–4), карфагенское войско снялось с места за несколько дней до прибытия римлян. Первый свой удар пунийцы направили против полугалльского, полулигурийского племени тавринов, которое, с одной стороны, было союзником римлян еще с 232 г. до н. э., с другой же вело войну с галльским племенем инсубров, выступившим на стороне карфагенян сразу после перехода их войска через Альпы. Наконец, земли тавринов попросту лежали на пути движения Ганнибала в Италию, и отказ их вождей заключить с пунийцами союз, оказать содействие и беспрепятственно пропустить через свои земли предрешил участь этого племени. Действуя совместно с инсубрами, карфагеняне окружили столицу тавринов

Таврисию (современный Турин) и, захватив ее после скоротечной трехдневной осады, беспощадно вырезали всех жителей (Polyb. III, 60, 8–9; Liv, XXI, 39, 1, 4; App. VII, 5). Проявленная жестокость столь устарила все соседние племена, что они поспешили выказать Ганнибалу свою покорность и заверить его в преданности, не замедлив подтвердить слова поставками продовольствия и значительным пополнением войска воинами и лошадьми.

Если задачей Ганнибала было получить поддержку галлов, то Сципион стремился к тому, чтобы лишить карфагенян возможности маневрировать и набирать сторонников. Желая предотвратить массовый переход местных племен на сторону пунийцев, консул направил свое войско к Плаценции с целью отсечь Ганнибала от потенциальных союзников и даже смог заставить часть кельтов выступить против карфагенской армии. Карфагенскому полководцу, чтобы двигаться далее на юг и получить поддержку местных племен, нужно было разгромить римское войско (Polyb. III, 60, 8–13; Liv, XXI, 39, 3–7). Тем временем Сципион, развивая первоначальный успех, переправился через Пад и встал лагерем на его северном берегу, неподалеку от места впадения в реку полноводного притока Тицина (ныне Тичино) (Liv. XXI, 39, 10). Теперь он не только преграждал пунийцам путь на юг, контролируя пути севернее Пада и колонию Плаценцию, но и создавал угрозу для карфагенского войска с тыла в случае, если бы Ганнибал, избежав встречи с римлянами, все же переправился на правый, южный берег Пада. Сципион, впрочем, стремился не упустить пунийцев, опасаясь как того, что карфагенян поддержат галльские племена, так и того, что войско Ганнибала может разгромить римская армия во главе с Тиберием Семпронием Лонгом, в конце ноября уже выступившая из Аримина на север. Последнее было бы для Сципиона особенно

болезненным, окончательно подрывая его авторитет и выставляя полководцем, который трижды упустил врага – на переправе через Родан, из лагеря у подножия Альп и затем позволив переправиться через Пад. Желая сразиться с врагом, римский полководец приказал навести через Тицин понтонный мост и перейти с левого, восточного берега реки на правый, западный берег, в страну инсубров, где находились пунийцы. Опасения консула упустить Ганнибала оказались напрасны, поскольку карфагенский полководец сам стремился сразиться с римлянами.

Перед предстоящим сражением оба военачальника обратились к своим войскам с вдохновляющими речами, общий смысл которых сохранили Полибий и Тит Ливий (Polyb. III, 64; Liv, XXI, 40-41). Сципион напоминал римским воинам о том, что карфагенян удалось победить в предыдущей войне, заставить их уступить Риму Сицилию и Сардинию и принудить платить дань. Поэтому теперь римлянам также будет сопутствовать успех, поскольку проигравшие ранее будут сражаться с присущей побежденным неуверенностью в своих силах, тогда как победители должны биться с воодушевлением и верой в очередную победу. Консул взывал к патриотизму бойцов, которым предстояло защищать родину от захватчиков, и подбадривал легионеров тем, что недавно преодолевшие Альпы карфагеняне столь обескровлены тяжелым переходом, что даже не смогут оказать достойного сопротивления, вследствие чего неизбежную победу римского оружия припишут не доблести легионеров, а исключительно гибельности проделанного пунийцами пути. «Это – призраки, едва сохранившие внешнее подобие людей, изнуренные голодом и холодом, грязью и вонью, изувеченные и обессиленные лазаньем по скалам и утесам, с отмороженными конечностями, онемевшими в снегах мышцами, окоченевшим от стужи телом,

притупленным и поломанным оружием, хромыми и еле живыми лошадьми, – описывал вражеское войско Публий Корнелий Сципион. – С такой-то конницей, с такой-то пехотой вам придется иметь дело; это жалкие остатки врага, а не враг. И более всего меня заботит мысль, что сражаться придется вам, а люди подумают, будто Ганнибала победили Альпы» (Liv, XXI, 40, 9—10). Речь Сципиона была тем более важна, что обращался он к бойцам, потерпевшим не так давно поражение от галлов и потому не слишком уверенным в своих силах. Судя по всему, консулу удалось поднять их боевой дух, и они рвались в бой с не меньшей решимостью, чем их командир.

Не менее красноречивым предстает в изложении античных историков и Ганнибал (Polyb. III, 63; Liv, XXI, 43–44), который также говорил о вполне очевидных вещах – о пребывании бойцов в чужой, далекой от родины стране, откуда отступить не представлялось возможным: уйти по морю они не могли ввиду отсутствия кораблей, а в случае отступления по суше их вновь ждали труднопроходимые Альпы и долгая, изобилующая препятствиями и опасностями дорога. Ничего хорошего не сулил воинам Карфагена и позорный плен. Чтобы наглядно продемонстрировать бойцам их положение, Ганнибал даже устроил показательные бои между пленниками, захваченными во время перехода через горы. Для этого измученным жаждой, голодом, оковами и побоями горцам было предложено сразиться с товарищами по несчастью, чтобы либо принять легкую смерть в бою, либо, победив, получить свободу, оружие и боевого коня. Военнопленные с радостью согласились на предложенные условия, и несколько их пар сразились на импровизированной арене на виду у всего карфагенского войска. Зрители сочувственно отнеслись к участникам поединков, прославляли погибших и

восхваляли победителей. По словам Ганнибала, продемонстрированные воинам схватки призваны были воочию убедить бойцов, что у них, подобно пленным горцам, нет иного выхода, кроме как победить либо умереть. «Вы же должны быть храбры; в вашем отчаянном положении всякий иной исход, кроме победы или смерти, для вас отрезан, – завершил свою речь в изложении Тита Ливия Ганнибал. – Поэтому старайтесь победить; если даже счастье станет колебаться, то предпочтите смерть воинов смерти беглецов. Если вы твердо запечатлели в своих сердцах эти мои слова, если вы исполнены решимости следовать им, то повторяю: победа ваша – бессмертные боги не дали человеку более сильного и победоносного оружия, чем презрение к смерти» (Liv, XXI, 44, 8-9). Карфагенские воины восприняли устроенное для них зрелище и речь полководца столь же восторженно, сколь римские солдаты обращение Сципиона.

Когда с предваряющими битву подготовительными мероприятиями в обоих вражеских станах было покончено, настало время искать встречи с противником. Для этого Ганнибал отправил отряд из пятисот нумидийских всадников во главе с командиром по имени Магарбал опустошать поля союзных римлянам племен, однако избегать при этом причинения вреда галлам, склонным перейти на сторону карфагенян (Liv. XXI, 45, 2-3). Несомненно, главной задачей этого стремительно передвигавшегося по ближайшим окрестностям пунийского лагеря кавалерийского корпуса была рекогносцировка и, в случае обнаружения врага, разведка боем с целью определить количество и состав неприятельского войска, а также выяснить его намерения. Узнав, что римляне уже перешли Тицин, Ганнибал отозвал конницу Магарбала в располагавшийся у местечка Виктумул лагерь и стал готовиться к битве. В преддверии сражения пунийский

полководец вновь выступил перед воинами. И если в предыдущий раз главной задачей речи и представления было убедить бойцов, что доблестно сражаться независимо от исхода схватки – это единственное, что им остается, то теперь лейтмотивом обращения были обещания земель, богатств, освобождения от повинностей и получения карфагенского гражданства союзниками в случае победы над римлянами. Рабам Ганнибал обещал даровать свободу, а их собственникам предоставить взамен вдвое больше невольников из захваченных в плен врагов. Чтобы эти многочисленные обещания не воспринимались как пустые слова, военачальник принес в жертву богам ягненка. Разбив животному голову камнем, Ганнибал призвал богов поступить с ним так же, если он нарушит данные воинам обещания. После речи полководца карфагенские воины преисполнились желанием как можно скорее сразиться с неприятелем (Liv. XXI, 45, 4–9).

Совершенно иные настроения царили в находившемся в пяти милях от Виктумула римском войске – бойцов беспокоили недавние неблагоприятные предзнаменования. Так, накануне в римский лагерь ворвался волк, искусал всех, кто попался ему на пути, и беспрепятственно убежал прочь, а на дерево возле палатки Сципиона сел рой диких пчел. Жертвоприношения консула имели в связи с этим совершенно иной, нежели у Ганнибала, характер: римский военачальник просил богов отвести от него беду, а не призывал на себя их гнев, если не исполнит данных обещаний. Однако, как ни старался Сципион поднять боевой дух воинов, в лагере царили тревожные настроения, лишь усилившиеся из-за дурных знамений (Liv. XXI, 46, 1–3). Согласно свидетельствам Полибия и Тита Ливия, произошедшая затем битва вполне

оправдала как восторженные ожидания пунийцев, так и опасения римлян (Polyb. III, 65, 3—11; Liv, XXI, 46, 5—10).

Покончив с приготовлениями, оба полководца с нетерпением ждали начала сражения. Сципион вышел из лагеря во главе конницы и легковооруженной пехоты, планируя провести разведку боем, выяснить расположение лагеря пунийцев и проследить за их передвижениями, однако не собирался начинать пока крупное сражение. Ганнибал также вывел свою кавалерию для осмотра местности и выбора позиций перед будущей битвой. Встреча отрядов произошла неожиданно для обоих полководцев, узнавших о приближении врага по вздымавшимся впереди облакам пыли. Поняв, что столкновение неизбежно, военачальники остановились и построили войска в боевые порядки. Сципион впереди построения поставил легкую подвижную пехоту, вооруженную метательными дротиками, и союзную кельтскую конницу, тогда как римскую кавалерию и лучших всадников из числа союзников разместил во второй и третьей линиях и в тылу. Ганнибал, в отряде которого не было пехотинцев, выставил в центре тяжеловооруженных карфагенских и иберийских кавалеристов, а на фланги отправил подвижных нумидийских всадников. Бой начался со стремительного сближения неприятелей, во время которого римские велиты едва успели метнуть по одному дротику, после чего были вынуждены отступить в тыл между рядами стоявших за ними галльских и римских всадников, чтобы не быть растоптанными несущейся навстречу пунийской кавалерией. Последовавшая затем конная сшибка не принесла заметного успеха ни одной из сторон – боевые порядки сражающихся смешались и битва превратилась во множество индивидуальных схваток, во время которых многие всадники были выбиты из седел, а иные

спешивались сами, чтобы было удобнее сражаться с пешими врагами.

Начавшееся как кавалерийское, сражение быстро превратилось в смешанную схватку конницы и пехоты, причем пеших воинов становилось все больше. Битва затягивалась, воины обеих армий дрались упорно и мужественно, и ни одна из сторон не имела значительного преимущества. Между тем сосредоточение основных сил римлян в центре сражения позволило не задействованным нумидийским всадникам обойти римское войско с флангов и, зайдя ему в тыл, ударить вначале по сосредоточившимся там легковооруженным пехотинцам. Велиты были снесены первым же молниеносным рывком подвижной кавалерии, после чего нумидийцы зашли в тыл вражеской коннице. Удачно проведенный маневр решил судьбу сражения - не выдержав одновременного натиска карфагенской кавалерии с фронта и нумидийских конников с тыла, римляне отступили с поля боя, а часть из них спаслась бегством. Тяжелую ситуацию усугубило ранение Публия Корнелия Сципиона, которого атаковали одновременно несколько вражеских всадников. Лишь вмешательство семнадцатилетнего сына консула, будущего победителя Ганнибала Публия Корнелия Сципиона Младшего, участвовавшего в сражении с разрешения отца, спасло консула от плена или даже гибели. Пока сопровождавший юношу отряд отборных всадников пребывал в нерешительности, Сципион-младший «один с изумительной отвагой понесся на врагов, окружавших его отца. Тогда должны были броситься в битву и прочие воины; неприятели в ужасе бежали, а чудесно спасенный Публий тут же сам в присутствии всех назвал сына своим спасителем» (Polyb. X, 3, 2-6; см. также Liv. XXI, 46, 7-8). Согласно другой версии, консула спас некий раб лигурийского происхождения, однако

античная историческая традиция, склонная к прославлению будущего победителя Ганнибала, в основном отдала предпочтение преданию о спасении отца именно собственным сыном (Liv. XXI, 46, 10).

Ранение римского полководца, впрочем, не помешало большей части его войска организованно отступить, поскольку под ударом нумидийской конницы разбежались исключительно легковооруженные пехотинцы-велиты, тогда как римские кавалеристы «сплотились вокруг консула и, защищая его не только оружием, но и своими телами, вернулись вместе с ним в лагерь, отступая без страха и в полном порядке» (Liv. XXI, 46, 9). Тем не менее очевидная победа была на стороне карфагенян, вселив в них уверенность в собственных силах. Сражение убедительно показало превосходство пунийской конницы, прежде всего нумидийцев, над римскими всадниками, что делало бесперспективными для римлян сражения в открытом поле, между северным берегом Пада и предгорьями Альп (Liv. XXI, 47, 1). Следовательно, Сципиону нужно было избегать нового сражения в этой местности и отводить войска на более выгодные для него позиции, где использование конницы было бы ограничено, а пехота, наиболее сильная составляющая римского войска, играла бы решающую роль. Кроме того, после понесенных потерь разумно было объединить силы с войском Тиберия Семпрония Лонга. Руководствуясь этими соображениями, Публий Корнелий Сципион приказал ночью тайно покинуть лагерь и переправиться по заранее наведенному мосту через Пад, а затем двигаться к Плаценции (Polyb. III, 66, 1-2; Liv. XXI, 47, 2). Замысел консула состоял в том, чтобы избежать сражения с Ганнибалом до объединения сил консульских армий, после чего принять бой исключительно на выгодных для римлян условиях в

местности, затруднявшей использование вражеской кавалерии и боевых слонов.

Важным следствием битвы при Тицине стал массовый переход местных галльских племен на сторону карфагенян. Занимавшие ранее нейтральную, выжидательную позицию вожди кельтов отправили посланцев к Ганнибалу с заверениями в дружбе и обещаниями помощи в борьбе против Рима. «Дело в том, – пишет Полибий, – что, лишь только одержана была победа, все окрестные кельты согласно первоначальному плану спешили предложить карфагенянам свою дружбу, снабдить их припасами и принять участие в походе» (Polyb. III, 66, 7). Так римляне лишились не только территории на левом берегу Пада, но и вооруженного нейтралитета местного населения. Бойи и инсубры, убежденные победой Ганнибала в силе карфагенского войска, не только помогали победителю поставками продовольствия, но и присоединяясь к пунийцам целыми племенными отрядами. Так пунийцы получили практически неисчерпаемый ресурс для пополнения своей армии наемниками и союзниками, не говоря уже о дружеском расположении и всяческом содействии местных жителей. Впрочем, достигнутый успех нуждался в подтверждении и закреплении, поскольку многие из поддержавших Ганнибала кельтских племенных вождей одновременно вели переговоры и с римлянами, желая обезопасить себя на тот случай, если в следующий раз победителями окажутся они.

Бросившись в погоню за отступавшим Сципионом, Ганнибал успел лишь захватить в плен 600 воинов, оставленных для разрушения моста через Пад. Успешное уничтожение переправы дало римскому полководцу фору в несколько дней, позволившую достичь Плаценции и обустроить рядом с колонией мощный лагерь. Ганнибал же, потратив на поиски

удобного для переправы места два дня, поднялся вверх по течению реки, где смог соорудить мост. Именно во время переправы на южный берег Пад к карфагенскому полководцу прибыли многочисленные посольства от окрестных кельтских племен, которые он радушно принял, стремясь заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом племенных вождей. Пока велись переговоры и основная часть пунийской армии переправлялась через Пад, Ганнибал отправил вниз по течению реки конницу во главе с Магоном Баркидом (Liv. XXI, 47, 7). Ее первостепенными задачами, судя по всему, были разведка, определение маршрута движения основной части войска, а также создание угрозы неприятелю в окрестностях его лагеря, чтобы лишить римлян возможности заготавливать фураж и продовольствие. Двинувшись затем вслед за этим передовым отрядом, Ганнибал через два дня подошел к лагерю Сципиона у Плаценции, намереваясь дать римлянам решающее сражение. Для этого пунийский военачальник даже выстроил войска в боевые порядки, рассчитывая, что римский консул решится вывести свое войско на битву. Когда же этого не произошло, Ганнибалу не оставалось ничего иного, кроме как разбить свой лагерь недалеко от римского и выжидать. Карфагенский полководец обосновался на расстоянии шести миль от римского стана согласно Титу Ливию и одной мили с четвертью согласно Полибию (Polyb. III, 66, 11; Liv. XXI, 47, 8). Это решение казалось не худшей тактикой, тем более что пунийцы не испытывали проблем с поставками продовольствия от поддержавших их галлов, тогда как положение римлян было весьма тяжелым, поскольку они не только не получали поддержки извне, но против них могли ополчиться их союзники из галльских племен, находившиеся в их собственном лагере.

Действительно, вскоре после того как Ганнибал встал лагерем у Плаценции, в римском стане вспыхнуло восстание галлов из вспомогательных отрядов. Выждав удобный момент на исходе ночи, когда происходила утренняя смена караула, кельты напали на римскую стражу и, учинив страшную резню, во время которой погибло множество римлян, перебежали к пунийцам. Убитым галлы отсекали головы, по всей видимости, для того, чтобы предоставить их карфагенянам в качестве доказательства реальности бунта. Всего в пунийский лагерь из римского переметнулось около 2 тыс. пехотинцев и чуть менее 200 всадников. Ганнибал принял перебежчиков радушно и, щедро их одарив, отослал в родные племена. Действуя таким образом, пунийский полководец хотел склонить к выступлению против римлян все племена перебежчиков, которым не приходилось рассчитывать на мирные отношения с Римом после того, как воины из их племен массово дезертировали, к тому же убив многих римских воинов (Polyb. III, 67, 1-5; Liv. XXI, 48, 1-2). Одновременно в карфагенский лагерь прибыло посольство от племени бойев, предложившее передать пунийцам пленных римских магистратов, захваченных еще во время боевых действий под Мутиной. Ганнибал, однако, отказался от столь щедрого предложения, оставив пленников бойам, чтобы они могли обменять их на заложников из своего племени, удерживавшихся римлянами (Polyb. III, 67, 6-7).

Мятеж галлов крайне встревожил Сципиона, посчитавшего, что учиненная в римском лагере резня спровоцирует всех местных кельтов к одновременному выступлению против Рима на стороне карфагенян. В такой ситуации нельзя было оставаться на открытом пространстве у Плаценции, где сражение с карфагенской конницей и элекфантерией сулило неминуемое поражение. Чтобы не допустить этого,

консул решил отвести свою армию в более пригодную для сражения с карфагенянами местность с множеством высоких холмов и горных отрогов Апеннин, расположенную к западу от Плаценции, за правым притоком Пада под названием Требия. Скрытно покинув лагерь уже на следующую после галльского бунта ночь, римский полководец смог практически без потерь переправиться через Требию и встать лагерем на ее левом, западном берегу. Возможно, римляне пошли бы и дальше, однако Сципиона задерживала рана, разбередившаяся во время движения. Едва узнав о выдвигании римлян из лагеря, Ганнибал отправил за ними в погоню вначале нумидийских конников, а затем и всю кавалерию, вслед за которой выдвинулась пехота. Арьергард и обоз римлян от неминуемого истребления и разграбления спасла лишь недисциплинированность нумидийцев, которые, завидев оставленный римский лагерь, принялись рыскать по нему в поисках добычи. Пока преследователи, теряя драгоценное время, жгли палатки и разрушали постройки в покинутом стане, римляне успели закончить переправу через Требию, так что пунийцам удалось убить или захватить в плен лишь нескольких вражеских воинов. Не сумев атаковать римскую армию на марше, Ганнибал направился к Требии, где вновь разбил лагерь неподалеку от римского. В сложившейся ситуации оба военачальника предпочитали выжидать, не предпринимая никаких активных действий. Ганнибал усиливал свое войско за счет прибывавших галльских отрядов, Сципион же ожидал подхода консульской армии Тиберия Семпрония Лонга. Единственным значительным событием, произошедшим за это время, стал переход на сторону карфагенян гарнизона римской крепости Кластидий (современный городок Кастеджо), комендант которой, некий Дазий из Брундизия, был подкуплен суммой в 400 золотых монет. Это был болезненный удар для римлян,

поскольку в Кластидии хранились большие запасы зерна, доставшиеся теперь пунийцам. И это обеспечило потребность войска Ганнибала в продовольствии на все время пребывания у Требии, тем более что не прекращались поставки провизии от дружественно настроенных кельтских племен. С захваченными в крепости пленными карфагенский полководец обошелся традиционно мягко, склоняя их к переходу на его сторону (Polyb. III, 68, 1-8; Liv. XXI, 48).

Положение римлян, не имевших возможности пополнять припасы и даже удалаться на сколько-нибудь значительное расстояние от лагеря из-за рыскавшей по округе пунийской конницы близилось к критическому, когда в их лагерь прибыло наконец шедшее ускоренным маршем войско во главе с консулом Тиберием Семпронием Лонгом. Ганнибал, судя по всему, сознательно не препятствовал объединению консульских армий в расчете на то, что теперь римляне станут наконец решительней и не будут уклоняться от открытого сражения. Пунийский военачальник не ошибся в своих расчетах: получив подкрепление и продовольствие, воины Сципиона воспрянули духом. Вновь же прибывшие воины из армии Семпрония Лонга во главе с полководцем и вовсе рвались в бой, не сомневаясь в победе над карфагенянами (Polyb. III, 68). Против поспешных необдуманных действий активно выступал разве что страдавший от раны Сципион, считавший, что римлянам следует использовать зимний период для обучения воинов и подготовки их к будущим сражениям. Кроме того, считал он, перерыв в боевых действиях приведет к тому, что от пунийцев начнут постепенно отпадать поддерживающие их галлы, и это ослабит врага и сыграет на руку римлянам даже в том случае, если кельты займут всего лишь нейтрально-выжидательную позицию. Давать же решающее сражение в условиях превосходства пунийцев в

коннице, а также учитывая истощенность одной части римского войска после понесенного поражения, а другой – после длительного сорокадневного марша, во время которого пришлось преодолеть почти 1800 км, Сципион считал невозможным. Противоположную позицию занимал Семпроний Лонг, стремившийся как можно скорее разбить Ганнибала, еще до истечения своих консульских полномочий. Честолюбивый консул желал стяжать себе всю славу победителя пунийцев, понимая, что раненый коллега не сможет полноценно командовать войсками на поле боя. На стороне Семпрония было и римское общественное мнение, считавшее поражение Сципиона при Тицине следствием неблагоприятного стечения обстоятельств и, возможно, свидетельством отсутствия у этого консула полководческих талантов (Polyb. III, 68, 9–12, 70; Liv. XXI, 52–53).

Решающую роль в победе мнения Семпрония Лонга о необходимости скорейшего решающего сражения сыграли действия Ганнибала против кельтских племен, склонявшихся к заключению либо возобновлению союзнических отношений с римлянами. Пунийский полководец направил карательную экспедицию из 2 тыс. пехотинцев и 1 тыс. всадников против неблагонадежных и неблагодарных галлов, ранее обещавших ему полную поддержку, а теперь выступавших на стороне римлян либо стремившихся сохранить нейтралитет. Пунийские войска огнем и мечом прошлись по кельтским землям, заставив племенных вождей обратиться за помощью к римским войскам, поскольку кельты, дескать, страдали от вражеского вторжения исключительно вследствие своей чрезмерной преданности Риму. Между консулами возник спор, как следует поступить в данном случае. Сципион считал, что время и повод для сражения неприемлемы, поскольку римское войска не готово к

битве, и тем более не следует защищать склонных к измене галлов. Семпроний настаивал на том, что лучший способ приобретения и сохранения союзников – это оказание им помощи, когда они попадают в затруднительное положение. Поскольку Сципион колебался и медлил, Семпроний решил действовать самостоятельно, отправив против карательных отрядов Ганнибала почти всю находившуюся непосредственно под его началом конницу, а также тысячу легковооруженных пехотинцев. Переправившись через Требию, римские воины застали не ожидавших нападения и занятых грабежом карфагенян врасплох, что позволило римлянам обратить в бегство неорганизованных и отягощенных добычей неприятелей до самого пунийского лагеря. Отброшенные охраной пунийского лагеря, римляне возобновили натиск, причем Семпроний на этот раз бросил в бой всю свою конницу и копьеметателей. Действия римлян заставили Ганнибала вывести из лагеря и развернуть в боевое построение все свое войско, однако атаковать противника карфагенский военачальник посчитал невозможным, справедливо полагая, что сражение следует начинать, заранее продумав его план, а не затевать по любому незначительному поводу. Не решились атаковать пунийскую армию и римляне, Семпроний отвел войска в лагерь, считая себя победителем, поскольку убитыми на поле боя остались в основном пунийцы (Polyb. III, 69, 5—14; Liv. XXI, 52, 3—11).

Победа в этой малозначительной стычке окончательно убедила Семпрония Лонга в возможности скорого разгрома карфагенского войска. Игнорируя мнение Сципиона, Лонг стремился побыстрее навязать врагу битву, опасаясь, что пунийцы могут даже отступить, тем самым лишив его славы победителя. Такая незамутненная даже малейшим сомнением вера в

победу была выгодна Ганнибалу, хорошо знавшему о настроениях в римском лагере благодаря лазутчикам из числа галлов и как следует готовившемуся к предстоящему сражению. Для этого пунийский военачальник тщательно изучил местность между карфагенским и римским лагерями, подыскивая место для засады. Его внимание привлек протекавший между Требией и пунийским станом ручей (возможно, Нуретта) с крутыми, обрывистыми, густо поросшими камышом и кустами берегами. Место идеально подходило для засады, поскольку в этих зарослях можно было легко укрыть не только пехотинцев, но и всадников, особенно если сложить оружие на землю, а шлемы прикрыть щитами. Поделившись своими соображениями на военном совете и получив одобрение от высших командиров, Ганнибал приступил к подготовке к битве.

Первым делом предстояло сформировать специальный отряд из отборных всадников и пехотинцев, который планировалось разместить в засаде. Командование им было поручено брату Ганнибала Магону. Он должен был выбрать под свое начало по сотне лучших всадников и пехотинцев, каждый из которых, в свою очередь, должен был привести еще девять бойцов своего рода войск. Возглавив сформированное таким образом элитное подразделение из тысячи лучших кавалеристов и тысячи наиболее опытных пеших воинов, Магон накануне сражения скрытно, под покровом темноты занял позиции у выбранного Ганнибалом ручья. Следующий день конца декабря 218 г. до н. э. пришелся на время зимнего солнцестояния, а значит, был самым коротким в году. Погода выдалась благоприятной для реализации замысла карфагенского полководца – с утра сыпал снег, сменившийся холодным колючим дождем. Расчет Ганнибала состоял в том, чтобы выманить неподготовленных к бою римлян из лагеря и втянуть в

преследование притворно отступавших нумидийских всадников, вымотать неприятеля, а затем ударить по нему хорошо подготовленными к сражению основными силами карфагенского войска. Нумидийцы великолепно справились со своей задачей, вызвав своим внезапным набегом переполох в римском лагере и заставив Семпрония Лонга спешно вывести в поле вначале всю конницу, а вслед за ней и остальное войско. Римские бойцы вышли из лагеря не позавтракав и не одевшись достаточно тепло для стоявшей промозглой погоды, кавалеристы не успели покормить лошадей, также страдавших от холода. Ринувшись преследовать отступавших нумидийцев, римляне в запале форсировали реку, холодная вода в которой доходила воинам до груди, и когда они выходили на противоположный берег, то были не способны сражаться, поскольку едва удерживали оружие в окоченевших руках.

Все то время, пока римляне выступали из лагеря и форсировали реку, пунийцы завтракали, грелись у костров и растирались оливковым маслом, кормили и готовили к бою лошадей и проверяли оружие. На поле боя карфагенянам предстояло выйти «бодрыми душой и телом», тогда как противостоящий им враг был измучен голодом, холодом и длительным преследованием. Получив сигнал о том, что римляне переправились через Требию, Ганнибал отдал приказ вывести войско в поле и построить его для боя (Polyb. III, 72, 1-5; Liv. XXI, 55, 1). Первыми выдвинулись легковооруженные балеарские пращники и метатели дротиков числом около 8 тыс. Их задачей было прикрыть отступавших нумидийцев и дать всадникам возможность отойти в тыл для того, чтобы перестроиться. За балеарами расположились основные силы пунийского войска. Центр его построения занимала тяжеловооруженная пехота из ливийцев, иберов и галлов, насчитывавшая

около 20 тыс. воинов. На флангах Ганнибал разместил всадников, число которых суммарно составляло то ли 9 тыс. (согласно Титу Ливию), то ли более 10 тыс. (по данным Полибия). Перед отрядами кавалеристов на флангах были поставлены боевые слоны (Polyb. III, 72, 7—10; Liv. XXI, 55, 2). Описанным силам карфагенян Семпроний Лонг мог противопоставить завершивших невероятно тяжелую переправу воинов, общее число которых составляло примерно 40-42 тыс. Из них 4 тыс. были кавалеристами, преследовавшими нумидийцев и попавшими в особенно затруднительное положение, когда неприятель, применяя свою обычную тактику, перешел после притворного отступления в стремительную контратаку. Спасая свою конницу, консул приказал всадникам отступить и занять позиции на флангах. При этом, в отличие от пунийцев, римский военачальник распределил отряды кавалеристов не поровну между двумя флангами, а отправил на правое крыло построения тысячу римских конников, а на левое — 3 тыс. союзников. Центр же римского построения заняла пехота, насчитывавшая от 16 тыс. (согласно Полибию) до 18 тыс. (по Титу Ливию) римлян, 20 тыс. союзников и тех, кто имел право латинского гражданства, а также отряды из кельтского племени ценоманов. Последние были заклятыми врагами инсубров и, следовательно, не могли выступить на стороне карфагенян (Polyb. III, 72, 11-13; Liv. XXI, 55, 3-4).

Сражение начали отряды конницы на флангах и выставленные впереди обеих войск пехотинцы с дротиками и прочим метательным оружием. Более чем вдвое уступавшая врагу по численности и к тому же неравномерно распределенная по флангам римская кавалерия оказалась в особенно трудном положении. Уставшие лошади римлян и их союзников шарахались от шедших в атаку боевых слонов, и вскоре

карфагеняне получили решающее преимущество на флангах, смяли и отбросили к реке вражескую конницу, обнажив фланги построения римской пехоты. Трудно пришлось и легковооруженным римским велитам, лишившимся во время преследования нумидийцев большей части дротиков. Оказавшись практически безоружными под обстрелом балеаров, они вынуждены были отступить за боевые порядки манипул принципов и триариев. Добившись этого, Ганнибал также отвел легковооруженную пехоту карфагенян, усилив ею фланги своего боевого построения. Вслед за этим последовала мощная атака пунийцев на центр и не прикрываемые более конницей фланги боевого построения римлян. В центре наступали слоны, а в тыл римлянам ударил карфагенский засадный отряд под командованием Магона.

Организовав круговую оборону, римляне дрались мужественно и упорно. Им даже удалось отбить наступление боевых слонов, которых велиты забросали дротиками и заставили повернуть назад, врезаясь в построение пунийской пехоты. Чтобы ликвидировать эту угрозу, Ганнибал приказал отвести слонов на левый фланг и направить их против ценоманов, которые в ужасе бежали от расшвырявших в бою невиданных животных. Вырваться из окружения удалось лишь отряду из 10 тыс. римских легионеров во главе с Семпронием Лонгом. Не имея возможности отступить к лагерю, римские воины направились к Плаценции, а карфагеняне из-за непогоды не смогли организовать их преследование и сосредоточились на уничтожении остатков окруженных римских войск. Вслед за отрядом Семпрония в Плацению, а затем в Кремону отошли также отряды, остававшиеся в римском лагере под командованием Сципиона. Пунийцы не стали их преследовать то ли из-за непогоды, то ли из-за усталости после битвы. Потери пунийцев тоже были

немалыми - римляне перебили чуть ли не всю легковооруженную пехоту, состоявшую из кельтов, нанесли существенный урон тяжеловооруженным пехотинцам. Конницу и боевых слонов подкосила непогода - десятки лошадей пали, а из боевых слонов осталось либо не более семи (по данным Тита Ливия (Liv. XXI, 58, 11)), либо всего один (согласно утверждению Полибия (Polyb. III, 74, 10)) (Polyb. III, 73, 6-8; Liv. XXI, 55, 5-11; 56, 1-9; App. VII, 6-7).

Битва при Требии стала, таким образом, первым крупным поражением римлян во Второй Пунической войне. В ней погибло около 20 тыс. римских воинов, тогда как потери карфагенян были существенно меньшими и приходились в основном на союзную кельтскую пехоту. Основной урон пунийскому войску нанесли не столько римляне, сколько непогода, из-за которой погибло множество боевых лошадей, слонов и вьючных животных. Тем не менее Ганнибал по праву мог праздновать победу - его блестяще задуманная и реализованная тактическая операция дала желаемые результаты. Наголову разбив обе консульских армии, карфагенский военачальник стал единовластным хозяином положения в Цизальпинской Галлии, заставив окончательно перейти на сторону пунийцев все колебавшиеся до того галльские племена, за исключением ценоманов, которые остались верны римлянам. Единственными римскими твердынями на севере Италии остались Плаценция и Кремона, взять которые штурмом, не имея осадной техники, Ганнибал не мог, а тратить время на длительную осаду не считал нужным. Действительно, отвлекаться на захват последних римских крепостей карфагенскому полководцу не имело смысла - отныне ему был открыт путь в Центральную Италию.

Глава 15. «Ему - своя работа, мне - моя»: Ганнибал против Гая Фламиния и Квинта Фабия Максима в 217 г. до н. э.

Консул Фламиний со времен его предыдущего консульства преисполнен был дерзостью: и сенат, и законы, и сами боги были ему ни о чем. От природы он был человеком безрассудным, и судьба питала его опрометчивость успехами на войне и в гражданской деятельности. Было ясно: он станет действовать неистово и стремительно, не спрашивая совета ни у богов, ни у людей. Чтобы еще сильнее подчинить этого консула власти его пороков, Пуниец начал дразнить его и выводить из себя: оставив неприятеля слева, он направился к Фезулам, идя серединой Этрурии, чтобы пограбить, и чтобы консулу издали было видно, как враг опустошает страну, какие пожары устраивает, как избивает людей. Фламиний, который, даже видя, что враг ведет себя тихо, не усидел бы на месте, теперь, когда у него почти на глазах грабили и разоряли союзников, счел для себя позором, что Пуниец разгуливает посреди Италии и, не встречая сопротивления, пойдет прямо на Рим.

Тит Ливий. История Рима от основания города, XXII, 3, 4-7

В то время как Ганнибал проводил зиму 218–217 гг. до н. э. в Цизальпинской Галлии, разоряя римские эмпории и пытаясь помешать поставкам продовольствия по Паду в колонии Плаценцию и Кремону, в Риме новыми консулами на 217 г. до н. э. были избраны пользовавшийся поддержкой аристократии Гней Сервилий Гемин и лидер демократических кругов Гай Фламиний. Обеспечить их избрание смог Тиберий Семпроний Лонг, которому удалось прибыть в Вечный город, несмотря на опасность быть захваченным одним из многочисленных конных отрядов пунийцев, рыскавших с целью грабежа по всей Цизальпинской Галлии. Выборы прошли в обстановке крайней нервозности, вызванной тревожными вестями о поражении обеих консульских армий в битве при Требии. Римляне узнали о случившемся, несмотря на попытку Семпрония скрыть в первоначальном донесении правду о реальных последствиях битвы и заявить, что победе римлян помешала лишь разыгравшаяся непогода. Ко времени прибытия консула в город там уже знали и об отступлении войск в Плаценцию и Кремону, и о захвате пунийцами римского лагеря и фактической блокаде колоний господствовавшим на всем пространстве Цизальпинской Галлии врагом, на сторону которого перешли практически все местные кельтские племена. Доставлять продовольствие изолированной в двух городах римской армии через контролируемую врагом территорию можно было лишь на судах, поднимавшихся от устья Пада вверх по течению реки (Polyb. III, 75, 1–3). Напуганные противоречивыми слухами римляне готовы были поверить даже в скорое появление знамен Ганнибала у стен их города, что лишало их воли к сопротивлению и надежды на какую-либо помощь извне в условиях, когда обе консульские армии были разгромлены (Liv. XXI, 57, 1–2).

Прибытие Семпрония и выборы новых консулов несколько исправили положение, однако окончательно успокоить взбудораженное римское общество не смогли. Наглядным признаком глубочайшего кризиса и ожесточенной политической борьбы при угрозе вражеского нападения и необходимости оказывать сопротивление победоносному противнику стал уже сам выбор кандидатур будущих консулов, а также борьба в сенате, развернувшаяся по поводу назначения одного из них – предводителя демократов Гая Фламиния. Фламиний был известным политиком, уже давно пользовавшимся поддержкой римского простонародья и вызывавшим стойкую неприязнь к себе сенаторов. Еще в 232 г. до н. э., в бытность народным трибуном, он инициировал и обеспечил принятие закона о раздаче простым римским гражданам земельных наделов на Галльском поле, нарушавшего интересы знати и приведшего к обострению отношений с кельтами в Цизальпинской Галлии. Еще болезненнее восприняла римская аристократия поддержку Гаем Фламинием так называемого «закона Клавдия», согласно которому сенаторам запрещалось владеть кораблями грузоподъемностью более 300 амфор. «Эта вместимость считалась законодателем достаточной, чтобы привезти в город из деревни припасы для собственного употребления; торговля же признавалась для сенаторов безусловно позорной. Закон этот, наделавший очень много шума, принес Фламинию, который отстаивал его, ненависть знати, но зато любовь народа и, таким образом, вторичное консульство» (Liv. XXI, 63, 4). Немало способствовал популярности Гая Фламиния и его первый консульский срок в 223 г. до н. э., во время которого он разгромил инсубров и добился проведения церемонии триумфа благодаря поддержке народного собрания, которое смогло преодолеть противодействие со стороны сената.

Став консулом, Фламиний поспешил покинуть Рим, не исполнив даже традиционных религиозных обрядов, совершаемых при вступлении в должность. Его стремительный отъезд в Аримин, куда Семпронию Лонгу было приказано перевести легионы из Плаценции, объяснялся опасениями, что сенаторы под каким-либо предлогом помешают ему уехать из столицы, а также необходимостью как можно скорее организовать оборону Центральной Италии, выставив заслоны на возможных путях движения войск Ганнибала. Попытки вернуть Гая Фламиния в Рим для проведения всех необходимых церемоний оказались безуспешны, поскольку консул проигнорировал обращение отправленных к нему в качестве послов Квинта Теренция и Марка Атистия (Liv. XXI, 63; XXII, 1, 4–7). Однако если в соблюдении религиозных ритуалов одним из консулов возникла неувязка, то практическая подготовка к обороне Вечного города шла планомерно и без сбоев. Римляне направили крупные гарнизоны во все ключевые пункты на пути возможного вражеского вторжения – на юг Апеннинского полуострова в Тарент, на острова Сицилию и Сардинию и «все другие удобно расположенные пункты». Для усиления военно-морского флота были введены в строй еще 60 квинквирем, а с целью обеспечения сухопутной армии продовольствием в непосредственной близости от предполагаемой зоны боевых действий организованы крупные склады в Этрурии и Аримине. Новоизбранные консулы Гай Фламиний и Гней Сервий Гемин рекрутировали в Риме воинов для усиления основательно потрепанных Ганнибалом консульских армий, а также обращались за помощью к союзникам, войска которых также стягивались в Вечный город. Полибий сообщает, что даже сиракузский царь Гиерон прислал римлянам отряд из 500 критских наемников и

тысячу пельтастов – воинов, использовавших для защиты небольшой серповидный щит (Polyb. III, 75, 4–8).

К началу боевых действий с наступлением весны готовился и Ганнибал, войско которого увеличилось по меньшей мере втрое за счет около 60 тыс. пехотинцев и 4 тыс. всадников из присоединившихся к пунийской армии галлов. Благодаря этому под началом карфагенского полководца оказалось столько же бойцов, сколько было в самом начале похода, после переправы через реку Ибер. Зимой 218–217 гг. до н. э., оставаясь в Цизальпинской Галлии, Ганнибал продолжил боевые действия против римлян – нумидийская конница тревожила неприятеля на равнине, а пехотинцы из кельтиберов и лузитанов действовали в неудобных для всадников предгорьях. Вначале пунийский военачальник попытался захватить небольшую крепость на берегу Пада, неподалеку от Плаценции, через удобные пристани которой в колонию доставлялось продовольствие. Организовать внезапное ночное нападение не удалось, поскольку стража подняла тревогу и гарнизон умело отбил первую попытку штурма. К утру же на подмогу охранявшим крепость воинам из Плаценции прибыл во главе римской конницы Публий Корнелий Сципион, приказавший легионам следовать за ним походным порядком. В завязавшейся кавалерийской схватке Ганнибал был ранен и предпочел отступить, не желая при таких обстоятельствах начинать крупное сражение с находившейся на подходе римской тяжеловооруженной пехотой. Сципион, понимая, что его войско слишком ослаблено для преследования отступавшего врага, принял решение вернуться в Плаценцию (Liv. XXI, 57, 5–8). Произшедшая стычка была локальным эпизодом в борьбе римлян за сохранение, а карфагенян – за уничтожение узловых пунктов снабжения римских войск в Цизальпинской

Галлии необходимыми припасами. В этот раз консулу удалось сохранить жизненно важный для Плаценции опорный пункт, однако вскоре пунийцы возобновили давление на римские коммуникации и крепости.

Следующий удар Ганнибала был направлен на местечко Виктумулы, ставшее важной продовольственной базой римлян еще со времен войны против инсубров в 223 г. до н. э. Тит Ливий сообщает, что в этом небольшом городке собрались беженцы со всей разорвавшейся нумидийскими всадниками округи. Узнав о том, как успешно удалось отбить нападение карфагенян на крепость у Плаценции, горожане Виктумул и собравшиеся здесь крестьяне решили дать войску Ганнибала бой в поле, не дожидаясь штурма города неприятелем. Войско ополченцев оказалось весьма внушительным и насчитывало около 35 тыс. бойцов, однако в основном оно состояло из плохо вооруженных и мало обученных римских поселенцев, не имевших ни малейших шансов в противостоянии с закаленными в сражениях воинами карфагенского полководца. Вражеские войска неожиданно столкнулись во время встречного движения и были вынуждены начать сражение, на ходу перестраиваясь из походного в боевой порядок. Поскольку «с одной стороны дралась нестройная толпа, а с другой – уверенные друг в друге вожди и войско, то тридцать пять тысяч человек были обращены в бегство сравнительно немногими» (Liv. XXI, 57, 12). На следующий день Виктумулы сдались на милость победителя, добровольно открыв пунийцам городские ворота. У горожан было изъято все оружие, после чего город был нещадно разграблен карфагенянами: «Ни одно из бедствий, которые летописцы в подобных случаях считают достойными упоминания, не миновало жителей: все, что только могли придумать своеволие,

жестокость и бесчеловечная надменность, обрушилось на этих несчастных» (Liv. XXI, 57, 14).

Одержанная победа и захваченная в Виктумулах и других разграбленных римских поселениях добыча на зимнее время обеспечили войско Ганнибала продовольствием и помогли сдерживать галлов, недовольных тем, что война слишком долго идет в пределах их страны и у них нет возможности всласть пограбить римлян на юге (Polyb. III, 78, 5; Liv. XXII, 1, 1-4). Раздражение и ропот новоприобретенных галльских союзников нарастали, и эффективно купировать их можно было, лишь поскорее направившись в Центральную Италию. Пока же карфагенскому полководцу оставалось ждать наступления весны, готовить войско к походу и грядущим сражениям, а также выстраивать грамотную политическую линию по отношению к италикам, стремясь отколоть их от римлян. По свидетельству Полибия, с римскими союзниками Ганнибал обращался «чрезвычайно ласково», убеждая их, «что он пришел воевать не против них, но за них с римлянами. Поэтому, говорил он, им следует, если они хотят поступить благоразумно, примкнуть к нему, ибо он явился прежде всего для восстановления свободы италийцев и для возвращения различным племенам городов их и земель, отнятых римлянами» (Polyb. III, 77, 4-6). Пленных римлян Ганнибал держал на хлебе и воде, а римских союзников, заверив в своей благосклонности, вскоре без выкупа отпускал восвояси в расчете на то, что они смогут склонить сограждан принять его сторону в борьбе против Рима. Как видим, политические средства карфагенский военачальник справедливо считал не менее, а то и более важными, нежели военные успехи, ясно сознавая, что лишь раскол римско-италийского союза сможет обеспечить карфагенянам уверенную победу над Римом.

Как только зима начала отступать, Ганнибал предпринял попытку перенести военные действия в Этрурию, переведя войска через Апеннинские горы. Спешить с началом боевых действий его заставляли как настроения среди союзных галлов, так и желание удержать стратегическую инициативу и переманить на свою сторону римских союзников. Раннее начало похода, возможно, было вызвано также тем, что Апеннины не казались серьезной преградой карфагенскому военачальнику, ранее преодолевшему гораздо более высокие и труднопроходимые Альпы. Впрочем, Ганнибал явно недооценил опасность перехода через горы ранней весной, и первая попытка вторжения в Этрурию завершилась неудачно – после двухдневного похода карфагенское войско вынуждено было повернуть назад из-за разыгравшейся непогоды. Описание постигших пунийцев бедствий приводит Тит Ливий: «...во время перехода через Апеннины его застигла такая страшная буря, что в сравнении с ней даже ужасы Альп показались почти ничем. Дождь и ветер хлестали пунийцев прямо в лицо и с такой силой, что они или были принуждены бросать оружие, или же, если пытались сопротивляться, сами падали наземь, пораженные силой вьюги. На первых порах они только остановились. Затем, чувствуя, что ветер захватывает им дыхание и щемит грудь, они присели, повернувшись к нему спиной. Вдруг над их головами застонало, заревело, раздались ужасающие раскаты грома, засверкали молнии; пока они, оглушенные и ослепленные, от страха не решались двинуться с места, грянул ливень, а ветер подул еще сильнее. Тут они наконец убедились в необходимости расположиться лагерем на том самом месте, где были застигнуты непогодой. Но это оказалось лишь началом новых бедствий. Нельзя было ни развернуть полотнище, ни водрузить столбы, а если и удавалось раскинуть

палатку, то она не оставалась на месте – все разрывал и уносил ураган. А тут еще тучи, занесенные ветром повыше холодных вершин гор, замерзли и стали сыпать градом в таком количестве, что воины, махнув рукой на все, бросились на землю, скорее погребенные под своими палатками, чем прикрытые ими; за градом последовал такой сильный мороз, что, если кто в этой жалкой куче людей и животных хотел приподняться и встать, он долго не мог этого сделать, так как жилы окоченели от стужи и суставы едва могли сгибаться. Наконец резкими движениями они размялись и несколько ободрились духом; кое-где были разведены огни; если кто чувствовал себя слишком слабым, то прибегал к чужой помощи. В продолжение двух дней оставались они на этом месте, как бы в осаде; погибло много людей, много вьючных животных, а также и семь слонов из тех, которые уцелели после сражения на Требии» (Liv. XXI, 58, 3—11).

Спустившись с гор, раздраженный неудачей Ганнибал решил отыгаться на римлянах и повел оставшуюся боеспособной после неудачи в горах часть армии на Плаценцию, где укрывался вернувшийся к тому времени из Рима Тиберий Семпроний Лонг. По сведениям Тита Ливия, вышедшее к римской колонии пунийское войско насчитывало 12 тыс. пехотинцев и 5 тыс. всадников. Римский консул поспешил воспользоваться представившимся случаем, чтобы сквитаться с ненавистным пунийцем за недавнее досадное поражение при Требии, тем более что выставленные Ганнибалом силы были лишь незначительной частью не вполне оправившейся от апеннинской авантюры пунийской армии. Подойдя к Плаценции, карфагенский полководец встал лагерем, в трех милях от которого вскоре разбил стоянку Семпроний Лонг. Начавшееся на следующий день полевое сражение показало превосходство римлян в

числе, подготовке и воле к победе. Легионеры атаковали боевые порядки пунийцев, и вскоре карфагенская пехота, оттесненная к лагерю, вынуждена была укрыться за его рвом и валом. Вслед за этим последовала попытка штурма, однако защитникам удалось удержать позиции, нанеся римлянам ощутимый урон и вынудив их в итоге отступить. Тем временем Ганнибал, не заготовивший заранее никакой тактической хитрости, удачно сымпровизировал: выделив специальный отряд преследования, он ударил в тыл отходившим римлянам. Легионерам пришлось туго, когда в центре по ним ударила отборная карфагенская пехота, а с флангов надела конница, однако сражение, остановленное быстро сгустившимися сумерками, так и не выявило победителя. Потери сторон были приблизительно равны – по 600 пехотинцев и по 300 всадников, причем у римлян сильно пострадал командный состав: погибли пять трибунов и три префекта союзников, а также множество представителей всаднического сословия (Liv. XXI, 59).

Завершившееся вничью сражение под Плаценцией не смогло существенно повлиять на общий расклад сил, однако позволило римлянам подготовиться войска для того, чтобы оказать сопротивление карфагенской армии в Этрурии. Дополнительное время римлянам предоставил сам Ганнибал, который вначале повел войско в Лигурию. Здесь местные племена, желая заверить пунийского полководца в своей лояльности, выдали ему нескольких высокопоставленных римских пленников – двух римских квесторов Гая Фульвия и Луция Лукреция, двух военных трибунов и пятерых представителей сословия всадников, которые были сыновьями сенаторов (Liv. XXI, 59, 10). Римляне же тем временем успели взять под контроль два удобных и наиболее вероятных пути из Цизальпинской Галлии в

Этрурию, расположив консульскую армию Гнея Сервилия в Аримине, на побережье Адриатики, а армию Гая Фламиния – в Арреции, в долине Арна (Polyb. III, 77, 1-2). Таким образом удавалось перекрыть движение вражеского войска как из долины Пада к Армину и далее по так называемой Фламиниевой дороге на Рим, так и через Апеннины в долину реки Арн. Однако консулы, в первую очередь Гай Фламиний, не обратили внимания на одну из труднопроходимых, но все же возможных дорог в Этрурию, которая вела из бассейна Пада на юг через заболоченную местность в речной пойме Арна, от Бононии (Болоньи) к Пистории (Пистойе). Этот путь, непростой и в сухое время года, представлялся римлянам совершенно невозможным во время весеннего паводка, однако именно он позволял Ганнибалу быстро пройти в Этрурию, избежав нежелательной преждевременной встречи с римскими легионами. Неожиданное появление в тылу консульских армий позволяло Ганнибалу навязать врагу выгодные пунийцам условия боевых действий и расстраивало планы римлян. Неудивительно, что склонный к подобного рода решениям полководец избрал в итоге этот казавшийся непреодолимым путь (Polyb. III, 78, 6-8; Liv. XXII, 2, 2).

Переход через заболоченную долину Арна во время паводка дался карфагенскому войску крайне тяжело, по своей сложности он оказался сравним с преодолением Альпийских гор. Воинам пришлось в течение четырех дней и трех ночей практически безостановочно передвигаться по колено, а порой и по пояс и даже по шею в воде, наводить из подручных средств переправы через особо глубокие топи и помогать выбираться из болотной тины и вязкой жижи боевым лошадям и вьючным животным. Первыми шли отборные отряды ливийской и иберийской пехоты, охранявшие следовавший за ними обоз. Эти поставленные во главу

колонны воины были наиболее опытными, подготовленными и ответственными, именно на них ложилась основная тяжесть разведки и выбора пути движения. Вслед за обозом шли набранные в Цизальпинской Галлии отряды кельтов, непривычных к походным трудностям, и это испытание было для них особенно тяжелым. Нередко упавшие галлы не имели уже сил подняться, а увязшие в трясине – выбраться из нее без посторонней помощи и гибли вместе со многими вьючными животными, которых приходилось безжалостно бросать, и их трупы вместе с поклажей громоздились вдоль пути движения войска. Многие воины, лишившись сил, ложились на эти единственные островки суши, возвышавшиеся над трясиной, чтобы отдохнуть и поспать хотя бы несколько часов. Замыкающей двигалась конница под командованием Магона Баркида, основной задачей которого было удержать кельтов и силой заставить их идти вперед, если эти ненадежные союзники вдруг взбунтуются и захотят вернуться домой. Сам Ганнибал ехал перед обозом на единственном оставшемся в живых после неудачной попытки перехода через Апеннинские горы боевом слоне, однако даже это не уберегло его от болезнетворных болотных испарений. Ядовитые миазмы и постоянная сырость, перепады температуры и отсутствие в течение нескольких суток полноценного сна привели к тому, что ранее начавшаяся болезнь глаз у пунийского военачальника обострилась, и он, не имея ни времени, ни возможности лечиться, потерял способность видеть одним глазом, судя по всему правым (Polyb. III, 80; Liv. XXII, 2; Nep. Hann. 4, 3).

На четвертый день, потеряв в болотах существенную часть войска и обоза, Ганнибал наконец вывел свою истощенную армию в Этрурию, дав воинам возможность разбить лагерь недалеко от города Фезулы и отдохнуть. Главная задача перехода –

оказаться в тылу римских армий, обойдя их укрепленные позиции, - была достигнута, и теперь следовало восстановить силы бойцов и собрать сведения о расположении и предполагаемых действиях неприятеля с целью навязать римлянам сражение на выгодных карфагенянам условиях. Ганнибал рассчитывал разгромить войска консулов по отдельности, не дав им объединить силы, для чего следовало спровоцировать находившегося ближе Гая Фламиния вступить в бой, не дожидаясь подхода армии под командованием Гнея Сервилия Гемина. Карфагенский полководец был хорошо осведомлен о характере самоуверенного римского консула, ослепленного своими победами над галлами, а также о его отношениях с сенатом, которые вынуждали Фламиния искать скорой победы над врагом. Народный консул стремился дискредитировать аристократическую партию, доказав, что выдвинутый демократами полководец способен сражаться лучше, чем ставленник знати. Римский военачальник, несомненно, стремился бы сразиться с Ганнибалом даже в том случае, если бы враг бездействовал, однако пуниец решил дополнительно раззадорить Фламиния, выдвинувшись по направлению к Риму и нещадно разграбляя и истребляя местное население, сжигая и разоряя дома и хозяйственные постройки. Расчет карфагенского полководца оказался верным - не в силах бездействовать, отстраненно наблюдая, как враг опустошает Италию и идет прямо на Рим, Гай Фламиний устремился вслед за войском Ганнибала, намереваясь разгромить пунийцев имевшимися у него силами (Polyb. III, 80; Liv. XXII, 3). Консул был так уверен в победе, что смог внушить ее не только воинам, но и местным жителям, которые во множестве последовали за легионерами в расчете на трофеи, неся кандалы, цепи и

колодки для будущих пленных карфагенян (Polyb. III, 82, 8).

Узнав от разведчиков, что римское войско покинуло лагерь и двинулось вслед за ним, Ганнибал поспешил избрать место для будущего сражения и подготовить к нему войско. Выбор карфагенского полководца пал на небольшую долину на северном берегу Тразименского озера, неподалеку от города Кортонь, между современными коммунами Туоро и Пассиньяно. Эта местность была весьма удобна для организации засады: на входе горы подступали к самой воде, затем полукругом опоясывали узкую вытянутую долину, а выход прикрывал большой холм. Свой лагерь Ганнибал разбил именно на нем, оставив в качестве охраны ливийских и иберийских пехотинцев, общая численность которых составляла около 10 тыс. воинов. Здесь же, у выхода из долины, по правую сторону дороги, ближе к озеру, полководец разместил около 8 тыс. копейщиков и 2 тыс. балеарских пращников. В отрогах тянувшихся вдоль берега гор были поставлены отряды кельтов, насчитывавшие около 25 тыс. бойцов, и кавалерия из 10 тыс. всадников. Благодаря такому расположению пунийское войско не только надежно блокировало выход из долины, но также могло легко перекрыть вход в нее, поскольку правый фланг боевого построения кельтов нависал над ведущей в долину дорогой и позволял перекрыть ее сразу после того, как по ней проследуют последние отряды вражеского арьергарда.

По замыслу Ганнибала, римляне должны были беспрепятственно втянуться в долину, после чего по их колонне с трех сторон – растянутого левого фланга, фронта и тыла – по сигналу должны были одновременно ударить отряды карфагенской армии. Именно так и произошло, о чем ярко свидетельствуют многие античные авторы (Polyb. III, 84; Liv. XXII, 4–6; Front. II, V,

24; App. VII, 10). На следующее утро, 21 июня 217 г. до н. э., в покрытую туманом долину вступила армия Гая Фламиния, насчитывавшая 30 тыс. пехотинцев и около 3 тыс. всадников. Консул не провел разведку, а туман обеспечил бойцов пунийского войска дополнительным укрытием, исключив их обнаружение до того самого момента, когда Ганнибал отдал приказ об атаке. Нападение стало для римлян полной неожиданностью, и Гаю Фламинию не удалось организовать сколь-нибудь эффективное сопротивление, тем более что враги появились одновременно с трех сторон, а с четвертой находилось озеро. Римский полководец погиб в самом начале сражения от руки некоего инсубра Дукария, отомстившего таким образом за поражение 223 г. до н. э., после чего битва окончательно превратилась в длившееся около трех часов избиение проигравших. Римлянам так и не удалось организовать сопротивление, не смогли они ни отступить, ни даже бежать с поля боя – со всех сторон наседали враги, горные склоны были слишком обрывисты, а озеро не позволяло отойти назад. Некоторые воины пытались спастись вплавь, но быстро тонули под тяжестью доспехов, иные же заходили в воду и стояли на глубине, но и там их настигали беспощадные мечи карфагенских всадников. Битва приобрела столь яростный характер, что остервенело сражавшиеся бойцы не заметили даже мощного землетрясения, которое вызвало значительные разрушения в ряде италийских городов, обрушило скалы и погнало вспять течение полноводных рек (Liv. XXII, 5, 4–8; Plut. Fab. 3; Cic. de Div. I, 35; Plin. II, 86; Flor. II, 6).

Вырваться из котла удалось лишь передовому отряду римских пехотинцев, которые мечами проложили себе путь к выходу из долины. Не зная из-за плотного тумана, чем завершилось сражение, воины этого отряда закрепились на вершине одного из холмов.

Они не могли ни ударить в тыл врагу, ни каким-либо еще образом помочь своим соратникам, поскольку не понимали, что происходит на поле боя. Когда же туман рассеялся и стали ясны масштабы постигшей римское войско катастрофы, воины попытались отступить, стремясь оторваться от преследовавшей их конницы. В этрусской деревне их окружила вражеская кавалерия под командованием Магарбала, и они вынуждены были сдаться из-за отсутствия продовольствия и под гарантию сохранения свободы. Ганнибал, впрочем, отказался признавать такие условия капитуляции и не выполнил обещания командира конницы, данные римлянам, которые были закованы в кандалы и отданы под стражу кельтам. Отпущены были лишь латинские союзники римлян, которым пунийский полководец в очередной раз давал таким образом понять, что воюет против Рима, но не против италиков, которых он, наоборот, стремится освободить от римского господства.

Потери римлян в битве при Тразименском озере были колоссальными и составили, по свидетельству ссылающегося на информацию Фабия Пиктора Тита Ливия, 15 тыс. воинов убитыми. 10 тыс. бойцов, по словам этого римского историка, смогли спастись и, рассеявшись по всей Этрурии, разными путями добрались до Рима (Liv. XXII, 7, 2). Такое же число убитых – 15 тыс. – и равное ему количество пленных называет и Полибий (Polyb. III, 84, 7; 85, 1). Еще более впечатляющую цифру в 25 тыс. убитых приводят Евтропий и Павел Орозий (Eutrop. III, 9; Oros. IV, 15, 5). По словам последнего, в плен попали 6 тыс. римлян. Потери пунийцев были гораздо меньшими и составили всего 2,5 тыс. воинов, по данным Тита Ливия, 2 тыс. по свидетельству Павла Орозия, и еще меньше – 1,5 тыс. бойцов, по словам Полибия (Liv. XXII, 7, 3; Oros. IV, 15, 5; Polyb. III, 85, 5). Число погибших и плененных римских

воинов вскоре ощутило увеличилось. Еще до битвы при Тразименском озере консул Гней Сервилий Гемин, стремясь помочь Гаю Фламинию, отправил ему в подмогу кавалерийский отряд из 4 тыс. всадников под командованием пропретора^[10] Гая Центения. Узнав о разгроме консульской армии Фламиния, Центений направился в Умбрию, где был настигнут карфагенской конницей и отрядом легковооруженных копейщиков во главе с Магарбалом. В первом же сражении пунийцы истребили 2 тыс. римских воинов, а оставшуюся половину отряда окружили на холме и на следующий день вынудили сдаться в плен (Polyb. III, 86, 1-5; Liv. XXII, 8, 1). Так в течение всего нескольких дней была уничтожена практически вся римская конница и половина всех римских войск в Италии.

Слухи о разгроме консульской армии Гая Фламиния у Тразименского озера повергли Рим в ужас. Многолюдная толпа горожан вопрошала у магистратов о судьбе войска и требовала официальной информации. В конце концов претор Марк Помпоний вышел к народу и, обращаясь к согражданам с трибуны, произнес простую фразу: «Мы побеждены в большом сражении!» (Polyb. III, 85, 8; Liv. XXII, 7, 8). Три дня спустя тревога и уныние, охватившие римлян, усилились известиями о разгроме кавалерии пропретора Гая Центения в Умбрии (Liv. XXII, 8, 2-4). В сложившейся ситуации следовало предпринять радикальные меры для спасения государства. Естественным решением было назначение диктатора, который сосредоточил бы в одних руках власть обоих консулов и принял высшее командование всеми римскими войсками. Поскольку в процедуре избрания диктатора должен был принять участие единственный оставшийся в живых консул Гней Сервилий, что было невозможно ввиду его отсутствия в Риме, выбор сделали центуриатные комиции^[11],

назначив диктатором Квинта Фабия Максима Веррукоза, возглавлявшего посольство в Карфаген весной 218 г. до н. э. и объявившего пунийцам войну. С нарушением процедуры прошло и замещение должности начальника конницы, подчиняющегося диктатору, которого диктатор обычно назначал самостоятельно. В этот раз, однако, и начальник конницы также был избран народным собранием, что делало его власть в значительной мере независимой от воли диктатора, которому он должен был номинально подчиняться. Начальником конницы был избран Марк Минуций Руф, представлявший соперничавшую с родом Фабиев сенатскую группировку Эмилиев – Корнелиев. Это давало разным частям римского политического класса возможность влиять на ход событий, делая начальника конницы относительно самостоятельной фигурой. С другой стороны, сложившееся положение было чревато возможностью разногласий между Квинтом Фабием и Минуцием Руфом и потерей единоначалия в римском войске, что могло привести к губительным последствиям.

Пока в Риме выбирали диктатора и начальника конницы, проводили необходимые религиозные обряды и рекрутировали воинов для создания двух легионов взамен утраченных в битве при Тразименском озере, Ганнибал принял решение отложить пока штурм вражеской столицы и сосредоточиться на опустошении страны и развале римско-италийского союза. С этой целью он вначале повел свои войска к Сполетию, а затем, столкнувшись при попытке захвата города с ожесточенным сопротивлением и не желая тратить время на осаду, отошел на восток, в Пиценскую область. Отсюда карфагенское войско двинулось вдоль побережья Адриатического моря на юг, в Апулию, добравшись в итоге до самой восточной оконечности Апеннинского полуострова Япигии и обосновавшись в районе города Обонойя (Polyb. III, 86, 8—87, 5; 88, 1-6;

Liv. XXII, 9). По дороге пунийское войско обходило стороной укрепленные города, зато нещадно разоряло и грабило сельские поселения, словно саранча опустошая все на своем пути. Желая устрашить верных Риму италийских союзников, Ганнибал отдал своим воинам приказ убивать всех взрослых мужчин, встречавшихся на их пути. Видимо, карфагенский военачальник решил наглядно показать италикам, что их ждет, если они продолжат сохранять верность римлянам вместо того, чтобы перейти на сторону пунийцев. Тактика «выжженной земли» давала свои приятные плоды и в материальном плане – захваченной добычи стало столько, что ее невозможно было нести с собой, и воины, оставив лишь самое ценное, бросали ее. Продовольствия у войска было также в избытке, и Ганнибал приказал купать лошадей в старом вине, чтобы излечить их от коросты. Все оружие, с которым карфагенское войско пришло в Италию, воины смогли заменить на трофейное римское, поскольку после нескольких поражений римских легионов и захвата богатых трофеев его было предостаточно. В это же время Ганнибал отправил посланцев с официальным донесением карфагенскому правительству о своих действиях и победах в Италии, рассчитывая получить одобрение и поддержку. Эти известия были восприняты в пунийской столице благосклонно, и высший совет озаботился разработкой мер с целью оказания поддержки войскам в Италии и Испании (Polyb. III, 87, 4-5).

Успехи карфагенского полководца действительно впечатляли, однако, отложив поход на Рим и разоряя земли Италии, он давал неприятелю не только время прийти в себя и подготовиться к дальнейшей борьбе, но и способствовал своей грабительской политикой укреплению итало-римского союза. Пунийцы, несмотря на продолжавшиеся попытки Ганнибала привлечь на свою сторону италиков, вследствие их реальных

действий воспринимались как чужеземные захватчики, которым следует оказать сопротивление и изгнать из страны. Римляне сполна воспользовались предоставленной им отсрочкой. Приняв под командование консульскую армию Гнея Сервилия и закончив мобилизацию новобранцев, Фабий Максим повел четыре римских легиона и вспомогательные контингенты союзников на юг, в Апулию, где встал лагерем в пределах видимости карфагенского стана (Polyb. III, 88, 9; Liv. XXII, 12, 1-3). Ганнибал, таким образом, вернулся к тому, с чего начал кампанию в Италии, – пунийскому войску противостояли четыре полных сил римских легиона, которые были в достатке снабжены всем необходимым и могли оперативно пополняться в случае потерь. При этом Фабий Максим, славившийся своей рассудительностью, решил избегать генеральной битвы, грозившей римлянам очередным поражением. Римский полководец отказался следовать тактике своих предшественников, сделав ставку на планомерное изматывание врага в малозначительных, но регулярно происходящих стычках. Нежелание ввязываться в генеральное сражение Фабий продемонстрировал в первом же соприкосновении с войском Ганнибала, когда пунийский полководец, узнав о прибытии римлян, вывел свою армию из лагеря и выстроил в боевые порядки. Римский диктатор проигнорировал действия неприятеля и не вывел легионы на поле боя (Polyb. III, 89, 1; Liv. XXII, 12, 3-4).

Избранную диктатором тактику наилучшим образом охарактеризовал Полибий, отметивший, что Фабий Максим решил уклоняться от генерального сражения потому, что «войска неприятеля упражнялись непрестанно в военном деле с ранней юности, находились под начальством вождя, выросшего вместе с ними и с детства испытанного в лагерной жизни; к тому же много раз они побеждали в Иберии и одну за

другую одержали две победы над римлянами и союзниками их; наконец, что было самое важное, карфагеняне всё покинули за собою, и единственным средством спасения оставалась для них победа. Положение римского войска было совсем иное. Поэтому Фабий предвидел неизбежное поражение в решительной битве и не мог отважиться на нее; понявши, в чем состояли выгоды его положения сравнительно с неприятелем, он на них только и рассчитывал и сообразно с ними вел дело войны; преимущества же римлян состояли в неистощимости запасов и в численном перевесе их войска» (Polyb. III, 89, 5-9). Делая ставку на эти составляющие военного успеха, Фабий Максим повел системную войну на истощение неприятеля, приказав всем жителям сельских поселений и не имевших крепостных стен местечек переселиться вместе со своими припасами в хорошо защищенные города, а все, что они не смогут забрать с собой, уничтожить. Карфагенскую армию следовало обескровить, сохранив при этом боеспособность собственных сил.

Ганнибал, судя по всему, быстро осознал, чем грозит ему новая тактика римлян, и приложил немало усилий для того, чтобы вынудить Фабия Максима дать генеральное сражение. Карфагеняне на виду у римского войска с утроенным рвением грабили страну, часто переносили место лагеря и опустошали окрестные поля, принадлежавшие римским союзникам. Пунийский полководец сознательно подвергал своих воинов опасности, отправляя их за продовольствием и фуражом не столько с целью пополнения припасов, сколько желая выманить римлян из лагеря на равнину, демонстрируя мнимую слабость и неорганизованность карфагенского войска. Римский военачальник, однако, не поддавался на провокации и следовал за Ганнибалом, постоянно оставаясь на господствовавших

над местностью высотах. Плутарх так описывает тактику диктатора: «Фабий Максим, не желая сражаться с Ганнибалом, а желая брать его измором и недостатком средств и пропитания, шел за ним по горам и ущельям, повторяя все его движения; над ним смеялись и обзывали его Ганнибаловым дядькой, но он не обращал на это внимания и делал, как считал нужным, а друзьям говорил, что бояться насмешек и поношений еще постыднее, чем бояться врага» (Plut. Moral. 74, 1). Крупные запасы продовольствия и налаженные поставки давали римскому войску возможность не покидать пределов лагеря без необходимости, когда же бойцам Фабия все же приходилось отправляться за фуражом, они делали это многочисленными, хорошо организованными отрядами и неизменно выходили победителями из всех столкновений с пунийскими солдатами. Карфагенское войско несло потери, восполнить которые не было возможности, тогда как римляне имели практически неограниченный ресурс для восстановления численности войска.

Убедившись, что вынудить римского диктатора принять бой, оставаясь в Апулии, не удастся, Ганнибал повел армию на север, вначале в не затронутый войной богатый Самний, а затем в Кампанию. Фабий неотступно следовал за карфагенянами. Расчет пунийского полководца был прост: разоряя все на своем пути, он либо вынудит противника вступить в решающую битву, либо продемонстрирует всем, прежде всего римским союзникам, несостоятельность римского диктатора, неспособного защитить страну. Тем самым он надеялся побудить италиков перейти на сторону Карфагена (Polyb. III, 90, 11-13). И хотя реализовать эти планы не удалось – ни один из городов Италии не принял сторону пунийцев, избранная Ганнибалом тактика все же принесла свои плоды – Фабия Максима

начали обвинять в трусости, в речах римских политиков, граждан и воинов все чаще звучало его прозвище Кунктатор (Медлитель), подчеркивавшее нерешительность полководца. Недовольство действиями диктатора, поначалу вызвавшими одобрение, теперь неудержимо нарастало и находило отклик у граждан и союзников Рима, ведь карфагеняне безнаказанно опустошали их поля, лишая их средств к существованию. Наиболее ярким критиком Фабия Максима стал его ближайший помощник, начальник конницы Марк Минуций, рвавшийся в бой и искавший предлога не подчиниться приказам главнокомандующего. Такая возможность вскоре представилась благодаря досадному для карфагенян недоразумению, воспользоваться плодами которого римскому диктатору, как обычно, медлившему с принятием решений, не удалось. Это вызвало взрыв негодования сенаторов, и Фабий был отозван в Рим под предлогом участия в религиозных церемониях.

Предыстория событий, приведших к отзыву диктатора из действующей армии, началась со случайной либо намеренной ошибки проводника карфагенского войска. Ганнибал, находившийся со своим войском в Кампании, решил отрезать эту область от Лация, для чего следовало взять под контроль город Казин, закрывавший перевал, через который проходила Латинская дорога. Это могло дать пунийцам существенное стратегическое преимущество, поскольку прерывало сообщение римлян с их союзниками. Однако проводник неправильно расслышал название города и повел карфагенское войско в находившийся в совершенно другой стороне, в месте слияния Латинской и Аппиевой дорог, город под названием Казилин. Ошибка обнаружилась слишком поздно, когда пунийцы уже находились в Северной Кампании, в долине реки Волтурн. Ганнибалу не оставалось ничего иного, кроме

как показательно казнить проводника, распяв его на кресте, после чего встать здесь лагерем и направить нумидийских всадников во главе с Магарбалом разорять близлежащую Фалернскую область, славившуюся своими виноградниками (Polyb. III, 92, 1-2; Liv. XXII, 13). Вслед за карфагенским войском ускоренным маршем проследовали и легионы Фабия Максима, стремительность движения которых вселяла надежду на то, что уж теперь-то Кунктатор даст зарвавшемуся врагу решительный бой (Polyb. III, 92, 5-7; Liv. XXII, 14, 1-3). Этого, однако, не произошло, и верный избранной тактике диктатор остановился на склонах горного хребта Массика, отделяющего Лаций от Кампании, и лишь наблюдал за действиями неприятеля, перекрыв ему путь на север по Аппиевой дороге, через перевал Террацины, в собственно римские земли (Liv. XXII, 15, 11).

После неудачной попытки прорваться к Казилину Ганнибал оказался в ситуации, когда все выходы из долины были перекрыты. Последним Фабий Максим закрыл горный перевал – путь сообщения Кампании с Самнием. В самом проходе диктатор разместил отряд из 4 тыс. воинов, а остальные силы расположил на возвышенности, несколько впереди и в стороне от перевала (Polyb. III, 92, 10-11). У Ганнибала было всего два варианта: либо оставаться зимовать в истощенной и опустошенной действиями его собственных войск стране, либо прорываться сквозь римский заслон при исключительно невыгодных для этого условиях. Теперь Фабий Максим наконец-то готовился к решающему сражению, однако карфагенский полководец хитростью сумел ускользнуть из ловушки. Для этого Ганнибал приказал заготовить как можно больше факелов и пригнать к лагерю всех самых сильных и крупных из захваченных на полях Фалернской области быков. С наступлением темноты быков подогнали к перекрытому

римским отрядом перевалу, прикрепили к их рогам факелы, подожгли их и погнали обезумевшее от огня стадо на окружающие горный проход высоты. Охранявшие перевал римляне, не понимая, что происходит на самом деле, решили, что это карфагеняне пытаются прорвать их заслон, идя по горным склонам. Опасаясь окружения и одновременно пытаясь оказать сопротивление нападавшим, легионеры поднялись на склоны, оставив без охраны перевал, который был тут же занят следовавшими за стадом карфагенскими копейщиками. Пока основные силы римлян во главе с Фабием оставались, выжидая, в лагере, Ганнибал стремительно провел через открывшийся перевал заранее построенную в походные порядки армию и оказался в Самнии, ускользнув таким образом из ловушки, в которую попал из-за созвучия названий городов Казин и Казилин (Polyb. III, 93–94; Liv. XXII, 16–17). Сделав после этого обманный маневр по направлению к Риму, карфагенский военачальник спокойно повел свое войско на зимние квартиры в Апулию.

Постигшая Фабия неудача окончательно подорвала его авторитет. Диктатор был отозван в Рим под предлогом совершения важных жертвоприношений. Существенную лепту в дискредитацию военачальника внес и Ганнибал, стремившийся показать, что Фабий заключил с ним некое тайное соглашение. Так, когда на пути пунийского войска оказалась принадлежавшая диктатору вилла, ее оставили нетронутой, в то время как все ее окрестности были разграблены и преданы огню (Liv. XXII, 23, 4; Plut. Fab. 7; Front. I, VIII, 2). На время отсутствия Фабия Максима командование перешло к начальнику конницы Марку Минуцию Руфу, у которого появилась наконец возможность проявить себя и показать, как следует воевать с врагом. Перед отъездом диктатор попытался вразумить заместителя,

убеждая его в том, что следует придерживаться прежней тактики, чтобы не повторить судьбу разгромленных ранее римских полководцев, однако Минуций оставил эти слова без внимания – он рвался в бой, чтобы наконец разгромить пунийцев в масштабной решающей битве (Polyb. III, 94, 8–10; Liv. XXII, 18, 8–10).

Поначалу обстоятельства действительно благоприятствовали Марку Минуцию, и ему удалось нанести пунийцам несколько ощутимых поражений, что было с восторгом воспринято в Риме. Это произошло в тот момент, когда Ганнибал захватил город Гереоний и встал лагерем в его окрестностях. Марк Минуций также спустился в долину, заняв один из возвышавшихся над равниной холмов, на котором находилась крепость Калена. Карфагенский военачальник, видя приближение римлян, перенес лагерь им навстречу, также заняв одну из господствовавших над местностью высот. Расстояние между вражескими лагерями составляло теперь не более трех километров, благодаря чему пунийцы могли как угрожать римлянам нападением, так и прикрывать отряды своих фуражиров, орудовавших в долине (Liv. XXII, 24, 5). Был в такой тактике Ганнибала и более глубокий замысел – ему следовало убедить римского полководца в слабости пунийцев и заставить его действовать решительно и даже безрассудно. Для этого карфагенянин постоянно провоцировал Марка Минуция на нападение, отправляя в окрестности крупные отряды фуражиров и оставляя в лагере относительно незначительные силы. Желая ускорить события, пунийский полководец демонстративно занял располагавшийся между вражескими лагерями холм силами 2 тыс. копейщиков. Рвавшийся в бой Минуций воспринял это как вызов, выбил карфагенян с холма и перенес на него свой лагерь, явно давая понять, кто является хозяином положения. После этого Ганнибал несколько дней не

покидал лагерь, но затем вновь отправил крупные отряды фуражиров в поле. При этом отряд под командованием Гасдрубала полководец заранее отвел на место старого лагеря под Гереонием, явно планируя использовать его для неожиданного решающего удара в момент, когда римляне втянутся в сражение.

Задуманное карфагенским военачальником на этот раз удалось лишь отчасти. Минуций действительно вывел римскую армию в поле, но, вместо того чтобы штурмовать лагерь пунийцев, лишь блокировал его тяжелой вооруженной пехотой, а всадников и легковооруженных пехотинцев-велитов отправил истреблять отряды фуражиров и пастухов, приказав при этом никого не брать в плен. Столь грамотные действия римского полководца едва не завершились для карфагенян катастрофой, и лишь подоспевший с четырехтысячным отрядом Гасдрубал спас положение: подкрепление позволило Ганнибалу организовать контратаку и отбросить римлян к их лагерю. Понесенные пунийцами потери были весьма существенными, и уже на следующий день они отступили в старый лагерь под Гереонием. Марк Минуций, заняв оставленный неприятелем лагерь, поспешил отправить в Рим донесение о блестящей победе и крупных потерях врага (Polyb. III, 101-102). Известие об успехе римского оружия было воспринято римлянами с воодушевлением и окончательно похоронило авторитет Фабия Максима, продолжавшего утверждать, что он боится таких побед даже больше, чем поражений (Liv. XXII, 25, 2; Plut. Fab. 8). Теперь всем казалось очевидным, что войско Ганнибала можно было разгромить гораздо раньше, и лишь медлительность Кунктатора позволила карфагенянам так долго и безнаказанно разорять страну (Polyb. III, 103, 1-2). Авторитет Марка Минуция, напротив, так возрос, что в народном собрании было высказано неслыханное

предложение наделить его такой же диктаторской властью, как и Фабия Максима. Это нарушало сам принцип диктатуры, когда неограниченные полномочия закреплялись за одним человеком, и по сути возвращало к ситуации, когда римской армией командовали два консула. В значительной мере сложившееся положение стало следствием нарушения процедуры, когда начальник конницы Минуций был не назначен диктатором, а избран на должность народным собранием.

Вернувшись в действующую армию Фабию Максиму пришлось разделить командование с Марком Минуцием. Бывший начальник конницы, а отныне равноправный диктатор предложил командовать войсками по очереди, меняясь через день или больший промежуток времени, однако Фабий воспротивился такому варианту, ставившему его в зависимость от решений коллеги-диктатора, и настоял на разделении войска на две части. В итоге первый и четвертый легионы отошли под командование Минуция, а второй и третий достались Фабию (Polyb. III, 103, 7–8; Liv. XXII, 27, 5–11). Добившись такого решения, последний получал возможность сохранить хотя бы половину армии, не втягивая ее в сомнительные авантюры, к которым стремился сокомандующий. Ближайшие события подтвердили обоснованность принятого Фабием Максимом решения.

Римские полководцы, разделив войско надвое, разбили два отдельных лагеря, расстояние между которым составило около двух километров. Сложившейся ситуацией поспешил воспользоваться Ганнибал, хорошо осведомленный о манере действий каждого из диктаторов. Для этого карфагенский военачальник организовал на холме, находившемся между пунийским станом и лагерем Минуция, хорошо замаскированную засаду. В изобиловавшей разного

рода неровностями и углублениями поверхности возвышенности он заранее тайно разместил около 5 тыс. пехотинцев и 500 всадников, после чего демонстративно расположил на холме не слишком значительный отряд легковооруженной пехоты. Расчет пунийца на то, что Минуций не сможет стерпеть вражеского присутствия и попытается захватить холм, оказался верным. Вначале римский полководец бросил в бой велитов, затем усилил их конницей, а когда Ганнибал отправил своим воинам подкрепление, диктатор подключил и тяжеловооруженную римскую пехоту. Незначительная поначалу стычка постепенно переросла в масштабное сражение, во время которого засадный отряд карфагенян неожиданно ударил по римлянам с тыла. Окруженное войско Минуция спасло лишь своевременное вмешательство Квинта Фабия Максима, пришедшего на подмогу попавшему в беду коллеге. Свежим силам римлян удалось прорвать окружение, а Ганнибал предпочел отступить. В Риме итог этой битвы расценили как убедительную победу Фабия и подтверждение несостоятельности Марка Минуция на должности диктатора. Неудачливому полководцу пришлось сложить полномочия и снова занять должность начальника конницы, а две римских армии объединились под командованием Фабия (Polyb. III, 104-105; Liv. XXII, 28-30).

Это сражение стало последней крупной битвой ушедшего 217 г. до н. э. И карфагеняне, и римляне готовились к зиме, а диктатор отбыл в Рим для того, чтобы сложить рассчитанные на шестимесячный срок полномочия. Медлительная тактика Квинта Фабия Максима принесла желаемые плоды - после серии болезненных поражений, из которых особенно страшным был разгром у Тразименского озера, римляне получили передышку и смогли восстановить силы и уверенность в себе. Однако хотя Ганнибалу так и не

удалось добиться решающей победы, его войско сохранило полную боеспособность, было в достаточном количестве обеспечено всем необходимым и оставалось серьезной угрозой для Рима.

Глава 16. «Я выпил радость битвы среди друзей»: напрасная победа при Каннах (216 г. до н. э.)

...по дошедшим до Рима вестям выходило... что войско - и римляне, и союзники - с обоими консулами полностью истреблено и все силы государства исчерпаны. Никогда в невредимом городе, в римских стенах, не было столько смятения и страха. Подробно рассказывать об этом я не возьмусь - мне неостанет сил, и мое изложение будет бледнее действительности. И в предыдущем году у Тразименского озера погибли консул и войско, но теперешнее бедствие было не просто очередным поражением - оно превосходило все. Ведь сообщали, что оба консула и оба консульских войска погибли, и уже нету у Рима ни лагеря, ни полководца, ни солдата; что Ганнибал завладел Апулией, Самнием, да уже почти всей Италией.

Тит Ливий. История Рима от основания города, XXII, 54, 7—10

Зима 217-216 гг. до н. э. традиционно прервала наступательные боевые действия, сведя активность противоборствующих сторон к минимуму. В конце года власть ненадолго вернула полномочия диктатора Квинта Фабия Максима консулам - Гаю Гнею Сервилию и Марку Атилию Регулу, избранному взамен погибшего у

Тразименского озера Гая Фламиния. Прибыв к войскам, они придерживались тактики предыдущего главнокомандующего, избегая генерального сражения, к которому стремился Ганнибал, но постоянно угрожая противнику самим своим присутствием и перехватывая отряды пунийских воинов, рыскавших по округе в поисках добычи, продовольствия и фуража. Довольно скоро римлянам удалось добиться того, что прежде в избытке обеспеченному всем необходимым карфагенскому войску стало недоставать припасов, и ему даже угрожал голод. Ганнибал в связи с этим подумывал направиться на север, в Цизальпинскую Галлию. От такого шага его удерживало лишь соображение, что такой поход как враги, так и друзья могли посчитать бегством, а значит, он потеряет страх одних и поддержку других, что окончательно лишит его шансов овладеть Италией (Liv. XXII, 31, 6—32; Dio. Cass. fr. 57, 21). В сложившейся ситуации карфагенскому военачальнику оставалось дожидаться весны и возобновления боевых действий. При этом шансов получить помощь из Карфагена у Ганнибала практически не было – к власти в пунийском правительстве пришла антибаркидская группировка, ревниво относившаяся к успехам полководца в Италии и предпочитавшая не вмешиваться в его дела, тем более что воевать против римлян приходилось также в Испании и даже в Африке.

Иным было положение римлян, которые активно готовились к очередному сезону боевых действий и заручались поддержкой и помощью союзников. В Рим один за другим прибывали их послы, заверявшие сенат в готовности поддержать Вечный город в борьбе против Карфагена, если их помощь потребуется и будет благосклонно принята. Так, важным событием стало посольство из Неаполя, тогда одного из крупнейших греческих городов на юге Италии. Неаполитанские

послы передали дары – 40 тяжеловесных золотых чаш – и заявили о готовности оказать римлянам любое содействие, какое им только понадобится. Прибывших поблагодарили за проявленную щедрость и добрые слова, однако из чаш приняли в дар лишь самую легкую (Liv. XXII, 32, 4–9). Такие же дары и заверения были получены от послов из располагавшегося на западе Лукании Пестума. Этим послам также выразили признательность, но чаш не приняли (Liv. XXII, 36, 9). Наконец, существенную помощь Риму предоставил царь Сиракуз Гиерон, приславший в Остию флот с 300 тыс. модиев (модий – около 8,75 л) пшеницы, 200 тыс. модиев ячменя, 220 фунтами золота и тысячей стрелков и пращников на борту. Сиракузский правитель также посоветовал римлянам перенести боевые действия в Африку, чтобы карфагеняне были вынуждены вести войну на своей собственной земле (Liv. XXII, 37, 1–9). Следуя этому совету, римляне к стоявшему у берегов Сицилии флоту из 50 судов добавили 25 квинквирем, а командовавшему флотом пропретору Титу Отацилию позволили совершить вторжение на побережье Африки (Liv. XXII, 37, 10–13). Одновременно один (согласно Полибию) либо два (по свидетельству Тита Ливия) легиона во главе с претором Луцием Постумием Альбином были направлены в Цизальпинскую Галлию для того, чтобы, создав угрозу в кельтских землях, принудить галлов дезертировать из армии Ганнибала (Polyb. III, 106, 6; Liv. XXIII, 24, 8).

Все вышеперечисленное осложняло положение пунийского войска в Италии, тем более что поддержку местного населения карфагенянам получить так и не удалось. Показательны в этом плане приведенные Титом Ливием слова неаполитанских послов, заявивших, что Рим борется в Италии не только ради себя и собственной власти, но также для того, чтобы защитить города и земли союзников (Liv. XXII, 32, 5).

Действительно, позиция римлян, вставших на защиту всей страны от агрессора, была гораздо более убедительной, чем образ освободителя италиков от римлян, который пытался примерить на себя Ганнибал, уничтожавший и сжигавший деревни и нивы местного населения. Нечаянная помощь карфагенскому полководцу пришла из самого Вечного города, где обострившаяся политическая борьба привела к власти консулов, выдвинутых враждующими группировками и придерживавшихся противоположных взглядов на ведение боевых действий. Впоследствии это оказало решающее влияние на ход римско-карфагенской войны.

Выборы консулов на 216 г. до н. э. знаменовали очередной этап борьбы за власть между римской аристократией и плебсом и во многом повторяли ситуацию, которая в 218 г. до н. э. привела к власти Гая Фламиния и Гнея Сервилия. Сенату вновь противостояли римские демократически настроенные лидеры, среди которых выделялся признанный вождь плебейских масс, сын богатого торговца мясом Гай Теренций Варрон. Именно он был избран консулом от плебеев, обвинявших аристократию в намеренном затягивании войны и требовавших решительных действий против карфагенян. Вторым консулом, не столько в качестве коллеги, сколько в качестве противника Варрона, избрали представителя аристократии Луция Эмилия Павла. Этот известный враг плебеев был сторонником тактики Фабия Максима, считая, что Ганнибала следует брать измором. Поскольку консулы придерживались противоположных мнений о том, как следует вести войну, римское войско либо могло быть разделено на две действующих самостоятельно консульские армии, или же потребовало бы поочередного командования, когда военачальники менялись бы через день. И то и другое было на руку пунийскому военачальнику.

Разногласия между консулами не помешали им провести согласованные мероприятия, существенно увеличившие общую численность римского войска. Когда отечество в опасности, то ни политические разногласия, ни различавшиеся стратегические и тактические подходы не должны были помешать как следует подготовить армию и отразить вражеское вторжение. Сведения источников о проведенных мероприятиях по увеличению числа римских воинов разнятся и уже Тит Ливий не мог достоверно установить, что именно было предпринято, поскольку разные авторы, у которых он черпал информацию, приводили разные цифры (Liv. XXII, 36, 1–5). По одним сведениям, консулы дополнительно рекрутировали 10 тыс. воинов, по другим же к уже воевавшим против Ганнибала четырем легионам было добавлено еще четыре, благодаря чему число собственно римских легионов удвоилось. Полибий сообщает: «Решено было вести войну восемью легионами, чего раньше никогда не было у римлян... Для большей части войн употребляются один консул и два легиона... лишь в редких случаях римляне пользуются единовременно для одной войны всеми военными силами. В описываемое нами время римляне находились в такой тревоге и в таком страхе за будущее, что решили употребить на войну единовременно не четыре только, но восемь легионов» (Polyb. III, 107, 9–13). Более того, каждый легион был усилен тысячей пехотинцев, то есть состоял теперь из 5 тыс. пеших воинов, и сотней всадников, благодаря чему в легионе отныне насчитывалось 300 кавалеристов. Пропорционально возрастало и количество пехотинцев, предоставлявшееся союзниками из Центральной Италии, убедительно доказавшими свою верность Риму. Выставляемая союзническая пехота должна была равняться по количеству собственно римской, а

кавалерия вдвое, а согласно Полибию (Polyb. III, 107, 9—12), даже втрое превышать по количеству римскую и составляла, таким образом, 600 либо даже 900 дополнительных всадников при каждом легионе.

В итоге, согласно свидетельству Тита Ливия, общая численность выступивших против Ганнибала римских войск составила в 216 г. до н. э. 87 200 воинов (Liv. XXII, 36, 1-5). Близкие к этим данные приводит Полибий, согласно которому состоявшее из восьми легионов войско римлян, усиленное контингентами союзников, суммарно насчитывало около 80 тыс. пехотинцев и чуть более 6 тыс. всадников (Polyb. III, 107, 9; 113, 5). Плутарх приводит еще большую цифру - 92 тыс. бойцов (Plut. Fab. 14). Приводимые источниками цифры разнятся, как видим, несущественно, позволяя утверждать, что численность римской армии приближалась к 90 тыс. воинов. К этому числу следует прибавить два легиона, отправленные в Цизальпинскую Галлию во главе с претором Луцием Постумием Альбином, и еще два, оставшиеся в Риме. Значение столь существенного увеличения римского войска можно оценить, если учесть, что армия Ганнибала медленно, но неумолимо таяла - бойцы гибли во время вылазок за продовольствием, умирали от ран и болезней, дезертировали, и, в отличие от римлян, восполнить потери карфагенскому военачальнику было нечем. По свидетельству Полибия, численность пунийского войска составляла всего около 40 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников (Polyb. III, 114, 5). Боевой дух этой армии также оставлял желать лучшего - его подрывало длительное бездействие и нехватка продовольствия, поскольку окрестности вокруг лагеря под Гереонием были давно разграблены. По свидетельству Тита Ливия, в пунийском стане нарастали волнения, воины жаловались на нехватку продовольствия, а иберийцы

даже готовились массово перейти на сторону врага (Liv. XXII, 40, 7-9).

В сложившихся условиях Ганнибалу следовало как можно скорее искать победоносного сражения. Его вероятность была тем более высокой, что римляне явно стремились разгромить врага, о чем свидетельствовали и масштабные приготовления, и мобилизация небывалого по численности войска, и обоюдное согласие консулов действовать совместно, принимая командование объединенной армией через день. Наконец, все римское общество испытывало невероятный эмоциональный подъем, «общий порыв и усердие, с каким велось дело, были беспремерны», поскольку диктатор Квинт Фабий Максим вселил в сограждан надежду, наглядно показав, что враг может быть побежден (Liv. XXII, 36, 5). Во время подготовки к решающей битве в войске была введена новая присяга, что подчеркивало значимость предстоящего сражения. Согласно ее никогда ранее не применявшейся формуле, воины давали торжественное обещание не только не собираться и не расходиться без приказа консула, что было и ранее, но также «добровольно клялись друг перед другом в том, что страх не заставит их ни уйти, ни бежать, что они не покинут строй, разве только чтобы взять или поискать оружие, чтобы поразить врага или спасти согражданина» (Liv. XXII, 38, 1-4). Это важное нововведение вкупе со всеми остальными подготовительными мероприятиями ясно свидетельствует о том, что римляне стремились к битве, которая должна была положить конец войне. В этом свете можно подвергнуть обоснованной критике приводимую Полибием и Титом Ливием информацию, свидетельствующую, что сразиться с врагом стремился лишь консул Гай Теренций Варрон, тогда как его коллега Луций Эмилий Павел желал избежать боя. Оба античных историка явно пытались таким образом

переложить всю ответственность за постигшее римлян катастрофическое поражение на одного из военачальников и обелить другого, тогда как их решения и действия были, судя по всему, согласованными и совместными. Предвзятость обоих авторов объясняется в данном случае их политическими и личными симпатиями. Тит Ливий, сторонник аристократии и сенаторских кругов, изображает демократического лидера Варрона выскочкой и карьеристом, крикливым демагогом, пренебрежительно упоминая о том, что его отец, будучи мясником, сам разносил товар и привлекал к этому «рабскому занятию» сына. Полибий же и вовсе был другом Сципиона Эмилиана, внука консула Луция Эмилия Павла, и стремился представить деда своего покровителя образцовым римским гражданином.

Встреча вражеских армий произошла летом 216 г. до н. э. неподалеку от небольшого местечка под названием Канны. Полибий и Тит Ливий, описывая войну римлян с Ганнибалом, по-разному излагают события, предшествовавшие решающему сражению. Согласно Полибию (Polyb. III, 107–110), Ганнибал покинул лагерь у Гереония еще до прибытия основных римских сил во главе с новыми консулами. Пунийский военачальник направился на юго-восток и захватил крепость местечка Канны, находившуюся на берегу реки Ауфид (Офанто). Этот городок был, по сути, продовольственной базой римлян, и его захват позволял карфагенянам решить сразу две важных задачи – обеспечить страдавшее от нехватки провизии войско припасами и лишить римлян не только накопленных запасов, но и ключевого укрепленного пункта, из которого удобно было контролировать весь близлежащий регион. Проконсулы Сервилий и Атилий, консульские полномочия которых были продлены до прибытия смены, не могли более безучастно наблюдать за действиями разорвавшего

страну неприятеля и направили в Рим запрос о дальнейших действиях. Сенат высказался за необходимость сразиться с пунийцами, однако сделать это следовало лишь после того, как все римское войско соберется в единый кулак.

После прибытия консулов Теренция Варрона и Эмилия Павла к театру военных действий римляне последовали за карфагенским войском и стали лагерем в 50 стадиях (около десяти километров) от лагеря Ганнибала. Долина реки Ауфид, где они находились, представляла собой удобную для конного сражения равнину, в связи с чем Эмилий Павел настаивал на необходимости и далее уклоняться от решающей битвы и выжидать момента, когда сражение можно будет навязать там, где решающую роль могла бы сыграть не конница, а пехота. Теренций Варрон, сторонник наступательной тактики, напротив, стремился дать пунийцам бой, и когда настала его очередь командовать, отдал приказ переместить римский лагерь ближе к вражескому. Во время этого перехода Ганнибал атаковал римское войско, однако тяжеловооруженная пехота римлян устояла под натиском неприятеля, а затем конница и велиты отбросили пунийцев на исходные позиции. Ганнибал явно лишь пробовал силы перед предстоящим боем и предпочел отступить. Римляне же, в версии Полибия, восприняли произошедшее как решительную победу, так что Варрон надеялся развить успех на следующий день. Командовавший в тот день Эмилий Павел, однако, придерживался избранной им тактики. Консул уклонился от сражения и предпочел сосредоточиться на перегруппировке войск. Большую часть армии, две трети, он разместил в лагере на берегу Ауфида, а еще одну треть оставил в меньшем лагере, находившемся в двух километрах от основного, на другом берегу реки, у переправы. «Сделано это было для того, чтобы

прикрывать своих воинов, выходящих из противоположного лагеря за продовольствием, и угрожать карфагенским фуражирам» (Polyb. III, 110, 11).

В изложении Тита Ливия события, предшествовавшие роковой для римлян битве при Каннах, выглядят несколько иначе (Liv. XXII, 40, 5—45). Новые консулы Теренций Варрон и Эмилий Павел прибыли с войсками в лагерь у Гереония еще до того, как Ганнибал направился к Каннам. Объединив приведенные легионы с войсками проконсула Гнея Сервилия и Марка Атилия, консулы велели разбить неподалеку от стана карфагенян два лагеря. Меньший, в котором находился один римский легион и 2 тыс. союзнической конницы и пехоты, разместили в непосредственной близости к позициям Ганнибала. Командование им было поручено Гнею Сервилию, а Марк Атилий, тогда уже пожилой человек, получил разрешение вернуться в Рим. Этот меньший лагерь был предназначен для контроля над карфагенским войском и организации вылазок против пунийских фуражиров. Во втором, крупном лагере, располагавшемся на некотором расстоянии, находились основная часть римских войск и оба консула. Первый значимый бой между карфагенянами и римлянами произошел без какой-либо подготовки, спонтанно, и стал неожиданностью для военачальников. Схватка завязалась в тот момент, когда пунийцы, подстегиваемые голодом, отправили из лагеря отряды для грабежа окрестностей. Римские легионеры без приказа напали на вражеских фуражиров и обратили их в бегство. По свидетельству Ливия, соотношение потерь при этом составило 1700 карфагенян против всего лишь 100 римлян. Воодушевленные легкой победой римские воины, среди которых было немало новобранцев, надеялись продолжить сражение, однако осторожный Эмилий Павел, командовавший в тот день армией,

приказал прекратить преследование противника из опасения попасть в заранее подготовленную Ганнибалом засаду. Теренций Варрон и многие легионеры были раздосадованы, считая, что Павел своим решением лишил их не только очевидной победы, но даже шанса одним махом закончить войну.

Хорошо осведомленный о настроениях в римском лагере Ганнибал не преминул воспользоваться ситуацией. Зная, что на следующий день командование перейдет к жаждущему битвы Варрону, он действительно подготовил ловушку. Карфагенские воины покинули лагерь, оставив в нем всю добычу и имущество, и укрылись за ближайшей грядой холмов. На правом фланге Ганнибал расположил кавалерию, а на левом – пехоту. Пунийский полководец рассчитывал, что римляне бросятся грабить якобы брошенный лагерь, тем самым предоставив ему возможность внезапно атаковать их и уничтожить. Чтобы хитрость удалась, карфагенский военачальник приказал разжечь в лагере множество ярких костров, которые должны были создавать видимость присутствия войска в лагере. Такой уловкой он хотел убедить римлян, что стремится прикрыть реальное отступление. Хитрость почти удалась – на рассвете римские солдаты, увидев брошенный пунийцами лагерь, начали требовать от консулов немедленно выступить в погоню за неприятелем, а заодно и разграбить их лагерь. Осторожничал лишь Эмилий Павел, отправивший на разведку отряд луканских всадников во главе с префектом Марием Статилием. Командир отряда в сопровождении двух кавалеристов приблизился к покинутому пунийскому стану и выяснил, что войска в нем действительно нет, ценности оставлены будто бы нарочно на самых видных местах, а огни горят лишь со стороны, обращенной к римскому лагерю. Все указывало на западню, о которой Статилий и сообщил

консулам. Воинов, однако, убедить не удалось, и Варрон, сам склонявшийся к решительным действиям, скомандовал выступить. От неминуемого разгрома римское войско в тот день спасла лишь случайность – вначале неблагоприятным оказалось гадание на курах, что заставило консула усомниться в правильности принятого решения. Затем к воротам явились два сбежавших от карфагенян раба, которые рассказали, что войско Ганнибала укрылось за холмами в засаде и выжидает удобного момента для нападения.

После того как замысел карфагенского военачальника по досадному для него стечению обстоятельств был сорван, ему действительно пришлось отступить и направиться на юг. К этому пунийцев вынуждало отсутствие достаточного количества продовольствия. Поскольку к тому времени в южных районах Апулии уже созревал урожай, Ганнибал под прикрытием организации засады повел свое войско к Каннам, где и расположился лагерем, предварительно разграбив окрестности. Убедившись, что вражеская армия действительно ушла, римляне отправились вслед за ней и вновь, как и под Гереонием, разбили два лагеря. При этом больший римский лагерь располагался на том же берегу реки Ауфид, что и лагерь карфагенян, а меньший – на противоположном берегу. При этом Ганнибал, оценивший преимущества равнинной местности, сразу начал беспокоить римлян атаками нумидийских всадников и провоцировать консулов завязать крупное сражение. Какое-то время Эмилию Павлу удавалось сдерживать рвавшегося в бой Теренция Варрона, однако долго это продолжаться не могло. На следующий день командование перешло к Варрону, и он поспешил вывести римскую армию в поле и выстроить ее в боевые порядки.

С этого момента повествования Полибия и Тита Ливия могут быть объединены, и на каком бы из

описанных ранее вариантов событий, предшествовавших битве при Каннах, мы не остановились, дальнейшие события источники излагают довольно согласованно. Для того чтобы объединить войска из обоих римских лагерей, Варрон перевел большую часть войска на противоположный берег Ауфида (по всей видимости, правый) и выстроил воинов для битвы. Вслед за римлянами на противоположный берег реки перешел и Ганнибал. Соотношение сил было неравным – римская армия насчитывала около 80 тыс. пехотинцев и 6 тыс. всадников, тогда как пунийцы могли вывести в поле лишь около 40 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников (Polyb. III, 114, 1-4; Liv. XXII, 46, 4-6). Помимо количественного превосходства, на стороне римлян был также ряд других преимуществ. Так, они сами выбирали время и место боя, имели возможность продуманно развернуть боевые порядки и не опасаться засады или фактора неожиданности. Все пунийское войско было перед ними как на ладони, и консулы могли навязать Ганнибалу свой план боя. Построение римлян было классическим – пехота в центре и конница на флангах. На примыкавшее к берегу реки правое крыло войска Варрон поставил немногочисленную собственно римскую кавалерию, общее число всадников в отрядах которой насчитывало от 1 600 до 2 тыс. На левом фланге была размещена более многочисленная конница союзников – от 4 до 5 тыс. кавалеристов. Расположенная в центре пехота насчитывала около 70 тыс. воинов, поскольку 10 тыс. римских пехотинцев по приказу Эмилия Павла остались в большом лагере на противоположном берегу реки, чтобы захватить неприятельский обоз, если пунийцы оставят его без охраны. Центром римского войска командовал Гней Сервилий Гемин, правым флангом – Луций Эмилий Павел, а левый фланг возглавлял Гай Теренций Варрон (Polyb. III, 112, 1-5; 113, 1-5; Liv. XXII, 45). Иные сведения

приводит Аппиан Александрийский, согласно данным которого центром командовал Эмилий Павел, правый фланг возглавил Варрон, а левый – Сервилий (App. VII, 19).

Замысел Варрона состоял в том, чтобы мощным ударом пехоты прорвать центр обороны противника, который мог выставить на поле боя чуть ли не вдвое меньше пехотинцев. При таком соотношении сил римляне были вполне способны смять построение пунийцев, прорвать их строй и довершить разгром разрозненных отрядов врага. С этой целью консул отступил от классического манипулярного построения и значительно уменьшил интервалы между манипулами, которые стояли практически вплотную друг к другу. В то же время была существенно увеличена глубина боевых порядков, так что легионы больше напоминали колонну на марше, чем фронт построения для боя. Перед тяжелой пехотой на некотором расстоянии находились легковооруженные велиты. Конница же римлян, в особенности на левом крыле, была растянута по фронту, чтобы помешать пунийцам обойти и охватить фланги, зайдя пехоте в тыл.

Ганнибал переправил свое войско вслед за Варроном тогда, когда римляне уже выстраивались в боевые порядки, и благодаря этому имел возможность разгадать вполне очевидный замысел противника и попытаться его сорвать. Для этого пунийский полководец выстроил свою пехоту в форме полумесяца, своей выпуклостью нацеленной на врага. Глубина боевых порядков в его центральной части была максимальной, поскольку именно здесь предстояло принять основной удар пехоты неприятеля. По краям же построение постепенно утончалось, по мере удаления от центра. В центральной части строя пехоты Ганнибал поставил выдвинутые вперед отряды иберов и кельтов, которым предстояло принять на себя первый

удар римских легионеров. Ливийскую пехоту полководец расположил на загнутых назад левом и правом краях полумесяца, частично заходивших за боевые порядки кавалерии. Африканские пехотинцы использовали трофейное римское оружие и доспехи, благодаря чему были практически неотличимы от римлян, тогда как кельты и иберы оставили свое традиционное оружие и их внешний вид внушал римлянам, в большинстве своем новобранцам, трепет. Нумидийских всадников Ганнибал разместил на правом крыле, где им предстояло действовать против конницы римских союзников, а галльские и иберийские конники заняли выходящий к берегу Ауфида левый фланг. Центром войска командовал сам Ганнибал вместе с братом Магоном, командование левым флангом было возложено на Гасдрубала, а правым – на Ганнона (согласно Титу Ливию – на Магарбала) (Polyb. III, 113–114; Liv. XXII, 46). Иные сведения приводит Аппиан, согласно которому левым флангом пунийского войска командовал племянник Ганнибала Ганнон, правым – Магон Баркид (App. VII, 20).

Еще до начала битвы проявился фактор, игравший на руку карфагенянам. Сильный южный ветер дул римлянам прямо в лицо, и тучи песка и пыли, поднятые пунийским войском, существенно затрудняли легионерам дыхание и снижали видимость (Liv. XXII, 46, 9). Поначалу, впрочем, это не играло существенной роли, и сражение легковооруженной пехоты прошло без особого перевеса какой-либо из сторон. Единственной значимой утратой римлян стало то, что тяжелое ранение вывело из строя консула Эмилия Павла – он пострадал от камня, метко брошенного балеарским пращником. Гораздо хуже обстояло дело на правом фланге римлян, прижатом к реке и не имевшем возможности маневрировать. Схватка здесь была особенно ожесточенной, поскольку сбившиеся в свалку

всадники не могли рассредоточиться, напирали друг на друга, стаскивали противников с коней и продолжали бой уже пешими. Действовавшая здесь против римской кавалерии иберийская и кельтская конница стремительным натиском опрокинула вражеские порядки и обратила римлян в бегство.

Одновременно с этим разгорелся бой тяжеловооруженной пехоты, в ходе которого кельты и иберы под натиском превосходящих сил римлян вынуждены были постепенно отходить назад, увлекая за собой неприятельские отряды. Римские воины все больше углублялись в пунийские порядки, и выпуклая часть карфагенского построения вначале выпрямилась, а затем превратилась в вогнутую, постепенно охватывая римские силы полукольцом. Плотное построение римских легионов привело к тому, что по мере продвижения вперед их колонна все больше вытягивалась в длину и сужалась по фронту. Мало задействованные в сражении ливийские пехотинцы правого и левого флангов карфагенского построения вначале ударили по флангам римской пехоты, а затем зашли ей в тыл. Окружение завершили кельто-иберийская кавалерия, прошедшая вдоль реки, и нумидийские всадники, опрокинувшие конницу римских союзников. Наступление нумидийцев началось с военной хитрости, когда 500 всадников сделали вид, что сдаются в плен, а затем, выхватив спрятанные мечи, ударили по римлянам с тыла (Liv. XXII, 48, 1-4). Когда к нумидийцам присоединились галльские и иберийские всадники, судьба сражения была окончательно решена. Командовавший кельтской и иберийской конницей Гасдрубал приказал нумидийским всадникам преследовать бежавших с поля боя союзников римлян, а сам ударил в тыл римской пехоте.

Римляне, заняв круговую оборону, сражались на пределе сил, однако вырваться из окружения им не

удавалось. Действуя на ограниченном пространстве, они были лишены возможности маневрировать, а сражаться могли лишь внешние шеренги. Воинам Ганнибала нередко даже не было нужды вступать в рукопашную схватку, ведь каждый брошенный дротик или выпущенный из пращи камень неминуемо поражали цель в плотных рядах противника. Вырваться удалось лишь нескольким небольшим отрядам, которые либо направились в малый и большой римские лагеря, либо рассеялись по окрестностям. Крупнейшая из всех собиравшихся ранее римская армия была уничтожена практически полностью. Согласно Полибию, потери римлян составили убитыми около 70 тыс. пехотинцев и более 5 600 всадников, пленными – 10 тысяч. Лишь 3 тыс. воинов смогли бежать с поля боя (Polyb. III, 117, 2-4). Евтропий приводит сведения о 60 тыс. убитых пехотинцев и 3,5 тыс. кавалеристов. Погибли, по его словам, также 350 сенаторов и знатных римских граждан, занимавших ранее высокие государственные посты (Eutrop. III, 10). Явно преуменьшенные данные о потерях приводят также Плутарх и Павел Орозий. В жизнеописании Фабия Максима биограф называет такие цифры: 50 тыс. убитых и 4 тыс. плененных римлян на поле боя, а также 10 тыс. захваченных в плен в большом и малом лагерях (Plut. Fab. 16). Орозий называет цифру в 44 тыс. убитых (Oros. IV, 16, 2). Данные Тита Ливия следующие: погибли 45,5 тыс. пехотинцев и 2 700 кавалеристов, пленены – 4 тыс. пехотинцев и 1500 всадников. Из высшего командного состава погибли консул Луций Эмилий Павел, бывший консул Гней Сервилий Гемин и бывший начальник конницы при диктаторе Квинте Фабии Максиме Марк Минуций Руф, а вместе с ними восемьдесят сенаторов и бывших консульских квесторов и эдилов, двадцать девять военных трибунов и два консульских квестора (Liv. XXII, 49, 15-18). Консул Гай Теренций Варрон вместе

с 50 (или, согласно Полибию, 70) всадниками смог бежать в Венусию. Потери войска Ганнибала по сравнению с потерями римлян представляются совсем незначительными – по данным Полибия, карфагенский военачальник потерял 6 тыс., а по данным Тита Ливия – 8 тыс. воинов (Polyb. III, 117, 6; Liv. XXII, 52).

Битва при Каннах вошла в историю как классический образец уничтожения превосходящих сил противника ударами с флангов с последующим окружением и истреблением. Рим был охвачен ужасом, горожане со дня на день ждали появления пунийского войска у городских стен – «никто не сомневался, что Ганнибал, уничтожив войско, осадит Рим и взятием города закончит войну – только это ему и оставалось сделать» (Liv. XXII, 55, 2). Двинуть войска на Вечный город советовали карфагенскому полководцу и некоторые высокопоставленные офицеры его армии. Так, начальник конницы Магарбал побуждал Ганнибала выступить на Рим, обещая, что уже на пятый день он победителем будет пировать на Капитолии, хотя все остальные командиры выступали за то, чтобы дать войску отдохнуть (Liv. XXII, 51, 1-2). Пунийскому военачальнику предложение сразу же двинуться на Рим показалось заманчивым, но риск был слишком большим, и он предпочел не ввязываться в эту авантюру, уклончиво ответив, что ему нужно время, чтобы все как следует обдумать. Слова, произнесенные Магарбалом в ответ на отказ Ганнибала немедля захватить Вечный город, оказались пророческими: «Да, конечно, не всё дают боги одному человеку: побеждать, Ганнибал, ты умеешь, а воспользоваться победой не умеешь» (Liv. XXII, 51, 4). Действительно, позже, вспоминая при других обстоятельствах об упущенной возможности, карфагенский полководец, по словам Тита Ливия, сожалел о том, что не воспользовался после победы при Каннах возможностью захватить Рим и тем самым

завершить войну (Liv. XXVI, 7, 3). Так Ганнибал, блестяще выиграв величайшее сражение при Каннах, не смог закрепить результаты победы и упустил стратегическую инициативу. Римляне получили очередной шанс восстановить силы и продолжить борьбу.

Глава 17. Hannibal ante portas: враг у ворот Вечного города (216-210 гг. до н. э.)

Весть о случившемся пришла в Рим и повергла находившихся в городе римлян в величайшее смятение и ужас: событие было внезапно и неожиданно, потому что никогда еще Ганнибал не подходил столь близко к городу.

Полибий. Всеобщая история, IX, 6, 1

Блистательная победа карфагенян в битве при Каннах открывала Ганнибалу возможность завершить войну безоговорочной капитуляцией Рима. Даже отказавшись от похода на Вечный город сразу после сражения и упустив шанс добить деморализованного сокрушительным поражением врага, пунийский полководец мог потребовать от римлян если не безоговорочной капитуляции, то, по меньшей мере, заключения мирного договора на выгодных Карфагену условиях. Руководствуясь этими соображениями, Ганнибал обратился к плененным римлянам с речью, заявив, что «его война с римлянами – не война на уничтожение: это спор о достоинстве и о власти. Предшественники его уступили римской доблести, а он старается превзойти римлян и удачливостью, и доблестью» (Liv. XXII, 58, 3). Карфагенский военачальник явно искал возможности начать переговоры с римским сенатом. Он без выкупа отпустил римских союзников, а римским пленникам предложил выкупиться, назначив цену за всадника в 500 денариев,

за пехотинца в 300 денариев, а раба оценив в 100 денариев. В Рим были отправлены десять пленников, которые должны были сообщить об этих условиях. Полководец стремился также выяснить, насколько римские власти готовы вести переговоры и принять условия заключения мира, которые он собирался диктовать как победитель. С этой целью вместе с отбывавшими в Рим пленниками отправился также один из приближенных к Ганнибалу знатных карфагенян по имени Карфалон. Его задачей было разведать обстановку и завязать контакты с римским правительством для подготовки полноценных мирных переговоров, если римляне готовы на это пойти. Похоже, пунийский военачальник не сомневался в том, что римляне с радостью согласятся начать диалог, однако его постигло разочарование – назначенный сенатом диктатор Марк Юний Пера через посланного ликтора^[12] приказал Карфалону незамедлительно покинуть римские земли еще до наступления ночи. Попытка организовать переговоры была сорвана, поскольку римляне отказывались признать Ганнибала победителем в войне и не желали вести переговоры на его условиях (Liv. XXII, 58, 6–9).

Действительно, быстро оправившись от шока, вызванного слухами о тотальном разгроме войска под Каннами, римское правительство приняло все возможные меры для организации обороны города. Преторы Публий Фурий Фил и Марк Помпоний созвали срочное заседание сената, на котором бывший диктатор Квинт Фабий Максим предложил отправить всадников по Латинской и Аппиевой дорогам, чтобы выяснить, каково реальное положение дел, что на самом деле произошло с консульскими армиями, а также где находится войско Ганнибала и что карфагеняне собираются предпринять. В Риме же, по его мнению,

следовало восстановить порядок и спокойствие, отправить с улиц по домам плачущих женщин и запретить гражданам покидать город, поскольку именно его стены стали теперь последним рубежом обороны и «спастись негде, кроме как в городе, пока стены целы». Караульные у городских ворот должны были отныне возвращать назад любого, кто стремился покинуть Рим, и незамедлительно препровождать к преторам всех, кто прибывал с какими-либо известиями (Liv. XXII, 55). Важным средством восстановления общественного спокойствия стало обращение к религии. Богам были принесены покаянные и умилоостивляющие жертвы, причем не остановились даже перед чрезвычайными человеческими жертвоприношениями – согласно Сивиллиным книгам, на Бычьем форуме живьем были закопаны в землю грек и гречанка, а также галл и его соплеменница. За нарушение священного обряда целомудрия также лишились жизни две уличенные в преступном блуде жрицы-весталки Отилия и Флорония. Их прелюбодеяние якобы столь разгневало богов, что на Рим обрушились неисчислимыя беды, самой страшной из которых стало поражение под Каннами. Согласно обычаю, одну из весталок живьем похоронили у Коллинских ворот, вторая же, не дожидаясь казни, покончила с собой. Любовника Флоронии, некоего писца при понтификах Луция Кантилия, до смерти засекли розгами (Liv. XXII, 57, 2–6).

Одновременно религиозной и дипломатической мерой стала миссия Квинта Фабия Пиктора, направленного к Дельфийскому оракулу с вопросом о том, какими жертвами умилоостивить разгневанных богов и когда наконец несчастья перестанут постигать Рим (Liv. XXII, 57, 5). Ответ одного из наиболее авторитетных во всем Средиземноморье оракулов стал крупной морально-психологической, а также политико-

пропагандистской победой Рима. Перечислив необходимые жертвы, которые следовало принести богам, пифия резюмировала: «Если так сделаете, римляне, будет вам благополучие и облегчение, государство ваше преуспеет по желанию вашему, и будет на войне римскому народу победа. Аполлону Пифийскому государство, благополучное и охраняемое, пошлет дары, достойные его и соразмерные с добычей, из которой вы и почтите его; чрезмерного ликования не допускайте» (Liv. XXIII, 11, 2-3). Столь благоприятное для римлян предсказание должно было внушить им веру в собственные силы и убежденность в неминуемой победе над противником, одновременно сея сомнения и неуверенность среди врагов. Оно стало также серьезным аргументом для колебавшихся между сохранением верности Риму и переходом на сторону Карфагена союзников остаться на стороне римлян.

Однако главными, конечно же, стали военные приготовления. Считая, что в ближайшее время Ганнибал пойдет на Рим, в сенате предприняли все, чтобы создать боеспособное войско. Мобилизацию в него должен был произвести назначенный сенатом диктатор Марк Юний Пера, начальником конницы при котором стал Тиберий Семпроний Гракх. В армию были призваны все, кто мог держать оружие, начиная с семнадцатилетних юношей. Из призывников сформировали четыре легиона пехотинцев и отряд в тысячу всадников. Еще полторы тысячи набранных для службы во флоте бойцов перевели из Остии в Рим для защиты города. От италийских и латинских союзников потребовали предоставления воинов согласно существовавшим договорам. Для максимального увеличения боеспособного войска решились и на необычные меры - за государственные средства выкупили и вооружили 8 тыс. рабов. Поскольку оружия на всех не хватало, для вооружения и экипировки

призывников пришлось использовать хранившееся в храмах и портиках трофейное оружие и доспехи (Liv. XXII, 57, 9—12). Еще 6 тыс. солдат удалось мобилизовать благодаря приказу диктатора освободить из заключения преступников и несостоятельных должников при условии, что они вступят в армию. Эту часть войска вооружили кельтским оружием, захваченным во время войны 223 г. до н. э. (Liv. XXIII, 14, 3-4; Ioan. Zon. IX, 2). Благодаря таким мерам удалось набрать на службу 25 тыс. воинов.

К собранным в Риме диктатором Марком Юнием войскам следует также прибавить остатки римской армии, разбитой при Каннах. Отрядами и поодиночке воины стекались в основном в два города - Венузию, куда направился уцелевший в битве консул Гай Теренций Варрон, и Канузий, где командование взяли на себя Клавдий Пульхр и Публий Корнелий Сципион Младший. Последнему удалось восстановить дисциплину и вернуть присутствие духа деморализованным поражением бойцам. Когда часть воинов настолько отчаялась, что всерьез начала рассматривать идею покинуть родину и наняться за пределами Италии на службу к какому-нибудь царю, именно Сципион под угрозой оружия заставил инициаторов этой затеи во главе с Луцием Цецилием Метеллом отказаться от задуманного и поклясться в верности Риму и римскому народу (Liv. XXII, 53; Dio. Cass. fr. 28; Oros. IV, 16, 6). Вскоре в Канузий прибыл во главе собравшегося вокруг него отряда и консул Варрон (Liv. XXII, 52-54). Всего в городе насчитывалось около 10 тыс. бойцов. Это была вполне боеспособная консульская армия, о которой Варрон сообщил в послании сенату с докладом о поражении при Каннах и понесенных потерях (Liv. XXII, 56, 1-3). Письмо консула повергло город в траур, но вместе с тем способствовало общественному спокойствию - стало ясно, что по

крайней мере одна консульская армия частично уцелела и сохранила боеспособность, а Ганнибал не торопится идти на Рим. В связи с этим Варрону было предложено вернуться в Рим сразу, как только это позволит обстановка, а командование войском в Канузии поручили возглавлявшему ранее римский флот в Остии Марку Клавдию Марцеллу. Когда консул прибыл в Рим, его встречали и приветствовали толпы горожан, выражая ему признательность за то, что он не отчаялся и продолжил борьбу за спасение государства в трудный для него час (Liv. XXII, 61, 13-15). Тем самым римляне демонстрировали единство и отказ от внутриполитической борьбы перед лицом грозной внешней опасности.

Пока Рим усиленно готовился к продолжению войны, Ганнибал, убедившись в невозможности вести мирные переговоры на его условиях - римляне отказались даже выкупить пленных, - сделал ставку на раскол итало-римского союза. Действительно, источники свидетельствуют о массовом переходе римских союзников на сторону Ганнибала (Polyb. III, 118, 2-4; Eutrop. III, 11; Oros. IV, 16, 10). «Насколько каннское поражение было тяжелей предыдущих, видно хотя бы из того, что союзники, до тех пор незыблемо верные, начали колебаться - утратили веру в мощь Рима, - сообщает Тит Ливий. - Отпали к карфагенянам ателланцы, калатийцы, гирпины, часть апулийцев, самниты, кроме пентров; все бруттийцы, луканцы; кроме них, узентины и почти все греческое население побережья, Тарент, Метапонт, Кротон, Локры и почти все предальпийские галлы» (Liv. XXII, 61, 10-12). Чтобы воспользоваться плодами победы, пунийцам следовало закрепить первоначальный успех, получив реальную поддержку от готовых перейти на сторону Карфагена бывших римских союзников. Ганнибалу нужно было показать свое военное присутствие в разных регионах

Италии, создавая угрозу верным Риму городам и принимая под защиту и используя ресурсы тех, кто принял его сторону.

Первой целью на пути карфагенского полководца стал Самний, куда он направился вскоре после битвы при Каннах. Выбор именно этой области Италии был обусловлен не только ее близостью к Апулии, но также давними традициями борьбы местного населения против римского владычества. Ганнибал небезосновательно рассчитывал получить поддержку в этом регионе, тем более что к нему уже обращались отдельные представители местной знати, рассчитывавшие использовать карфагенян во внутривосточной борьбе. Так, в город Компса пунийского полководца призвал один из тамошних аристократов Статий Требий, рассчитывая таким образом отстранить от власти господствовавший в городе могущественный род Мопсиев. Опиравшиеся на многочисленных клиентов и приверженцев Мопсии ориентировались на союз с Римом. Тит Ливий даже называет их римскими ставленниками. Естественно, что, узнав о приближении войск Ганнибала к Компсе, Мопсии и другие сторонники Рима поспешили покинуть город, предпочтя изгнание покорности карфагенянам. После этого город без боя сдался пунийцам. Местоположение Компсы было столь удобным, что Ганнибал избрал город в качестве своей основной базы, разместил здесь обоз и добычу (Liv. XXIII, 1, 1-4).

Обосновавшись в Компсе, карфагенский военачальник направил во внутренние районы Самния своего брата Магона с заданием принимать под власть Карфагена все города, которые добровольно согласятся примкнуть к пунийцам, а тех, кто будет сопротивляться, принуждать покориться силой (Liv. XXIII, 1, 4). Миссия Магона была в целом успешной, большинство городов области охотно признавали власть карфагенян и

принимали сторону Ганнибала. Вскоре на сторону карфагенян перешли города Лукании и Бруттия, за исключением греческих полисов. Сам же пунийский военачальник направился в Кампанию, чтобы подчинить Неаполь, важный портовый город Южной Италии. Овладев им, Ганнибал рассчитывал наладить надежную связь с Карфагеном для получения оттуда военной помощи (Liv. XXIII, 1, 5). Рассчитывать на добровольную сдачу города пунийцам не приходилось, поскольку ранее граждане Неаполя выразили готовность оказывать всяческую поддержку Риму, о чем карфагенский военачальник, хорошо осведомленный о делах в Вечном городе, несомненно, хорошо знал. В связи с этим с самого начала была запланирована военная операция по захвату города. Верный своей тактике, Ганнибал устроил на подступах к городу хорошо замаскированную засаду, укрыв в одной из ложбин крупный отряд нумидийских всадников. Остальных воинов, отягощенных награбленной добычей, полководец направил напрямик к городским воротам Неаполя. Замысел состоял в том, чтобы выманить защитников города за пределы крепостных стен, притворным бегством завлечь их в ловушку, а затем уничтожить, напав из засады. После этого Ганнибал, судя по всему, рассчитывал либо ворваться в город на плечах отступавшего противника, либо принудить неаполитанцев, лишившихся существенной части гарнизона, капитулировать.

Задуманное карфагенским военачальником удалось реализовать лишь отчасти. Неаполитанские всадники атаковали приблизившихся к городу нумидийцев и, увлекшись преследованием отступавшего неприятеля, попали в заранее подготовленную Ганнибалом засаду. Оказавшись в окружении, неаполитанцы были практически полностью перебиты, и лишь части воинов удалось спастись бегством – они прорвались к берегу, а

затем вплавь добрались до лодок вышедших на свой обычный промысел рыбаков. Значительная часть войска Неаполя была, таким образом, уничтожена, однако захватить город карфагенянам не удалось. Верные Риму горожане, несмотря на болезненное поражение, отказались сдаться пунийцам, а Ганнибал не имел ресурсов ни для длительной осады, ни для штурма хорошо укрепленного города (Liv. XXIII, 1, 4—10).

Отказавшись от плана захватить Неаполь, карфагенский полководец повел свое войско на север, к Капуе – важнейшему городу Кампании, от позиции жителей которого во многом зависела дальнейшая судьба всей италийской кампании пунийцев. В случае перехода капуанцев на сторону Ганнибала их примеру последовали бы многие другие городские общины, которые после битвы при Каннах начали сомневаться в римском могуществе. Если бы Капуя осталась верной Риму, от карфагенян могли вскоре отпасть и города, уже перешедшие на их сторону. Судьба благоприятствовала Ганнибалу. В городе с приближением пунийской армии обострилась внутривластная борьба, ведущую роль в которой сыграл видный аристократ Пакувий Калавий, занимавший высшую магистратуру «медикус тутикус» («верховный судья») и пользовавшийся поддержкой плебса. Калавий, умело сыграв на противостоянии сената и демократических кругов города, добился сосредоточения власти в своих руках и готов был пойти на разрыв с Римом (Liv. XXIII, 3-4). Посланцы, отправленные к консулу Теренцию Варрону, убедились в катастрофическом положении Римского государства, и было принято решение начать переговоры с Ганнибалом в расчете на то, что после победоносного завершения войны пунийцы покинут Италию и власть над ней перейдет от Рима к Капуе (Liv. XXIII, 5-6). Условия, на которых Капуя перешла на сторону

карфагенян, были исключительно выгодными для капуанцев – по условиям договора, граждане города не подчинялись ни пунийским военачальникам, ни гражданским чиновникам. В городе сохранялись собственные законы и магистраты, а военную службу горожане могли нести лишь на добровольной основе. Более того, Ганнибал передавал капуанцам 300 римских военнопленных, которых можно было обменять на 300 капуанских всадников, служивших в римской армии на Сицилии (Liv. XXIII, 7, 1-2).

Переход Капуи на сторону карфагенян был крупной дипломатической победой Ганнибала, сравнимой по своему значению с военным разгромом римлян при Каннах. Отпадение от Рима второго по значению и потенциалу города на Апеннинском полуострове служило примером и для других римских союзников. Примеру Капуи поспешили последовать соседние Ателла, Каллация и многие другие городские общины (Polyb. VII, 1, 4). Существенным ударом по военному потенциалу Рима стала и утрата капуанских воинов – по меньшей мере тех 30 тыс. пехотинцев и 4 тыс. всадников, которых мог выставить этот город (Liv. XXIII, 5, 15). Однако немалое число городов Кампании, не говоря уже о Лации и Этрурии, сохранили верность Риму. А те, которые переходили на сторону карфагенян, следовали примеру Капуи – не брали на себя никаких обязательств перед новым союзником, оговаривали сохранение свободы и самостоятельного управления, не допускали размещения на своей территории пунийских гарнизонов, отказывались поставлять Ганнибалу воинов и материально его поддерживать (Polyb. VIII, 27, 2; Liv. XXIV, 8; XXV, 16, 7). Это делало положение карфагенского полководца странным и шатким, поскольку, откалывая от Рима его союзников, сам он не приобретал никакой существенной поддержки и был вынужден пополнять армию разношерстными плохо

обученными наемниками. В сложившейся ситуации критически важной стала поддержка из Карфагена, куда был направлен с отчетом о победах и просьбой об отправке подкреплений брат Ганнибала Магон.

Миссия Магона, подробно описанная Титом Ливием (Liv. XXIII, 11, 7—13, 8), стала одновременно свидетельством высочайшего триумфа и вместе с тем крупной неудачей Ганнибала. С одной стороны, отчет о великих победах в Италии вызвал всеобщее ликование. Карфагенский совет приветствовал Магона, докладывавшего о том, что за время кампании Ганнибал сразился с шестью консульскими армиями, в результате чего четыре римских консула погибли, два бежали с поля боя, причем один из них был ранен, а диктатор, которого римляне считают великим военачальником, приобрел эту славу лишь потому, что не решился вступить в решающее сражение. За все время Рим потерял более 200 тыс. воинов убитыми и более 50 тыс. захваченными в плен. Чтобы усилить эффект от своих слов, Магон приказал высыпать перед собранием золотые senatorские и всаднические кольца, общий объем которых, по свидетельству некоторых источников, составил после измерения три с половиной модия - около 30,5 литров. На волне всеобщего восторга было принято решение оказать Ганнибалу помощь, отправив ему 4 тыс. нумидийских всадников и 40 боевых слонов, а специальный правительственный агент должен был в Испании на вербовать еще 20 тыс. наемных пехотинцев и 4 тыс. кавалеристов. С другой стороны, лидер противников Ганнибала в карфагенском совете Ганнон едко заметил, что победы в Италии в сущности бесплодны, поскольку Рим все еще не капитулировал, а большинство союзников остались верны Вечному городу. Более того, будучи победителем, Ганнибал просит прислать ему воинов, продовольствия и денег, словно он не захватил никаких

трофеев и проигрывает войну. «Война в том же положении, как и в тот день, когда Ганнибал вступил в Италию», – подытожил Ганнон. В этих словах заключалась горькая для карфагенского полководца истина: выиграв одну за другой несколько битв, он оставался столь же далеким от победы над римлянами, как и в самом начале италийской кампании. Более того, даже приняв решение об отправке подкреплений в Италию, карфагеняне не уделили этому должного внимания (Liv. XXIII, 14, 1), вследствие чего Ганнибалу приходилось и далее рассчитывать лишь на собственные, уже иссякающие силы.

После заключения союза с Капуей Ганнибал двинул свои войска на юго-восток, к городу Нола, рассчитывая на добровольный переход горожан на сторону пунийцев (Liv. XXIII, 14). Основания для этого были, поскольку в Ноле разгоралась внутривитанская борьба между аристократической и демократической группировками, в которой плебс настаивал на заключении договора с карфагенянами. Притворно согласившись с этим требованием, сенаторы тайно направили посланцев в Казилин, куда к этому времени уже прибыл претор Марк Клавдий Марцелл, сменивший консула Теренция Варрона на посту командующего армией. Получив известие о планах Ганнибала, Марцелл повел войско к Ноле. Встав лагерем в горах неподалеку от города, претор получил возможность не только защитить Нолу, но и контролировать действия пунийцев в Кампании. Узнав о появлении римских войск и не желая пока ввязываться в сражение, Ганнибал изменил свой план и направился к Неаполю. Пунийский военачальник крайне нуждался в выходе к морю для налаживания стабильной связи с Карфагеном, однако и в этот раз его постигла неудача. Неаполитанцы уже успели получить военную помощь от Рима, в городе обосновался римский гарнизон во главе с префектом Марком Юнием

Силланом, настроенный стойко обороняться (Liv. XXIII, 14, 10-13; 15, 1-2). Убедившись в бесперспективности как штурма, так и осады Неаполя, Ганнибал в очередной раз был вынужден отказаться от задуманного и повел войско к располагавшемуся к югу от Нолы местечку Нуцерия. Взяв этот город в жесткую осаду, пунийский военачальник добился капитуляции. Согласно ее условиям горожане получили право сохранить свободу, однако должны были уйти из Нуцерии безоружными и взяв из имущества одну лишь одежду. Ганнибал, правда, предлагал побежденным остаться и даже обещал вознаградить их в случае, если они вступят в ряды его войска, однако нуцерийцы предпочли изгнание предательству и переселились в другие города Кампании, прежде всего в Неаполь и Нолу. Нуцерия была разграблена и сожжена (Liv. XXIII, 15, 1-6).

Вслед за этим Ганнибал вновь направился к Ноле с явным намерением разгромить войско Марцелла и захватить на этот раз город. Римский военачальник укрепился в городе, не решаясь на генеральное сражение и ограничиваясь незначительными стычками. Положение, в котором оказался претор, было крайне сложным - с одной стороны, ему угрожала вражеская армия, с другой же назревал заговор среди городских плебеев, которые планировали, что в момент, когда римляне покинут городские стены, выйдя в поле для решающей битвы, ноланцы запрут ворота и разграбят римский обоз, после чего впустят в город пунийцев. Узнав о внутренней угрозе, Марцелл решился на крайние меры и навязал Ганнибалу сражение в неожиданных для карфагенского полководца условиях. Для этого римский претор выстроил свое войско внутри городских стен, заняв позиции напротив трех ворот, обращенных к пунийскому лагерю. В центре была построена тяжеловооруженная пехота и римские

всадники, у боковых ворот военачальник разместил велитов и кавалерию союзников. Позиции позади боевого построения под усиленной охраной занял обоз. Запретив жителям приближаться к крепостным стенам и сняв с них всю стражу, Марцелл добился видимости беззащитности Нолы перед вражеским штурмом. Когда же Ганнибал, полагая, что в городе царит неразбериха из-за внутреннего мятежа, повел отряды на приступ, Марк Клавдий отдал приказ распахнуть ворота и нанести контрудар по врагу. Маневр был столь неожиданным, что ошеломленные карфагеняне были отброшены от города, не попытавшись даже завязать серьезное сражение (Liv. XXIII, 16, 1—17).

Тит Ливий сообщает, что в схватке погибли около 2800 пунийских воинов и всего 500 римлян. И хотя он ставит эти данные под сомнение, гораздо важнее точных цифр потерь сторон оказался общий моральный и политический эффект от поражения Ганнибала при Ноле. Римские воины впервые после битвы при Каннах убедительно продемонстрировали, что не утратили присутствия боевого духа и способности громить неприятеля. Это внушало уверенность союзникам Рима и одновременно показывало карфагенянам, что, несмотря на недавний катастрофический разгром римского войска, военная кампания все еще далека от завершения. Ганнибалу предстояло вести длительную изнурительную войну на истощение. О значении сражения у Нолы удачно выразился Марк Туллий Цицерон в трактате «Брут, или О знаменитых ораторах»: «После пресловутого поражения у Канн римский народ впервые воспрянул духом только с победой Марцелла при Ноле, за которой удачи последовали одна за другой» (Cic. Brut. III, 12).

Битва за Нолу действительно открыла череду многочисленных сражений римлян с пунийцами, во время которых воины Вечного города и верные им

союзники медленно, но верно подтачивали силы как войска Ганнибала, так и военных сил Карфагена в целом. Далеко не всегда при этом победа на поле боя оставалась за римлянами, однако, подобно опытному боксеру, они неизменно выигрывали по очкам. Так, согласно римской анналистической традиции, на пользу Риму пошло даже пребывание карфагенян в союзной им Капуе зимой 216–215 гг. до н. э., во время которого солдаты предавались безделью, бесчинствам и разврату, вследствие чего в армии катастрофически упала дисциплина: «И вот, тех, кого не могла осилить никакая беда, погубили удобства и неумеренные наслаждения – и тем стремительнее, что с непривычки к ним жадно ринулись и в них погрузились. Спать, пить, пировать с девками, ходить в бани и бездельничать вошло в привычку, и это с каждым днем незаметно подтачивало душевное и телесное здоровье. Кое-как еще держались памятью о прошлых победах» (Liv. XXIII, 18, 11–12). И даже если признать приведенные Титом Ливием сведения весьма преувеличенными, не приходится сомневаться в существенном вреде, который всегда приносит армии длительное бездействие.

Если дисциплину в войске Ганнибалу удалось в целом восстановить вскоре после начала боевых действий весной 215 г. до н. э., то гораздо большей проблемой стало для него отсутствие поддержки и подкреплений из Карфагена. Причиной тому были успехи римских войск в 216 г. до н. э. на другом театре боевых действий – в Испании. Сюда, несмотря на тяжелое положение в Италии, был направлен с подкреплением Публий Корнелий Сципион, который, объединив войска с братом Гнеем, повел решительное наступление на юг. Форсировав Ибер, они ударили по армии командовавшего пунийскими силами на Пиренейском полуострове Гасдрубала. Этот пунийский

военачальник получил ранее из Карфагена подкрепление и приказ отправиться сухопутным путем в Италию на помощь Ганнибалу. Удар Сципионов должен был пресечь задуманное карфагенянами в зародыше, и, сознавая свою миссию, римские легионеры сражались упорно и стойко и нанесли врагу сокрушительное поражение. Тит Ливий свидетельствует о множестве убитых, а Евтропий называет такие цифры: 25 тыс. убитых и 10 тыс. пленных пунийцев (Liv. XXIII, 29, 13; Eutrop. III, 11). Даже если признать эти данные весьма преувеличенными, понятно, что исход битвы имел стратегическое значение, поскольку Ганнибал лишался возможности получить существенное подкрепление из Испании, а римляне, наоборот, теперь имели возможность захватить практически весь Пиренейский полуостров.

Поражение в Испании имело и иные негативные для Ганнибала последствия. Собранное Магоном в Карфагене войско из 12 тыс. пехотинцев, 1,5 тыс. всадников (вместо планировавшихся ранее 4 тыс.) и 20 слонов (вместо 40), пришлось отправить не в Италию, а в Испанию. Приблизительно такое же войско под командованием Гасдрубала Плешивого отбыло из пунийской столицы на Сардинию, чтобы овладеть этим островом в момент, когда местное население было готово выступить против римского владычества (Liv. XXIII, 32). Далеко не безграничные силы карфагенян расплылись по нескольким театрам боевых действий, в то время как Ганнибал на юге Италии остро нуждался в подкреплениях.

Начиная с 215 г. до н. э. в войне установилось относительное динамическое равновесие. Ганнибал, не имея возможности получать в достаточном количестве подкрепления из Карфагена, уже не был способен ни всерьез грозить походом на Вечный город, ни нанести врагу поражение, сопоставимое по масштабам с

разгромом при Каннах, тем более что римляне, наученные горьким опытом, избегали крупных сражений и ввязывались в бой лишь тогда, когда были уверены в победе. Вместе с тем и римляне, нанося пунийскому военачальнику отдельные чувствительные удары, все еще не были способны окончательно разгромить его армию. Победы каждой стороны чередовались с поражениями, однако если римские полководцы могли быстро восстановить численность армии за счет набора новых воинов и привлечения сил верных союзников, то для Ганнибала каждая потеря была практически невозполнимой. Важнейшим событием кампании 215 г. до н. э. стало второе сражение у стен Нолы, в котором Марк Клавдий Марцелл, получивший к тому времени от народа «проконсульскую власть, так как после каннского поражения он единственный из римских полководцев удачно воевал в Италии» (Liv. XXIII, 30, 19), нанес Ганнибалу чувствительный удар. Карфагенскому полководцу не помогло ни полученное все же к тому времени из Африки незначительное подкрепление, ни прибывшие с ним боевые слоны. В сражении пунийский военачальник потерял 5 тыс. воинов убитыми и 600 пленными, погибли 4 слона, а еще двух римлянам удалось захватить. Эта вторая победа под Нолой окончательно возродила веру римлян в победу над Ганнибалом, одновременно лишив карфагенского полководца уверенности в собственных воинах, поскольку вскоре после битвы отряд из 272 всадников перешел на сторону римлян (Liv. XXIII, 41-46; Oros. IV, 6, 12). Это было тревожным сигналом и означало, что пунийские воины теряли веру в удачу своего предводителя и видели перспективу в будущем в случае перехода на сторону римлян.

И все же в 215 г. до н. э. Ганнибалу удалось достичь крупных побед в сфере международной политики, что

существенно осложнило положение Рима. Был заключен договор с македонским царем Филиппом V, который обещал привести свои войска в Италию. Лишь путем превентивного удара в Иллирии и успешных дипломатических переговоров римлянам удалось сковать Македонию войной с Этолийским союзом греческих государств и не допустить тем самым появления македонских войск в Италии. Болезненным для Рима стал также переход на сторону Карфагенской державы Сиракузского царства, расположенного на Сицилии. После смерти царя Гиерона II, верного союзника римлян, его внук и преемник, пятнадцатилетний Гиероним, попавший под влияние одной из придворных клик, перешел на сторону Карфагена. Это привело к открытию еще одного театра боевых действий на Сицилии, считавшейся ранее надежной частью римского союза. В 214 г. до н. э. сюда пришлось отправить армию во главе с консулом Марком Клавдием Марцеллом, который в 213 г. до н. э. взял в осаду Сиракузы. Овладеть ими римляне смогли лишь весной 211 г. до н. э.

Боевые действия в Италии велись в это время с переменным успехом, однако к большей выгоде для римлян. Серьезная неудача постигла Рим лишь в 212 г. до н. э., когда Ганнибалу удалось разбить войско во главе с Марцеллом при Канузии и овладеть Тарентом. Однако пока пунийцы были заняты осадой Тарента, римляне начали опустошать окрестности Капуи, направив туда обе консульских армии во главе с консулами Аппием Клавдием Пульхром и Квинтом Фульвием Флакком (Liv. XXVI, 13). Овладение этим городом было для римлян важной задачей как с военно-стратегической, так и с политической точки зрения. Крупнейший город Кампании, овладение которым позволяло контролировать всю область, следовало также примерно наказать за измену. Однако в 212 г. до

н. э. римляне оказались недостаточно готовы для одновременной осады города и борьбы с Ганнибалом, который поспешил на выручку капуанцам. После нескольких стычек с ничейным результатом консулы были вынуждены отступить, уведя за собой и пунийскую армию (Liv. XXV, 19, 1-8). Вскоре, впрочем, римские войска вернулись к Капуе и осада была возобновлена. Теперь она была лучше организована и продумана, в окрестностях построили укрепления, призванные прикрывать подступы к городу, а в Казилине сосредоточили большие запасы продовольствия (Liv. XXV, 20, 1-3). Для непрерывности осады консулам Клавдию Пульхру и Фульвию Флакку были продлены их полномочия. Теперь выбить римлян с занятых ими позиций было гораздо труднее, и Ганнибал, повторно явившийся снимать осаду с Капуи в 211 г. до н. э., не смог пробиться сквозь римские заслоны и отступил (Liv. XXVI, 5-6; App. VII, 41). Боевые действия завершились вничью, но эта ничья была по сути поражением карфагенян, которым не удалось деблокировать Капую.

Неспособность Ганнибала защитить своего важнейшего союзника в Южной Италии могла отвлечь от него уже перешедшие на сторону пунийцев города. Следовало найти способ, который позволил бы отвлечь римлян от осады Капуи, и лучшим средством карфагенский военачальник посчитал в этой ситуации создание прямой и непосредственной угрозы (по меньшей мере видимости угрозы) самому Вечному городу. Замысел Ганнибала был прост: поход пунийской армии на Рим заставит врага бросить туда все силы, а значит, и войска, осаждавшие Капую, последуют за ним на север. Предупредив капуанцев о своем замысле в скрытно доставленном в город письме, пунийский полководец ночью увел войско из лагеря, оставив в нем зажженными все огни, чтобы скрыть уход.

Переправившись через Вольтурн и уничтожив за собой все корабли, он ускоренным маршем повел войско на Рим (Polyb. IX, 5, 1-7; Liv. XXVI, 7).

Римляне под Капуей узнали о замысле Ганнибала от перебежчиков, и Фульвий Флакк незамедлительно сообщил о походе пунийцев правительству. В сенате разгорелась дискуссия о том, как следует поступить в сложившейся ситуации. Предсказуемо возникли три точки зрения. Первая из них заключалась в том, чтобы призвать для защиты города все войска, действовавшие в Италии. Ее высказал сенатор Публий Корнелий Асина. Вторая состояла в том, что обороняться следует силами, имеющимися в самом Риме, поскольку отвод легионов от осажденной Капуи – это именно то, чего добивается Ганнибал. Ее отстаивал Квинт Фабий Максим. В итоге был принят третий, компромиссный вариант: продолжить осаду Капуи во что бы то ни стало, однако, если это представляется возможным, отправить часть войск для защиты Рима. С этим предложением выступил Квинт Фульвий Флакк. Проконсулам было направлено письмо, где сообщалось о силах, которыми располагал Вечный город для своей защиты, и предлагалось, не снимая осады с Капуи, направить на защиту Рима часть войск, которые можно высвободить для этой цели. Поскольку Аппий Клавдий был ранен в сражениях с капуанцами, эту часть войска – консульскую армию из 15 тыс. пехотинцев и тысячи всадников – повел на север Квинт Фульвий Флакк. Замысел Ганнибала увести от Капуи римские войска был, таким образом, осуществлен лишь отчасти.

Тем временем в Риме новости о приближении Ганнибала вызвали ужас и волнения. Поползли слухи о том, что враг решился напасть на Вечный город потому, что уничтожил войска под Капуей (Polyb. IX, 6, 2). В домах рыдали женщины, они метались от храма к храму и покрывали волосами ступени алтарей с мольбами к

богам спасти город от врага и пощадить их детей (Polyb. IX, 6, 2-3). «*Hannibal ante portas!*» («Ганнибал у ворот!»), – звучало на улицах. «Город пришел в такое смятение, – сообщает Аппиан Александрийский, – как никогда раньше; своего войска у них не было никакого (все, какое было, находилось в Кампании), тогда как внезапно на них напали столь большое вражеское войско и полководец доблестный и счастливый, не терпевший поражений. Однако те из способных носить оружие, которые были в городе, стали охранять ворота, старики поднялись на стену, женщины и дети подносили камни и стрелы. Бывшие в полях бегом собирались в город. Крик, плач, моления и взаимные подбадривания смешались в общий гул» (App. VII, 39). Данным Аппиана о полном отсутствии войск в Риме противоречат свидетельства Тита Ливия и Полибия. Последний сообщает, что на момент похода Ганнибала на Рим консулы 211 г. до н. э. Гней Фульвий Центумал и Публий Сульпиций Гальба уже сформировали один легион и завершали формирование второго (Polyb. IX, 6, 6).

Тем временем Ганнибал и Фульвий Флакк вели войска к Риму. Поскольку пунийский военачальник продвигался по Латинской дороге, проконсул выбрал Аппиеву с целью опередить неприятеля. Римского полководца задержала переправа через Вольтурн, так как Ганнибал сжег за собой все лодки. Римлянам пришлось в срочном порядке сооружать плоты, для которых не хватало древесины. Однако потом Флакку, заранее распорядившемуся о заготовке продовольствия на всем пути продвижения его войска, удалось наверстать упущенное. Ганнибал двигался медленнее, поскольку терял время, грабя и опустошая земли на своем пути. Пунийского полководца задержала также переправа у Фрегелл через реку Лирис, мост через которую был разрушен. В итоге римский и

карфагенский полководец подошли к Вечному городу практически одновременно. Ганнибал встал лагерем в Пупинии, в 8 милях от Рима (Liv. XXVI, 9, 1-5; 10, 11-12). Флакк же вошел в Рим и разместился между Эсквилискими и Коллинскими воротами. Чтобы не лишать полководца власти командующего в пределах городской черты, сенат предоставил ему полномочия консула.

Тем временем Ганнибал перенес лагерь еще ближе, расположившись всего в трех милях от городских стен. Отсюда во главе 2 тысяч всадников он направился к Коллинским воротам на рекогносцировку. Пуниец уже приближался к храму Геркулеса, осматривая стены и расположение улиц, когда Фульвий Флакк направил против него отряд кавалерии и заставил отступить назад, в пределы лагерных укреплений (Liv. XXVI, 10). На следующий день Ганнибал переправился через Анион и выстроил свое войско перед городом, вызывая римлян на сражение. Фульвий Флакк дважды принимал вызов неприятеля, но всякий раз внезапный ливень с градом, безжалостно хлеставший воинов обеих армий, заставлял их поспешно отступать и укрываться в лагере и за городскими стенами. Казалось, сами боги хранят Вечный город, не давая пунийцам разгромить римское войско. Вскоре в карфагенском лагере стало известно о двух событиях, наглядно продемонстрировавших Ганнибалу бесперспективность дальнейшего стояния под стенами Рима. Во-первых, пунийский военачальник узнал, что римляне, несмотря на угрожающее положение в Италии, отправили подкрепления в Испанию. Это было убедительной демонстрацией уверенности в собственных силах даже тогда, когда карфагеняне стояли у городских ворот Рима. Второе событие имело одновременно курьезный и пропагандистский характер: собственник поля, на котором расположился лагерем Ганнибал, без особых

затруднений продал землю за обычную цену, словно присутствие карфагенян не составляло никакой угрозы и не мешало привычной жизни. Раздосадованный полководец приказал организовать у себя в лагере продажу лавок римских менял, однако это было скорее проявлением бессилия, чем демонстрацией уверенности в победе (Liv. XXVI, 11, 1-9).

Убедившись в нехватке сил для штурма или блокады Рима и не добившись снятия осады с Капуи, Ганнибал был вынужден отступить на юг. Вслед за ним направился Фульвий Флакк. Поход пунийцев на Рим потерпел фиаско, и судьба Капуи была предрешена. Горожане, после безуспешных попыток связаться с Ганнибалом, сдались на милость победителя. Римляне показательно покарали капуанцев: пунийский гарнизон города был взят в плен, сенаторов и представителей аристократических родов казнили, конфисковав их имущество в собственность Рима, множество жителей продали в рабство или отправили в изгнание. В городе было ликвидировано местное управление, и он полностью покорился римской власти, подчинившись римскому наместнику – префекту (Liv. XXVI, 16). Так римляне добились устранения своего главного соперника в Италии, а Ганнибал потерял не только важнейший из присоединившихся к нему городов, но и доверие остальных союзников на Апеннинском полуострове. В войне произошел решительный перелом в пользу Рима.

Глава 18. От Капуи до Замы: сражения, решившие исход войны (210-202 г. до н. э.)

Карфагенянам предстояло бороться за свое существование и за господство над Ливией, римлянам – за мировое владычество. Неужели кто-нибудь может остаться безучастным к повести об этом событии? Никогда еще не было столь испытанных в бою войск, столь счастливых и искусных в военном деле полководцев; никогда еще судьба не сулила борющимся столь ценных наград. Победителю предстояло получить власть не над Ливией только и Европой, но и над всеми прочими доселе известными нам странами мира.

Полибий. Всеобщая история, XV, 9

Падение Капуи нанесло непоправимый ущерб положению Ганнибала в Италии. По свидетельству Полибия, «лишь только Капуя перешла в руки римлян, тотчас города заволновались, как и следовало ожидать, и только ждали случая или предлога, чтобы перейти на сторону римлян. Раздосадованный Ганнибал не знал, что делать» (Polyb. IX, 2-3). Удержать союзников на своей стороне он мог, либо оставляя в каждом из городов пунийские гарнизоны, либо примерно и жестоко наказывая за измену. И то и другое оборачивалось против карфагенского военачальника. Размещение отрядов во множестве городов, удаленных друг от друга, распыляло и ослабляло его армию, а

расправы над перешедшими на сторону римлян горожанами устрашали, но и ожесточали местных жителей, вызывая у них ненависть к пунийцам, действовавших не как союзники и защитники, но как агрессоры и оккупанты. Ганнибал был вынужден оставить некоторые города без защиты, из других выводились гарнизоны, причем воины, уходя, беззастенчиво грабили и убивали горожан, пребывая в уверенности, что те в любом случае сразу же перевернутся на сторону римлян (Polyb. IX, 26, 2-9; Liv. XXVI, 38). Тем не менее карфагенскому военачальнику еще было на кого опереться в Южной Италии. Особенно значимым был факт размещения пунийского гарнизона в Таренте, крупнейшем после Капуи городе, который к тому же имел выход к морю. Местный акрополь, правда, продолжал удерживать римский гарнизон, что создавало карфагенянам немало проблем. Однако даже при этом условии обладание городом было крайне важно для Ганнибала, что определяло и главную задачу римских полководцев на этом театре боевых действий – изгнать карфагенян из Тарента.

Вначале римлян преследовали неудачи, самой крупной из которых стал разгром в 210 г. до н. э. армии проконсула Гнея Фульвия Центумала, пытавшейся овладеть Гердонией, городом, жители которого были склонны изменить Ганнибалу и перейти на сторону Рима. Уверенный в успехе римский военачальник оказался настолько беспечным, что в расчете на скорый захват города не уделил должного внимания обустройству надежного лагеря и организации боевого охранения. Это позволило Ганнибалу застать Гнея Фульвия врасплох, стремительно подведя войско к Гердонии и выстроив его в боевые порядки на виду у римлян. Проконсул действовал решительно, но безрассудно. Приняв вызов Ганнибала, он вывел войска навстречу неприятелю и попал в такую же ловушку,

какую карфагенский полководец расставил в битве при Каннах. Пока пехота увязла в сражении в центре, пунийская конница обошла врага с флангов, и одна ее часть обрушилась на римский лагерь, а вторая ударила в тыл римским пехотинцам. Часть окруженных легионеров смогли прорваться и бежали, остальные же были уничтожены. Потери римлян, по сообщению Тита Ливия, составили от 7 до 13 тыс. убитыми. После победоносного сражения Ганнибал жестоко расправился с собиравшимися переметнуться на сторону римлян жителями Гердонии. Городских старейшин, уличенных в переговорах с Гнеем Фульвием, казнили, а всех остальных жителей выселили в Метапонт и Фурии, после чего Гердония была сожжена (Liv. XXVII, 1; App. VII, 48).

Впрочем, Рим тем временем добился ощутимых успехов в Испании. После разгрома здесь в 211 г. до н. э. двух армий под командованием братьев Публия и Гнея Корнелиев Сципионов римлянам не только удалось удержать плацдарм к северу от Ибера, но и перейти в контрнаступление. Решающую роль в этом сыграл Публий Корнелий Сципион Младший, родственник погибших в битвах Сципионов – сын Публия и племянник Гнея. Отправленный на Пиренейский полуостров во главе войска из двух усиленных легионов – 10 тыс. пехотинцев и тысячи всадников, – он высадился в эмпории и направился в Тарракон, где принял командование у Гая Клавдия Нерона и Луция Марция, в подчинении которых также было два легиона. Проведя здесь зиму 210–209 гг. до н. э., молодой военачальник (по свидетельству Полибия, ему было 27 лет, а по словам Тита Ливия, всего 24 года (Polyb. X, 6, 10; Liv. XXVI, 18, 7) ранней весной повел основные силы – 25 тыс. пехотинцев и 2,5 тыс. кавалерии – через Ибер на юг, по направлению к Новому Карфагену, ключевой базе пунийцев в Испании. Сюда же направился римский

флот под командованием Гая Лэлия. Захват Нового Карфагена позволял решить сразу несколько важнейших задач: лишить пунийские войска в Иберии возможности получать подкрепления из Африки, освободить содержавшихся здесь иберийских заложников, позволив им перейти на сторону Рима, овладеть накопленными в городе богатствами, которые стекались сюда со всей подконтрольной пунийцам территории Пиренейского полуострова, и, наконец, создать угрозу вторжения римских войск в Африку. Операция была спланирована так, чтобы сухопутные и морские силы римлян подошли к городу одновременно и неожиданно для карфагенян блокировали подступы к нему. Сципиону блестяще удалось осуществить свой замысел, сохранив его детали в глубочайшей тайне и доверившись лишь самым высокопоставленным командирам. Во все подробности плана захвата города был посвящен только командовавший флотом Гай Лэлий (Polyb. X, 9, 1).

Новый Карфаген был расположен на глубоко вдававшемся в залив высоком полуострове, соединявшемся с материком лишь узким перешейком, шириной не более 400 метров (Полибий определяет его ширину в два стадия). Окруженный со всех сторон морем город казался чрезвычайно удобным для обороны, и именно этой уверенностью защитников в неприступности крепостных стен решил воспользоваться Сципион. Встав лагерем на перешейке и заблокировав город с моря, он приступил к штурму. Оборонявший Новый Карфаген пунийский военачальник Магон попытался было завязать полевое сражение, однако вскоре был отброшен за крепостные стены, к которым со всех сторон подступили римляне с осадными лестницами. Значительная часть стоявших на стенах воинов в панике оставили свои посты, однако и без надежной защиты город оставался неприступным.

Стены были столь высоки, что лишь немногие лестницы могли достать до их верха, а поднимавшиеся по ним римляне не могли удержать равновесие и срывались вниз из-за головокружения. Лестницы не выдерживали тяжести взбиравшихся по ним и обрушивались, а тех воинов, которым все же удавалось вскарабкаться наверх, было несложно столкнуть вниз. Благодаря этому даже малыми силами гарнизон мог успешно отражать штурм. Приободренные этим карфагеняне вернулись на стены, уверенно отбивая все приступы римлян. Стало ясно, что захватить Новый Карфаген ударом в лоб невозможно, однако Сципион, судя по всему, на это и не рассчитывал. Еще до начала сражения, обращаясь к воинам, он заявил, что во сне ему явился сам Нептун, обещая помочь овладеть вражеской твердыней (Polyb. X, 11, 5-8; Liv. XXVI, 43, 2-9). За этими словами скрывалась задуманная военачальником военная хитрость. От местных рыбаков ему было известно, что во время отлива лагуна у западных стен Нового Карфагена мелеет и вода в ней едва достигает до колен. Дождавшись удобного момента, Сципион бросил свежие силы на штурм обращенных к суше участков цитадели, чтобы отвлечь защитников от участков крепостных стен, выходящих к морю. Тем временем отряд из 500 отборных воинов с самыми надежными лестницами скрытно подошел к городу с запада и беспрепятственно поднялся на никем не охранявшиеся здесь укрепления. Дальнейшее было делом нескольких минут - взломав с двух сторон ворота, римляне ворвались в город и в скором времени последние очаги сопротивления были подавлены, а оборонявший город Магон капитулировал (Polyb. X, 13, 11; 14; 15, 1-3 Liv. XXVI, 45, 6-9; 46, 1-7).

Захват Нового Карфагена стал для Испании событием не менее значимым, чем взятие Капуи для Италии. На этом театре военных действий произошел

решительный перелом в пользу Рима, что быстро поняли иберийские племена, поспешившие порвать с пунийцами и переметнуться на сторону победителя. Способствовала этому и взвешенная политика Сципиона, который уделил немалое внимание налаживанию дипломатических контактов с местной племенной верхушкой. На родину было позволено вернуться всем освобожденным заложникам из иберийских племен, что сопровождалось заключением союзных договоров с Римской республикой. По сути, римский военачальник делал в Испании то же самое, что Ганнибал пытался осуществить в Италии – представлял в роли освободителя местного населения от гнета поработителей, причем Сципиону это удавалось гораздо лучше – многие испанцы пополняли ряды его победоносного войска, прельщенные перспективой освобождения от карфагенского господства. Впечатляющей была и захваченная в Новом Карфагене добыча, составившая более 600 талантов золота и серебра, громадное количество военного снаряжения, 23 больших и 52 меньших баллисты, 120 больших катапульт и 281 меньших, 400 тыс. модиев пшеницы и 270 тыс. модиев ячменя, 18 военных и 63 транспортных корабля, причем на части последних был ценный груз. Эти трофеи давали возможность полностью обеспечить римское войско всем необходимым, а новоприобретенные союзники охотно пополняли его ряды. В качестве вспомогательных сил Сципион использовал также военнопленных, захваченных в Новом Карфагене. Даровав свободу 10 тыс. граждан города, остальных – главным образом молодежь и сильных рабов – он сделал гребцами на своем флоте, пообещав освободить их после окончания войны. Две тысячи городских ремесленников из полусвободного населения были объявлены государственными рабами. Им также была обещана свобода, если они проявят

усердие (Polyb. X, 17–19; Liv. XXVI, 47; 49). Пример Нового Карфагена должен был убедить всех жителей Пиренейского полуострова в том, что им гораздо выгоднее принять сторону Рима, чем оставаться верными Карфагену.

Одновременно с этими событиями в Испании ухудшалось положение Ганнибала и в Южной Италии. Пока войска под командованием Марка Клавдия Марцелла и Фульвия Флакка сковывали действия основного войска Ганнибала и освобождали от пунийских гарнизонов второстепенные города Лукании и Гирпинской области, консул Квинт Фабий Максим повел свои легионы на Тарент. Захватить город ему удалось благодаря измене командира отряда бруттиев, принятых на службу командиром пунийского гарнизона города Карталонем. Римский военачальник захватил в городе 83 тыс. фунтов золота, несметное количество серебра и жестоко расправился с местными жителями за предательство Рима, обратив 30 тыс. из них в рабство (Polyb. VIII, 32–36; Liv. XXVII, 15, 16; Plut. Fab. XVIII, 7; App. VII, 34, 2). Развивая успех, римский военачальник вернул под власть Рима множество городов юга Италии. Положение Ганнибала, и без того незавидное после падения Капуи, значительно ухудшилось, поскольку отныне он мог рассчитывать на поддержку всего нескольких небольших греческих городков и не имел надежного выхода к морю. Неудачной оказалась и попытка карфагенского полководца заманить Фабия Максима в ловушку, подослав к нему притворных перебежчиков из Метапонта. Заявив о своей готовности сдать город римлянам при условии, что горожане не будут наказаны за переход на сторону пунийцев, посланцы должны были привести римское войско напрямик в расставленные Ганнибалом засады. Задуманное уже почти удалось, однако в последний момент Фабия

остановили неблагоприятные предзнаменования, после чего вновь прибывших в лагерь представителей Метапонта подвергли пытке и они раскрыли план Ганнибала (Liv. XXVII, 16).

В сложившейся ситуации, когда карфагеняне практически потеряли Сицилию и Пиренейский полуостров, ими было принято решение усилить войско Ганнибала и нанести римлянам сокрушающий удар в самом сердце их державы. По сути, они вернулись к замыслу, с которого началась Вторая Пуническая война, – организовать большой сухопутный поход из Испании через Галлию и Альпы в Италию. Повторить путь блестящей экспедиции Ганнибала предстояло его брату Гасдрубалу. Римлянам, в свою очередь, следовало не допустить нового похода пунийцев на Апеннинский полуостров и разгромить карфагенские армии по отдельности. Понимая это, Публий Сципион устремился весной 208 г. до н. э. из Нового Карфагена на север, где настиг Гасдрубала в окрестностях Кастуллона, у города Бэкулы (современный Байлен). Карфагенский полководец тоже стремился к сражению, рассчитывая разгромить римлян и тем самым обеспечить себе более надежный тыл, а также упрочить положение пунийцев на Иберийском полуострове перед походом в Италию. В случае же поражения Гасдрубал планировал перейти через Пиренеи и, набрав в Галлии подкрепление из местных кельтских племен, идти в Италию, чтобы там объединиться с братом и разбить римлян на их земле (Polyb. X, 37, 3–5). Битва завершилась разгромом пунийского войска, прижатого к реке на небольшой возвышенности, окруженного и атакованного римлянами сразу с трех сторон. Около 8 тыс. воинов были убиты, а еще 10 тыс. пехотинцев и 2 тыс. кавалеристов пленены (Polyb. X, 38, 7–39; Liv. XXVII, 18–19). Радость победы Сципиону омрачал лишь тот факт, что Гасдрубалу еще до начала сражения удалось уйти

из лагеря вместе с казной и боевыми слонами. Устремившись на север, пунийский военачальник принял командование над остальными карфагенскими войсками и, придерживаясь намеченного ранее плана, двинулся в Италию. Таким образом, Публий Корнелий Сципион, при всех его победах на испанской земле, не смог справиться с главной задачей – не допустить выдвижения пунийских войск на помощь Ганнибалу. Карфагенско-римское противостояние вновь вернулось на исходные позиции, и судьба войны зависела от успеха либо неудачи италийского похода Гасдрубала, не менее смелого и рискованного, чем состоявшаяся десятилетие тому назад, в 218 г. до н. э., экспедиция его брата.

Появление еще одной пунийской армии на Апеннинском полуострове было серьезной угрозой Риму, и полученные осенью 208 г. до н. э. известия о переходе пунийцев через Пиренеи вызвали в Вечном городе серьезную тревогу. Она была тем более обоснована, что консулы этого года Тит Квинций Криспин и Марк Клавдий Марцелл потерпели от Ганнибала болезненное поражение. Во время скоротечного и, по сути, случайного боя на лесистой возвышенности между вражескими лагерями Марцелл был убит, а Криспин тяжело ранен и вскоре скончался от ран (Polyb. X, 32, 1-6; Liv. XXVII, 26-28). Это обезглавило римскую армию на юге Италии и позволило пунийцам прочно удерживать занятые здесь позиции, дожидаясь прихода Гасдрубала. Римляне принялись с утроенной энергией готовиться к предстоящей италийской кампании 207 г. до н. э., особенно опасной тем, что сражаться на Апеннинском полуострове предстояло уже с двумя карфагенскими армиями – армией Ганнибала на юге и Гасдрубала на севере. Консулами на этот год были избраны опытные и заслуженные полководцы Гай Клавдий Нерон и Марк

Ливий Салинатор, а общее число легионов в Италии было доведено до пятнадцати, семь из них должны были действовать на юге, а восемь – на севере полуострова. Встретить Гасдрубала на севере, в Цизальпинской Галлии, должен был Марк Ливий, тогда как Клавдию Нерону предстояло воевать с Ганнибалом в Бруттии и Лукании. Главной задачей полководцев было не допустить объединения двух карфагенских армий, удержав их, соответственно, на севере и юге Апеннинского полуострова.

Гасдрубал перешел Альпы весной 207 г. до н. э., воспользовавшись проложенным Ганнибалом путем и не столкнувшись, в отличие от брата, с каким-либо сопротивлением местных племен. Более того, кельты, а вслед за ними лигуры и этруски охотно вливались в ряды пунийского войска, и его численность возросла до более чем 30 тыс. бойцов. Под началом такого опытного и, несомненно, талантливое военачальника, как Гасдрубал, не единожды бившего римлян в Испании, это была грозная сила. В случае же объединения со вторым пунийским войском многочисленная армия в сочетании с полководческим гением Ганнибала превращалась для Рима в смертельную угрозу. В ожидании вестей от брата Ганнибал оставался в центральной Апулии, где карфагенянам противостояла консульская армия во главе с Клавдием Нероном. Правильным решением для братьев было бы выдвинуться друг другу навстречу, однако оба полководца медлили. Гасдрубал начал осаду Плаценции, желая захватить город и тем самым устрашить и склонить на свою сторону все кельтские племена Цизальпинской Галлии, Ганнибал же тянул с выступлением на север в расчете на успешные действия брата. Промедление имело для карфагенян губительные последствия, чему способствовала и переменчивая военная фортуна. Все отправленные на

юг гонцы Гасдрубала с сообщением брату о дальнейших планах были перехвачены римлянами, после чего Нерон решился на рискованный, но блестящий по исполнению и последствиям маневр. Оставив часть консульской армии на юге противостоять Ганнибалу, консул скрытно повел 6 тыс. пехотинцев и тысячу всадников на север (Liv. XXVII, 43-44). Стремительным маршем пройдя через Италию, полководец так же тайно, под покровом ночи, вошел в лагерь противостоявшего Гасдрубалу консула Марка Ливия. Теперь римское войско во главе с обоими консулами насчитывало около 40 тыс. бойцов и готово было сразиться с карфагенянами.

Уже на следующий день римляне вывели воинов из лагеря и выстроили в боевые порядки. Готовился к битве и Гасдрубал, однако, заметив в римских рядах уставших лошадей и старые щиты, заподозрил неладное и уклонился от сражения. Вскоре догадки пунийского полководца подтвердились, поскольку в римском лагере, где до этого сигналы давались один раз, теперь сигналили дважды – для двух консульских армий. Поняв, что теперь ему противостоят оба римских полководца, Гасдрубал попытался покинуть лагерь и оторваться от неприятеля, однако проводники карфагенского войска сбежали, и не знавший местности полководец был настигнут римлянами на берегу реки Метавр, где вынужден был принять бой в крайне неудачных для себя условиях. Пунийскому военачальнику пришлось значительно сузить свой строй, существенно увеличив глубину построения. Вперед он выставил десять боевых слонов, за которыми стояли лигуры. На правом фланге построения Гасдрубал расположил иберов, на левом – галлов. В римском войске центром боевых порядков командовал претор Луций Порций Лицин, левый фланг возглавил консул Марк Ливий, которому согласно очередности

принадлежало в тот день право верховного главнокомандующего, а правый – Клавдий Нерон.

В начале сражения Гасдрубал бросил в атаку слонов и часть сил из центра и с правого фланга на левый фланг римлян. Завязавшаяся здесь битва была упорной и ожесточенной, слоны вначале потеснили римлян, но затем, обезумев под градом камней, дротиков и подожженных стрел, принялись топтать также ряды собственной пехоты, внося хаос и сумятицу. На противоположном крыле построений обеих армий активным боевым действиям препятствовал холм, разделявший порядки кельтов и когорт под командованием Нерона. Оказавшись не у дел, консул во главе нескольких когорт, взятых с правого фланга римского строя, обогнул римское построение с тыла, вышел на левый фланг, обогнул его и ударил по иберам под командованием Гасдрубала с фланга и тыла. Этот смелый маневр решил исход всего боя. Оказавшись в быстро смыкавшемся полукольце, иберы не смогли организовать сопротивление и были чуть ли не поголовно истреблены. Та же участь постигла и многих лигуров. В несколько более выгодном положении оказались галлы, бежавшие с поля боя. В пылу схватки погиб и сам Гасдрубал. Убедившись в невозможности отступить либо организовать действенное сопротивление, он бросился на коне в построение одной из римских когорт, предпочтя славную гибель капитуляции и плену. После этого армия Гасдрубала была полностью уничтожена, 56 тыс. воинов были убиты, 5 400 захвачены в плен. Погибли также шесть боевых слонов из десяти, причем большинство из них были убиты не римлянами, а самими пунийскими погонщиками, которые не могли совладать с взбесившимися животными. Римские потери при этом составили лишь 8 тыс. бойцов (Polyb. XI, 1; Liv. XXVII, 47–49; App. VII, 52; Oros. IV, 18). «Никогда за всю войну не

было в одном сражении убито столько людей: карфагеняне расплатились за победу под Каннами гибелью полководца и войска», – писал о произошедшем Тит Ливий.

Гибель армии Гасдрубала стала событием, переломившим ход боевых действий в Италии. Всего за шесть дней консул Клавдий Нерон проделал обратный путь на юг Италии, к Канузию, где сообщил Ганнибалу о гибели его брата и разгроме пунийской армии. Для этого консул приказал подбросить на передовые посты карфагенян специально привезенную отрубленную голову Гасдрубала, а также выставить перед вражеским лагерем связанных пленных ливийцев. Двоих из них римский полководец отослал во вражеский лагерь, чтобы они рассказали там о поражении своего войска. Потрясенный известием Ганнибал, осознав, что план переломить ход войны на Апеннинском полуострове потерпел крах, приказал отступить из Апулии в Бруттий и переселил туда же жителей Метапонта и часть луканцев. По словам Аппиана, с этого момента пунийский военачальник смирился с уходом в скором времени из Италии и потому стал позволять разного рода бесчинства по отношению к местному населению, в благосклонности которого более не нуждался (Liv. XXVII, 51; App. VII, 54).

Не менее успешно для римлян разворачивались и боевые действия на Иберийском полуострове. Здесь Публию Сципиону противостояли ослабленные уходом Гасдрубала в Италию войска Магона Баркида и Гасдрубала, сына Гисгона. Главной их базой после потери Нового Карфагена стал Гадес. Понимая, что долго сдерживать римлян силами оставшихся войск не удастся, карфагенское правительство направило в Испанию опытного военачальника Ганнона, которому в кратчайшие сроки удалось сформировать новую армию из прибывших африканцев и многочисленных

наемников из кельтиберов (Liv. XXVIII, 1, 1-4). Карфагеняне стремительно восстанавливали военный потенциал на полуострове, и, чтобы не допустить дальнейшего усиления противника за счет вербовки воинов из местных племен, Сципион решил действовать на опережение и неожиданно ударить по пунийцам. Для этого он направил пропретора Марка Юния Силана во главе 10 тыс. пехотинцев и 500 всадников к расположению войска Ганнона. Проводники провели римлян по малоизвестным местным дорогам так успешно, что до карфагенян даже не дошли слухи о приближении неприятеля. На расстоянии десяти миль от передовых отрядов врага разведчики сообщили Силану, что слева от дороги расположен крупный, но плохо охраняемый стан кельтиберов, а справа – хорошо укрепленный лагерь пунийцев. Выбор для нападения был очевиден – пропретор нанес удар по чувствовавшим себя в полной безопасности на родной земле кельтиберам. В завязавшееся сражение были втянуты и карфагеняне, действовавшие столь неудачно для себя, что Ганнон был захвачен в плен, а Магон Баркид с кавалерией и частью пехотинцев бежал к Гадесу (Liv. XXVIII, 1-2).

В следующем, 206 г. до н. э., разгром пунийских войск на Иберийском полуострове был довершен в двух битвах – при Бекуле и Илипе (Liv. XXVIII, 13-15; Polyb. XI, 21-24). Победы римлян имели два важных следствия. Во-первых, на сторону Рима перешел нумидийский царь Массинисса, воевавший до того в войске Магона Баркида. Это имело большое значение для реализации задуманной Сципионом экспедиции в Африку для разгрома карфагенян на их территории. Во-вторых, Магон получил от пунийского правительства приказ покинуть Иберийский полуостров и отплыть в Италию на помощь Ганнибалу. Исход из Испании остатков карфагенских войск был не менее важен, чем разгром

Гасдрубала на Метавре. Отныне на богатейшей иберийской земле устанавливалось господство Рима, Карфаген же лишался важнейшей опорной базы на Европейском континенте, без которой война в Италии окончательно превращалась в бесперспективную авантюру. Видимо, именно осознанием этого и была продиктована последняя отчаянная попытка Карфагена сломить ход войны на Апеннинском полуострове, направив туда Магона. Перезимовав на одном из Балеарских островов, весной 205 г. до н. э. пунийский военачальник высадился в Лигурии, без боя овладел Генуей и заключил союз с племенем ингаутов. Казалось, повторяется ситуация с приходом на италийскую землю Гасдрубала, однако Ганнибал остался к появлению Магона на Апеннинском полуострове равнодушен. Гениальный полководец, похоже, окончательно лишился надежды разгромить римлян и готовился покинуть Италию.

В Рим тем временем вернулся Публий Корнелий Сципион, которого избрали консулом на 205 г. до н. э. Главной его задачей было убедить сенат принять решение перенести военные действия в Африку, и, несмотря на упорное сопротивление в высшей степени авторитетного Фабия Максима, молодому полководцу это удалось. В качестве провинции Сципион получил Сицилию с правом набора там добровольцев в дополнение к двум обычным консульским легионам. Ему было позволено переправиться в Африку, если обстоятельства будут этому благоприятствовать и он сочтет такую экспедицию необходимой. Сразу по прибытии на остров консул приступил к подготовке вторжения, предварительно направив к африканским берегам флот во главе с Гаем Лэлием для грабежа на побережье и разведки боем (Liv. XXIX, 1-3). К весне 204 г. до н. э. подготовка была завершена, и Корнелий Сципион отплыл во главе двадцатипяти тысячного

войска с Сицилии на 40 военных и 400 транспортных кораблях. Не встретив сопротивления, он высадился недалеко от Утики (Liv. XXIX, 27-28). Сложилась парадоксальная ситуация: римское войско грозило карфагенянам в Африке в тот самый момент, когда Ганнибал оставался на юге Италии, а Магон – в Лигурии. При этом римских сил в Африке было столь же недостаточно для захвата Карфагена, как и пунийских на Апеннинском полуострове для овладения Римом. Сципион попытался было организовать осаду Утики, однако подошедшие вскоре крупные пунийские силы под командованием Гасдрубала и нумидийского царя Сифакса, соперника Массиниссы, заставили его отступить на зиму 204–203 гг. до н. э. в укрепленный лагерь, располагавшийся на небольшом полуострове неподалеку от Утики. Между Сципионом и Сифаксом завязались переговоры, который римский военачальник вел исключительно с целью тянуть время и дать возможность своим воинам хорошо изучить местность и расположение лагеря карфагенян (Polyb. XIV, 1, 1–13; Liv. XXX, 3). Собрав к весне 203 г. до н. э. достаточно данных для организации успешного нападения на вражеский лагерь, Сципион неожиданно заявил, что, несмотря на его желание заключить мир, римский военный совет высказался против этого (Polyb. XIV, 2, 5–14; Liv. XXX, 4). Той же ночью римский полководец отправил часть римских и союзных нумидийских войск под командованием Гая Лэлия и Массиниссы для нападения на лагерь Сифакса. Нападавшие поджигали легкие деревянные постройки и тростниковые хижины, в которых жили нумидийские воины, и безжалостно убивали всех выбегавших наружу в поисках спасения. Многие нумидийцы сгорели заживо в охваченных огнем строениях, многие были растоптаны во время возникшей из-за паники давки в узких лагерных воротах. Тем временем Сципион подошел с другой

частью римского войска к лагерю Гасдрубала, сына Гисгона. Когда пунийские воины, решившие, что пожар в стане нумидийцев произошел случайно, открыли ворота и, безоружные, бросились на помощь сотоварищам, римские воины ворвались и в этот лагерь и также его подожгли. Проявленное коварство принесло Сципиону желаемые плоды, позволив в самом начале летней кампании 203 г. до н. э. одним ударом уничтожить сразу два вражеских войска и возобновить осаду Утики (Polyb. XIV, 4-5; Liv. XXX, 5).

Карфагенское правительство было вынуждено срочно собирать новое войско взамен двух погибших. Спешная мобилизация позволила привлечь около 30 тыс. воинов, однако эти новобранцы не шли ни в какое сравнение с хорошо обученной и закаленной в предыдущих сражениях римской армией Сципиона. Единственным исключением был отряд наемников-кельтиберов. В сражении на так называемых Великих равнинах, к юго-западу от Утики, римляне легко обратили в бегство не готовых сражаться пунийцев и нумидийцев, и лишь кельтиберы оказали ожесточенное сопротивление (Polyb. XIV, 6-8; Liv. XXX, 7-8). После этого поражения судьба Карфагена повисла на волоске. Развивая успех, Сципион овладел несколькими африканскими городами, а Гай Лэлий разгромил и пленил Сифакса, после чего Массинисса стал единовластным правителем Нумидии (Liv. XXX, 11-12). Карфагенскому правительству не оставалось ничего иного, кроме как просить римлян начать мирные переговоры либо чтобы действительно положить конец войне, либо чтобы выиграть время до прибытия из Италии Ганнибала и Магона, которым было приказано вернуться в Африку. Возможно, именно этим объясняется согласие пунийцев принять продиктованные Сципионом крайне тяжелые условия предварительного соглашения. Согласно им Карфаген

должен был вывести войска из Италии и Галлии, отказаться от Испании и всех островов между Европой и Африкой, выдать римлянам все военные корабли, кроме 20, а также предоставить 500 тыс. модиев пшеницы и 300 тыс. модиев ячменя и значительную денежную сумму (Liv. XXX, 16). Неудивительно, что сразу после прибытия войск Ганнибала в Ливию карфагенское правительство возобновило военные действия.

Активизировавшиеся после традиционного затишья зимой 203–202 гг. до н. э. боевые действия начались с похода Ганнибала, заручившегося ранее поддержкой многих ливийских городов и части нумидийцев во главе с Месотилой, из Малого Лептиса на Хадрумет. Публий Сципион тем временем занял подступы к Карфагену, заставив пунийского полководца спешно изменить направление и двинуться на перехват римлянам. Вражеские войска встретились около Замы, располагавшейся в пяти дневных переходах от пунийской столицы. Вначале полководцы пытались вести переговоры. Ганнибал говорил о готовности уступить Риму все карфагенские владения за пределами Африки, Сципион же требовал полной и безоговорочной капитуляции, что было для карфагенского военачальника неприемлемым (Polyb. XV, 6–7; Liv. XXX, 29–32). Все должна была решить битва, ставшая завершающим сражением Второй Пунической войны.

Силы сторон были приблизительно равны, и хотя пунийцы имели численное превосходство, конников у них было намного меньше, чем у римлян, и их воины уступали неприятелю в уровне подготовленности. В подчинении Ганнибала находилось около 50 тыс. пехотинцев, 3 тыс. всадников и 80 боевых слонов. Ядром карфагенской пехоты были надежные и опытные ветераны италийского похода, однако их было немного. Наемники из войска Магона были существенно слабее, а

воины гражданского ополчения Карфагена и вовсе составляли наименее надежную часть войска. Под командованием Сципиона было около 30 тыс. пехотинцев, из которых 6 тыс. привел Массинисса, и 8 тыс. конников, более половины которых составляли нумидийцы. Ганнибал поставил впереди своего войска слонов, за которыми расположил первую линию из вспомогательных отрядов наемников – галлов, балеаров, лигуров и мавров. Вторую линию пунийского построения составляли карфагеняне, ливийцы и македоняне, присланные на помощь Карфагену царем Филиппом V. В третьей линии резерва полководец поставил испытанных ветеранов, а фланги прикрывала конница – карфагенская на правом и нумидийская на левом. Сципион применил несколько модифицированное построение гастатов, принципов и триариев, расположив манипулы не в шахматном порядке, а колоннами в затылок друг другу. Это создавало широкие проходы в построении, предназначенные для того, чтобы пропустить в них слонов и забросать их с двух сторон дротиками. В начале сражения эти промежутки должны были заполнить легковооруженные велиты, задачей которых было при появлении слонов отступить в тыл либо примкнуть к манипулам в колоннах и взять на себя борьбу со слонами. Правый фланг построения должна была прикрывать многочисленная нумидийская конница под командованием Массиниссы, а левый – итальянские всадники во главе с Гаем Лэлием (Polyb. XV, 9, 6—10; Liv. XXX, 33, 1-3).

Сражение началось с атаки боевых слонов. Часть из них римляне испугали ревом боевых труб, сигналами рожков и криками, обратили в бегство и направили на пунийскую пехоту. Сильнее всего при этом пострадали занимавшие левый фланг нумидийцы и мавры. Это позволило Массиниссе атаковать в этом месте

пунийскую пехоту и конницу и обратить их в бегство. Остальные слоны вначале пошли на ряды римлян, но под градом дротиков свернули на правый фланг, где Гай Лэлий также воспользовался численным преимуществом в коннице и атаковал кавалерию пунийцев, отбросив ее назад. Таким образом, римская и нумидийская конницы начали обходить построение карфагенян с флангов, тогда как в центре римляне также перешли в наступление, потеснив первые шеренги построения неприятеля. Сражение велось с равным упорством с обеих сторон, ветераны Ганнибала оказывали римлянам ожесточенное сопротивление, однако они не смогли выдержать удара с тыла, когда кавалерия Массиниссы и Гая Лэлия, довершив разгром вражеской конницы, вернулась к месту основного сражения. Карфагенские воины дрогнули, и началось их беспорядочное бегство с поля боя; Ганнибал с небольшим отрядом всадников бежал в Гадрумет (Polyb. XV, 9—14; Liv. XXX, 32).

Битва при Заме стала событием, сломавшим хребет Карфагенской державы. Не имея больше возможности сопротивляться, пунийское правительство согласилось со всеми условиями Рима. Карфаген терял все владения, за исключением ближайшей округи, а также лишался права вести войну за пределами Африки и даже там мог начать боевые действия лишь с разрешения Римской республики. Пунийцам запрещалось иметь боевой флот, за исключением десяти сторожевых трирем. Остальные корабли числом более 500, а также все боевые слоны передавались Риму. В течение 50 лет карфагеняне обязывались выплатить контрибуцию в размере 10 тыс. талантов. Былое могущество Карфагенского колониального государства было сломлено, чтобы никогда не возродиться.

Противоположными были последствия войны для Рима. Войны с Карфагеном, в особенности Вторая Пуническая война, были наиболее тяжелыми и опасными для Римской республики военными конфликтами из всех тех, что римское государство вело в течение всей своей более чем тысячелетней истории. В ходе этих войн Вечному городу грозило не просто тяжелое поражение, но полное уничтожение. С другой стороны, именно победа над Карфагеном сделала возможным постепенное превращение Рима из регионального государства в мировую сверхдержаву, в течение следующих столетий установившую прочное господство в Средиземноморском бассейне, то есть над всей античной Ойкуменой. Из Второй Пунической войны Римское государство вышло первоклассной военной державой, что позволило римлянам вести успешные захватнические войны в течение следующих столетий.

Вместо эпилога

Третья Пуническая война, или Гибель великого Карфагена

Последняя схватка Рима и Карфагена произошла через пятьдесят лет после окончания Второй Пунической войны, и это была уже не борьба двух равных соперников, а полное уничтожение победителем поверженного ранее противника. К середине II в. до н. э. Карфагенское государство не представляло ни малейшей военной угрозы для Римской республики. После понесенного поражения карфагеняне не смели даже помышлять о реванше, более того, они терпели постоянные притеснения со стороны союзного Риму Нумидийского царства, не имея возможности противостоять агрессору без санкции на то римлян. С молчаливого согласия Рима нумидийский царь Массинисса отторгал у пунийцев одну плодородную область за другой, и напрасными оказывались жалобы карфагенского правительства римскому сенату. Идя навстречу союзнику, римляне не только узаконили произведенные нумидийцами захваты, но даже присудили Карфагену штраф за необоснованное получение доходов с этих территорий в предыдущий период.

Одновременно в Риме нарастали антикарфагенские настроения, вызванные усилением экономической мощи африканского государства. Интенсивная внешняя торговля пунийской державы, развитие виноградарства и оливководства в африканских владениях карфагенян составляли опасную конкуренцию римским купцам и землевладельцам, стремившимся уничтожить опасного конкурента. Особенно непримиримую позицию по

отношению к обогащавшемуся Карфагену занял Марк Порций Катон (Старший), выступавший за окончательное решение карфагенского вопроса и неизменно заканчивавший каждое свое выступление в сенате словами «*Ceterum censeo Carthaginem delendam esse*» («Впрочем, я полагаю, Карфаген должен быть разрушен»). Эта позиция приобретала все больше сторонников, и римлянам оставалось лишь дожидаться благовидного предложения для организации военной экспедиции в Африку. Вскоре такая возможность представилась. Не желая более безропотно терпеть выходы Массиниссы, карфагеняне попытались дать отпор нумидийцам. Пунийская армия во главе с Гасдрубалом потерпела в 150 г. до н. э. поражение, вынудившее карфагенское правительство просить мира, согласиться на очередную уступку владений в Африке и заплатить значительную контрибуцию. И хотя конфликт был, таким образом, решен в пользу нумидийцев, римляне поспешили воспользоваться этим событием в качестве повода к войне, обвинив карфагенян в нарушении условий договора 201 г. до н. э.

Все попытки карфагенян умиротворить агрессора оказались тщетны. Не помог ни смертный приговор Гасдрубалу, на которого попытались свалить вину за начало военных действий, ни безоговорочное принятие всех непростых условий римской стороны. Когда в 149 г. до н. э. римское войско высадилось в Утике, карфагеняне поспешили согласиться на все выдвинутые консулами условия - выдачу 300 заложников из числа городской знати, разоружение города, передачу римлянам всего оружия, метательных машин, военных припасов и материалов. Однако когда агрессор потребовал от пунийцев также разрушить город и выбрать новое место для поселения в 80 стадиях (около 15 км) от морского побережья,

правительство и горожане с негодованием единодушно отвергли это условие, приняв мужественное решение защищать родной дом до конца, любой ценой. Чтобы подготовиться к обороне, пунийцы запросили у римлян месячного перемирия якобы для отправки посольства в Рим. И хотя в просьбе им было отказано, римские военачальники не спешили с началом боевых действий, пребывая в уверенности, что безоружный Карфаген падет при первом же натиске. Горожане сполна воспользовались этой передышкой, в считанные недели подготовившись к обороне и длительной осаде – были собраны внушительные запасы продовольствия, восстановлены и укреплены стены и башни, построены новые метательные машины и выковано новое оружие. На защиту города в час смертельной опасности был призван бежавший из-за угрозы смертной казни Гасдрубал, которому удалось собрать в оставшихся подвластными Карфагену областях внушительное войско. Когда римляне подступили наконец к стенам пунийской столицы, их ожидал неприятный сюрприз – город был полностью готов к обороне.

После первых неудачных попыток штурма римлянам пришлось перейти к затяжной осаде, растянувшейся на 149–148 гг. до н. э. Непереносимый африканский зной и заразные болезни косили ряды римских воинов, длительное бездействие отрицательно сказывалось на их дисциплине. Карфагеняне же, напротив, стойко переносили относительно легкую осаду, поскольку римлянам не удалось полностью изолировать город ни с моря, ни с суши. Продолжали успешно действовать пунийский флот и полевая армия, нанося урон врагу и обеспечивая возможность поставки в город необходимого продовольствия и сырья. И без того сложное положение римлян существенно усугубила смерть девятилетнего Массиниссы, чуть было не лишившая их поддержки нумидийцев. Ситуацию спас

пользовавшийся уважением нумидийского царя военный трибун Публий Корнелий Сципион Эмилиан – приемный внук знаменитого победителя Ганнибала Сципиона Африканского. Этот молодой военачальник, успевший не единожды проявить себя во время осады Карфагена, пользовался таким авторитетом, что был призван умиравшим Массиниссой для проведения процедуры раздела власти между тремя его сыновьями. Блестяще справившись с этой нелегкой дипломатической миссией, Сципион Эмилиан смог сохранить поддержку со стороны нумидийских вспомогательных войск.

Заслуги военного трибуна во время осады Карфагена были по достоинству оценены в Риме, где Сципиона Эмилиана избрали консулом на 217 г. до н. э., несмотря на то что по возрасту (ему было около 35 лет) и послужному списку он еще не соответствовал этой должности. На новом витке истории повторялась эпопея победившего Ганнибала Сципиона Африканского. Прибывший в Африку молодой консул смог быстро навести порядок и восстановить строгую дисциплину в войске, изгнав оттуда продажных женщин, торговцев и разного рода сброд. Одновременно ему удалось разгромить полевые отряды пунийцев, действовавшие вне города и грозившие римлянам с тыла. Была возведена система осадных сооружений, что позволило римлянам полностью перерезать пути подвоза к городу продовольствия по суше. Построенная на входе в городскую гавань плотина перекрыла доступ к городу морским путем. Зима 147–146 гг. до н. э. истощила запасы продовольствия в Карфагене, там начался голод, вспыхнули заразные болезни.

Весной 146 г. до н. э. Сципион Эмилиан повел войска на штурм ослабленного осадой города. Вначале римляне, воспользовавшись слабостью карфагенского гарнизона, смогли проникнуть в городскую гавань и

захватить примыкавший к ней прибрежный рынок. Сражение продолжилось на стенах и улицах города, где пунийцы оказывали ожесточенное сопротивление, сражаясь за каждую улицу и каждый превращенный в крепость дом. Римлянам приходилось пробивать стены домов либо двигаться по крышам, перебрасывая балки через улицы. Жестокое сражение, во время которого озверевшие воины не брали пленных и не щадили женщин и детей, длилось шесть дней. На седьмой день римляне подошли к укрепленному акрополю Карфагена – Бирсе, где укрылись около 50 тыс. горожан. Осознавая свою обреченность, они стали молить Сципиона о пощаде. Не пожелали сдаться лишь около 900 человек, большинство из которых были римскими перебежчиками. Укрывшись в храме Эскулапа, в последний момент они подожгли здание и предпочли гибель в огне позорной казни.

Судьбу захваченного города решила специальная сенатская комиссия, присланная из Рима. Сципион Эмилиан высказывался за то, чтобы сохранить Карфаген, однако победила точка зрения уже покойного к тому времени Марка Порция Катона. По решению комиссии уцелевшие горожане были проданы в рабство, город сожжен, все его здания полностью разрушены, а место, на котором он стоял, предано вечному проклятию. По развалинам и пепелищу плугом была проведена борозда, которую «засеяли» солью в знак того, что здесь никогда больше не будет человеческих поселений. Так погиб великий соперник Рима, в борьбе с которым город на берегах Тибра обрел военное могущество, превратившее его в сильнейшую державу всего Средиземноморья. Гибель Карфагена подводила итог великим римским завоеваниям предыдущей эпохи и одновременно знаменовала открытие нового этапа экспансии, в ходе которого

калиги^[13] римских легионеров мерной поступью
прошлись по землям от Испании, Галлии и Британии на
западе до Египта, Малой Азии и Месопотамии на
востоке.

Приложение

Принятые сокращения для античных авторов и их произведений

App. – Appiani (Аппиан) *Historia Romana*. Vol. 1: Prooemium, Iberica, Annibaica, Libyca, Illyrica, Mithridatica, Fragmenta / Ed. P. Viereck, A.G. Roos, E. Gabba. Lipsiae, 1962.

Arist. Pol. – Aristotle (Аристотель). *Politica* / The Works of Aristotle. Vol. 10. *Politica, Oeconomica, Atheniensium Respublica* / Ed. W. D. Ross. Oxford, 1921.

Cic. Brut. – Cicero Marcus Tullius (Марк Туллий Цицерон). *Brutus* // Cicero Marcus Tullius. *Brutus; Orator* / Ed. H. M. Hubbell. Cambridge; London, 1939.

Cic. Divin. – Cicero Marcus Tullius. *De Divinatione* // Cicero Marcus Tullius. *De senectute; De amicitia; De divinatione* / Ed. W. A. Falconer. Cambridge; London, 1923.

Curt. Ruf. – Curtius Rufus (Квинт Курций Руф), Quintus. *Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* / Ed. Edmund Hedicke. Lipsiae, 1908.

Dio. Cass. – Cassius Dio Cocceianus (Кассий Дион Коксеан). *Historia Romana* / Ed. H. B. Foster. London; New York, 1914–1927. Vol. 1–9.

Diod. – Diodori (Диодор Сицилийский). *Bibliotheca historica* / Ed. F. Vogel, C. T. Fischer. Lipsiae, 1888–1906.

Dion. – Dionysius of Halicarnassus (Дионисий Галикарнасский). *The Roman antiquities* / Ed. E. Spelman. London, 1937–1950.

Eutrop. – Eutropii (Евтропий). *Breviarium ab urbe condita* / Ed. C. Santini. Leipzig, 1979.

Flor. – Florus Lucius Annaeus (Луций Анней Флор). *Epitome Rerum Romanorum* / Ed. K. F. von Halm. Lipsiae,

1872.

Front. - Juli Frontini (*Юлий Фронтин*) Strategematon libri quattuor / Ed. Gottholdus Gundermann, Lipsiae, 1888.

Herod. - Herodoti (*Геродот*). Historiae. Recognivit brevique adnotatione critica instrumit C. Hude. Oxonii, 1912.

Ioan. Zon. - Ioannis Zonarae (*Иоанн Зонара*) Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorfi. Vol. 1. Lipsiae, 1868-1875. Vol. 1-6.

Just. - Marcus Junianus Justinus (*Юстин Марк Юниан*). Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Accedunt in Pompeium Trogum / Ed. O. Seel. Stutgardiae, 1972.

Liv. - Titi Livi (*Тит Ливий*). Ab urbe condita libri / Rec. W. Weissenborn. Lipsiae, 1871-1878. Vol. 1-2.

Nep. - Cornelii Nepotis (*Корнелий Непот*). Vitae cum fragmentis / Ed. P. K. Marshall. Leipzig, 1977.

Oros. - Orosius, Paulus (*Павел Орозий*). Historiarum adversum paganos libri VII, Accedit eiusdem Liber apologeticus / Ed. K. F. Zangemeister. Vindobonae, 1882.

Plin. N. H. - Plinius Maior (*Плиний Старший*). Naturalis Historia / Ed. K. F. T. Mayhoff. Lipsiae, 1906.

Plut. Fab. - Plutarch (*Плутарх*). Fabius Maximus // Plutarch Lives / With an english translation by B. Perrin. Cambridge; London, 1916. Vol. 3.

Plut. Moral. - Plutarchi Moralia / Ed. G. N. Bernardakis. Lipsiae, 1888-1895. Vol. 1-6.

Plut. Pyrrh. - Plutarch. Pyrrhus // Plutarch Lives / With an english translation by B. Perrin. Cambridge; London, 1920. Vol. 9.

Plut. Tim. - Plutarch. Timoleon // Plutarch Lives / With an english translation by B. Perrin. Cambridge; London, 1918. Vol. 6.

Polyaen. - Polyaenus (*Полиэн*). Strategematon libri octo / Ed. J. Melber. Lipsiae, 1887.

Polyb. - Polybii (*Полибий*). Historiae / Ed. F. Hultsch. Berolini, 1867-1870. Vol. 1-2.

Sallust. Bell. Iug. - Sallustio (*Саллюстий*). Bellum Iugurthinum / A cura di Enrica Malcovati. Torino, 1971.

Serv. Ad Aen. - Maurus Servius Honoratus (*Мавр Сервий Гонорат*). In Vergilii carmina comentarii. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Rec. G. Thilo et Hermannus Hagen. Leipzig, 1881.

Strab. - Strabonis (*Страбон*). Geographica / Rec. A. Meineke. Lipsiae, 1877-1898. Vol. 1-3.

Suet. Tib. - Suetonius (*Гай Светоний Транквил*). Tiberius // Suetonius. De Vita Caesarum / Ed. M. Ihm. Lipsiae, 1908.

Tert. De pallio - Tertullian (*Тертуллиан*). De Pallio / Ed. F. Oehler. Lipsiae, 1853.

Thuc. - Thucydides (*Фукидид*). Historiae / Ed. H. S. Jones. Oxford, 1908-1912. Vol. 1-2.

Valer. Max. - Valerius Maximus (*Валерий Максим*). Facta et Dicta Memorabilia / Ed. K. F. Kempf. Lipsiae, 1888.

Veget. - Vegetius Renatus Flavius (*Вегетий Ренат Флавий*). Epitoma Rei Militaris / Ed. C. Lang. Lipsiae, 1885.

Vitruv. - Vitruvius Pollio (*Марк Витрувий Поллион*). De architectura libri decem / Ed. F. Krohn. Lipsiae, 1912.

Xen. Hell. - Xenophon (*Ксенофонт*). Hellenica / Ed. K. Hude. Stutgardiae, 1934.

Рекомендованная литература

Источники

Аппиан. Римская история. Первые книги / пер. и коммент. А. И. Немировского. – СПб., 2004.

Аппиан Александрийский. Римская история / отв. ред. Е. С. Голубцова, ст. И. Л. Маяк, коммент. А. С. Балахванцева. – М., 1998.

Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 4. – М., 1983. – С. 375–644.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. – М., 1971.

Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / пер., ст. и коммент. В. О. Горенштейна. – М., 1981.

Геродот. История / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – Л., 1972.

Гомер. Одиссея / пер. П. А. Шуйского. – Свердловск, 1948.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология / пер. О. П. Цыбенко. – М., 2000.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / отв. ред. А. А. Вигасин. – М., 1993.

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. – М., 1992.

Малые римские историки. *Веллей Патеркул*. Римская история. *Анней Флор*. Две книги Римских войн. *Луций Ампелий*. Памятная книжица / изд. подгот. А. Немировский. – М., 1995.

Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре / пер. Ф. А. Петровского. – М., 2003.

Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель В. М. Тюленева. – СПб., 2004.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2-х т. / изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1994.

Полибий. Всеобщая история / пер. Ф. Мищенко. – Т. 1–2. – М., 2004.

Полиэн. Стратегемы / пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефёдкина. – СПб., 2002.

Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; коммент. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; вступ. ст. К. К. Зельина. – СПб., 2005.

Фронтин Секст Юлий. Военные хитрости (Стратегемы). – СПб., 1996.

Фукидид. История / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – Л., 1981.

Исследования

Абакумов А. А. Боевые слоны в истории эллинистического мира (последняя треть IV–II вв. до н. э.). – М., 2012.

Банников А. В. Эпоха боевых слонов (от Александра Великого до падения персидского царства Сасанидов). – СПб., 2012.

Бобровникова Т. А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. – М., 2001.

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. – М., 2009.

Брэдфорд Э. История Средиземноморского побережья. Как боролись за мировое господство Рим и Карфаген, противостояли Византия и Османская империя. – М., 2019.

Вэрри Д. Войны Античности. От Греко-персидских войн до падения Рима. – М., 2009.

Волков А. В. Карфаген. «Белая» империя «черной» Африки. – М., 2004.

Габриэль Р. А. Ганнибал. Военная биография величайшего врага Рима. – М., 2012.

Голицын Н. С. Ганнибал. Величайший полководец древности. – М., 2019.

Горьков С. Рим и Карфаген. Великая морская война. – М., 2003.

Дриди Э. Карфаген и Пунический мир / пер. с фр. – М., 2008.

Елисеев М. Б. Битва за Карфаген. – М., 2019.

Елисеев М. Б. Вторая Пуническая война. – М., 2019.

Елисеев М. Б. Первая Пуническая война. – М., 2019.

Жюльен Ш.-А. История Северной Африки: в 2 т. / пер. с фр. – Т. 1. – М., 1961.

Залесский Н. Н. Этруски и Карфаген // Древний мир. Академику В. В. Струве. – М., 1962. – С. 520–526.

Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. – М., 1993.

Ковалев С. И. История Рима. – Л., 1948.

Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. – Л., 1936.

Кэмпбелл Д. Б. Искусство осады. Знаменитые штурмы и осады античности. – М., 2008.

Лансель С. Ганнибал / пер. с фр. – М., 2002.

Левицкий Г. Рим и Карфаген. Мир тесен для двоих. – М., 2009.

Лидделл Харт Бэзил. Сципион Африканский. Победитель Ганнибала. – М., 2003.

Лэмб Г. Ганнибал. Один против Рима. – М., 2006.

- Мавлютов Р.* Ганнибал. – М., 2014.
- Майлз Р.* Карфаген должен быть разрушен. – М., 2014.
- Махлюк А.* Римские войны. Под знаком Марса. – М., 2010.
- Машкин Н. А.* История Древнего Рима. – М., 1948.
- Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III-II вв. до н. э. – М., 1971.
- Маяк И. Л.* Римляне Ранней республики. – М., 1993.
- Мишулин А. В.* Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. – М., 1952.
- Моммзен Т.* История Рима в 5 т. / пер. с нем. – Т. 1. – М., 1997.
- Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. – Воронеж, 1962.
- Нечай Ф. М.* Рим и италики. – Минск, 1963.
- Пикар Ж. Ш., Пикар К.* Карфаген. Летопись легендарного городагосударства с основания до гибели. – М., 2017.
- Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном / под общ. ред. О. Л. Габелко, А. В. Короленкова. – СПб., 2017.
- Ревяко К. А.* Пунические войны. – Минск, 1988.
- Родионов Е.* Воины Карфагена. Первая полная энциклопедия Пунических войн. – М., 2017.
- Родионов Е.* Пунические войны. – СПб., 2005.
- Симон Г.* Войны Рима в Испании. 154–133 гг. до н. э. / пер. с нем. – М., 2008.
- Тимахович Ю. Н.* Сципионы: знаменитые полководцы Рима. – Минск, 2005.
- Токмаков В. Н.* Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн: Учебное пособие. – М., 2007.

Токмаков В. Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). – М., 1998.

Токмаков В. Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (VI–V вв. до н. э.) // Вестник древней истории. – 1994, № 3, с. 39–49.

Токмаков В. Н. Структура и построение римского войска Ранней республики // Вестник древней истории. – 1995, № 4, с. 138–160.

Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. – М., 1986.

Тубольцев Ю. И. Сципион. – М., 2007.

Ур-Мьедан М. Карфаген. – М., 2003.

Харден Д. Финикийцы. Основатели Карфагена. – М., 2004.

Хлевов А. А. Морские войны Рима. – СПб., 2005.

Хусс В. История карфагенян. – М., 2015.

Циркин Ю. Б. История древней Испании. – СПб., 2011.

Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. – М., 1986.

Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена. – М., 2001.

Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. – М.; Л., 1963.

Шифман И. Ш. Карфаген. – СПб., 2006.

Шифман И. Ш. Финикийские мореходы. – М., 1965.

notes

Примечания

1

В названиях глав использованы строки стихотворения «Улисс» Альфреда Теннисона в переводе Ильи Манделя.

2

Здесь и далее ссылки на источники даны в сокращенной форме. Полное название см. в разделе «Принятые сокращения для античных авторов и их произведений»

3

Клиент (лат. *cliens*) - в Древнем Риме свободный гражданин, находящийся под покровительством патрона (знатного гражданина) и зависимый от него.

4

Консулярный трибун, или военный трибун с консульской властью – одна из высших должностей в Древнем Риме.

5

Должностное лицо, контролировавшее казну.

6

Серебряный талант имел вес 26,196 г.

7

Стадий – единица измерения расстояния в древних системах мер разных народов. Римский стадий составлял 185 м, соответственно, 18 стадиев – это 3 км 330 м.

8

Дуумвир - в Древнем Риме одно из двух лиц, совместно исполняющих какую-либо должность.

9

Келевст - начальник гребцов, задававший ритм гребли ударами деревянного молотка.

10

Пропретор – наместник преторской провинции, избирающийся из окончивших годичный срок службы преторов.

11

Один из видов народного собрания в Древнем Риме, состоявшее из патрициев и плебеев, способных носить оружие.

12

Ликтор – в Древнем Риме почетный страж высших должностных лиц.

Калиги – обувь воинов Древнего Рима, представляли собой высокие кожаные сандалии с толстой, подбитой специальными гвоздями подошвой и ремнями, оплетающими ногу выше щиколотки.